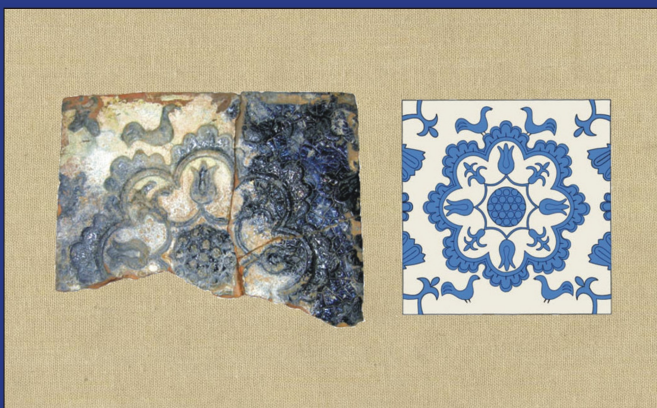
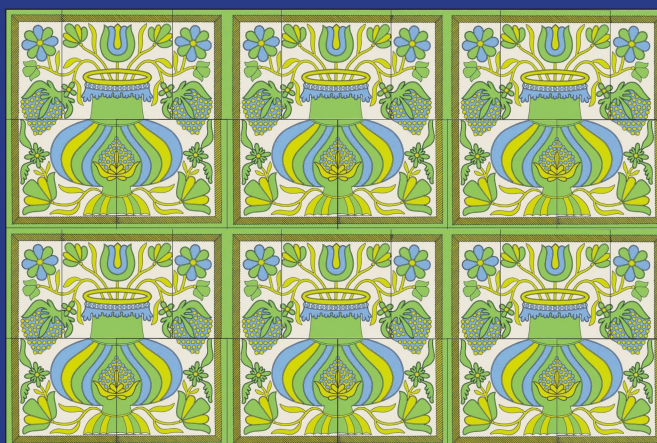

3 (50)
2020

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (50)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2020

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (50)
2020**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Дублянский Ю.В., Широков В.Н. Возраст верхнепалеолитических памятников в пещерах Каповой и Игнatieвской (Южный Урал): ревизия радиоуглеродных дат и их интерпретации	5
Дегтярева А.Д., Рындина Н.В. Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика	17
Илюшина В.В., Алаева И.П., Виноградов Н.Б. Керамический комплекс могильника бронзового века Кулевчи VI: типология и технико-технологический анализ	35
Костомарова Ю.В. Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века лесостепного Приоболья (опыт экспериментально-трассологического анализа)	48
Берлина С.В., Зимина О.Ю. Домостроительство населения иткульской культуры в подтаежном — лесостепном Зауралье	61
Зыков А.П., Кошаров С.Ф., Масленников Е.Р. Типология средневековых топоров с севера Западной Сибири	74
Зиняков Н.М., Пошехонова О.Е. Технологическое исследование металлической атрибутики шаманского костюма северных селькупов XVII–XVIII вв.	85
Данилов П.Г. Тобольские изразцы XVIII века из Дворца Наместника	101

Антропология

Медникова М.Б. Редкая врожденная аномалия у населения эпохи Великого переселения народов (по материалам раскопок в Восточном Приаралье)	110
Куфтерин В.В., Карапетян М.К. К дифференциальной диагностике анкилозов позвонков на палеоантропологическом материале: на примере случая эпохи раннего железа Прикамья	120
Карапетян М.К., Лейбова Н.А., Шарапова С.В. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский	133

Этнология

Корусенко С.Н. Сибирские татары Князевы: историко-генеалогический очерк	149
Фурсова Е.Ф. «Чай пили, в ложки били...»: этнокультурная идентичность в практиках чаепития русских сибиряков XIX — начала XX в.	159
Батьянова Е.П. Телеуты: путь от инородцев до коренных малочисленных народов Севера	170
Мартынова Е.П. Метаморфозы этничности обских угров	176
Пивнева Е.А. «Путь к себе»: этнонаука как новая стратегия идентичности обских угров	184
Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С. Жизнестойкость городов Кольского Севера в пространственном, временном и антропологическом измерениях	191
Информация для авторов	201
Список сокращений	204

На передней стороне обложки: ножи с рукоятью петровской культуры Южного Зауралья (Курганская обл., случайная находка; поселение Убаган 2); изразцы из Дворца Наместника в г. Тобольске, XVIII в. (панно, графическая реконструкция; фото и графическая реконструкция стенного изразца).

Contents

Archaeology

Dublyansky Y.V., Shirokov V.N. Age of the Upper Paleolithic sites in Kapova and Ignatievskaya caves (Southern Ural): revision and interpretations of the radiocarbon dates	5
Degtyareva A.D., Ryndina N.V. Knives of the Petrovka Culture in the Southern Trans-Urals: morphological and typological characteristics	17
Ilyushina V.V., Alaeva I.P., Vinogradov N.B. Pottery complex of the Bronze Age burial ground of Kulevchi VI: typology and technical-technological analysis	35
Kostomarova Yu.V. The metal forging tools of the Late Bronze Age population of the forest-steppe Tobol River region (experimental-traceological analysis)	48
Berlina S.V., Zimina O.Yu. Housebuilding of the Itkul Culture population in the subtaiga — forest-steppe Trans-Urals	61
Zykov A.P., Koksharov S.F., Maslennikov E.R. Typology of the medieval axes from the north of Western Siberia	74
Zinyakov N.M., Poshekhonova O.E. Technological research into the metal attributes of the Northern Selkup shaman costume of the XVII–XVIII centuries	85
Danilov P.G. The 18 th century Tobolsk tiles from the Governor's Palace	101

Anthropology

Mednikova M.B. Rare congenital anomaly among population of the Migration Period (based on excavations in the Eastern Aral region)	110
Kufterin V.V., Karapetian M.K. On the differential diagnosis of vertebral ankyloses in paleoanthropological material: an example of the Early Iron Age case from the Lower Kama region	120
Karapetian M.K., Leybova N.A., Sharapova S.V. Late Bronze Age anthropological materials from the Nepljuevski kurgan cemetery	133

Ethnology

Korusenko S.N. Siberian Tatars of Knyazevs: historical and genealogical essay	149
Fursova E.F. «They drank tea, they struck spoons...»: ethnocultural identity in the tea drinking practices of Russian Siberians in the 19 th — early 20 th century	159
Batyanova E.P. The Teleuts: from non-Russians to Indigenous Minority of the North'	170
Martynova E.P. Metamorphoses of the Ob-Ugric ethnicity	176
Pivneva E.A. «The way toward oneself»: ethnosciences as a new identity strategy for the Ob Ugrians	184
Burtseva A.V., Sharova E.N., Hohmann S. Resilience of the Kola North cities in spatial, temporal and anthropological dimensions	191
Memo to the authors	201
Abbreviations	204

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-1>

Ю.В. Дублянский ^a, В.Н. Широков ^b

^a Innsbruck University

Innrain, 52, Innsbruck, 6020, Austria

^b Институт истории и археологии УрО РАН

ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990

E-mail: yuri.dublyansky@uibk.ac.at;

hvn-58@yandex.ru

ВОЗРАСТ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПЕЩЕРАХ КАПОВОЙ И ИГНАТИЕВСКОЙ (ЮЖНЫЙ УРАЛ): РЕВИЗИЯ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Пещеры Капова (Шульган-Таш) и Игнatieвская (Ямазы-Таш) на Южном Урале содержат настенные рисунки и горизонты посещения верхнепалеолитического возраста. За последние 20 лет опубликованы 23 радиоуглеродные даты, полученные по древесному углю и костям из слоев посещения этих пещер. Еще 4 даты были получены по черным изображениям на стенках пещер. Анализ публикаций, использующих радиоуглеродные даты по культурным слоям пещер, показал, что результаты датирования часто представляются некорректно или неполно, что приводит к серьезным ошибкам в интерпретациях.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, верхний палеолит, Капова пещера, Игнatieвская пещера, Южный Урал.

Введение

Возможность датирования материалов, содержащих углерод органического происхождения, путем измерения содержаний в них изотопа ^{14}C была обоснована Уиллардом Либби в середине прошлого века [Libby, 1946]. Последующая демонстрация «работоспособности» радиоуглеродного метода путем датирования артефактов, возраст которых был известен независимо [Arnold, Libby, 1949], положила начало «радиоуглеродной революции». Археологическое сообщество, осознав, что в его распоряжении появился важнейший инструмент для объективного определения «абсолютного» возраста образцов, стало активно его использовать. Со временем существенно прогрессировали как методы измерения ^{14}C (переход с 1970-х гг. от счетчиков бета-частиц к масс-спектрометрам, использующим тандемные ускорители), так и методы постаналитических расчетов (создание и совершенствование калибровочной шкалы; работа продолжается и поныне).

В разное время различными лабораториями были получены радиоуглеродные даты для образцов из двух памятников с верхнепалеолитическими изображениями на Южном Урале — пещер Каповой (Шульган-Таш) и Игнatieвской (Ямазы-Таш). Основная цель настоящей работы — произвести критическую ревизию радиоуглеродных датировок, имеющихся для этих памятников, и представить их в корректной форме, удобной для использования другими исследователями. Попытка свести в одной публикации радиоуглеродные даты для Каповой пещеры ранее была сделана в статье В.С. Житенева с соавт. [2015]. Эта попытка, на наш взгляд, не оказалась удачной из-за проблем с представлением ^{14}C -возрастов. В связи с этим мы не только приводим собственнo данные, но и хотели бы привлечь внимание авторов и редакторов научных журналов к необходимости корректного представления результатов радиоуглеродного анализа.

Представление результатов радиоуглеродного датирования

В настоящее время не существует стандарта, но существует более или менее общепринятый в научных изданиях формат представления результатов радиоуглеродного анализа. Прежде всего, следует четко различать понятия «радиоуглеродный возраст» и «калиброванный возраст». Для расчета радиоуглеродного возраста используется измеренная на приборе концентрация изотопа ^{14}C в пробе. Возраст рассчитывают, принимая период полураспада 5730 лет, в предположении, что концентрация ^{14}C в атмосфере постоянна и соответствует концентрации в

1950 г. [Godwin, 1962; Stuiver, Polach, 1977]. В большинстве случаев ^{14}C -возраст, рассчитанный таким образом, не отвечает календарному. При расчете последнего необходимо учесть колебания содержания ^{14}C в атмосфере в прошлом, для чего используется процедура калибровки. Калибровка проводится с помощью базы данных, основу которой составляют дендрохронологические данные (измерения концентраций ^{14}C в ростовых кольцах деревьев [Klein et al., 1980]), а также данные других природных архивов, для которых имеются независимые датировки (натеки пещер, донные отложения водоемов и др.).

Актуальной версией калибровочной функции является IntCal13 [Reimer et al., 2013]. Датирование «современных» образцов (образовавшихся в последние 100–200 лет) проблематично из-за антропогенных изменений содержания ^{14}C в атмосфере (сжигание ископаемого топлива, атмосферные ядерные испытания). Для таких образцов приходится использовать дополнительные специальные наборы калибровочных данных. Провести процедуру калибровки можно при помощи различных программ (к примеру, OxCal, CALIB, CalPal), находящихся в свободном доступе (включая онлайн-ресурсы). К настоящему времени сложились некоторые конвенции представления данных. Так, некалиброванные радиоуглеродные возрасты обычно публикуются в формате $x \pm n$ лет, где x — измеренная радиоуглеродная дата, а n — ошибка измерения на уровне 1σ (68 % доверительный интервал). Калиброванные возрасты, как правило, приводятся в виде интервала времени (с — по), соответствующего 2σ (95 % доверительный интервал). Повсеместно используемая в практике радиоуглеродного датирования нотация BP (лет назад; л.н.), вне зависимости от того, идет ли речь о калиброванных или некалиброванных датах, относится к 1950 г. Калибровочные программы, по выбору пользователя, выдают калиброванные возрасты либо в формате BP (лет назад; л.н.), либо в формате BC/AD (до новой эры/новой эры). На это следует обращать внимание (разница между форматами составляет 1950 лет).

Резюмируя, для того чтобы сделать возможным корректное использование ^{14}C -дат при обсуждении реальных возрастов археологических объектов, в публикациях следует приводить следующий набор данных: 1) измеренный ^{14}C -возраст; 2) калиброванный возраст (с указанием версии калибровочной кривой); 3) при обсуждении возраста датируемого объекта следует всегда эксплицитно указывать, что речь идет о калиброванных датах. Несоблюдение этих простых правил может привести к серьезным ошибкам в интерпретациях (см. ниже).

Пещера Капова (Шульган-Таш)

Пещера находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан. Вход в пещеру в виде внушительного портала 40×20 м расположен в 150 м от излучины р. Белой. Пещера имеет два уровня, связанных между собой крутой Каскадной галереей. Древние рисунки находятся на нижнем (залы Купольный, Знаков, Хаоса) и верхнем (зал Рисунков) уровнях. Изображения на стенах пещеры обнаружил в 1959 г. зоолог А.В. Рюмин. Начавшиеся вскоре после этого научные исследования памятника [Бадер, 1965] продолжаются и сегодня [Житенев, 2018; Котов (ред.), 2019]. Всего в пещере задокументировано около 200 изобразительных мотивов [Ляхницкий и др., 2013]. Большинство из них выполнено красной охрой различных оттенков, однако есть и несколько черных фигур. Репертуар включает плейстоценовых животных (мамонт, носорог), антропоморфных существ, знаки различной геометрической формы и неопределенные изобразительные мотивы. Имеется значительное количество пятен, морфологию которых определить невозможно в связи с деградацией красочного слоя. Значительная по площади часть стен нижнего этажа пещеры покрыта голоценовым вторичным кальцитом (возраст 8–10 тыс. лет; определен U-Th-методом; неопубл. данные Ю.В. Дублянского), который может скрывать неизвестные изображения.

В начале 1980-х гг. В.Е. Щелинским в зале Рисунков был вскрыт культурный слой с остатками кострищ, каменными орудиями, единичными костяными орудиями, глиняной жировой лампой, украшениями из бивня, раковин моллюсков и камня, кусками охры, древесным углем, а также с костными остатками плейстоценовой фауны. В этом же слое найден небольшой обломок известняка с фрагментом рисунка мамонта. Последняя находка чрезвычайно важна, поскольку свидетельствует о синхронности культурного слоя и рисунков на стенах [Щелинский, 2016]. Коллекция артефактов была умножена усилиями последующих экспедиций [Котов, 2016; Житенев, 2018]. В частности, были обнаружены «палитры» — плоские обломки известняка со следами охры, а также скопления красочного пигмента, оставленные древними художниками в нишах между крупными глыбами. С 1999 по 2019 г. по образцам древесного угля и костей из пещеры было получено 17 радиоуглеродных дат. Из этого числа 14 дат относятся к позднему палеолиту, 2 — к бронзовому веку и 1 — к современности (табл. 1).

Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из пещеры Каповой (Шульган-Таш)

Table 1

Radiocarbon ages obtained on samples from Kapova (Shulgan-Tash) cave

Образец	Материал	¹⁴ C-дата, (л.н.)	Ошибка 1σ (л.)	Калиброванный возраст (кал. л.н.)						Место отбора, источник, примечания
				Доверительный интервал 1σ		Вероятность	Доверительный интервал 2σ		Вероятность	
				от	до		от	до		
Палеолит										
Зал Знаков										
Ле-3443	ДУ	14 680	±150	17 668	18 044	0,682	17 507	18 256	0,954	Раскоп 1 В.Е. Щелинского, культурный слой. Образцы древесного угля из культурного слоя в сев. части зала Знаков. В этом же слое найден фрагмент известняка с рисунком мамонта и кусочки охры размером до 3 см, некоторые из которых использовались для рисования (имели стертые края). Эти находки подтверждают одновременность культурного слоя и рисунков на стенах пещеры. Ле-3443 и ГИН-4853 [Щелинский, 1996]. KN-5022 и KN-5023 [Šcelinskij, Širokov, 1999]
ГИН-4853	ДУ	13 930	±300	16 459	17 327	0,682	16 068	17 714	0,954	
KN-5022	ДУ	15 050	±100	18 145	18 430	0,682	18 006	18 555	0,954	
KN-5023	ДУ	16 010	±100	19 185	19 476	0,682	19 027	19 581	0,954	
Poz-108010	ДУ	14 650	±80	17 715	17 945	0,682	17 605	18 040	0,954	Раскоп 1 В.Е. Щелинского, культурный слой [Котов (ред.), 2019]
Зал Купольный										
AAR-20982	К	15 235	±70	18 413	18 598	0,682	18 325	18 684	0,954	Шурф 1 В.С. Житенева в З. Нише зала, 6-й культурный горизонт, гл. 82...87 см. Присутствуют окрашенные охрой обломки породы [Житенев и др., 2015] (**)
AAR-20983 (*)	К	28 050	±250	31 463	32 207	0,682	31 316	32 681	0,954	Шурф 1 В.С. Житенева в Западной Нише зала, 4-й культурный горизонт, гл. 64/65...68/69 см. Присутствуют окрашенные охрой обломки породы [Житенев и др., 2015] (**)
NSKA-01920	ДУ	16 690	±176	19 930	20 384	0,682	19 677	20 573	0,954	Раскоп 1 В.Г. Котова в З. нише зала, 9-й горизонт, 6-й культурный слой, гл. 40-45 см. Следы охры на челюсти бизона [Котов (ред.), 2019]
NSKA-01921	ДУ	16 518	±151	19 715	20 112	0,682	19 553	20 321	0,954	Раскоп 1 В.Г. Котова в З. нише зала, 10-й горизонт, 6-й культурный слой, гл. 40-45 см. Следы охры на обломках известняка [Котов (ред.), 2019]
Зал Рисунков										
РГИ-505 (*)	ДУ	15 100	±1300	16 685	20 070	0,682	15 229	22 292	0,954	Шурф 2 О.Н. Бадера — Т.И. Щербаковой, культурный слой. Образец отобран при рекультивации раскопа О.Н. Бадера под В. панно в Зале Рисунков. Культурный слой содержал фрагменты углей и охры [Щербакова, 2006]
Зал Сталагмитовый										
NSKA-01922	ДУ	14 400	±134	17 364	17 744	0,682	17 170	17 905	0,954	Зал Сталагмитовый, шурф 1 В.Г. Котова, 11-й горизонт [Котов (ред.), 2019]
Poz-108009	ДУ	15 420	±80	18 606	18 775	0,682	18 514	18 855	0,954	
Каскадная галерея										
Ki-15967 (*)	ДУ	16 710	±800	19 228	21 200	0,682	18 569	22 361	0,954	Каскадная галерея, Балкон, шурф 1 В.Г. Котова, 3-й горизонт [Котов, 2014]. Количество угля в образце оказалось недостаточным для надежной датировки [Котов, уст. сообщ., 2016]
Ki-15568	ДУ	13 900	±190	16 537	17 132	0,682	16 288	17 419	0,954	Каскадная галерея, Балкон, шурф 1 В.Г. Котова, 5-й горизонт [Котов, 2014].
Бронзовый век										
NSKA-01923	ДУ	3140	±59	3423	3445	0,092	3 208	3 479	0,948	Зал Купольный, раскоп 1, 3-й горизонт, 1-й культурный слой, гл. 10–15 см [Котов (ред.), 2019]
				3330	3410	0,431				
				3256	3292	0,159				
Poz-107851	ДУ	3020	±30	3308	3321	0,070	3 286	3 340	0,189	Зал Купольный, раскоп 1, 3-й горизонт, 1-й культурный слой, гл. 10–15 см [Котов (ред.), 2019]
				3166	3248	0,612	3 140	3 271	0,731	
							3 113	3 126	0,014	
Современность										
OxA-33323	ДУ	35	±26	-5 (***)	-5	0,035	-5	-5	0,026	Зал Рисунков, рисунок «Черная лиса» (№ 2а-5 в каталоге [Ляхницкий и др., 2013]). Рисунок расположен на потолке ниши в юго-западном углу зала [Дублянский и др., 2016; Dublyansky et al., 2018]. Идентификация этого объекта как «рисунка» остается спорной; некоторые исследователи считают, что эти черные линии могут быть следами обновления факела [Житенев, уст. сообщ., 2017]
				40	61	0,809	33	74	0,679	
				119	122	0,043	99	106	0,013	
				233	241	0,113	114	136	0,114	
							225	254	0,167	

Примечания. Материал: ДУ — древесный уголь, К — кость. Образцы, показанные простым шрифтом проанализированы методом счета бета-частиц; показанные жирным шрифтом — методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Радиоуглеродные даты откалиброваны при помощи программы OxCal [Bronk Ramsey, 2009] с использованием базы данных Intcal13.f14c [Reimer et al., 2013]. Для калибровки образца OxA-3323 дополнительно были использованы данные по постбронзовым содержаниям радиоуглерода в атмосфере [Levin, Kromer, 2004]. Все возрасты приведены в формате BP (лет назад), относительно 1950 г.

(*) Использование этих дат не рекомендуется. (**) В исходной публикации ошибочно указано, что калиброванные возрасты образцов AAR-20982 и AAR-20983 даны в формате BP (лет назад), тогда как калибровка была сделана в формате BC/AD (до н.э.). В настоящей таблице ошибка, составлявшая 1950 лет, исправлена. (***) Возраст -5 лет соответствует 1955 г.

Индексы лабораторий: ЛЕ — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Ленинград; Институт истории материальной культуры, РАН (АН СССР); ГИН — Геологический институт РАН (АН СССР), Москва, Россия; KN — Университет Кельна, Германия; РГИ — Геологический Институт, СПб., Россия; Ki — Лаборатория радиоуглеродного датирования, Киев, Украина; AAR — Орхусский университет, Дания; OxA — Оксфордский университет, Великобритания; Poz — Познаньская радиоуглеродная лаборатория, Университет Адама Мицкевича, Познань, Польша; NSKA — ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Пещера Игнatieвская (Ямазы-Таш)

Пещера расположена на правом берегу р. Сима — притока р. Белой, в 200 км севернее Каповой пещеры. Общая длина ходов полости около 800 м; ее входной портал достигает 12 м в поперечнике. Свое русское название пещера получила по имени отшельника Игнатия, жившего в ней в первой половине XIX в. В 1980 г. археологи В.Т. Петрин, С.Е. Чаиркин и В.Н. Широков обнаружили в пещере древние изображения [Петрин, 1992; Широков, Петрин, 2013; Šcelinskij, Širokov, 1999]. На сегодняшний день в Большом и Дальнем залах пещеры открыто около 180 изобразительных мотивов. В Большом зале преобладают красные рисунки, тогда как на потолке и стенах Дальнего зала значительно количество черных фигур. В репертуаре ансамбля знаки, животные, антропоморфные существа и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных, как и в Каповой, преобладают мамонты и лошади. Есть фантастические фигуры носорогообразного существа и мамонтообразного создания, композитные рисунки — животного с туловищем верблюда и лошади с рогом полорогого, мужская фигура черного цвета и женская — красного, авиформа. При раскопках в пещере обнаружен культурный слой, соответствующий времени посещения ее древними людьми. В слое найдено множество мелких частиц древесного угля, более 1300 каменных изделий (из раскопов и собранных с поверхности), кусочки охры, украшения из зубов песца, бизона/зубра и бивня мамонта, а также кости плейстоценовых животных [Широков, Петрин, 2013]. По костным остаткам и древесному углю, извлеченным из культурного слоя, были получены 6 радиоуглеродных дат (табл. 2).

Таблица 2

Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из пещеры Игнatieвской (Ямазы-Таш)

Table 2

Radiocarbon ages obtained on samples from Ignatievskaya (Yamazy-Tash) cave

Образец	Материал	¹⁴ С-дата, (л.н.)	Ошибка 1σ (л.)	Калиброванный возраст (кал. л.н.)						Источник, примечания
				Доверительный интервал 1σ		Вероятность	Доверительный интервал 2σ		Вероятность	
				от	до		от	до		
ИЭМЭЖ-366	К	14 038	±490	16 352	17 662	0,682	15 752	18 329	0,954	[Смирнов и др., 1990, с. 78]. Раскоп II, слой 2а, верхняя часть (0,05–0,25 м). Внутри слоя выделяется «горизонт посещения», обогащенный углистыми частицами и культурными остатками. Датировались костные остатки верхнепалеолитического комплекса
ИЭРЖ-41 (*)	К	13 500	±1 660	13 984	18 484	0,682	12 640	21 810	0,954	[Смирнов и др., 1990, с. 79]. Раскоп II, слой 2а, нижняя часть (0,45–0,55 м). Датировались костные остатки верхнепалеолитического комплекса, фаунистически неотличимые от вышележащего горизонта (образец ИЭМЭЖ-366)
ИЭРЖ-54 (*)	К	14 204	±1663	14 995	19 585	0,682	13 255	22 435	0,954	[Петрин, 1992, с. 163]. Раскоп IV, культурный слой. Датировалась кость млекопитающего
СОАН-2468	ДУ	10 400	±465	11 599	12 710	0,634	11 060	13 189	0,926	[Петрин, 1992, с. 163]. Образец древесного угля из культурного слоя
ИЭМЭЖ-365	ДУ	13 335	±192	15 755	16 302	0,682	15 416	16 616	0,954	[Петрин, 1992, с. 163]. Образец древесного угля из культурного слоя
СОАН-2209	ДУ	14 240	±150	17 121	17 542	0,682	16 888	17 774	0,954	[Петрин, 1992, с. 163]. Образец древесного угля из культурного слоя

Примечания. Материал: ДУ — древесный уголь, К — кость. Все анализы сделаны методом счета бета-частиц. Радиоуглеродные даты откалиброваны при помощи программы OxCal [Bronk Ramsey, 2009] с использованием базы данных Intcal13.f14c [Reimer et al., 2013]. Все возрасты приведены в формате BP (лет назад), относительно 1950 г.

(*) Использование этих дат не рекомендуется.

Индексы лабораторий: ИЭРЖ — Институт экологии растений и животных УрО РАН (АН СССР), Свердловск/Екатеринбург, Россия; ИЭМЭЖ — Институт эволюции, морфологии и экологии животных РАН (АН СССР), Москва, Россия; СОАН — Лаборатория четвертичной геологии Института геологии и геофизики СО АН СССР; лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Кроме того, опубликованы три ¹⁴С-даты, полученные непосредственно по древесному углю, которым были выполнены три черных рисунка («Мамонт», «Радиальная линия» и «Линия») в Дальнем зале пещеры [Steelman et al., 2002, Широков и др., 2003] (табл. 3).

Радиоуглеродные даты, полученные по черным рисункам пещеры Игнatieвская (Ямазы-Таш)

Table 3

Radiocarbon ages obtained on black painting from Ignatievskaya (Yamazy-Tash) cave

Образец	Материал	¹⁴ С-дата, (л.н.)	Ошибка 1σ (л.)	Калиброванный возраст (кал. л.н.)						Примечания
				Доверительный интервал 1σ		Вероятность	Доверительный интервал 2σ		Вероятность	
							от	до		
CAMS-56586	ДУ	7370	±50	8237	8309	0,275	8044	8325	0,954	Мамонт
				8158	8221	0,324				
				8061	8088	0,083				
CAMS-56271	ДУ	7920	±60	8918	8970	0,120	8602	8982	0,954	Радиальная линия
				8831	8863	0,084				
				8633	8785	0,464				
CAMS-67688	ДУ	6030	±110	6736	7011	0,658	6637	7175	0,954	Линия

Примечания. Материал: ДУ — древесный уголь. Химическая подготовка проб к анализу проводилась в Техасском А&М Университете, Колледж Стейшн, США. Радиоуглеродные анализы были сделаны в Центре ускорительной масс-спектрометрии Ливерморской национальной лаборатории, США [Steelman et al., 2002]. Радиоуглеродные даты откалиброваны при помощи программы OxCal [Bronk Ramsey, 2009] с использованием базы данных Intcal13.f14c [Reimer et al., 2013]. Все возрасты приведены в формате BP (лет назад), относительно 1950 г.

Обсуждение радиоуглеродных дат

Капова пещера

Не все опубликованные для пещеры Шульган-Таш ¹⁴C-даты имеют приемлемое качество. В частности, даты РГИ-505 и Ki-15967 имеют большую ошибку (±1300 и ±800 лет), а дата Ki-15967 нарушает стратиграфическую последовательность (по личному сообщению В.Г. Котова (2016), количество материала, предоставленного на датирование, оказалось недостаточным для качественного анализа). Образец AAR-20983 дал аномально древний возраст, нарушающий стратиграфическую последовательность (что отметили и авторы оригинальной публикации [Житенев и др., 2015, с. 7]). Четыре вышеуказанные даты использовать не рекомендуется.

Датировки палеолитических образцов из пещеры Шульган-Таш дают значительный разброс, даже для образцов, отобранных из одного и того же культурного слоя. Так, даты KN-5022 и KN-5023 (культурный слой в зале Знаков) дали возрасты, различающиеся на 1 тыс. лет [Šcelinskij, Širokov, 1999, с. 74]. Если включить в рассмотрение дату LE-3443, полученную из того же культурного слоя [Щелинский, 1996], временной диапазон становится еще большим (около 2 тыс. лет). На первый взгляд такой диапазон не является экстраординарным для палеолитических объектов. Радиоуглеродные даты, полученные по стоянкам Русской равнины и Сибири, показывают, что периоды посещения и использования этих стоянок древним человеком в палеолите могли достигать 1–3 тыс. лет [Соколов и др., 2004]. Однако для радиоуглеродных дат Шульган-Таша имеютсястораживающие признаки. В частности, три даты были получены по образцам, отобранным в Западной нише зала Купольного, в примыкающих друг к другу шурфах. Один образец был отобран из 6-го культурного горизонта [Житенев и др., 2015] и еще два — из 6-го культурного слоя [Котов (ред.), 2019]. Эквивалентность этих горизонтов не очевидна (6-й горизонт В.С. Житенева находится на глубине вдвое большей, чем 6-й слой, описанный В.Г. Котовым в [Котов (ред.), 2019]). При этом ¹⁴C-даты, полученные по этим образцам, демонстрируют инверсию: более глубоко залегающий образец В.С. Житенева и др. (AAR-20982; 82–87 см) оказался почти на 2 тыс. лет моложе, чем залегавшие вдвое ближе к поверхности образцы В.Г. Котова (NSKA-01920 и NSKA-01921; 40–45 см).

Имеющиеся на настоящий день результаты радиоуглеродного датирования из пещеры Шульган-Таш свидетельствуют о посещении/использовании пещеры верхнепалеолитическими людьми в конце последнего ледникового максимума и последовавшей за ним дегляциации (рис., а). Результаты проведенного недавно палеоклиматического исследования карбонатных отложений Каповой пещеры [Dublyansky et al., 2018a, b] указывают на то, что рисунки в пещере были сделаны в то время, когда на Южном Урале сохранялись условия многолетней мерзлоты. Температура в пещере во время посещения ее палеолитическими людьми была ниже 0 °C.

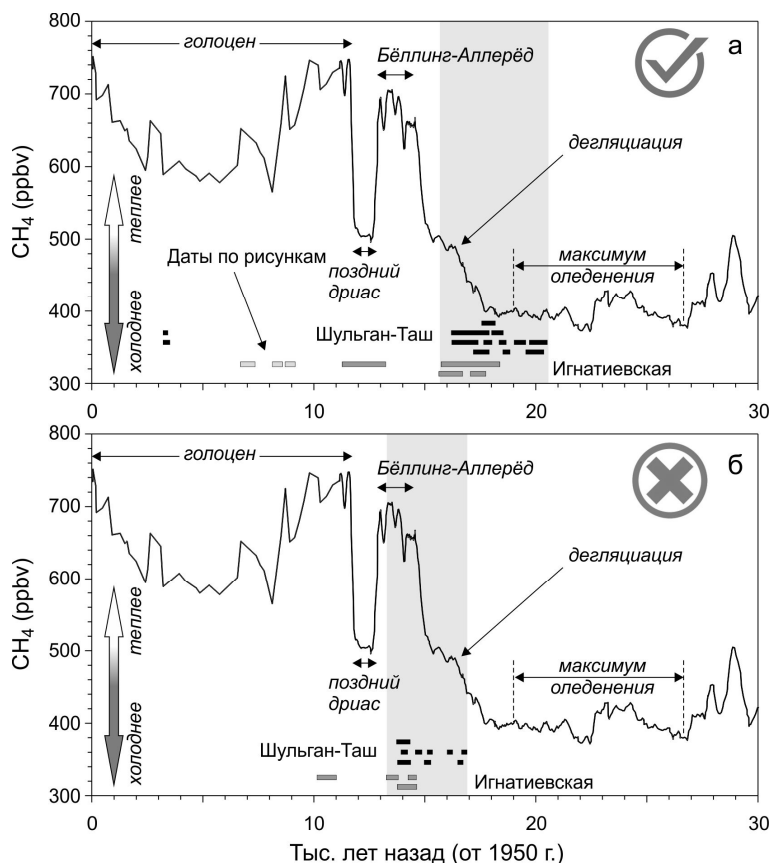

Рис. Калиброванные (а) и некалиброванные (б) радиоуглеродные даты из пещер Шульган-Таш и Игнatieвской в контексте палеоклимата. На (а) горизонтальными линиями показаны временные интервалы (вероятность 95 %); на (б) линии соответствуют интервалу $\pm\sigma$ относительно измеренного ^{14}C -возраста. Хронология палеоклиматических изменений проиллюстрирована содержанием метана в атмосфере, по ледовым кернам GISP2 (голоцен; [Brook, 1999]) и NGRIP (поздний плейстоцен; [Baumgartner et al., 2014]). Серой заливкой выделено наиболее вероятное время посещения/использования пещер палеолитическими людьми. (Примечание: панель (б) иллюстрирует ошибочную интерпретацию, основанную на некалиброванных ^{14}C -датах, которая не должна использоваться).

Fig. Calibrated (a) and non-calibrated (b) radiocarbon dates from Shulgan-Tash and Ignatievskaya caves, in the context of the paleoclimate. Horizontal lines show either time intervals corresponding to probability 95 % (a) or an interval $\pm\sigma$ of the measured ^{14}C age. The chronology of paleoclimatic changes is illustrated by atmospheric methane content derived from ice cores GISP2 (Holocene; [Brook, 1999]) and NGRIP (Late Pleistocene; [Baumgartner et al., 2014]). Gray shading indicates the most probable time of visiting/using caves by Paleolithic people. (Note: panel (b) illustrates an erroneous interpretation based on uncalibrated ^{14}C dates, which should not be used).

Недавно появились ^{14}C -даты, указывающие и на более позднее использование пещеры. Две даты, полученные по 1-му культурному слою в зале Сталагмитовом, указывают на посещение пещеры в эпоху бронзы [Котов (ред.), 2019]. Эти даты не противоречат находкам на близких горизонтах керамики, предположительно относящейся к межовской культуре позднего бронзового века [Житенев, 2014, с. 118–119].

Дата, полученная по угольному рисунку «Черная лиса», показывает, что он был нанесен, с большой вероятностью, на рубеже XIX и XX вв. [Дублянский и др., 2016a, b; Dublyansky et al., 2018a, b]. При этом идентификация этого объекта как «рисунка» остается спорной; некоторые исследователи считают, что эти черные линии могут быть следами обновления факела (Житенев, уст. сообщ., 2017).

Игнatieвская пещера: материал из культурного слоя

Впервые радиоуглеродные даты, полученные по материалу из культурного слоя пещеры, были опубликованы в монографии «Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале» [Петрин, 1992]. Позднее они цитировались в книге «Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале» [Широков, Петрин, 2013, с. 80]: «По

отобранным в первой половине 1980-х гг. образцам кости и древесного угля получены следующие радиоуглеродные даты для культурного слоя Игнatieвской пещеры: $13\,335 \pm 192$ (ИЭМЭЖ-365) (уголь), $13\,500 \pm 1660$ (ИЭРЖ-41) (кости), $14\,038 \pm 490$ (ИЭМЭЖ-366) (кости), $14\,240 \pm 150$ (СОАН-2209) (уголь), $14\,200 \pm 660$ (ИЭРЖ-54) (кости животных), $10\,400 \pm 465$ (СОАН-2468) (уголь). Последняя дата, скорее всего, отражает финальный этап использования верхнепалеолитического святилища в Игнatieвской пещере».

Приведенные выше даты не калиброваны и поэтому не соответствуют реальным календарным возрастам. В табл. 2 приводятся калиброванные значения радиоуглеродных дат из культурного слоя Игнatieвской пещеры. Отметим, что анализы ИЭРЖ-41 и ИЭРЖ-54 имеют большую ошибку измерения (± 1660 и ± 1663 лет соответственно). Использование этих двух дат не рекомендуется. По оставшимся четырем датам можно заключить, что наиболее вероятным периодом посещения/использования Игнatieвской пещеры верхнепалеолитическими людьми является время между 18 300 и 15 400 л.н. Отметим, что наиболее надежно датированный интервал посещения/использования Игнatieвской пещеры древним человеком в целом соответствует времени посещения Каповой пещеры в плейстоцене (рис., а).

Возможно, что Игнatieвская пещера посещалась древними людьми также и между 13 200 и 11 100 лет назад. Это предположение пока основано на единственной дате (СОАН-2468). При этом следует принять во внимание то, что культурные отложения в пещере представлены следами посещения, иногда маркируемыми лишь незначительной концентрацией мелких угольков, на разных уровнях от поверхности пола. Обсуждаемая дата была получена по уголькам, залегавшим на глубине от 5 до 15 см от современной поверхности. Эта дата может отражать финальный этап использования верхнепалеолитического святилища в Игнatieвской пещере.

Вне зависимости от результатов радиоуглеродного датирования, археологические материалы позволяют с уверенностью утверждать, что Игнatieвская пещера служила верхнепалеолитическим святилищем в течение длительного времени. На это указывают имеющиеся изобразительные палимпсесты, большое количество неопределенных изобразительных мотивов, отдельные из которых являются плохо сохранившимися фигуративными мотивами, и (в отличие от Каповой пещеры) присутствие в культурном слое разнообразного каменного сырья, принесенного как с восточного, так и с западного склона Уральских гор.

Игнatieвская пещера: черные рисунки

Результаты прямого ^{14}C -датирования угольного пигмента черных рисунков «Мамонт», «Радиальная линия» и «Линия» из Дальнего зала пещеры (табл. 3) приведены в оригинальных публикациях [Steelman et al., 2002; Широков и др., 2003] корректно, со всеми необходимыми деталями. Тем не менее полученные калиброванные даты (8982–8602, 8325–8044 и 7175–6637 л.н.) вызывают вопросы. Прежде всего, согласно этим датам, рисунки голоценовые. Однако мамонты на Южном Урале исчезли в аллереде (около 13 тыс. л.н.), как установлено большим количеством радиоуглеродных датировок их костных остатков [Сулержицкий, 1995; Kuzmin, 2010], а не на 3–5 тыс. лет позднее, в климатические стадии голоцена бореал и атлантик. Такое предположение противоречит современным представлениям о вымирании мамонтов в результате постепенного замещения на пространствах северной Евразии, по мере перехода от последнего максимума оледенения к голоцену, открытых тундровых и степных ландшафтов — лесными [Kuzmin, 2010].

Дополнительное свидетельство неверности обсуждаемых ^{14}C -возрастов было получено в результате U-Th-датирования натечков, перекрывающих рисунки в зале Дальнем. Натечки на слабонаклонном потолке и на юго-восточной стене этого зала имеют характерную «гребешковую» морфологию, говорящую о том, что отлагающая кальцит вода двигалась по поверхности не в виде равномерной пленки, а собиралась в струи. Такой же тип натечка частично перекрывает линии черного рисунка «Мамонт» [Широков и др., 2003, рис. 1]. U-Th-датирование показало, что образование натечков в Дальнем зале в голоцене началось между 9700 и 8900 л.н. [Дублянский и др., 2019]. Очевидно, что рисунки не могут быть моложе перекрывающих их натечков. Подводя итог обсуждению, мы вынуждены заключить, что голоценовые даты, полученные непосредственно по черным рисункам Игнatieвской пещеры, не отражают действительный возраст рисунков. Причина этого на настоящий момент остается не выясненной.

Некорректное представление ^{14}C -дат пещер Каповой и Игнatieвской в публикациях

^{14}C -даты по углю из культурного слоя Каповой пещеры с учетом калибровочных поправок были корректно представлены в монографии [Šcelinskij, Širokov, 1999] благодаря специалисту по радиоуглеродному анализу Б. Венигеру. Им, при обсуждении некалиброванных радиоугле-

родных дат (KN-5022 и KN-5023, см. табл. 1), было отмечено, что календарные возрасты должны быть древнее и помещены в интервал 16 000–19 000 л.н. [Ibid, 1999, S. 75]. Предложенное временное «окно» имело характер оценки, так как в конце 90-гг. XX в. калибровочная дендрохронологическая кривая имела возрастной предел 11 700 лет. К сожалению, эта монография, изданная на немецком языке, оказалась мало доступной для российских исследователей. Неудивительно, что в дальнейшем, как и до опубликованного обсуждения, радиоуглеродные возрасты для пещеры Шульган-Таш приводились в публикациях без указания на то, что даты не калиброваны [Щелинский, 1996, с. 13; Павлов, 2008, с. 43; Житенев, 2011, с. 50; Котов, 2014, с. 21; Житенев и др., 2015, с. 5–7; Пахунов, Житенев, 2015, с. 26]. Это привело к ошибочной оценке календарного возраста верхнепалеолитического памятника в Каповой пещере (17 600–13 900 л.н.) не только в специальных изданиях, но и в научно-популярной литературе [Дубровский, Грачев, 2011, с. 167]. Ошибка в представлении календарного возраста достигает 3000 лет, поскольку калиброванный интервал составляет 20 600–16 100 л.н.

Палеоклиматический контекст

Ошибочное прямое использование некалиброванных ^{14}C -возрастов для оценки времени посещения пещер Шульган-Таш и Игнatieвской верхнепалеолитическим человеком помещает эти события в совершенно иной палеоклиматический контекст. Как обсуждалось выше, калиброванные ^{14}C -даты указывают на то, что пещеры посещались во время максимума последнего оледенения, а также в начале последовавшей за этим дегляциации (рис., а). Если же (ошибочно) принять некалиброванные ^{14}C -даты за календарные, то время использования пещеры людьми пришлось бы на окончание последней дегляциации и, в основном, на межстадиальные потепления беллинга и аллереда (рис., б). С точки зрения условий окружающей среды (климата, растительности, ландшафтов), в которых существовали люди, населявшие Южный Урал в это время, разница между этими двумя периодами — огромна.

Выводы

1. В научной и научно-популярной литературе последних 15 лет встречаются опирающиеся на радиоуглеродное датирование оценки времени посещения человеком пещеры Шульган-Таш и возраста ее настенных росписей, между 13–14 и 16–18 тыс. лет назад. В связи с тем что эти оценки сделаны на основании некалиброванных ^{14}C -дат, они являются ошибочными.

2. Имеющиеся 14 ^{14}C -дат (см. табл. 1) указывают на то, что пещера Шульган-Таш посещалась/использовалась верхнепалеолитическим человеком между 20 600 и 16 100 лет назад. Для Игнatieвской пещеры интервал посещения по результатам трех калиброванных дат составляет 18 300–15 400 лет назад (табл. 2). Позднепалеолитический возраст посещений пещер можно считать надежно определенным.

3. Установленные периоды посещения/использования обеих пещер довольно длительны (около 3000 лет). Они приходятся на период, охватывающий позднюю часть максимума последнего оледенения и начало последующего этапа дегляциации.

4. Одиночная ^{14}C -дата, полученная для Игнatieвской пещеры, соответствует периоду 13 200–11 060 кал. лет назад. Этот интервал не противоречит представлениям, основанным на стратиграфии и археологическом материале, об использовании Игнatieвской пещеры человеком в течение длительного времени.

5. Опубликованные голоценовые возрасты черных рисунков Дальнего зала Игнatieвской пещеры (8980–6600 кал. лет), по нашему мнению, не отражают реального возраста рисунков.

6. Работами археологов последних лет убедительно продемонстрирована многослойность палеолитических культурных отложений в пещере Шульган-Таш [Котов, 2014; Житенев, 2014, 2018; Житенев и др., 2015; Котов (ред.), 2019]. Продолжительность посещения/использования пещеры Шульган-Таш получила подтверждение новыми ^{14}C -датами эпохи поздней бронзы (3480–3140 кал. лет [Котов (ред.), 2019]. Об этом же говорят и результаты раскопок в Игнatieвской пещере [Шорин, 1992]. При этом качество имеющихся ^{14}C -датировок не позволяет достоверно разделять интервалы посещения внутри плейстоцена и голоцена. До настоящего времени радиоуглеродное датирование проводилось бессистемно, по разрозненным образцам, отобранным исследователями из разных раскопок. В дальнейшем следует приложить усилия к систематическому прецизионному ^{14}C -датированию как уже вскрытых раскопами многослойных культурных отложений, так и возможных будущих археологических раскопок в пещерах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 47 с. (На рус. и фр. яз.).
- Дублянский Ю.В., Ляхницкий Ю.С., Житенев В., Шпетль К. Возраст рисунка «Черная лиса» из зала Рисунков пещеры Шульган-таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра»: Труды междунар. симп. Уфа, 2016а. С. 46–51.
- Дублянский Ю.В., Мосли Дж., Ляхницкий Ю.С., Житенев В., Шпетль К. Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра»: Труды междунар. симп. Уфа, 2016b. С. 52–58.
- Дублянский Ю.В., Широков В.Н., Мосли Д., Шпетль К., Эдвардс Л. Первые U-Th датировки натечных образований Игнatieвской пещеры с целью уточнения возраста настенной живописи // Знаки и образы в искусстве каменного века: Междунар. конф., 25–29 ноября 2019 г., Москва. С. 42–43. URL: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-308-4.42-43>.
- Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург: ООО «Грачев и партнеры», 2011. 216 с.
- Житенев В.С. Пещерные памятники Южного Урала в контексте верхнепалеолитического искусства Европы // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе археологии каменного века: Тез. конф. СПб., 2011. С. 50–53.
- Житенев В.С. Археологический контекст открытия палеоантропологических материалов в пачке голоценовых напластований Каповой пещеры // Вестник МГУ. Сер. XXII, Антропология. № 2. 2014. С. 114–121.
- Житенев В.С. Капова пещера: Палеолитическое подземное святилище. М.: Индик, 2018. 296 с. (Труды исторического факультета МГУ; Вып. 127. Сер. II, Исторические исследования; 73).
- Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. 2015. № 4. С. 5–15.
- Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Тр. истор. ф-та СПбГУ. 2014. № 18. С. 120–141.
- Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: (Материалы междунар. науч. симп.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 41–63.
- Котов В.Г. (сост. и отв.ред.). Пещерное святилище Шульган-таш (Каповая). Уфа: Китап, 2019. 360 с.
- Ляхницкий Ю.С., Минников О.А., Юшко А.А. Рисунки и знаки пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: Китап. 2013. 288 с.
- Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: Новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33). 2008. С. 33–44.
- Пахунов А.С., Житенев В.С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // Стратум плюс. 2015. № 1: Археология и культурная антропология. С. 125–135.
- Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере. Новосибирск: Наука, 1992. 208 с.
- Смирнов Н.Г., Большаков В.Н., Косинцев П.А., Панова Н.К., Коробейников Ю.И., Ольшванг В.Н., Ерохин Н.Г., Быкова Г.В. Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 243 с.
- Соколов Д.Д., Сулержицкий Л.Д., Тутубалин В.Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // РА. № 3. 2004. С. 99–102.
- Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) Сибири и Севера Восточной Европы // Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим. СПб., 1995. С. 163–183. (Тр. Зоол. ин-та РАН; Т. 263).
- Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнatieвская пещера: Первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 67–73.
- Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века: Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.
- Шорин А.Ф. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век — средневековье) из Игнatieвской пещеры // В.Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. Приложение 11. С. 198–205.
- Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. 30 с.
- Щелинский В.Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш / Каповой (Башкортостан): Настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: (Материалы междунар. науч. симп.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 4–40.
- Щербакова Т.И. Капова пещера: Новые данные о культурном слое и заново открытых палеолитических изображениях (по результатам полевых исследований 2004–2005 гг.) // Stratum plus. № 1: Время первых художников. 2015. С. 103–124.

- Arnold J.R., Libby W.F. Age determinations by radiocarbon content: Checks with samples of known age // *Science*. 1949. 110 (2869). 678–680. DOI: 10.1126/science.110.2869.678.
- Baumgartner M., Kindler P., Eicher O., Floch G., Schilt A., Schwander J., Spahni R., Capron E., Chappellaz J., Leuenberger M., Fischer H., Stocker T.F. NGRIP CH₄ concentration from 120 to 10 kyr before present and its relation to a $\delta^{15}\text{N}$ temperature reconstruction from the same ice core // *Clim. Past*. 2014. 10. P. 903–920. DOI: 10.5194/cp-10-903-2014.
- Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. 51 (1). P. 337–360.
- Brook E.J. GISP2 methane concentrations // *PANGAEA*. 1999. DOI: 10.1594/PANGAEA.56093/
- Clar P.U., Dyke A.S., Shakun J.D., Carlson A.E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J.X., Hostetler S.W., McCabe A.M. The Last Glacial Maximum // *Science*. 2007. 325. P. 710–714.
- Dublyansky Y., Lyakhnitsky Y., Spötl C. Data on the ^{14}C date obtained from the charcoal figure «Black fox» in Shulgan-Tash (Kapova) cave, Southern Ural, Russia // *Data in Brief*. 2018a. P. 1101–1105. DOI: 10.1016/j.dib.2018.10.040.
- Dublyansky Y., Moseley G.E., Lyakhnitsky Y., Cheng H., Edwards R.L., Scholz D., Koltai G., Spötl C. Late Palaeolithic cave art and permafrost in the Southern Ural // *Scientific Reports*. 2018b. 8. P. 12080. DOI: 10.1038/s41598-018-30049-w.
- Godwin H. Half-life of radiocarbon // *Nature*. 1962. 195. P. 984.
- Klein J., Lerman J.C., Damon P.E. and Linick T.W. Radiocarbon concentrations in the atmosphere, 8000 year record of variations in tree-rings // *Radiocarbon*. 1980. 22 (3). P. 950–961.
- Kuzmin Y.V. Extinction of the woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) and woolly rhinoceros (*Coelodonta antiquitatis*) in Eurasia: Review of chronological and environmental issues // *Boreas*. 2010. 39. P. 247–261. DOI: 10.1111/j.1502-3885.2009.00122.x.
- Levin I., Kromer B. The tropospheric $^{14}\text{CO}_2$ level in mid-latitudes of the Northern Hemisphere (1959–2003) // *Radiocarbon*. 2004. 46 (3). P. 1261–1272. DOI: 10.11588/heidok.00006745.
- Libby W.F. Atmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation // *Physical Review*. 1946. 69 (11–12). 671–672. DOI: 10.1103/PhysRev.69.671.2.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Hajdas I., Hatt C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years calBP // *Radiocarbon*. 2013. 55 (4). P. 1869–1887.
- Šcelinskij V.E., Širokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke. 1999. 171 p.
- Steelman K., Rowe M., Shirokov V. & Southon J. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // *Antiquity*. 2002. 76 (292), 341–348. DOI: 10.1017/S0003598X00090426.
- Stuiver M., Polach H.A. Reporting of ^{14}C data // *Radiocarbon*. 1977. 19 (3). P. 355–363.

Y.V. Dublyansky^a, V.N. Shirokov^b

^a Innsbruck University

Innrain, 52, Innsbruck, 6020, Austria

^b Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS

S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation

E-mail: yuri.dublyansky@uibk.ac.at;

hvn-58@yandex.ru

Age of the Upper Paleolithic sites in Kapova and Ignatievskaya caves (Southern Ural): revision and interpretations of the radiocarbon dates

There are two caves containing groups of wall paintings of the Upper Paleolithic age known in the Southern Ural: Kapova (Shulgan-Tash) and Ignatievskaya (Yamaz-Tash). In total, about 200 pictorial motifs have been recorded in the Kapova cave, among which there are life-like depictions of Pleistocene animals (mammoth and rhinoceros). Some 180 pictorial motifs have been found in the Ignatievskaya cave, which also show images of the Pleistocene fauna (mammoth and rhinoceros), although less realistic than those in the Kapova cave. The cultural layers have been discovered in the cave sediments at both sites. Archaeological excavations in the Kapova cave revealed multiple cultural layers which contained remains of the hearths, stone artefacts, fragments of ochre, decorations made of stone and tusk, a piece of burned clay cup, bone tools and animal bones (some with traces of ochre paint). In the Ignatievskaya cave, the Paleolithic cultural layer contains numerous fragments of charcoal, stone artefacts, rare fragments of ochre, decorations made from teeth of arctic fox and bison and from mammoth tusk, as well as the bones of Pleistocene animals. In the past two decades, a series of radiocarbon dates has been reported by different researchers based on the charcoal and bones from the cultural layers in both caves. Seventeen dates have been reported for the Kapova cave, including 14 Upper Paleolithic, 2 Bronze Age and

1 modern dates. The materials from the cultural layer of the Ignatievskaya cave have yielded 6 radiocarbon dates; another 3 dates were obtained directly from the charcoal used for the black paintings in the cave. Our analysis of publications, in which the radiocarbon dates from the Upper Paleolithic cultural layers of the Kapova and Ignatievskaya caves are used, has revealed that the dating results are often reported inaccurately or incompletely, which leads to serious errors in interpretations. In particular, the incorrect use of non-calibrated radiocarbon dates as calendar ages, completely changes the paleoclimatic context of the cave occupation; for the Kapova cave, for instance, such misinterpretation shifts the dates of the cave visiting and painting from the late part of the Last Glacial Maximum and early deglaciation to the Bølling-Allerød interstadial. In this paper, we revisit the published radiocarbon ages for these two Southern Ural sites, provide practical recommendations and re-emphasize the importance for accurate and complete reporting of radiocarbon ages in publications.

Key words: radiocarbon dating, Upper Paleolithic, Kapova cave, Ignatievskaya cave, Ural.

REFERENCES

- Arnold J.R., Libby W.F. (1949). Age determinations by radiocarbon content: Checks with samples of known age. *Science*, 286(110), 678–680. DOI: 10.1126/science.110.2869.678.
- Bader O.N. (1965). *Kapova cave: Paleolithic painting*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Baumgartner M., Kindler P., Eicher O., Floch G., Schilt A., Schwander J., Spahni R., Capron E., Chappellaz J., Leuenberger M., Fischer H., Stocker T.F. (2014). NGRIP CH₄ concentration from 120 to 10 kyr before present and its relation to a $\delta^{15}N$ temperature reconstruction from the same ice core. *Climate of the Past*, (10), 903–920. DOI: 10.5194/cp-10-903-2014.
- Bronk Ramsey C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 51(1), 337–360.
- Brook E.J. (1999). GISP2 methane concentrations. *PANGAEA*. DOI: 10.1594/PANGAEA.56093.
- Clark P.U., Dyke A.S., Shakun J.D., Carlson A.E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J.X., Hostetler S.W., McCabe A.M. (2007). The Last Glacial Maximum. *Science*, (325), 710–714.
- Dublyansky Y., Lyakhnitsky Y., Spötl C. (2018a). Data on the 14C date obtained from the charcoal figure «Black fox» in Shulgan-Tash (Kapova) cave, Southern Ural, Russia. *Data in Brief*, 1101–1105. DOI: 10.1016/j.dib.2018.10.040.
- Dublyansky Y., Lyahnickij Y.S., Zhitenev V., Spötl C. (2016a). The age of the «Black Fox» drawing from the Hall of Paintings of the Shulgan-Tash cave (Kapova). In: V.G. Kotov (Ed.). *Problemy sohraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash i razvitie turisticheskoy infrastruktury dostoprimechatel'nogo mesta «Zemlya Ural-batya»*. Ufa: IYAL UNC RAN? 46–52. (Rus.)
- Dublyansky Y.V., Moseley G.E., Lyahnickij Y.S., Zhitenev V., Spötl C. (2016b). Uranium-thorium dating of the Paleolithic drawings of the Shulgan-Tash cave (Kapova). In: V.G. Kotov (Ed.). *Problemy sohraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash i razvitie turisticheskoy infrastruktury dostoprimechatel'nogo mesta «Zemlya Ural-batya»*. Ufa: IYAL UNC RAN, 52–58. (Rus.)
- Dublyansky Y., Moseley G.E., Lyakhnitsky Y., Cheng H., Edwards R.L., Scholz D., Koltai G., Spötl C. (2018b). Late Palaeolithic cave art and permafrost in the Southern Ural. *Scientific Reports*, (8). DOI: 10.1038/s41598-018-30049-w.
- Dublyansky Y., Shirokov V.N., Moseley G.E., Spötl C., Edwards R.L. (2019). The first U-Th dating of the speleothem of Ignatievskaya Cave in order to clarify the age of wall painting. In: *Znaki i obrazy v iskusstve kamen'nogo veka*. Moscow, 42–43. (Rus.). DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-308-4.
- Dubrovskij D.K., Grachev V.Y. (2011). *Ural rock art in the world of rock art*. Ekaterinburg: OOO Grachyov i partnory. (Rus.).
- Godwin H. (1962). Half-life of radiocarbon. *Nature*, (195).
- Klein J., Lerman J.C., Damon P.E., Linick T.W. (1980). Radiocarbon concentrations in the atmosphere, 8000 year record of variations in tree-rings. *Radiocarbon*, 22(3), 950–961.
- Kotov V.G. (2014). Investigations of the multilayer Paleolithic site in the Shulgan-Tash cave (Kapova). *Tr. istor. f-ta SpbGU*, (18), 120–141. (Rus.).
- Kotov V.G. (2016). Cave Sanctuary Shulgan-Tash (Kapova): Structure, traces of rituals, image semantics. In: *Drevnie svyatilishcha: Arheologiya, ritual, mifologiya*. Ufa: IYAL UNC RAN, 41–63. (Rus.).
- Kotov V.G. (Ed.) (2019). *Cave sanctuary Shulgan-tash (Kapova)*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Kuzmin Y.V. (2010). Extinction of the woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) and woolly rhinoceros (*Coelodonta antiquitatis*) in Eurasia: Review of chronological and environmental issues. *Boreas*, (39), 247–261. DOI: 10.1111/j.1502-3885.2009.00122.x.
- Levin I., Kromer B. (2004). The tropospheric 14CO₂ level in mid-latitudes of the Northern Hemisphere (1959–2003). *Radiocarbon*, 46(3), 1261–1272. DOI: 10.11588/heidok.00006745.
- Libby W.F. (1946). Atmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation. *Physical Review*, 69(11–12), 671–672. DOI: 10.1103/PhysRev.69.671.2.
- Lyahnickij Y.S., Minnikov O.A., Yushko A.A. (2013). *Drawings and signs of the Shulgan-Tash cave (Kapova)*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Pavlov P.Y. (2008). Paleolithic of the North-East of Europe: New data. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 33(1), 33–44. (Rus.).

- Pahunov A.S., Zhitenev V.S. (2015). The results of natural-science studies of the accumulations of pigment masses: New data on the recipe for the manufacture of paints in Kapova cave. *Stratum plus*, (1), 125–135. (Rus.).
- Petrin V.T. (1992). *Paleolithic sanctuary in Ignatievskaya cave*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haffidason H., Hajdas I., Hatt C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., van der Plicht J. (2013). IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887.
- Šcelinskij V.E., Širokov V.N. (1999). *Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural*. Sigmaringen: Thorbecke.
- Shchelinskij V.E. (1996). *Some results and research tasks of the Shulgan-Tash (Kapova) cave*. Ufa: IYAL UNC RAN. (Rus.).
- Shchelinskij V.E. (2016). Paleolithic sanctuary in the Shulgan-Tash / Kapova cave (Bashkortostan): Parietal paintings and archaeological evidence. In: *Drevnie svyatilishcha: Arheologiya, ritual, mifologiya*. Ufa: IYAL UNC RAN, 4–40. (Rus.).
- Shcherbakova T.I. (2015). Kapova cave: New data on the cultural layer and newly discovered Paleolithic images (according to the results of field studies 2004–2005). *Stratum plus*, (1), 103–124. (Rus.).
- Shirokov V.N., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. (2003). Ignatievskaya Cave: the first direct radiocarbon dating of wall paintings. In: *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnih epoh*. Ekaterinburg: Akva-Press, 67–73. (Rus.).
- Shirokov V.N., Petrin V.T. (2013). *The art of the ice age: Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the Southern Ural*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Shorin A.F. (1992). Archaeological materials of the late times (Bronze Age–the Middle Ages) from the Ignatievskaya Cave. In: V.T. Petrin. *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoj peshchere na Yuzhnom Urale*. Prilozhenie 11. Novosibirsk: Nauka, 198–205. (Rus.).
- Smirnov N.G., Bol'shakov V.N., Kosincev P.A., Panova N.K., Korobejnikov Y.I., Ol'shvang V.N., Erohin N.G., Bykova G.V. (1990). *Historical ecology of animals of the mountains of the Southern Ural*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR. (Rus.).
- Sokolov D.D., Sulerzhickij L.D., Tutubalin V.N. (2004). The time of people's activity at the Paleolithic sites according to radiocarbon dating. *Rossiyskaya arheologiya*, (3), 99–102. (Rus.).
- Stelman K., Rowe M., Shirokov V., Southon J. (2002). Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna. *Antiquity*, 292(76), 341–348. DOI: 10.1017/S0003598X00090426.
- Stuiver M., Polach H.A. (1977). Reporting of ¹⁴C data. *Radiocarbon*, 19(3), 355–363.
- Sulerzhickij L.D. (1995). Features of the radiocarbon chronology of mammoths (*Mammuthus primigenius*) of Siberia and the North of Eastern Europe. In: *Issledovaniya po plejstocenovym i sovremennym mlekopitayushchim. Proceedings of the Zoological Institute*. T. 263. St. Petersburg, 163–183. (Rus.).
- Zhitenyov V.S. (2018). *Kapova cave: Paleolithic underground sanctuary*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Zhitenev V.S., Pahunov A.S., Margaryan A., Soldatova T.E. (2015). Radiocarbon dates of the Upper Paleolithic layers of the Kapova cave (Southern Urals). *Rossiyskaya arheologiya*, (4), 5–15. (Rus.).
- Zhitenev V.S. (2014). The archaeological context of the discovery of paleoanthropological materials in a pack of Holocene strata of the Kapova cave. *Vestnik MGU. Ser. XXII, Antropologiya*, (2), 114–121. (Rus.).
- Zhitenev V.S. (2011). Cave monuments of the Southern Urals in the context of the Upper Paleolithic art of Europe. In: *Arheologicheskie istochniki i kul'turogenез: Taksony vysokogo porjadka v sisteme arheologii kamen-nogo veka*. St. Petersburg, 50–53. (Rus.).

Ю.В. Дублянский, <https://orcid.org/0000-0003-1433-9999>

В.Н. Широков, <https://orcid.org/0000-0002-5308-2025>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020.

Article is published: 28.08.2020.

А.Д. Дегтярева ^а, Н.В. Рындина ^б

^а ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^б Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27, Москва, 119991
E-mail: adegtyareva126@gmail.com;
arxeolog@gmail.com

НОЖИ ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: МОРФОЛОГО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Дана морфолого-типологическая характеристика ножей петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья (раннеалакульский этап по Н.Б. Виноградову). По данным датирования по ¹⁴C (в том числе AMS) хронологический диапазон петровских памятников Южного Зауралья укладывается в пределы XIX–XVIII вв. до н.э. Инвентарные металлические комплексы культур начала эпохи поздней бронзы от Дона до Ишима, несмотря на такую протяженность территории, имеют много общих типов. Особенно четко это можно проследить при сопоставлении самой многочисленной категории орудий труда — ножей (49 экз.). Выделено три типа ножей с массивной рукоятью, ножи с кованой втулкой и семь типов черенковых орудий. Выделенные типы петровской культуры Южного Зауралья в той или иной мере характерны для блока родственных культур лесостепной и степной полосы Евразии — абашевской, синташтинской, петровской, раннесрубной, памятников потаповского и покровского типа. На основании статистических данных определены типы ножей с выделенной рукоятью, а также с кованой втулкой, которые связаны преимущественно с петровскими очагами металлопроизводства.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Южное Зауралье, Среднее Притоболье, петровская культура, морфология ножей, типология.

Введение

В статье дана морфолого-типологическая характеристика ножей петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья (раннеалакульский этап по Н.Б. Виноградову) [Виноградов, 2011]. Понимая определенную условность этого понятия, важно исходить из определения хронологических рамок существования памятников, связанных с петровскими племенами, которые совпадают с хронологией (полностью или частично) других культурных групп лесостепной и степной полосы Евразии. По данным радиоуглеродного датирования (всего 36 дат, из них почти половина AMS) хронологический диапазон петровских памятников Южного Зауралья укладывается в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. [Краузе и др., 2019, с. 60–62, рис. 6]. Практически так же датированы по AMS петровские (нуртайские по А.А. Ткачеву) погребения Центрального Казахстана Ащису, Сатан, Табылды [Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 51; Дегтярева и др., 2020, с. 109]. Очаги металлопроизводства раннего периода Евразийской металлургической провинции (Западноазиатской; далее в тексте — ЕАМП, ЗАМП) согласно радиоуглеродной хронологии датированы XXII–XVIII/XVII вв. до н.э., среди них наиболее ранними являются абашевские, синташтинские и сейминско-турбинские памятники [Черных, 2008, с. 49]. Петровские древности в целом вписываются в хронологию раннего периода ЕАМП. Инвентарные металлические комплексы культур начала позднего бронзового века (далее — ПБВ) от Дона до Ишима, несмотря на такую протяженность территории, имеют много общих типов орудий. Особенно четко это можно проследить при сопоставлении самой многочисленной категории орудий труда — ножей.

Методы исследования

Распределение орудий по типам опиралось на приемы типологического членения инвентаря с учетом наличия или отсутствия тех или иных качественных признаков — особенностей оформления рукояти, черенка, участка в районе перехода лезвийной части в черенок, формы и сечения лезвия. При этом нами использованы основные черты схемы выделения конечных типологических разрядов (КТР), обоснованной Е.Н. Черных в исследовании, посвященном древнейшей металлургии Урала и Поволжья [1970, с. 62–68]. Для ножей с выделенной рукоятью рассматривались следующие признаки: наличие рукояти, способы оформления рабочей части

(двулезвийность, однолезвийность, симметричность, асимметричность, наличие пилки). Для группы черенковых изделий в расчет принимался комплекс ведущих признаков — конфигурация оформления черенка (слабо выделен, удлинённый, ромбический, округлый, прямоугольный), наличие или отсутствие перехвата, перекрестия, форма лезвийной части, сечение лезвия (линзовидное, наличие ребра жесткости, наличие двусторонней или односторонней нервюры). Помимо морфолого-типологической характеристики ножей, проведено также картографирование находок с поисками аналогов в сопредельных культурах. Наиболее эффективные результаты метод получил при картографировании орудий с ромбическим черенком, перекрестием и перехватом, в количественном отношении наиболее массовых.

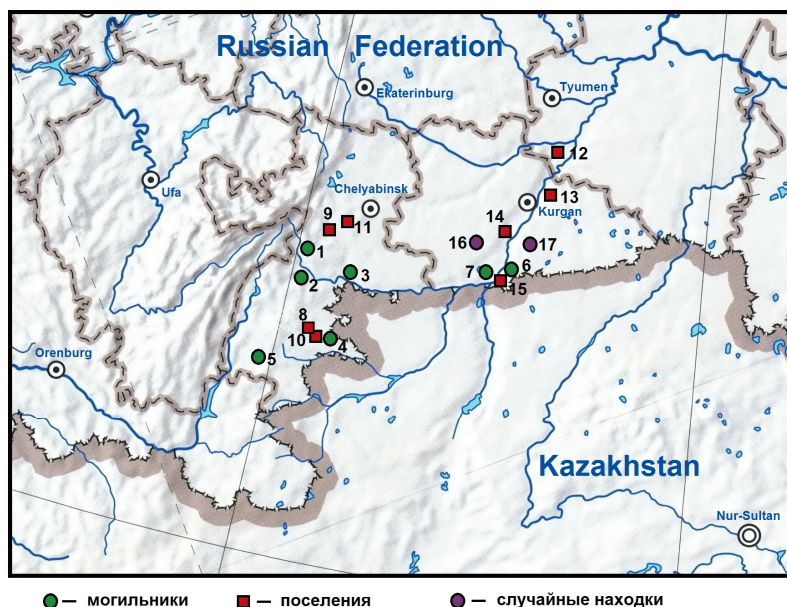

Рис. 1. Карта памятников петровской культуры Южного Зауралья с металлическими ножами:

Могильники: 1 — Степное 7; 2 — Кривое Озеро; 3 — Троицк 7; 4 — Кулевчи 6; 5 — Большекараганский; 6 — Верхняя Алабуга; 7 — Озерное 1; поселения: 8 — Устье 1; 9 — Старокумляское; 10 — Кулевчи 3; 11 — Шибаво 1; 12 — Нижнеингальское 3; 13 — Высокая Грива; 14 — Камышное 2; 15 — Убаган 2; случайные находки: 16, 17 — Курганская область.

Fig. 1. Map of the sites of the Petrovka culture of the South Trans-Urals with metal knives:

Burial grounds: 1 — Stepnoe 7; 2 — Krivoe Ozero; 3 — Troitsk 7; 4 — Kulevchi 6; 5 — Bolshaya Karaganka; 6 — Verkhnyaya Alabuga; 7 — Ozerное 1; Settlements: 8 — Ust'e 1; 9 — Stary Kumlyak; 10 — Kulevchi 3; 11 — Shibaеvo 1; 12 — Nizhnyaya Ingala 3; 13 — Vysokaya Griva; 14 — Kamyshnoe 2; 15 — Ubagan 2; accidental finds: 16, 17 — Kurgan region.

Материал исследования

Металлический орудийный комплекс петровской культуры (далее ПК) Южного Зауралья довольно разнообразен, включая топоры, тесла, долота, серпы, ножи, крюки, шилья. Наиболее массовыми и характерными в погребальных и поселенческих комплексах являются ножи, доля которых составляет свыше 40 % от общего числа орудий (49 экз.). Ножи представлены тремя группами (I–III): изделиями с выделенной рукоятью, втульчатыми и черенковыми орудиями (рис. 1; табл. 1). Всего учтено ножей ПК 100 экз., включая орудия из памятников Приуралья и Казахстана.

Распределение некоторых типов черенковых ножей по культурам и ареалам ЕАМП ранее рассмотрено в исследовании, посвященном типологии металла синташтинской культуры [Дегтярева, 2010, с. 101–111]. Во избежание дублирования текста, при рассмотрении распределения изделий ограничимся ссылками на эту работу. Вместе с этим за прошедшее время накоплен значительный новый материал, расширяющий наши представления о металлопроизводстве очагов, заслуживающий упоминания при характеристике типов орудий. В сводной таблице отражены орудия, происходящие из памятников Южного Зауралья и Среднего Приоболья — поселений Кулевчи 3, Устье 1, Старокумляское, Шибаво 1, Камышное 2, Убаган 2, Высокая Грива, Нижнеингальское 3, могильников Верхняя Алабуга, Озерное 1, Камышное 1, Кулевчи 6, Большекараганский, Троицк 7, Степное 7, Кривое Озеро [Потемкина, 1985; Виноградов, 1982; 1984, 2003, 2011; Виноградов и др., 2013; Боталов и др., 1996; Костюков, Епимахов, 1999; Матвеева и др., 2003; Нелин, 2004; Новиков и др., 2014; Куприянова, Зданович, 2015; Епимахов, 2019].

Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика

Таблица 1

Ножи петровской культуры Южного Зауралья *

Table 1

Knives of the Petrovka culture of the South Trans-Urals

№	Наименование	Памятник	Рис.	№ спектр., АЗСА, РФА	№ стр. ан.	Хранение	Публикации
I. Ножи с выделенной рукоятью							
1	Нож, тип I-1	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 1	30973	346	ЮУрГГПУ, 10319/395к	Виноградов, 1982, с. 97
2	Нож, тип I-1	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	2, 2	017	460	ЮУрГГПУ, 161У/9927	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 8
3	Нож, тип I-1	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 3	29418	348	ЮУрГГПУ, 8188/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 2
4	Нож, тип I-1	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	2, 4	027	480	ЮУрГГПУ, 161У/790	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 7
5	Нож, тип I-1	Сл. нах., Курганская обл.	2, 5	394	903	Курганский ОКМ	—
6	Нож, тип I-1	Пос. Старокумлякское, Челябинская обл.	2, 6	29428	356	ЮУрГГПУ, 1/193	Виноградов, 2011, с. 95
7	Нож, тип I-2	Пос. Камышное 2, Курганская обл.	2, 7	17905	902	Курганский ОКМ, 14653/3378	Потемкина, 1985, рис. 33, 2
8	Нож, тип I-2	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 8	29427	347	ЮУрГГПУ, 5967/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 12
9	Нож, тип I-2	Мог. Кулевчи 6, Челябинская обл.	2, 9	—	—	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1984, рис. 7, 13
10	Нож, тип I-2	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	2, 10	018	461	ЮУрГГПУ, 161У/6310	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 9
11	Нож, тип I-3	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 11	29426	354	ЮУрГГПУ, 1782/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 3
12	Нож, тип I-3	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	2, 12	503	1064	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 47, 6
13	Нож, тип I-3	Пос. Шибаво 1, Челябинская обл.	2, 13	49012	—	ГИМ Южного Урала	Нелин, 2004, рис. 7, 2
14	Нож, обломок	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	2, 16	239	605	ЮУрГГПУ, 161У/217	—
15	Нож, обломок	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 17	29394	355	ЮУрГГПУ, 8407/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 8
16	Нож, обломок	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	2, 18	29383	361	ЮУрГГПУ, 6646/395к	Виноградов, 1982, с. 97
17	Нож, обломок	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	2, 19	49785	1076	Курганский ОКМ	—
II. Ножи со втулкой							
18	Нож, тип II	Пос. Нижнеингальское 3, Тюменская обл.	2, 14	49012	—	ТюмГУ	Матвеева и др., 2003, рис. 26, 1
19	Нож, тип II	Пос. Высокая Грива, Курганская обл.	2, 15	326	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 48, 6
III. Черенковые ножи							
20	Нож, тип III-1	Мог. Озерное 1, Курганская обл.	3, 1	49872	1194	Курганский госун-т	Новиков и др., 2014, рис. 6, 1
21	Нож, тип III-2	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 2	026	479	ЮУрГГПУ, 161У/11198	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 11
22	Нож, тип III-2	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 3	032	486	ЮУрГГПУ, 161У/7358	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 12
23	Нож, тип III-2	Мог. Кулевчи 6, Челябинская обл.	3, 4	—	—	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1984, рис. 9, 50
24	Нож, тип III-2	Мог. Камышное 1, Курганская обл.	3, 5	293	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 39, 1
25	Нож, тип III-2	Мог. Большекараганский, Челябинская обл.	3, 6	—	—	Челябинский госун-т	Боталов и др., 1996, рис. 6, 2
26	Нож, тип III-2	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 7	29422	329	ЮУрГГПУ, 1226/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 5
27	Нож, тип III-5	Мог. Троицк 7, Челябинская обл.	3, 8	—	—	ЮУрГУ	Костюков, Епимахов, 1999, с. 66
28	Нож, тип III-5	Пос. Убаган 2, Курганская обл.	3, 9	359	905	Курганский ОКМ, №486	—
29	Нож, тип III-5	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 10	025	468	ЮУрГГПУ, 161У/3300	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 15
30	Нож, тип III-6	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 16	020	463	ЮУрГГПУ, 161У/7710	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 18
31	Нож, тип III-7	Пос. Кулевчи 3, Челябинская обл.	3, 11	29425	353	ЮУрГГПУ, 5735/395к	Виноградов, 1982, рис. 3, 4
32	Нож, тип III-7	Мог. Озерное 1, Курганская обл.	3, 12	49871	1193	Курганский госун-т	Новиков и др., 2014, рис. 6, 2
33	Нож, тип III-7	Сл. находка, Курганская обл.	3, 13	360	906	Курганский ОКМ	—
34	Нож, тип III-7	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 14	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 8, 1
35	Нож, тип III-7	Мог. Кулевчи 6, Челябинская обл.	3, 15	—	—	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 1984, рис. 9, 51
36	Нож, тип III-8	Мог. Кривое Озеро, Челябинская обл.	3, 17	002	414	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 2003, рис. 11, 9
37	Нож, тип III-8	Мог. Кривое Озеро, Челябинская обл.	3, 18	006	418	ГИМ Южного Урала	Виноградов, 2003, рис. 18, 5
38	Нож, тип III-8	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	3, 19	27871	892	Курганский ОКМ, 1774/376	Потемкина, 1985, рис. 82, 18
39	Нож, тип III-8	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	3, 20	27869	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 80, 11
40	Нож, тип III-8	Мог. Верхняя Алабуга, Курганская обл.	3, 21	27889	—	Курганский ОКМ	Потемкина, 1985, рис. 80, 12
41	Нож, тип III-8	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 22	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 85, 4
42	Нож, тип III-8	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 23	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 5, 2
43	Нож, тип III-8	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 24	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 54, 3
44	Нож, тип III-8	Мог. Большекараганский, Челябинская обл.	3, 25	—	—	Челябинский госун-т	Боталов и др., 1996, рис. 3, 4
45	Нож, тип III-8	Мог. Большекараганский, Челябинская обл.	3, 26	—	—	Челябинский госун-т	Боталов и др., 1996, рис. 3, 3
46	Нож, тип III-8	Мог. Троицк 7, Челябинская обл.	—	—	—	ЮУрГУ	Епимахов, 2019, с. 95
47	Нож, НК-6	Пос. Устье 1, Челябинская обл.	3, 27	008	452	ЮУрГГПУ, 161У/3083	Виноградов и др., 2013, рис. 2, 14
48	Нож, НК-6	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 28	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 2
49	Нож, НК-6	Мог. Степное 7, Челябинская обл.	3, 29	—	—	Челябинский госун-т	Куприянова, Зданович, 2015, рис. 42, 3

* Спектральный анализ с 5-значными номерами, а также №№ 293, 326 произведен в ИА РАН; АЗСА (атомно-эмиссионный спектротомический анализ) с 3-значными номерами — в ИНХ СО РАН; РФА (рентгенофлуоресцентный анализ) с 5-значными номерами, начиная с 49000 — в ИА РАН. Структурный анализ произведен в ТюмНЦ СО РАН.

Ножи с выделенной рукоятью (группа I) разделены на три типа: двулезвийные с асимметричной рабочей частью, однолезвийные, двулезвийные с симметричной рабочей частью орудия.

Тип I-1. Ножи с прямой выделенной рукоятью, двулезвийные, с асимметричной конфигурацией лезвия относятся к категории универсальных полифункциональных орудий, большей частью имевших выпуклые линзовидные спуски. Орудия обнаружены в слое поселения Кулевчи 3 (2 экз.), Устье 1 (2 экз.), Старокумлякском и случайная находка сделана в Курганской области (рис. 2, 1–6). Длина рукояти, как правило, немногим больше, чем длина лезвия.

Длина орудий 15,2–23,8; длина рукояти 9,1–13,2; длина лезвия 6–11,5; ширина лезвия 2,5–3,2 см. Ножи обладают массивной прямой рукоятью, плавно переходящей в лезвие или же отделенной небольшим уступом от рабочей части. Лезвийная кромка на одной стороне изделия прямая или слегка вогнутая, на противоположной — имеет выпуклую форму. На некоторых экземплярах с прямым или вогнутым лезвием были пропилены мелкие зубчики пилы тонкой абразивной пластиной (рис. 2, 2, 4). Выпуклая лезвийная кромка характерна для современных скиннеров — особых ножей с взлетающим лезвием для разделывания туш животных, снятия шкуры (см.: <https://vashnozh.ru/polezno/nozh-s-izognutym-klinkom>). Возможно эти универсальные ножи с удобной, удлиненной рукоятью, плотно сидящей в ладони, использовались как режущий инструмент, для разделки и обработки туш животных, рыбы и для распиливания волокнистых материалов. Идентичные орудия встречены в петровских поселенческих комплексах Казахстана — Новоникольское 1, Петровка 2 [Зданович Г.Б., 1988, табл. 10А, 20, 21]. Аналогичные ножи обнаружены в слое абашевских поселений Сокольское, Масловское 1, Береговское 2, в сейминско-турбинском и синташтинском могильниках (Турбинский 1, Каменный Амбар 5), в покровских (могильник Новолиповка, Ерыклинский клад) и андроновидных (могильник Черноозерье I) древностях [Пряхин, 1976, рис. 26, 16, 17; 27, 19; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 12; Малов, 1993, табл. 14, 13; Генинг, Стефанова, 1994, рис. 23, 1; 26, 1; Епимахов, 2002, рис. 7, 10].

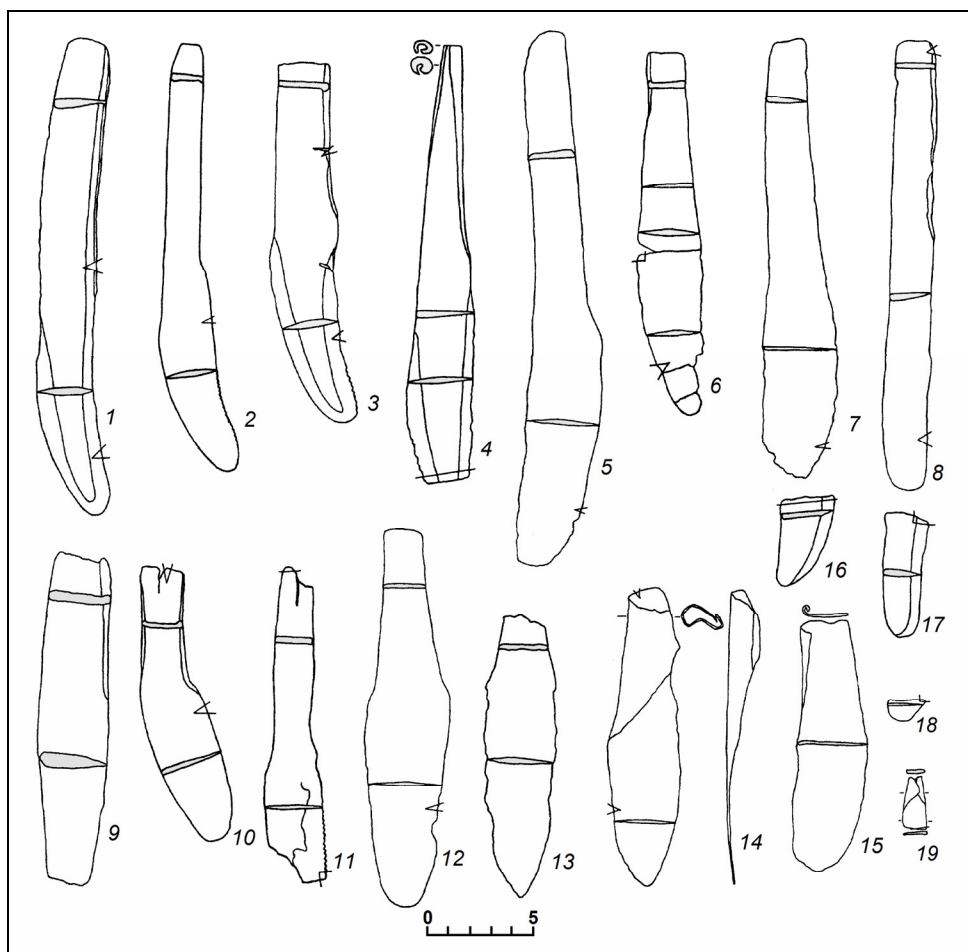

Рис. 2. Ножи с рукоятью петровской культуры Южного Зауралья:

1, 3, 8, 11, 17, 18 — пос. Кулевчи 3; 2, 4, 10, 16 — пос. Устье 1; 5 — Курганская обл., случ. нах.; 6 — пос. Старокумлякское; 7 — пос. Камышное 2; 9 — мог. Кулевчи 6; 12, 19 — пос. Убаган 2; 13 — пос. Шибаетово 1; 14 — пос. Нижнеингалское 3; 15 — пос. Высокая Грива.

Fig. 2. Knives with the handle of the Petrovka culture of the South Trans-Urals:

1, 3, 8, 11, 17, 18 — Kulevchi 3 settlement; 2, 4, 10, 16 — Ust'e 1 settlement; 5 — Kurgan region, accidental find; 6 — Sary Kumlyak settlement; 7 — Kamyshtoye 2 settlement; 9 — Kulevchi 6 burial ground; 12, 19 — Ubagan 2 settlement; 13 — Shibaev 1 settlement; 14 — Nizhnyaya Ingala 3 settlement; 15 — Vysokaya Griva settlement.

Тип I-2. Ножи с прямой выделенной рукоятью, однолезвийные отличаются от предыдущего типа наличием утолщенной спинки на рабочей части, которая на большинстве орудий прямая (рис. 2, 7–9), реже находится под тупым углом к рукояти (рис. 2, 10). Лезвие прямое (рис. 2, 8–10) или слабовыпуклое (рис. 2, 7). Длина ножей 12,4–22,7; длина рукояти 6–11,4; длина лезвия 6,4–12,7; ширина лезвия 2,4–3,4 см. К числу ножей типа I-2 могут быть отнесены 4 экз. обломков орудий (рис. 2, 16–19). Изделия обнаружены в слое поселений Камышное 2, Устье 1 (нож и обломок лезвия), Кулевчи 3 (нож и 2 обломка лезвийной части), Убаган 2 (обломок лезвия), в материалах могильника Кулевчи 6. Они известны в материалах петровских поселений Казахстана (Петровка 2 (3 экз.), Конезавод 3, Новоникольское 1, Икпень 1) [Зданович, 1983, рис. 3, 15; Евдокимов, 1983, рис. 2, 13; Потемкина, 1985, рис. 33, 2; Аванесова, 1991, рис. 31, 1, 2, 7, 8; Ткачев, 2002, рис. 29, 7]. Аналогичное орудие найдено в насыпи могильника Синташтинский 1, а также в слое алакульских поселений Притоболья — Волосниково, Усть-Суерское 3 [Генинг и др., 1992, рис. 41, 16; Потемкина, 1985, рис. 51, 2; 53, 1, 2]. Эта форма ножей получила дальнейшее развитие в конце позднего бронзового века, прежде всего в азиатской зоне ЕАМП в очагах алексеевско-саргаринской культуры [Агапов и др., 2012, с. 54–57].

Тип I-3. Три орудия отнесены к **типу ножей с выделенной рукоятью, симметричной двулезвийной рабочей частью, линзовидной в сечении, отделенной от рукояти небольшими уступами** (рис. 2, 11–13; пос. Кулевчи 3, Убаган 2, Шибаево 1). Длина изделий находится в пределах 15–17 см, длина рукояти 7–9 см (у ножа из пос. Шибаево 1 рукоять сломана), длина лезвия 6–10, ширина лезвия 2,7–3,8 см. Орудие, найденное в слое пос. Кулевчи 3, использовалось и в качестве пилы, на лезвии с одной стороны видны мелкие зубчики.

Аналогичные изделия найдены в могильниках абашевской (Красногорском 3, Староябалаклинском, Никифоровское лесничество (3 экз.)), синташтинской культур (Кривое Озеро, Каменный Амбар 5, Танаберген 2), в погребении покровского типа (могильник Песочное), случайная находка происходит с территории могильника Новый Кумак [Васильев, Пряхин, 1979, рис. 4, 1, 3, 8; Пряхин, 1976, рис. 27, 7, 17, 20, 21; Сорокин, Грязнов, 1966, табл. XXXVIII, 1; Горбунов, 1992, рис. 18, 5; Колев и др., 2000, рис. 5, 3; 15, 1, 2; Виноградов, 2003, рис. 68, 11; Епимахов, 2005, рис. 58, 14; Ткачев, 2007, рис. 14, 3].

Тип II. Достаточно архаичную форму имеют два орудия, обнаруженные на поселениях Высокая Грива и Нижнеингальское 3 (рис. 2, 14, 15). Они относятся к типу ножей **с втульчатой разомкнутой рукоятью, двулезвийной рабочей частью, линзовидной в сечении**. Длина орудий 12–13 см, длина втулки 4–6,5 см, диаметр втулки 2 см, ширина лезвия 3 см. Втулка изделия из пос. Высокая Грива сломана, сохранилась частично с одной стороны, на нижнеингальском орудии — сплющена. Материалы поселения ПБВ Нижнеингальское 3 отнесены Н.П. Матвеевой к алакульской культуре [Матвеева и др., 2003, с. 43–48], однако архаичная морфология ножа в сочетании с технологией его изготовления позволяет считать орудие принадлежащим к петровской культуре. Наличие в керамической коллекции острореберных сосудов с воротничком-утолщением, сосудов баночной формы, близких по форме и орнаментации к керамике пос. Камышное 2, также подтверждают точку зрения относительно петровской (раннеалакульской по Н.Б. Виноградову) принадлежности части коллекции поселения [Матвеева, Зайцева, 2001, рис. 1, 2, 3, 4; 2, 2; Илюшина, 2015, рис. 3, 5; 4, 3; 5, 12].

Аналогичные ножи (Г.Б. Зданович назвал их наконечниками копий) известны преимущественно в памятниках ПК Казахстана и Южного Приуралья (поселения Новоникольское 1, Атасу, Талдысай, Конезавод 3, Бестамак, Икпень 2, Энтузиаст 1, Обилькин Луг 3) и абашевской культуры (Мало-Кизыльское селище; Никифоровское лесничество) [Зданович, 1988, табл. 10А, 14; Горбунов, 1992, рис. 16, IV; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 21, 7; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 5, 23; Денисов, 2001, рис. 3, 12; Васильев, Пряхин, 1979, рис. 4, 2; Шевнина, Ворошилова, 2009, рис. 1, 9; Ермолаева и др., 2020, рис. 1, 2; Ткачев, 2002, рис. 26, 6; 43, 16]. Кованый наконечник копья с разомкнутой втулкой и листовидным лезвием длиной 18 см обнаружен в петровском погребении мог. Бестамак [Шевнина, Ворошилова, 2009, рис. 1, 10].

Похожие втульчатые наконечники дротика и копий известны в более ранних памятниках. Так, на территории могильника Убаган 1 найден наконечник дротика с кованой открытой втулкой, коротким пером подтреугольной формы, отнесенный предположительно к позднеявному времени [Дегтярева, 2010, с. 63, рис. 2, 10]. Сходные по форме и параметрическим данным к убаганскому изделию наконечники обнаружены в памятниках балановской культуры — Ош-Пандо, Копейск (случ. нах.) [Сальников, 1967, рис. 4, 15, 16].

Подавляющее большинство ножей (29 экз.) петровской культуры Южного Зауралья представлено черенковыми орудиями (группа III). По характеру оформления черенка и сочленения его с клинком выделено семь типов, шесть из которых ранее охарактеризованы на материалах синташтинской культуры [Дегтярева, 2010, с. 103–112]. В связи с этим нумерация типов ножей синташтинской культуры будет использована и для ножей ПК.

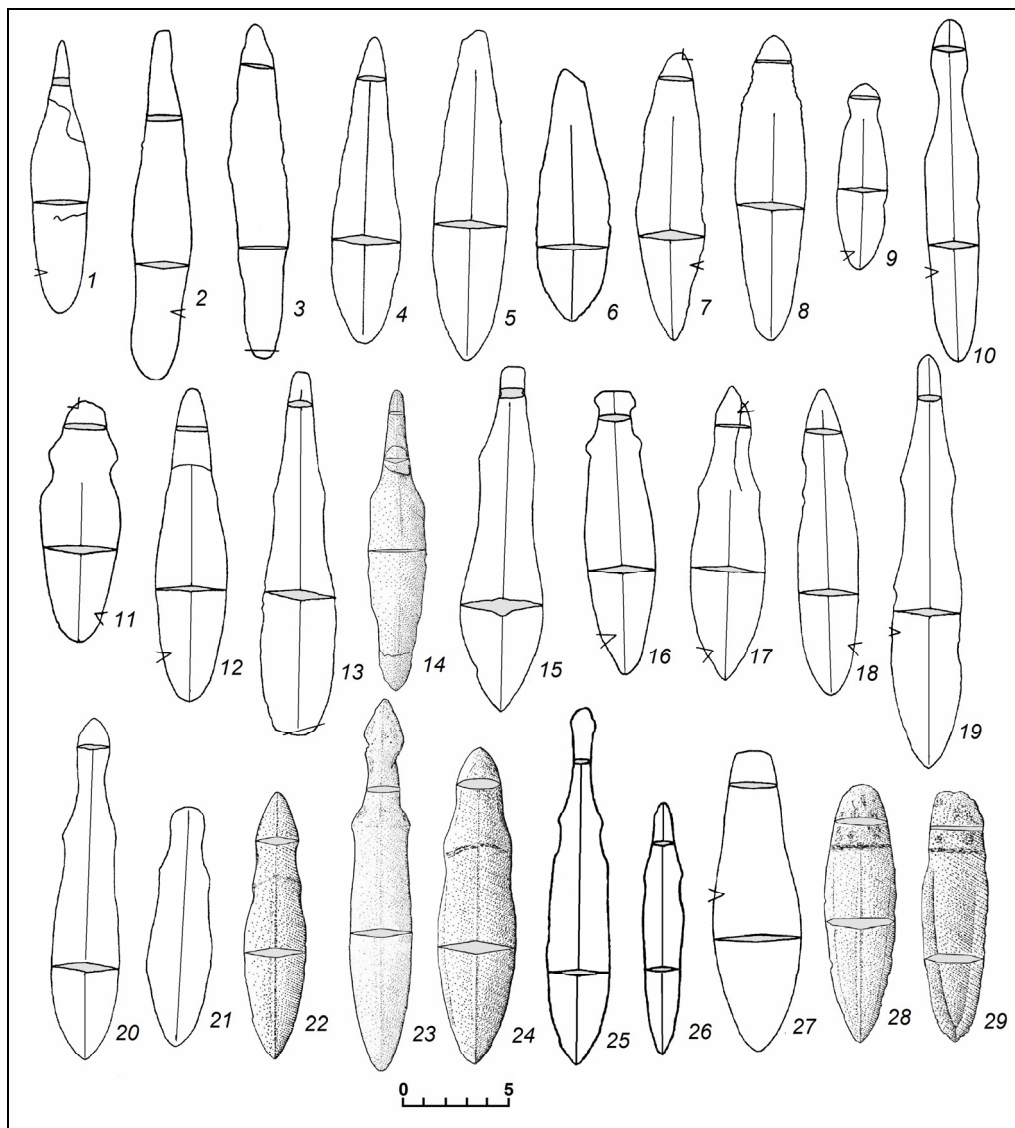

Рис. 3. Черенковые ножи:

1, 12 — мог. Озерное 1; 2, 3, 10, 16, 27 — пос. Устье 1; 4, 15 — мог. Кулевчи 6; 5 — мог. Камышное 1; 6, 25, 26 — мог. Большекараганский; 7, 11 — пос. Кулевчи 3; 8 — мог. Троицк 7; 9 — пос. Убаган 2; 13 — Курганская обл., случ. нах.; 14, 22–24, 28, 29 — мог. Степное 7; 17, 18 — мог. Кривое Озеро; 19, 20, 21 — мог. Верхняя Алабуга (7, 24–24, 28, 29 по: [Куприянова, Зданович, 2015, рис. 5, 2; 8, 1; 42, 2, 3; 54, 3; 85, 4]).

Fig. 3. Knives with cuttings:

1, 12 — Ozernoe 1 burial ground; 2, 3, 10, 16, 27 — Ust'e 1 settlement; 4, 15 — Kulevchi 6 burial ground; 5 — Kamykhnoe 1 burial ground; 6, 25, 26 — Bolshaya Karaganka burial ground; 7, 11 — Kulevchi 3 settlement; 8 — Troitsk 7 burial ground; 9 — Ubagan 2 settlement; 13 — Kurgan region, accidental find; 14, 22–24, 28, 29 — Stepnoe 7 burial ground; 17, 18 — Krivoe Ozero burial ground; 19, 20, 21 — Verkhnyaya Alabuga burial ground (7, 24–24, 28, 29 to: [Kupriyanova, Zdanovich, 2015, fig. 5, 2; 8, 1; 42, 2, 3; 54, 3; 85, 4]).

Тип III-1 представлен экземпляром с **удлиненным узким черенком, плавно переходящим в листовидный клинок с линзовидным сечением** (тип НК-12 по: [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101]). Орудие обнаружено в материалах могильника Озерное 1 (погр. 14 кург. 5; рис. 3,

1). Длина изделия 12 см, длина черенка 3,7 см, ширина лезвия 2,5 см. Орудия этого типа в большей степени характерны для металлопроизводства петровской культуры Северного и Центрального Казахстана (поселения Петровка 2, Акмая, Энтузиаст 1, Талдысай, могильники Бестамак (2 экз.), Кенес, Бозенген) [Дегтярева, 2010, с. 103–104, тип 1; Ермолаева и др., 2020, рис. 2, 2]. Аналогичные орудия обнаружены в памятниках раннего этапа ЕАМП синташтинской (могильники Синташтинский 2 (3 экз.), Кривое Озеро, Малиновский 2, Синташтинский большой, Синташтинский 1, Большекараганский, Жаман-Каргала 1, поселение Аркаим), абашевской культур (поселение Береговское 1, могильники Введенский, Красногорский 3, Метев-Тамак, Альмухаметово), в сейминско-турбинских могильниках (могильники Сейминский (4 экз.), Юринский), в меньшей степени в потаповских (могильник Потаповский (3 экз.)) и покровских погребениях (могильники Покровский, Владимировский) [Дегтярева, 2010, с. 104].

Тип III-2. Шесть орудий относятся к типу *со слабо намеченным черешком, без перехвата, с клинком листовидной и овально-листовидной формы, линзовидных в сечении и с ребром жесткости* (рис. 3, 2–7). Обнаружены в слое поселения Кулевчи 3, Устье (2 экз.), погребениях могильников Камышное 1 (разрушенное погребение), Кулевчи 6 (кург. 4, яма 5), Большекараганский (кург. 11, яма 5). Изделия достигают в длину 14–17,8 см, ширина лезвия 2,6–3,9 см. Орудия этого типа известны в петровских памятниках Казахстана (могильники Бестамак (4 экз.), Бектениз, Табылды, поселения Конезавод 3, Талдысай) [Дегтярева, 2010, с. 104, тип 2; Ермолаева и др., 2020, рис. 2, 1; Кукушкин, Дмитриев, 2019, рис. 4, 12].

Аналогичные ножи в количестве 10 экз. обнаружены в памятниках синташтинской (поселение Аркаим, могильники Синташтинский большой, Синташтинский 1, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1), в погребальных комплексах и кладе абашевской культур (могильники Левобережный Березовский, Малый Кугунур, Абашевский, Никифоровское лесничество, Верхнекизыльский клад), погребениях покровского (могильники Покровский, Терновка, Скатовка, Ягодное, Натальино 2, Бородаевка) и потаповского типа (могильник Потаповский) [Дегтярева, 2010, с. 104].

Тип III-5. Ножи типа имеют *выделенный черенок с подромбической или закругленной пяткой, четко выделенный перехват, листовидный клинок с ребром жесткости* (тип НК-14 по: [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101]). Орудия типа обнаружены в материалах поселений Убаган 2, Устье 1, могильника Троицк 7 (кург. 6, погр. 5) (рис. 3, 8–10). Последнее орудие имеет мелкие зубчики с двух сторон в районе перехвата. Длина ножей достигает 8,2–16,6 см, ширина лезвия 2,3–3,5 см. Несколько экземпляров орудий типа известны в петровских погребальных и поселенческих материалах Южного Приуралья и Казахстана (Жаман-Каргала 2, Близнецы, Конезавод 3) [Дегтярева, 2010, с. 106; тип 5].

Они широко распространены на ранней фазе ЕАМП, практически в равной мере происходят из абашевских (12 экз. — поселения Отрожское, Масловское, Верхнекизыльский клад, могильники Старая Тойда, Левая Россошь, Левобережный Березовский (2 экз.), Алгаши, Тугай, Усатово, Ново-Мордовский 2, Липецкий) и синташтинских памятников (11 экз. — могильники Кривое Озеро, Синташтинский большой, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1, Каменный Амбар 5, Большекараганский, Обилькин луг 3) [Там же; Голотвин, Пряхин, 2016, рис. 65, 8]. В меньшей степени известны в погребениях могильников покровского (Покровский, Терновка, Скатовка, Ягодное, Натальино 2, Бородаевка, Вертячий, Скворцовка), сейминско-турбинского (Ростовка, Юринский (2 экз.)) и потаповского типов (Потаповский (3 экз.)) [Дегтярева, 2010, с. 106; Моргунова и др., 2010, рис. 63, 4].

Тип III-6. Нож типа имеет *выделенные перекрестье и перехват, короткий черенок с расширенно-закругленной пяткой* (так называемой грибовидной). Орудие обнаружено в слое пос. Устье 1; длина изделия 12,4 см, ширина лезвия 3,4 см (рис. 3, 16). Изделия этого типа обнаружены в памятниках ПК Центрального Казахстана (пос. Икпень 2, мог. Бозенген); достаточно часто встречаются в сейминско-турбинских древностях (Сатыга 6, комплекс Шайтанское Озеро II (4 экз.)), а также в синташтинских (Аркаим, Синташтинский большой могильник), в абашевских (поселение Береговское 1 (2 экз.)) и покровских памятниках (Спиридоновский 2, Неприк) [Горбунов, 1989, рис. 6, 5, 6; Генинг и др., 1992, рис. 61, 6; Зданович Г.Б., 1997, рис. 9, 11; Семенова, 2000, рис. 7, 4, 7; Ткачев, 2002, рис. 26, 2; Черных, Кузьминых, 1989, с. 101; Корочкова и др., 2020, рис. 28, 4, 5, 7, 16].

Тип III-7. Ножи с *удлиненным черенком, с закругленным или прямым окончанием, выделенным перекрестьем, без перехвата, с ребром жесткости или односторонней неревурой* (на орудии из мог. Кулевчи 6) в количестве 5 экз. обнаружены в слое пос. Кулевчи 3, в материалах могильников Озерное 1 (кург. 5, погр. 15), Кулевчи 6 (кург. 4, я. 5), Степное 7 (комплекс 2), Курганская область (случ. нах.; рис. 3, 11–15). Длина орудий 12,2–15,6 см, ширина

лезвия 2,5–4 см. Аналогичные ножи характерны и для петровских памятников Центрального Казахстана (могильники Нуртай, Нураталды 1, Сатан, поселения Ак-Мустафа, Талдысай) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 34, 2; Ткачев, 2002, рис. 68, 16; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 4, 22; Ермолаева и др., 2020, рис. 1, 1; Кукушкин и др., 2016, рис. 2, 5].

Орудия типа появляются в памятниках вольско-лбищенского типа на рубеже среднего и ПБВ (пещера Братьев Гриве на Самарской Луке, Царев курган близ г. Самары). Однако основное количество ножей обнаружено в древностях ранней фазы ЕАМП в материалах могильников и поселений синташтинской (Синташтинский 1 (2 экз.), Кривое Озеро, Танаберген 2 (2 экз.), Жаман-Каргала 1, Большекараганский, пос. Аркаим), абашевской (Введенский, Кондрашкинский курганы, хутор Королевский, пос. Масловское), в покровских и раннесрубных памятниках (могильники Покровский, Бережновский, Натальино 2, Бородаевский, Хрящевский 1 (2 экз.), Давыдовский, пос. Сачково Озеро, Лабазы (2 экз.), Скворцовка (с односторонней нервюрой)) [Дегтярева, 2010, с. 108, тип 7; Моргунова и др., 2010, рис. 63, 1–3]. Единичные находки известны в погребениях потаповского (мог. Потаповский, Утевка 6) и турбинского типов (мог. Турбино 1, святилище Шайтанское Озеро 2), алакульской культуры (мог. Ульке, Кожумбердынский) [Дегтярева, 2010, с. 108; Корочкова и др. 2020, рис. 28, 6].

Этот тип ножей продолжает бытование на следующем этапе ЕАМП в памятниках алакульской и срубной культур с известной долей модификации — укороченный черенок приобретает прямоугольную форму, появляется двусторонняя нервюра на лезвии (Алакульский, Субботинский, Хрипуновский могильники, пос. Убаган 1, литейные формы из слоя поселений Камышное 1 и Мосоловка [Потемкина, 1985, рис. 40, 1; 47, 4; 101, 1; Пряхин, 1996, рис. 20–22; Матвеев, 1998, рис. 54, 13].

Таблица 2

Распределение ножей с ромбической пяткой черенка, перекрестьем, перехватом по культурам

Table 2

The distribution of knives with a rhombic heel of the handle, crosshairs, interception on cultures

Памятники	Литература
<p>Синташтинские (49 экз.)</p> <p>Поселение Устье (2 экз.);</p> <p>Могильники: Каменный Амбар 5 (5 экз.), Синташтинский 2 (2 экз.), Танаберген 2 (10 экз.), Жаман-Каргала 1, Синташтинский большой (10 экз.), Синташтинский 1 (6 экз.), Большекараганский (6 экз.), Кривое Озеро, Герасимовский 2, Новокумакский, Обилькин Луг 3, Малиновский 2, Халвай 3 (2 экз.)</p> <p>Абашевские (34 экз.)</p> <p>Поселения: Береговское 1, Тюбяк 2 (2 экз.), Мало-Кизыльское, Шиловское, Мельгуново 3;</p> <p>Могильники: Старо-Юрьевский, Большие Ясырки (2 экз.), Власовский 1, Введенский, Чуриловский, Павловский, Филатовский, Селезни 2 (5 экз.), Усманский, Подгорное 1 (2 экз.), Плясоватский (2 экз.), Староябалаклинский, Ветлянка 4, Студеновка, Нижнечуракаевский, Набережный, Русско-Тангировский, Старо-Куручевский, Чукраклинский.</p> <p>Клад Верхнекизыльский (2 экз.)</p> <p>Петровские (19 экз.)</p> <p>Могильники: Верхняя Алабуга (3 экз.), Кенес, Жаман-Каргала 2, Кривое Озеро (2 экз.), Токай 1 (2 экз.), Бестамак (4 экз.), Степное 7 (3 экз.), Большекараганский (2 экз.), Троицк 7</p> <p>Покровские (18 экз.)</p> <p>Могильники: Скотовка, Бородаевка 2, Горный, Старицкое, Быково, Покровский (4 экз.), Бережновский 1, Бережновский 2, Чулпан, Неприк, Владимировский, Вертячий, Степная, Красноармейское 1</p> <p>Поселение Новая Покровка 1</p> <p>Раннесрубные (10 экз.)</p> <p>Поселение Надеждино-Куракино;</p> <p>Могильники: Павловский, Радченский, Краснопольский, Скорняковский, Кротовский, Ново-Бахметьево, Александровский (2 экз.), Березовский 2</p> <p>Сейминско-турбинские (8 экз.)</p> <p>Могильники: Турбино 1 (2 экз.), Мурзиха 1, Сейма (2 экз.), Юринский (3 экз.)</p> <p>Потаповские (4 экз.)</p> <p>Могильники: Потаповский, Утевка 6 (3 экз.)</p> <p>Алакульские (3 экз.)</p> <p>Могильник: Увак, курган у г. Орска, Майтан.</p> <p>Бабинская культура (2 экз.)</p> <p>Могильники: Острая Могила (Кривой Рог), Вильшанка.</p> <p>Итого: 147 экз.</p>	<p>[Дегтярева, 2010, с. 109–111; Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1, рис. 2, 16, 17; Боталов и др., 1996, рис. 17, 7, 8; 22, 3; Зданович, 2002, рис. 11, 6; 35, 2; 39, 3; Шевнина, Логвин, 2015, рис. 29, 3; 39, 2].</p> <p>[Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1; Пряхин, Саврасов, 1998, рис. 2, 12, 13; Обыденнов и др., 2001, рис. 23, 7; 75, 6].</p> <p>[Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1; Куприянова, Зданович, 2015, рис. 5, 2; 54, 2; 85, 4; Калиева, Логвин, 2014, рис. 3, 25, 27; Боталов и др., 1996, рис. 3, 3, 4; Епимахов, 2019, с. 95].</p> <p>[Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1; Малов, 1993, табл. 9, 26; 14, 18; 26, 8; Малов, 2007, рис. 4, 7; Сергеева, 2017, рис. 9, 3].</p> <p>[Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1; Лифанов, Ломейко, 2012, рис. 9, 1].</p> <p>[Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 2–5, 9; Соловьев, 2005, рис. 3, 26; 6, 4, 5]</p> <p>[Васильев и др., 1994, рис. 30, 2; Кузнецов, Семёнова, 2000, рис. 11, 1, 2; 12, 1].</p> <p>[Кузьмина, 1994, рис. 30, 41; Сорокин, Грязнов, 1966, табл. XXXVII, 3; Ткачев, 2019, рис. 109, 24].</p> <p>[Березанская и др., 1986, с. 32–33; рис. 11, 3].</p>

Тип III-8. Самой многочисленной группой являются ножи, относящиеся к типу орудий с **перекрестьем, перехватом, с ромбической пяткой черенка и с ребром жесткости** (тип НК-16 по [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101]). Ножи обнаружены в материалах могильников Кривое Озеро (кург. 1, погр. 1, 3), Верхняя Алабуга (погр. 4, 6, 10), Степное 7 (комплекс 1; комплекс 4, ямы 19, 44), Большекараганский (2 экз., кург. 11, яма 1), Троицк 7 (рис. 3, 17–26). Длина орудий 12–17,2 см, ширина лезвия 2,8–3,6 см. Аналогичные орудия встречены в петровских погребальных комплексах Южного Приуралья (Жаман-Каргала 2) и Казахстана (Кенес, Токанай 1 (2 экз.), Бестамак (4 экз.)) [Зданович, 1988, рис. 30, 1; Ткачев, 1998, рис. 8, 7; Калиева, Логвин, 2008, рис. 11, 13; 14, 15; 16, 14; 18, 24; Калиева, Логвин, 2014, рис. 3, 25, 27].

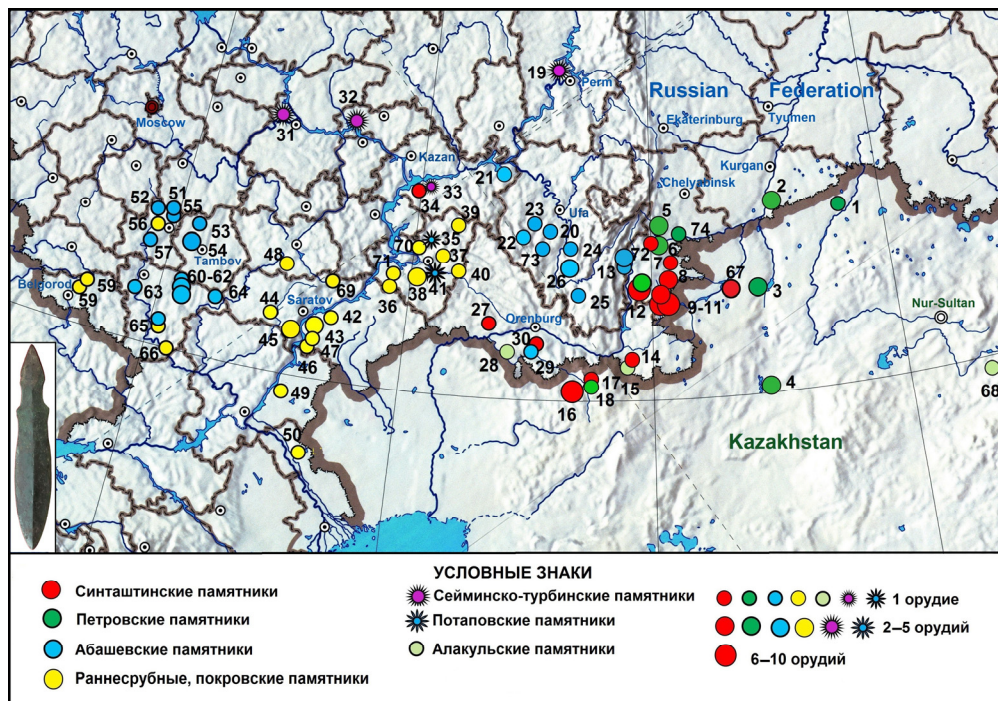

Рис. 4. Распространение ножей с ромбическим черешком, перехватом и перекрестьем в материалах памятников I фазы Евразийской МП:

1 — Кенес; 2 — Верхняя Алабуга; 3 — Бестамак; 4 — Токанай 1; 5 — Степное 7; 6 — Кривое Озеро; 7 — Устье; 8 — Каменный Амбар 5; 9–11 — Синташтинский большой, Синташтинский 1, Синташтинский 2; 12 — Большекараганский; 13 — Малокизыльское поселение, Верхнекизыльский клад; 14 — Новокумакский; 15 — Орск; 16 — Танаберген 2; 17, 18 — Жаман-Каргала 1, Жаман-Каргала 2; 19 — Турбинский 1; 20 — Чукраклинский; 21 — Старокурчевский; 22 — Нижнечуркаевский; 23 — Староябаклинский; 24 — Береговское 1; 25 — Русско-Тангировский; 26 — Тюбяк 2; 27 — Герасимовский; 28 — Увак; 29 — Ветлянка 4; 30 — Обилькин Луг 3; 31 — Сейминский; 32 — Юринский; 33 — Мурзиха 1; 34 — Малиновский 2; 35 — Потаповский; 36 — Владимировский; 37 — Кротовский; 38 — Александровский; 39 — Чулпан; 40 — Неприк; 41 — Утевка 6; 42 — Бородаевка 2; 43 — Покровский; 44 — Ново-Бахметьево; 45 — Бережновский 1; 46 — Скатовка; 47 — Краснопольский; 48 — Надеждино-Куракино; 49 — Быково; 50 — Степная; 51 — Студеновка; 52 — Мельгуново 3; 53 — Староюрьевский; 54 — Селезни 2; 55 — Филатовский; 56 — Скорняковский; 57 — Введенский; 58 — Горный; 59 — Вертячий; 60 — Чуриловский; 61 — Большие Ясырки; 62 — Плясоватский; 63 — Шилово; 64 — Власовский 1; 65 — Павловский; 66 — Радченский; 67 — Халвай 3; 68 — Майтан; 69 — Новая Покровка 1; 70 — Березовский 2; 71 — Красноармейское 1; 72 — Верхнекизыльский клад; 73 — Набережный; 74 — Троицк 7.

Fig. 4. Distribution of knives with a rhombic stalk, interception and crosshair in the materials of sites of the first phase of the Eurasian Metallurgical Province:

1 — Kenes; 2 — Verkhnyaya Alabuga; 3 — Bestamak; 4 — Tokanay 1; 5 — Stepnoe 7; 6 — Krivoe Ozero; 7 — Ust'e; 8 — Kamenny Ambar 5; 9–11 — Sintashta bolshoy, Sintashta 1, Sintashta 2; 12 — Bolshaya Karaganka; 13 — Malokizyl'skoe settlement, Verkhnekizyl'sky hoard; 14 — Novy Kumak; 15 — Orsk; 16 — Tanabergen 2; 17, 18 — Zhaman-Kargala 1, Zhaman-Kargala 2; 19 — Turbinsky 1; 20 — Chukrakilnsky; 21 — Starokurchevo; 22 — Nizhnechurakaev; 23 — Staroyabaklinsk; 24 — Beregovskoe 1; 25 — Russian-Tangirovsky; 26 — Tyubyak 2; 27 — Gerasimovska; 28 — Uwak; 29 — Vetlyanka 4; 30 — Obilkin Lug 3; 31 — Seyma; 32 — Yurinsky; 33 — Murzikha 1; 34 — Malinovskiy 2; 35 — Potapovka; 36 — Vladimirovka; 37 — Krotovka; 38 — Alexandrovka; 39 — Chulpan; 40 — Neprik; 41 — Utevk 6; 42 — Borodaevka 2; 43 — Pokrovsk; 44 — Novo-Bakhmetyevo; 45 — Berezhnovay 1, 2; 46 — Skatovka; 47 — Krasnopolsk; 48 — Nadezhdino-Kurakino; 49 — Bykovo; 50 — Stepnaya; 51 — Studenovka; 52 — Melgunovo 3; 53 — Staroyuryevka; 54 — Selezni 2; 55 — Filatovka; 56 — Skornyakovsky; 57 — Vvedensk; 58 — Gornyy; 59 — Vertyachi; 60 — Churilovsk; 61 — Bolshie Ysyryki; 62 — Plyasovatsk; 63 — Shilovo; 64 — Vlasovo 1; 65 — Pavlovo; 66 — Radchensk; 67 — Halvay 3; 68 — Maytan; 69 — Novaya Pokrovka 1; 70 — Berezovsk 2; 71 — Krasnoarmeysk 1; 72 — Verkhny Kizyl; 73 — Naberezhny; 74 — Troizk 7.

Данные о распространении ножей типа в культурах I фазы ЕАМП лесостепной и степной полосы Евразии приведены в ранее опубликованных работах [Дегтярева, 2010, с. 109–111, табл. 12; Виноградов и др., 2013, с. 12, табл. 1]. В настоящее время источниковая база ножей этого типа значительно пополнена, включает 147 экз. В табл. 2 показано распределение орудий типа по культурам. Больше всего орудий обнаружено в памятниках синташтинской (49 экз.; Урал), абашевской (34 экз.; Урал и Среднее Подонье) культур, а также в раннесрубных и покровских памятниках (28 экз.; Поволжье) (рис. 4). В петровских могильниках ножей типа III-8 не так много (19 экз.); они, по всей видимости, маркируют престижный статус погребенных.

Тип НК-6. Три экземпляра орудий относится к типу *с выделенным широким трапецевидным массивным черешком, клинком овально-листовидной формы, с ребром жесткости или с линзовидным сечением, подправленным ковкой по лезвийной кромке* (рис. 3, 27–29). Орудия обнаружены в слое пос. Устье 1 и в могильнике Степное 7 (2 экз., комплекс 4, яма 17). Длина изделия 11,2–14,3 см, ширина лезвия 2,9–4,3 см. Аналогичные ножи характерны в подавляющем большинстве для памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена (34 экз., в основном на территории Восточной Европы) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 93–95; тип НК-6]. Один экземпляр найден в погребении синташтинской культуры у горы Березовой [Халяпин, 2001, рис. 3, 1]. Ножи являются импортными из турбинских очагов металлопроизводства.

Обсуждение результатов

Полнота сбора находок ножей ПК и их аналогов в культурах I фазы ЕАМП является задачей достаточной проблематичной в силу постоянного пополнения баз данных, иногда недоступности музейных коллекций или недостаточного знакомства с публикациями. Однако основные тенденции в обосновании типов ножей вполне очевидны, хотя с течением времени и открытием новых памятников их пересмотр неизбежен. При выделении КТР ножей ПБВ Е.Н. Черных отметил определенную условность границ между типами в связи с расплывчатостью деталей и иногда нечеткими очертаниями пятки или перекрестия [1970, с. 62]. Исследователем выделены КТР ножей, характерных для абашевской, срубной культур начала II тыс. до н.э. В последующем, в исследовании, посвященном металлу сейминско-турбинского транскультурного феномена, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых выделили среди ножей Северной Евразии группу орудий, не типичных для рассматриваемых памятников. К этим изделиям отнесены типы НК-12, 14, 16, имевшие широкое евразийское распространение и являющиеся индикаторами связей сейминско-турбинских популяций с населением лесостепной и степной зоны Евразии [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91].

Рассматривая материалы абашевской культуры лесостепного ареала Восточной Европы и Урала, А.Д. Пряхин определил ведущие признаки типов абашевских ножей, так же как и Е.Н. Черных, исходя из наличия или отсутствия ромбической конфигурации черенка, перекрестия, перехвата. К числу наиболее ранних абашевских форм орудий им отнесены ножи с ромбическим черенком и перехватом, без перекрестия, поскольку они, по его мнению, отражали известное влияние полтавкинско-катакомбного мира на развитие абашевского металлопроизводства. Основной ареал совпадает с территорией Подонья и Поволжья. Ножи с ромбическим черенком, перехватом и перекрестием появляются на позднем этапе существования абашевской культуры с локализацией находок в Поволжье и на Урале [Пряхин, 1976, с. 141–151].

Обобщение данных количественного распределения ножей выделенных типов по культурам лесостепной и степной зоны Евразии I фазы ЕАМП позволило выявить, что для ПК наиболее характерны орудия двулезвийные и однолезвийные с прямой выделенной рукоятью — универсальные ножи с удобной, удлиненной рукоятью, использовавшиеся как режущий инструмент, а также для разделки и обработки туш животных, рыбы и для распиливания материалов (рис. 5, 6; табл. 3). Оба типа ножей с массивной выделенной рукоятью, судя по графикам, следует связывать с производством петровских племен. К этой же группе орудий относятся ножи с кованой несомкнутой втулкой. Об этом свидетельствуют данные гистограммы процентного соотношения распределения ножей по евразийским культурам (рис. 6). Ножи с кованой втулкой встречены только в петровских и абашевских памятниках на территории Урала и Казахстана.

Наибольшее распространение получили четыре типа ножей — III-1, III-2, III-5, III-7 (в группах по 31–40 экз.). Орудия типов в большей степени присущи синташтинской, абашевской, петровской, покровской и раннесрубной металлообработке, сосредоточенные большей частью на территории Южного Урала и Поволжья.

Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика

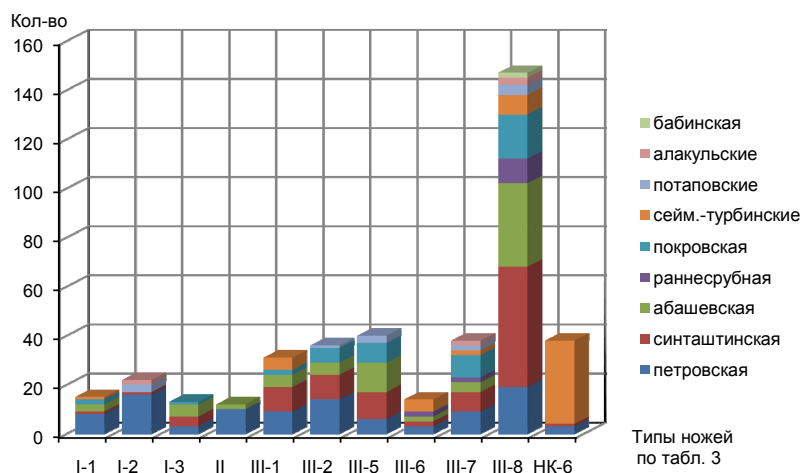

Рис. 5. График количественного распределения типов ножей по культурам I фазы ЕАМП (экз.).
Fig. 5. The graph of the quantitative distribution of types of knives in the cultures of the I phase of EAMP (copies).

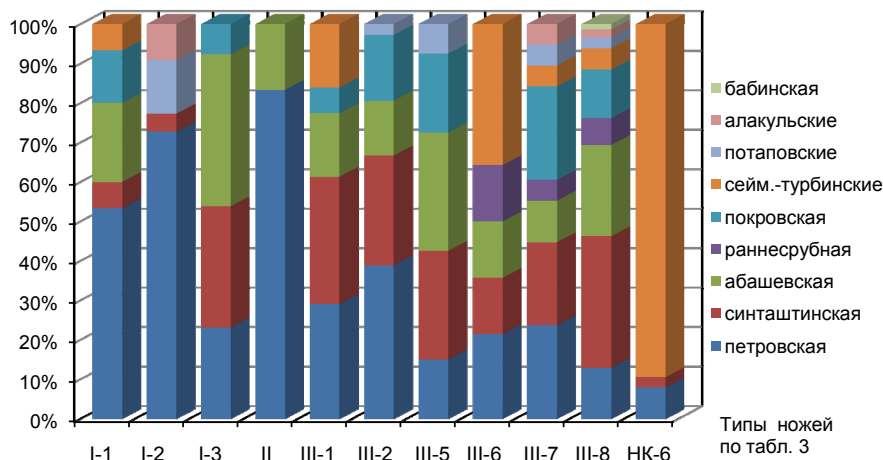

Рис. 6. График распределения типов ножей по культурам I фазы ЕАМП (%).
Fig. 6. The distribution chart of the types of knives in the cultures of phase I EAMP (%).

Таблица 3

Количественное распределение типов ножей по культурам

Table 3

Quantitative distribution of the types of knives in the cultures of phase I EAMP

Культура/тип												Всего
	I-1	I-2	I-3	II	III-1	III-2	III-5	III-6	III-7	III-8	НК-6	
Петровская	8	16	3	10	9	14	6	3	9	19	3	100
Синташтинская	1	1	4	—	10	10	11	2	8	49	1	97
Абашевская	3	—	5	2	5	5	12	2	4	34	—	72
Раннесрубная	—	—	—	—	—	—	—	2	2	10	—	14
Покровского типа	2	—	1	—	2	6	8	—	9	18	—	46
Сейминско-турбинский тип	1	—	—	—	5	—	—	5	2	8	34	55
Потаповский тип	—	3	—	—	—	1	3	—	2	4	—	13
Алакульская	—	2	—	—	—	—	—	—	2	3	—	7
Бабинская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Всего	15	22	13	12	31	36	40	14	38	147	38	406

Наиболее показательна в плане географического и культурного распределения самая многочисленная группа ножей типа III-8 (147 экз.). Популярность этих ножей среди населения свиты древних культур лесостепной и степной полосы Евразии в начале ПБВ наряду с относительной малочисленностью других типов объяснима определенной престижностью орудия, выступающего в качестве маркера определенных значимых социальных групп. Ножи с ромбическим черенком, перекрестьем и перехватом были достаточно широко распространены в памятниках лесостепной и степной полосы Восточной Европы и Казахстана культур ранней фазы ЕАМП рубежа III–II тыс. до н.э. — XVIII/XVII вв. до н.э. Картографирование ножей типа показывает наибольшую концентрацию изделий в бассейне рек Урал и Волга, в том числе вблизи приуральских и зауральских медных месторождений (рис. 4). Значительное число обнаружено на территории Среднего Подонья и Притоболья. Самые западные памятники с ножами — Острая Могила (Кривой Рог) и Вильшанка бабинской культуры на территории Украины, восточный — могильник Майтан алакульской культуры в Восточном Казахстане. Обнаружение малочисленных орудий в сейминско-турбинских погребениях, не характерных для них, можно объяснить импортом изделий из ареала абашевской и синташтинской культур. Исследование состава и технологии изготовления предметов этого типа позволило установить своеобразие приемов и способов получения орудий для каждой культурной группы, таким образом зафиксировав местное производство изделий в очагах металлопроизводства [Черных, 1970; Черных, Кузьминых, 1989; Дегтярева, 2010; Виноградов и др., 2013]. Ареал ножей типа совпадает с обширной территорией от Среднего Подонья до Притоболья и Тургайского прогиба, фактически с территорией позднеямно-полтавкинских племен, по сути послуживших катализатором в генезисе свиты культур рубежа III–II тыс. до н.э. В качестве прямого импорта из сейминско-турбинских центров металлопроизводства рассмотрены ножи типа НК-6, которые являются явно инородными в совокупности орудий.

Просматривается также определенная близость морфологии орудий начала II тыс. до н.э. и ножей предшествующей эпохи средней бронзы. Так, ножи типов II, III-1, III-5 морфологически близки к стереотипам изделий очагов северной зоны ЦМП. Подобные или сходные типы представлены в материалах ямно-полтавкинских, вольско-лбищенских, катакомбных древностей, софиевской группы памятников [Черных, 1966; Chernykh, 1992; Дегтярева, Рындина, 2019].

Выводы

Выделенные типы ножей ПК Южного Зауралья XIX–XVIII вв. до н.э. в той или иной мере характерны для блока родственных культур лесостепной и степной полосы Евразии. В отличие от предшествующих периодов ранней и средней бронзы, в культурах которых практиковалось изготовление 2–3 типов ножей, для культур начала эпохи поздней бронзы характерно многообразие типов ножей, что, видимо, связано с непрерывными миграционными процессами на рубеже III–II тыс. до н.э. и взаимовлияниями в сфере металлопроизводства. На основании статистических данных определены типы ножей с выделенной рукоятью, а также с кованой втулкой, которые связаны преимущественно с петровскими очагами металлопроизводства. Прослежено также особое значение, которое придавалось ножам с ромбическим навершием и перекрестием в ритуальной погребальной практике всего блока культур лесостепного и степного ареала, связанное, очевидно, с особым ролевым статусом погребенных. Этот тип ножей являлся наиболее многочисленным в погребальных памятниках синташтинской, абашевской (на позднем этапе), раннесрубной, петровской культур, памятниках покровского типа. Присутствие орудий типа в сейминско-турбинских, бабинских древностях объясняется импортом изделий из ареала абашевской и синташтинской культур.

Прототипы большинства форм черенковых ножей прослежены в стереотипах изделий очагов ЦМП. Общий импульс генезиса культур лесостепной и степной полосы, исходящий из культур средней бронзы Восточной Европы и Урала, объясняет общность морфологии ножей блока родственных культур I фазы ЕАМП при всем многообразии орудий, в отличие от единообразия облика ножей срубного и алакульского типов II фазы Евразийской провинции.

Благодарности. Выражаем свою искреннюю признательность за возможность использования ножей из неопубликованных материалов могильника Троицк 7 ведущему научному сотруднику Института истории и археологии УрО РАН, д.и.н. А.В. Епимахову, за содействие в картографировании находок — старшему научному сотруднику ТюмНЦ СО РАН, к.и.н. В.М. Костомарову.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию, проект № AAAA-A17-117050400147-2 (А.Д. Дегтярева).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. 168 с.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1994. 208 с.
- Васильев И.Б., Пряхин А.Д. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА, 1979. № 2. С. 145–152.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 94–100.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тысячелетия до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 4–30.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы среднего Прииртышья. Екатеринбург: УрГУ, 1994. 67 с.
- Голотвин А.Н., Пряхин А.Д. Глава 1. Исследование кургана 2 Липецкого могильника // А.Н. Усачук (отв. ред.). Липецкий курган — памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк: Новый взгляд, 2016. С. 5–17.
- Горбунов В.Г. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1989. 134 с.
- Горбунов В.Г. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башкир. пед. ин-т, 1992. 223 с.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 98–116. URL: <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116>.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 23–54.
- Дегтярева А.Д., Рындина Н.В. Модели цветного металлопроизводства западной и восточной зоны ямной культурно-исторической области // КСИА. 2019. № 256. С. 58–74. URL: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.58-74>.
- Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькиного луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-та, 2001. Вып. 5. С. 38–48.
- Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкир. ун-т, 1983. С. 35–47.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.
- Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. 192 с.
- Епимахов А.В. Культуры бронзового века Южного Урала (археологические источники) // А.В. Епимахов и др. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. История Южного Урала: В 8 т. Т. 2. Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2019. С. 50–181.
- Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Дубягина Е.В. Миграционное происхождение технологий металлопроизводства Казахстанской горно-металлургической области // Stratum plus. 2020. № 2. С. 103–116.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 156–207.

- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.
- Зданович Г.Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47–62.
- Зданович Д.Г.* Раздел 1: Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Г.Б. Зданович (отв. ред.). Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 17–105.
- Илюшина В.В.* Технология гончарного производства населения алакульской культуры поселения Нижнеингальское-3 в Нижнем Притоболье // Самар. науч. вестник. 2015. № 4. С. 47–59.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 32–58.
- Калиева С., Логвин В.* Могильник Токанай 1 // S. Colesnius, G. Talmatchi, T. Dimov (Eds.). Prehistory studies Pontic Area. Mangalia: Callasprint, 2014. P. 203–218.
- Колев Ю.И., Мамонов А.Е., Турецкий М.А.* (отв. ред.). История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. 336 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 214 с.
- Костюков В.П., Епимахов А.В.* Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1999. Ч. 2. С. 66–70.
- Крауз Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э.* Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 1. Т. 47. С. 54–63. URL: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.1.054-063>.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий (отв. ред.). История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. С. 122–151.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоирии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды 1 (эпоха бронзы) // УИВ. 2016. № 4. С. 85–92.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 4. Т. 47. С. 43–52. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.043-052.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.* Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Лифанов Н.А., Ломейко П.В.* Курганный могильник эпохи поздней бронзы Березовский II (раскопки 2011 г.) // Бронзовый век: Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 158–178.
- Малов Н.М.* (отв. ред.). Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. VI-10. Т. 1. 200 с.
- Малов Н. М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: По материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Науч. книга, 2007. Вып. 5. С. 34–92.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.* Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Матвеева Н.П., Зайцева Е.А.* Керамический комплекс алакульской культуры поселения Нижнеингальское 3 // Вестник ТюмГУ. 2001. № 4. С. 3–10.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П. Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-та, 2010. 160 с.
- Нелин Д.В.* Шибеево I: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1, Историч. науки. 2004. № 2. С. 150–181.
- Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н.* Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3: (Результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 24–35.
- Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н.* Тюбяк: Поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ун-та, 2001. 159 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 164 с.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. Кн. 2. 176 с.

Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Ножи-кинжалы с перекрестием и ромбическим окончанием черенка в абашевском и срубном мирах: (К развитию производственных традиций) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998. Вып. 7. С. 27–36.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий (отв. ред.). История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. С. 152–208.

Сергеева О.В. Раскопки курганов в Самарской области // Археология восточноевропейской лесостепи. Саратов, 2017. Вып. 3. С. 164–183.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник: (Итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.

Сорокин В.С., Грязнов М.П. (ред.). Андроновская культура // САИ. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. В3-2 144 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Димур, 1998. Вып. 2. С. 38–56.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбин. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: НТЦ, 2001. С. 417–425.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132. 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «Степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. Т. 35. С. 36–53.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // А.Д. Таиров (отв. ред.). Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. Cambridge: University press, 1992. 335 p.

A.D. Degtyareva^a, N.V. Ryndina^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University
Lomonosov prosp., 27, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: adegtyareva126@gmail.com;
arxeolog@gmail.com

Knives of the Petrovka Culture in the Southern Trans-Urals: morphological and typological characteristics

The paper reports morphological and typological characteristics of knives of the Petrovka Culture in the Southern Trans-Urals and Middle Tobol River region (the Early Alakul period, as defined by N.V. Vinogradov). According to the ¹⁴C dates (36 dates in total, half them are AMS dates), the chronological period of the Petrovka sites in the Southern Trans-Urals spans the 19th through 18th centuries BC. The inventory metal complexes of the Late Bronze Age cultures between the Don and Ishim Rivers, despite the large territory, have many common types of tools. This is particularly noticeable when comparing the largest category of the tools — the knives (49 specimens). Differentiation of the tools by type was based on the methodology of typological attribution of the inventory taking into account the presence or absence of particular qualitative characteristics and their combination — analysis of the handle decoration, presence of a bolster, knife tang, shape of the transition from the blade to the tang, and shape and cross-section of the blade. Alongside the morphological and typological characterization of the knives, mapping the tools finds and was also carried out with the search for analogues in neighboring cultures. The most effective results have been obtained by mapping of tools with rhombic tangs, crosshair and interception, which are most numerous (147 specimens). We have identified three types of the knives with prominent massive handle, knives with forged sleeve and seven types of the tools with tangs. The identified types of the Petrovka Culture of the Southern Trans-Urals are more or less characteristic of the family of related cultures

of the Eurasian forest-steppe and steppe belt — Abashevo, Sintashta, Petrovka, Early Srubnaya, and sites of the Potapovka and Pokrovka types. On the basis of the statistical data, there have been identified the types of the knives with a massive handle, as well as those with a forged sleeve, which are predominantly associated with the metalwork centers of the Petrovka Culture. We have unraveled the particular significance of the knives with rhombic tangs, crosshair and interception in the ritual practices of the entire circle of the cultures from the forest-steppe and steppe belt, apparently related to the special social status of the buried individuals. Prototypes of most forms of knives with tangs have been found in the stereotypes of the objects from the production centers of the Circumpontian Metallurgical Province. The common momentum for the genesis of the forest-steppe and steppe cultures, originating from the Middle Bronze Age cultures of the Eastern Europe and Ural, explains the common morphology of the knives for the family of the related cultures of the first phase of the Eurasian Metallurgical Province with a variety of forms and in contrast to the uniform shape of the knives of the Srubnaya and Alakul types of the second phase of the Eurasian Province.

Key words: Late Bronze Age, Southern Trans-Urals, Middle Tobol, Petrovka culture, knife morphology, typology.

Acknowledgments. We express our sincere gratitude for the possibility of using the knives from unpublished materials of the burial ground Troitsk 7 to the leading researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the RAS, Doctor of History A.V. Epimakhov, as well as senior research associate of the Tyumen Scientific Centre of the SB RAS, candidate of historical sciences V.M. Kostomarov for assistance in mapping finds.

Funding. The work was carried out on a state assignment, project No. AAAA-A17-117050400147-2 (A.D. Degtyareva).

REFERENCES

- Avanesova N.A. (1991). *The culture of the pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR*. Tashkent: FAN UzSSR. (Rus.).
- Agapov S.A., Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V. (2012). Metal industry in the East zone of bead pottery culture community. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 44–59. (Rus.).
- Berezanskaya S.S., Otroshchenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. (1986). *Culture of the Bronze Age in Ukraine*. Kiev: Naukova Dumka. (Rus.).
- Botalov S.G., Grigoryev S.A., Zdanovich G.B. (1996). Funeral complexes of the Bronze Age of the Bolshe-Karagansky burial ground (publication of the results of archaeological excavations of 1988). In: *Materialy po arheologii i etnografii luzhnogo Urala*. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 64–88. (Rus.).
- Chernykh E.N. (1966). The history of the ancient metallurgy of Eastern Europe. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, (132). (Rus.).
- Chernykh E.N. (1970). Ancient metallurgy of the Urals and Volga region. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, (172). (Rus.).
- Chernykh E.N. (1992). *Ancient metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. Cambridge University Press.
- Chernykh E.N. (2008). Formation of the Eurasian «steppe belt» of stockbreeding cultures: Viewed through the prism of archaeometallurgy and radiocarbon dating. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (3), 36–53. (Rus.).
- Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989). *Ancient metallurgy of Northern Eurasia*. M.: Nauka. (Rus.).
- Degtyareva A.D. (2010). *The history of metal production in the South Trans-Urals in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. (2020). Non-ferrous metal of the Early Alakul (Petrovka) culture of the Bronze Age of Central Kazakhstan. *Povolzhskaya arheologiya*, (1), 98–116. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116>.
- Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., Orlovskaya L.B. (2001). Metal production of Petrovka tribes (based on materials from the Kulevchi 3 site). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 23–54. (Rus.).
- Degtyareva A.D., Ryndina N.V. (2019). Models of non-ferrous metal production in the western and eastern zones of the pit cultural and historical region. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii*, (256), 58–74. (Rus.). Retrieved from: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.58-74>.
- Denisov I.V. (2001). The burial grounds of the Bronze Age Obil'kino Meadow near Sol-Iletsk. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburgsk'ia*, (5), 38–48. (Rus.).
- Evdokimov V.V. (1983). Chronology and periodization of sites of the Bronze Age of Kustanai Tobol. In: G.B. Zdanovich (Ed.). *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*. Cheliabinsk: Bashkir. un-t, 35–47. (Rus.).
- Evdokimov V.V., Varfolomeev V.V. (2002). *The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan: A Study Guide*. Karaganda: Izd-vo of KarGU. (Rus.).
- Epimakhov A.V. (2002). *Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU. (Rus.).
- Epimakhov A.V. (2005). *Early integrated societies of the north of Central Eurasia*. Chelyabinsk: Chelyab. dom pečati. (Rus.).

Ножи петровской культуры Южного Зауралья: морфолого-типологическая характеристика

- Epimakhov A.V. (2019). Bronze Age Culture of the South Urals (archaeological sources). In: A.V. Epimakhov et al. *Iuzhnyi Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyi vek. Istoriya Iuzhnogo Urala v 8 t.* Vol. 2. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 50–181. (Rus.).
- Gening V.F., Stefanova N.K. (1994). *Chernoozerye I — a burial ground of the Bronze Age of the middle Irtysh region.* Ekaterinburg: UrGU. (Rus.).
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. (1992). *Sintashta: Archaeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes.* Chelyabinsk: Iuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Golotvin A.N., Pryakhin A.D. (2016). Chapter 1: The study of the mound 2 of the Lipetsk burial ground. In: A.N. Usachuk (Ed.). *Lipetskii kurgan — pamyatnik elity dono-volzhskoi abashevskoi kul'tury.* Lipetsk: Novyi vzglad, 5–17. (Rus.).
- Gorbunov V.G. (1989). *Bronze Age settlement monuments in the forest-steppe Urals.* Kuibyshev: Kuibyshev. ped. in-t. (Rus.).
- Gorbunov V.G. (1992). *Bronze Age of the Volga-Ural Forest-Steppe.* Ufa: Bashkir. ped. inst. (Rus.).
- Ilyushina V.V. (2015). The technology of pottery production of the population of the Alakul culture of the site of Nizhneingalskoye-3 in the Lower Tobol. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (4), 47–59. (Rus.).
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov J. (1992). *The culture of ancient herders and metallurgists Sary-Arka.* Almaty: Gylm. (Rus.).
- Kalieva S.S., Logvin V.N. (2008). The burial ground near the settlement of Bestamak: (Preliminary communication). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 32–58. (Rus.).
- Kalieva S., Logvin V. (2014). Tokanai burial ground 1. In: S. Colesnius, G. Talmatchi, T. Dimov (Eds.). *Pre-history studies of the Pontic Area.* Mangalia: Callasprint, 203–218. (Rus.).
- Khalyapin M.V. (2001). The first burialless burial ground of Sintashta culture in the steppes of the Urals. In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya.* Samara: NTTs, 417–425. (Rus.).
- Kolev Yu.I., Mamonov A.E., Turetsky M.A. (Eds.). (2000). *The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day: Bronze Age.* Samara: Izd-vo Samar. NTS RAN. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. (2020). *The sanctuary of the first metallurgists of the Middle Urals.* Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Kostyukov V.P., Epimakhov A.V. (1999). Preliminary results of the study of the Bronze Age burial ground Troitsk-7. In: *120 let arheologii vostochnogo sklona Urala: Pervye chteniia pamiati V.F. Geninga: Materialy nauch. konf.* Ekaterinburg: UrGU, 66–70. (Rus.).
- Krause R., Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V., Novikov I.K., Stolyarchik E. (2019). Petrovka sites of the Bronze Age: Problems of taxonomy and chronology. *Archeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia*, (1), 54–63. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.1.054-063>.
- Kuznetsov P.F., Semenova A.P. (2000). Sites of the Potapovka type. In: Yu.I. Kolev, A.E. Mamonov, M.A. Turkish (Eds.). *The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day: The Bronze Age.* Samara: Izd-vo Samar. NTS RAN, 122–151. (Rus.).
- Kuzmina E.E. (1994). *Where did the Indo-Aryans come from? (The material culture of the Andronovo tribes and the origin of the Indo-Iranians).* Moscow: MGP «Kalina» VINITI RAN.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A. (2019). The chariot complex of the Tabyldy burial ground (Central Kazakhstan). *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (4), 43–52. DOI: 10.17746 / 1563-0102.2019.47.4.043-052.
- Kukushkin I.A., Loman V.G., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. (2016). Burial with a metal vessel in the burial ground of Nuraltay 1 (Bronze Age). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 85–92. (Rus.).
- Kupriyanova E.V., Zdanovich D.G. (2015). *Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Burial ground Stepnoy VII.* Chelyabinsk: Encyclopedia. (Rus.).
- Lifanov N.A., Lomeyko P.V. (2012). Barrow burial ground of the Late Bronze Age Berezovsky II (excavations 2011). In: *Bronzovyi vek: Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov Samarskoi oblasti).* Samara, 158–178. (Rus.).
- Malov N.M. (Ed.). (1993). Sites of Srubnaya culture. Volga-Ural interfluvium. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1(VI-10). (Rus.).
- Malov N.M. (2007). Pokrovka culture of the beginning of the Late Bronze Age in the northern regions of the Lower Volga: Based on materials from the sites of the Srubnaya cultural and historical region. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi stepi*, (5), 34–92. (Rus.).
- Matveev A.V. (1998). *The first Andronians in the forests of the Trans-Ural.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P., Volkov E.N., Ryabogina N.E. (2003). *New sites of the Bronze and Early Iron Ages.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zaitseva E.A. (2001). Ceramic complex of Alakul culture of the settlement of Nizhneingalskoye 3. *Vestnik TyumGU*, (4), 3–10. (Rus.).
- Nelin D.V. (2004). Shibaev I: Settlement of the Bronze Age in the South Trans-Urals. *Vestnik Cheliabinskogo gos. pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1, Istoricheskie nauki*, (2), 150–181. (Rus.).
- Novikov I.K., Degtyareva A.D., Shilov S.N. (2014). Graves of the Bronze Age Ozernoe 1 and Ozernoe 3: (Research results). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 24–35. (Rus.).

- Obydenov M.F., Gorbunov V.S., Muravkina L.I., Obydenova G.T., Garustovich G.N. (2001). *Tubyak: Bronze Age settlement in the Southern Urals*. Ufa: Izd-vo Bashkir. ped. un-ta. (Rus.).
- Potemkina T.M. (1985). *Bronze Age of forest-steppe Tobol*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pryakhin A.D. (1976). *Sites of the Abashevo community*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (Rus.).
- Pryakhin A.D. (1996). *Mosolovo site of metallurgical foundry workers of the Late Bronze Age. Book 2*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (Rus.).
- Pryakhin A.D., Savrasov A.S. (1998). Knives-daggers with a crosshair and a rhombic end of the cuttings in the Abashevo and Srubnaya worlds (to the development of production traditions). In: *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia*, (7), 27–36. (Rus.).
- Salnikov K.V. (1967). *Essays on the ancient history of the Southern Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Semenova A.P. (2000). Funeral sites of the Srubnaya culture. In: Yu.I. Kolev, A.E. Mamonov, M.A. Turetskiy (Eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Bronzovyi vek*. Samara: Izd-vo Samar. NTs RAN, 152–208. (Rus.).
- Sergeeva O.V. (2017). Excavations of mounds in the Samara region. *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi le-sostepi*, (3), 164–183. (Rus.).
- Shevnina I.V., Voroshilova S.A. (2009). Children's burials of the Developed Bronze Age (based on materials from the Bestamak burial ground). In: A.D. Tairov (Ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*. Cheliabinsk: Izd. tsentr luUrGU, 59–63. (Rus.).
- Shevnina I.V., Logvin A.V. (2015). *Halvay III Bronze Age burial ground in Northern Kazakhstan*. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Soloviev B.S. (2005). Yurino (Ust-Vetluga) burial ground: (After excavations from 2001–2004). *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 103–111. (Rus.).
- Sorokin V.S., Gryaznov M.P. (Eds.). (1966). Andronovo culture. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (V3-2). (Rus.).
- Tkachev A.A. (2002). *Central Kazakhstan in the Bronze Age. Chast' 1*. Tyumen: Tyumen. neftegaz. un-t. (Rus.).
- Tkachev A.A. (2019). *Burial ground of the Maytan Bronze Age*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).
- Tkachev V.V. (1998). To the problem of the origin of Petrovka culture. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia. Vyp. 2*. Orenburg: Dimur, 38–56. (Rus.).
- Tkachev V.V. (2007). *Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages*. Aktobe: Aktubinsk. obl. tsentr istorii, etnografii i arkheologii. (Rus.).
- Vasiliev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. (1994). *Potapovka burial grounds of Indo-Iranian tribes on the Volga*. Samara: Samara: Izd-vo Samar. un-ta. (Rus.).
- Vasiliev I.B., Pryakhin A.D. (1979). Beskurganny Abashevsky burial ground near the Nikiforovsky forestry in the Orenburg region. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 145–152. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (1982). Kulevchi III — a site of Petrovka type in the South Trans-Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (169), 94–100. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (1984). Kulevchi VI — a new Alakul burial ground in the forest-steppes of the South Trans-Urals. *Sovetskaia arkheologiya*, (3), 136–153. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (2003). *Bronze Age burial site Krivoe Ozero in the South Trans-Urals*. Chelyabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Vinogradov N.B. (2011). *Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC: (Sites of Sintashta and Petrovka types)*. Chelyabinsk: Abris. (Rus.).
- Vinogradov N.B., Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V. (2013). Metallurgy and metalworking in the life of the inhabitants of the fortified settlement of Ustye 1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 4–30. (Rus.).
- Yermolayeva A.S., Kuzminykh S.V., Dubyagina E.V. (2020). Migration origin of technologies of metal production of Kazakhstan mining and metallurgical region. *Stratum plus*, (2), 103–116. (Rus.).
- Zdanovich D.G. (2002). Chapter 1: Archeology of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground. In: G.B. Zdanovich (Ed.). *Arkaim: Nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo, 17–105. (Rus.).
- Zdanovich G.B. (1983). The main characteristics of the Petrovsky complexes of the Ural-Kazakhstan steppes. In: *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*. Cheliabinsk: BashGU, 156–207. (Rus.).
- Zdanovich G.B. (1988). *The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes*. Sverdlovsk: Ural. un-t. (Rus.).
- Zdanovich G.B. (1997). Arkaim — a cultural complex of the Middle Bronze Age of the South Trans-Urals. *Rossiyskaia arkheologiya*, (2), 47–62. (Rus.).

А.Д. Дегтярева, <https://orcid.org/0000-0002-1945-7145>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

В.В. Илюшина ^a, И.П. Алаева ^b, Н.Б. Виноградов ^b

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН,
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080
E-mail: vika_tika@mail.ru;
alaevaira@mail.ru;
vinogradov_n@mail.ru

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА КУЛЕВЧИ VI: ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлены результаты типологического и технико-технологического анализа керамического комплекса могильника бронзового века Кулевчи VI. Выделено 10 типов сосудов, отнесенных к четырем культурно-хронологическим группам: петровской, раннеалакульской, алакульской, алакульско-федоровской. Наличие всех групп и типов сосудов в могильнике свидетельствует о его функционировании на протяжении всего периода существования алакульской культуры: типы IA, IB, IB — этап становления алакульской культуры, соотносимый с керамикой петровского типа памятников; типы IIA, III — ранний этап собственно алакульской культуры; типы IIB, IIB, III — расцвет алакульской культуры; тип IIIG — поздний этап алакульской культуры, отражающий участие субкультурных групп федоровского населения. В результате технико-технологического анализа выявлено существенное сходство в технологии изготовления сосудов всех выделенных групп. Выдвинуто предположение о близкородственном составе населения, оставившего могильник Кулевчи VI.

Ключевые слова: Южный Урал, могильник Кулевчи VI, алакульская культура, керамика, типология керамических сосудов, технико-технологический анализ.

Введение

Изучение керамики алакульской культуры ведется с момента выделения и описания западных памятников андроновской культуры. В большинстве работ XX века давались обобщенные характеристики алакульских керамических сосудов. С разработкой подробной периодизации бронзового века и выделением памятников раннего этапа алакульской культуры появились классификации сосудов, представляющие эволюционные схемы: от ранних «острореберных» петровских сосудов к сменившим их «уступчатым» алакульским формам и «плавнoproфилированным» сосудам федоровской культуры [Потемкина, 1985; Зданович, 1988; Матвеев, 1998].

В истории периодизации бронзового века Урало-Казахстанского региона одной из существенных проблем остается определение точных культурно-хронологических границ такого явления, как алакульская культура.

В историографической традиции алакульские древности были включены в более широкое понятие андроновской культуры. В определенный период в рамки андроновской общности наряду с алакульскими и федоровскими памятниками включались материалы заключительного этапа бронзового века (алексеевско-саргаринской культуры), однако вскоре были исключены из этого объединения. Затем последовала сепарация отдельных явлений: выделена петровская культура [Зданович, 1988], памятники петровского типа рассматривались как раннеалакульские [Виноградов, 1982], федоровский импульс определялся как инокультурный [Потемкина, 1985; Корочкова, Стефанов, 2006]. В этом же ряду — и отделение от «андроновского мира» феномена синташтинской культуры. В итоге к началу XXI века обозначилась тенденция относить к алакульской культуре только материалы фазы расцвета этого явления, «классического» облика. Оставляя за рамками этой статьи обсуждение собственно понятия «археологическая культура», мы хотели бы обратить внимание на то, что одним из вариантов решения проблемы слагаемых алакульской культуры и их хронологического соотношения является установление наличия или отсутствия родственных связей между ними.

В представленной работе на примере изучения керамической коллекции могильника позднего бронзового века Кулевчи VI (рис. 1) методом технико-технологического анализа проведено сопоставление технологии изготовления различных типов сосудов, включенных в петровскую, ранне-

алакульскую, алакульскую, алакульско-федоровскую культурно-хронологические группы, с целью оценить их близость/разность и возможности рассмотрения в рамках одной, алакульской культуры.

Рис. 1. Месторасположение могильника Кулевчи VI.
Fig. 1. The location of the burial ground Kulevchi VI.

Результаты типологического анализа керамики

Типологический анализ керамических сосудов могильника Кулевчи VI основан на авторской разработке типологии керамики бронзового века Н.Б. Виноградова [1982, с. 32–56]. Выбранную методику можно обозначить как «технологический вариант классификации». При таком подходе существенным признаком считаются особенности формообразования сосуда (форма и пропорции тулова, оформление перехода от тулова к шейке, особенности оформления и высота шейки), обусловленные технологией производства керамики. В качестве основной технологии изготовления синташтинской, петровской и алакульской посуды реконструирована формовка на перевернутом сосуде-основе с использованием влажной текстильной прокладки в технике лоскутного налепа. Технология формовки на старом сосуде обеспечила тиражирование формы тулова и создала устойчивую традицию в пределах каждого культурного образования. При этом основные изменения касались оформления плеча и шейки сосуда, особенности которых и стали основным признаком в образовании типов керамики.

В базу данных керамической коллекции могильника Кулевчи VI вошли 107 сосудов. Всего было выделено 10 типов сосудов, соотносящихся с петровской, раннеалакульской, «классической» алакульской и алакульско-федоровской группами (рис. 2).

Петровская группа сосудов

К данной группе отнесены 17 сосудов коллекции (16 %). Сосуды горшечно-баночные, «острореберного» облика. В этой группе выделены три типа изделий, различающихся способами оформления шейки: тип IA² — короткая, чуть отогнутая наружу шейка (рис. 3, 1); тип IB — в верхней части короткой шейки оформлен наплыв, «воротничок» (рис. 3, 2, 3); тип IB — без шейки, с коротким плечом, согнутым внутрь и образующим «острореберность» профиля (рис. 3, 4).

Сосуды типов IA², IB, IB относятся к группе памятников петровского типа Южного Зауралья. Сосуды, сходные с типом IB, отнесены А.В. Матвеевым к «кулевчинской фазе» [1998, с. 325].

Раннеалакульская группа сосудов

Тип IIA — к этому типу отнесены 32 сосуда (30 %) (рис. 3, 5–7). Сосуды горшечно-баночной формы, с плоским дном. Тулово слабовыпуклое, в месте перехода от тулова к шейке оформлен уступ, шейка прямая, в верхней части шейки на некоторых сосудах оформлен слабовыраженный, редуцированный «воротничок». Тип IIA отнесен к раннеалакульской культурной традиции, имеет сходство с сосудами «чистолебяжского этапа», выделенного А.В. Матвеевым [1998, с. 325–328].

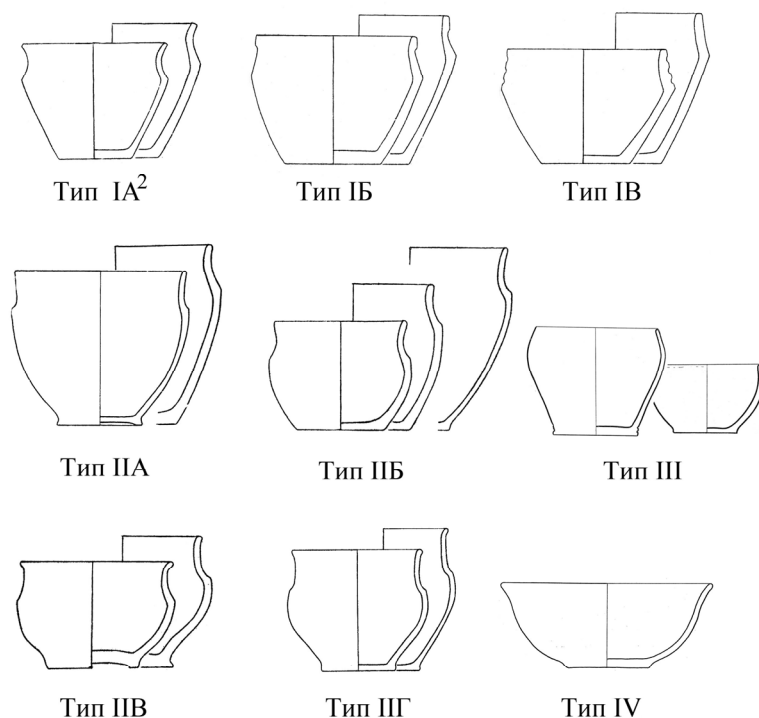

Рис. 2. Типы керамических сосудов петровской, алакульской культуры.
Fig. 2. Types of ceramic vessels of Petrovka, Alakul culture.

«Классическая» алакульская группа сосудов

Тип IIБ — всего в коллекции 35 сосудов (33 %) (рис. 3, 8, 9). Сосуды горшечно-баночной формы, с достаточно широким дном, со слабо раздутым туловом, при переходе от тулова к шейке оформлен уступ. Сосуды данного типа широко представлены в памятниках алакульской культуры разных территорий. Тип IIБ соответствует сосудам «алакульского этапа», выделенного А.В. Матвеевым [1998, с. 328].

Тип IIB — всего в коллекции 11 сосудов (10 %) (рис. 3, 10, 11). Тип представлен горшечно-баночными сосудами, при переходе тулова к шейке оформлен уступ, шейка прямая или слегка отогнутая. Характерной чертой сосудов типа IIB являются выпуклые, раздутые бока верхней части тулова. Сосуды типа IIB относятся к алакульской культуре в ее несколько более позднем варианте и находят соответствие в характеристике «камышинского этапа» по А.В. Матвееву [1998, с. 328].

Алакульско-федоровская группа сосудов

Тип IIГ — к этому типу отнесены 3 сосуда (3%) (рис. 3, 12). Сосуды алакульско-федоровского типа, сходного с «амангельдинским» Г.Б. Здановича [1988, с. 71], А.В. Матвеева [1998, с. 329]. Его специфика выражается в форме и орнаментации. Тип IIГ характеризуется сосудами горшечно-баночной формы с сильно раздутым туловом в верхней трети профиля, достаточно узким дном, при переходе тулова к шейке оформлен уступ, шейка высокая, отогнутая наружу. Алакульский культурный компонент в этом типе представлен уступчатой формой сосудов, федоровский — в орнаментации геометрическими фигурами по «косой» сетке.

Баночная группа сосудов, имеющая сквозной характер (представлена во всех культурно-хронологических группах)

К этой группе отнесены 7 сосудов (6 %). Изделия характеризуются баночной формой со слабо раздутым туловом и при отсутствии выраженной шейки. По особенностям оформления верхнего края выделены три типа: тип IIIA — банка с открытым профилем (рис. 3, 13); тип IIIB — банки с закрытым профилем (рис. 3, 14); тип IIIB — банки с прямым профилем и «намечающейся» шейкой.

Группа чашевидных сосудов, сходных с инкультурными формами

Тип IVP — представлен двумя сосудами (около 2 %) (рис. 3, 15). Сосуды в виде чаши с открытым профилем, верхние края немного выгнуты наружу, дно плоское. Сосуды не орнаментированы.

Чаши типа IVP имеют сходство с инокультурными сосудами. Аналоги подобным изделиям очень немногочисленны: в могильнике Михайловка-II [Рафикова, Федоров, 2017, с. 48–51], в коллекции казахстанского поселения Павловка [Малютина, 1991, с. 155]. Южноуральские авторы сопоставляют керамику данного типа с сосудами из более поздних памятников древнеземледельческих культур периода Намазга VI [Малютина, 1991, с. 155], с материалами памятников юга Узбекистана (сапаллинская и чустская культуры), Гиссарской долины юга Таджикистана [Рафикова, Федоров, 2017, с. 48–51].

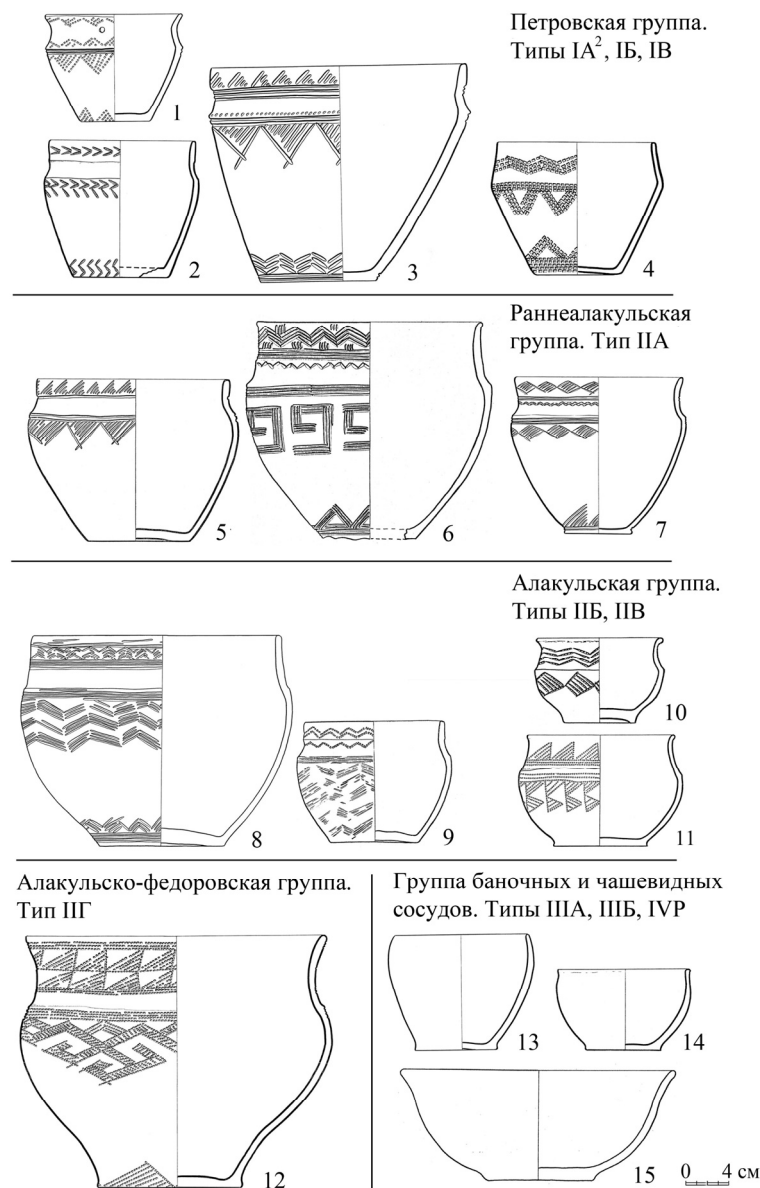

Рис. 3. Типы керамических сосудов могильника Кулевчи VI:

1 — тип IA^2 ; 2, 3 — тип IB; 4 — тип IB; 5–7 — тип IIA; 8, 9 — тип IIB; 10, 11 — тип IIB; 12 — тип IIG; 13 — тип IIIB; 14 — тип IIIA; 15 — тип IVP.

Fig. 3. Types of ceramic vessels of the burial ground Kulevchi VI:

1 — type IA^2 ; 2, 3 — type IB; 4 — type IB; 5–7 — type IIA; 8, 9 — type IIB; 10, 11 — type IIB; 12 — type IIG; 13 — type IIIB; 14 — type IIIA; 15 — type IVP.

Типологический анализ керамической коллекции могильника Кулевчи VI позволяет отнести практически все сосуды к одному комплексу, произведенному родственными коллективами. Выделенные типы керамики демонстрируют процесс постепенного изменения, эволюции керамического производства в рамках одной культуры. Постепенность наращивания изменений проявляется в целом ряде переходных типов (выделены варианты типов: IB/IIA, IIA/IIB, IIB/IIB) и

в динамике исчезновения/увеличения отдельных элементов на сосудах более ранних (петровской группы) и более поздних (алакульской, алакульско-федоровской групп) типов. Некоторым исключением из этого правила являются два сосуда — чаши (тип IVP), вероятно, созданные по репликам среднеазиатских сосудов.

Выделенные типы сосудов имеют отличия не только морфологические, но и хронологические. В могильнике Кулевчи VI ранние типы сосудов нигде не встречаются с более поздними: типы сосудов петровской группы (IA, IB) не найдены в одном погребении с сосудами классического этапа алакульской культуры (IIB, IIB) и, далее, сосуды раннеалакульского типа (IIA) не встречаются с поздними алакульско-федоровского типа (IIГ). Взаимовстречаемость отмечена только для «близких» типов: тип IB встречается только с типом IIA; в свою очередь, тип IIA — только с типом IIB, типы IIB и IIB — с типом IIГ.

К сожалению, вещевой комплекс алакульской культуры не имеет узкой хронологической привязки и сопоставление типов сосудов и времени бытования определенных предметов практически невозможно. Тем не менее для одного вида изделий можно проследить определенную закономерность. В кургане 3, яме 2 встречена крестовидная подвеска с характерным разветвлением на концах. Подобный тип подвески (тип II по Е.В. Флек), отличный от более раннего типа I (простого креста), не зафиксирован в петровских и нуртайских комплексах [Флек, 2009, с. 66, 68]. В могильнике Кулевчи VI этот тип подвески сопровождался сосудами типов IIB, IIГ, что подтверждает их более позднее функционирование.

Информацию о последовательности существования разных типов керамики дополняют и данные радиоуглеродного датирования материалов могильника Кулевчи VI [Епимахов и др., 2005, с. 98, табл. 3]: для погребений (кург. 4, погр. 24, 31) с сосудами типов IB/IIA и IIA определен интервал — 1920–1740/1960–1760 гг. до н.э. (кал. дата 95,4 %), в то время как погребение (кург. 5, погр. 3) с сосудом типа IIB имело несколько более позднюю дату — 1880–1690 гг. до н.э. (кал. дата 95,4 %). Даже несмотря на видимую плотность и определенную временную близость возведения курганов, по данным радиоуглеродного датирования подтверждается относительно более позднее существование «классических» алакульских сосудов типа IIB в сравнении с типами раннеалакульской группы — IB/IIA, IIA.

Результаты технико-технологического анализа керамики

Технико-технологическому анализу подвергнут 91 сосуд следующих морфологических групп и типов, в том числе переходных: 1) петровская группа — типы IA², IB, IB (11 сосудов); 2) раннеалакульская группа — типы IB/IIA, IIA (33 сосуда); 3) «классическая» алакульская группа — типы IIA/IIB, IIB, IIB/IIB, IIB (37 сосудов); 4) алакульско-федоровская группа — тип IIГ (3 сосуда); 5) группа баночных сосудов — типы III, IIIБ (4 сосуда); 6) чашевидные сосуды — тип IVP (2 сосуда).

Аналитические исследования проведены в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским [1978, 1999]. Вследствие того что данные, полученные при изучении отдельных типов сосудов, сходны, сопоставление проведено в основном по выделенным морфологическим группам.

В качестве *исходного пластичного сырья* (далее — ИПС) применялась природная глина, представленная шестью подвидами, различающимися степенью ожелезненности и качественным составом естественных примесей.

Глина 1 (Гл. 1). Слабо ожелезненная, сильно запесоченная. Содержит неокатанный полупрозрачный песок размером 0,1–1,0 мм (более 100 включений на 1 см²), редкие слабо окатанные частицы песка, а также породные обломки размером 2,0–3,0 мм (1–5 включений на 1 см²), часто покрытые светло-коричневым рыхлым налетом (рис. 4, 1). Встречаются железистые включения: 1) рыхлые частицы охристого цвета размером 0,1–1,0 мм; 2) оолы бурого железняка размером 0,3–3,0 мм.

Глина 2 (Гл. 2). Слабо ожелезненная, сильно запесоченная. Близка по качественному и количественному составу глине 1, но наряду с неокатанными включениями песка встречены окатанные и полуокатанные размером 0,3–1,0 мм (до 25 включений на 1 см²).

Глина 3 (Гл. 3). Сильно ожелезненная, сильно запесоченная. Содержит песок и породные обломки, аналогичные выявленным в глине 1. В каждом образце присутствуют железистые включения: 1) мягкие комочки охристого цвета размером 0,2–4,0 мм (рис. 4, 3); 2) оолы бурого железняка размером 0,5–5,0 мм (рис. 4, 2).

Глина 4 (Гл. 4). Сильно ожелезненная, сильно запесоченная. Близка по качественному составу к глине 3. Отличается значительным количеством включений слюды размером 0,1–0,5 мм.

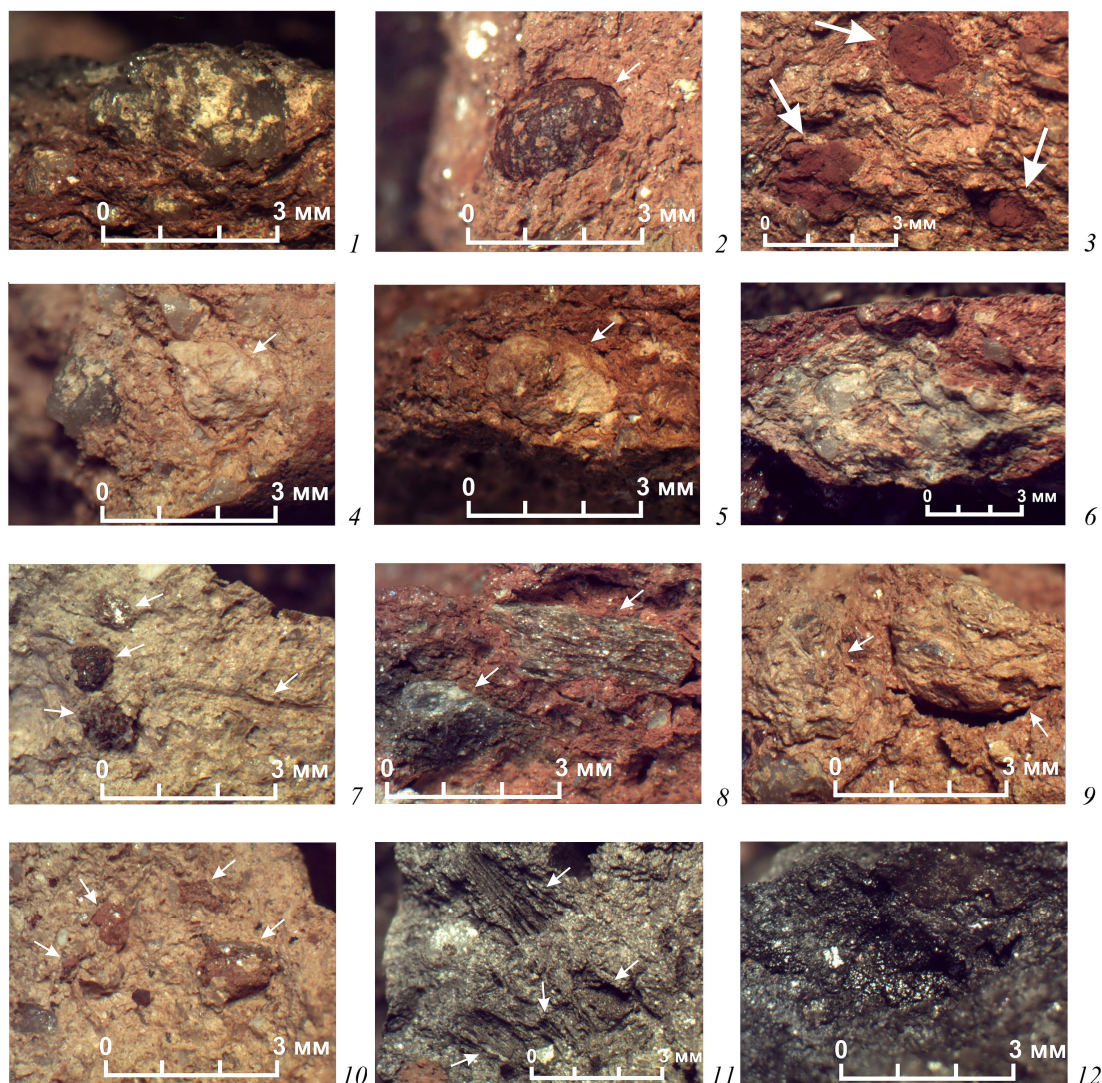

Рис. 4. Микроснимки естественных примесей в сырье (1–6) и искусственных добавок в формовочных массах (7–12) сосудов могильника Кулевчи VI:

1 — породный обломок; 2 — оолитовый бурый железняк; 3 — рыхлые железистые включения; 4 — смесь глин 1; 5 — смесь глин 2; 6 — смесь глин 3; 7, 8 — тальковая дресва в слабо ожегненной глине 1 (7) и сильно ожегненной глине 3 (8); 9, 10 — шамот из слабо ожегненной (9) и сильно ожегненной (10) глин с тальковой дресвой; 11 — отпечатки растений; примесь навоза жвачных животных; 12 — следы жидкой составляющей органической примеси.
Fig. 4. Microphotographs of natural admixtures in raw materials (1–6) and artificial components in the molding masses (7–12) of vessels of the burial ground Kulevchi VI:
1 — the rock fragment; 2 — oolite iron ore; 3 — loose iron oxides; 4 — the clay mixture 1; 5 — the clay mixture 2; 6 — the clay mixture 3; 7–8 — fragments of talc; 9–10 — chamotte from lightly ferruginous (9) and highly ferruginous (10) clays with talc; 11 — prints of plants; admixture of ruminant animals; 12 — traces of a liquid component of an organic impurity.

Глина 5 (Гл. 5). Сильно ожегненная. Разительно отличается от глин 3 и 4 присутствием окатанного песка размером 0,1–1,0 мм (от 50 до более 100 включений на 1 см²) и единичных породных обломков размером 0,5–1,0 мм. Отмечены окислы железа: 1) рыхлые частицы размером 0,2–1,0 мм; 2) оолы бурого железняка размером 0,4–1,0 мм. По степени запесоченности данная глина представлена двумя вариантами: слабой (*глина 5а*) и сильной (*глина 5б*) степени запесоченности.

Глина 6. Неожегненная, незапесоченная. Естественных примесей не зафиксировано. Применялась только в глиняных концентратах, поэтому в сводной таблице не выделена в отдельную графу.

Часть изученных изделий изготовлена из смесей глин разной сортности. Выделены три их варианта. *Смесь глин 1* (См. Гл. 1) составлена из слабо ожегненной глины 1 и неожегнен-

Керамический комплекс могильника бронзового века Кулевчи VI...

ной глины 6 (рис. 4, 4). *Смесь глин 2* (См. Гл. 2) составлена из сильно ожелезненной глины 3 и неожелезненной глины 6 (рис. 4, 5). *Смесь глин 3* (См. Гл. 3) составлена из сильно ожелезненной глины 3 и слабо ожелезненной глины 1 (рис. 4, 6).

Подвиды глин 2–5 использовались только в состоянии естественной влажности. Глина 1 как самостоятельное сырье применялась в состоянии естественной влажности, в смеси глин 3 — в сухом виде. Глина 6 использовалась только в сухом состоянии и только в смесях.

Полученная об ИПС информация показывает, что группы населения, изготавливавшие различные по форме сосуды, использовали сходные источники добычи глин, были распространены навыки составления смесей (табл. 1). В то же время применение глины 1 не выявлено по петровской группе изделий, но отмечается по изломам сосуда переходного от петровского к раннеалакульскому типу (IБ/IIА). Более массовое ее использование и распространение приемов составления глиняных концентратов фиксируется по ранним (тип IIА) и «классическим» (типы IIА/IIБ, IIБ, IIБ/IIВ) алакульским сосудам, баночным изделиям (тип IIIБ). Для изготовления алакульско-федоровских сосудов (тип IIГ) сильно ожелезненные глины применялись исключительно в смесях глин. Две чаши (тип IVP) изготовлены из смеси глин 3, не характерной для керамики могильника, но отмеченной по одному из раннеалакульских сосудов.

Таблица 1

Соотношение ИПС с морфологическими типами и группами сосудов из могильника Кулевчи VI

Table 1

The ratio of clay subspecies, clay concentrates variants with morphological types and groups of vessels from the burial ground Kulevchi VI

Типы и группы сосудов		Подвиды глин и разновидности смесей глин							Всего сосудов
		Смеси глин			Слабо ожелезненные глины, засоренные породными обломками		Сильно ожелезненные глины, засоренные породными обломками	Сильно ожелезненные глины с окатанным песком	
		См.Гл. 1	См.Гл. 2	См.Гл. 3	Гл. 1	Гл. 2	Гл. 3	Гл. 4	Гл. 5
Петровская	IA ²								1/100
	IБ						5/71,4	1/14,3	7/100
	IВ		1/33,3				1/33,3	1/33,3	3/100
Всего сосудов в группе			1/9,1				6/54,5	2/18,2	11/100
			1/9,1				8/72,7		2/18,2
Ранне-алакульская	IБ/IIА				1/20		4/80		5/100
	IIА		3/10,7	1/3,6	2/7,1		14/50	4/14,3	28/100
Всего сосудов в группе			3/9,1	1/3,0	3/9,1		18/54,5	4/18,2	33/100
			4/12,1		3/9,1		22/66,7		4/12,1
«Классическая» алакульская	IIА/IIБ	2/20	2/20		2/20		4/40		10/100
	IIБ	2/10,5	1/5,3		5/26,3	1/5,3	8/42,1		19/100
	IIБ/IIВ		1/50				1/50		2/100
	IIВ				2/28,6		3/42,8	1/14,3	7/100
Всего сосудов в группе		4/10,5	4/10,5		9/23,7	1/2,6	16/43,2	1/2,6	38/100
			8/21		10/26,3		17/44,7		3/8
Алакульско-федоровская	IIГ		2/66,7		1/33,3				3/100
Баночные сосуды	III							1/100	1/100
	IIIБ	1/33,3			1/33,3		1/33,3		3/100
Всего сосудов в группе		1/25			1/25		1/25	1/25	4/100
			1/25		1/25		2/50		
Чаши (тип IVP)				2/100					2/100

По исследованным сосудам зафиксировано, что гончарами при *составлении формовочных масс* (далее — ФМ) в качестве искусственных примесей использовались минеральные и органические добавки. По изломам 24 сосудов выявлено применение шамота (Ш), размер которого чаще всего не превышает 2,5–3,0 мм (рис. 4, 9, 10). Концентрация шамота низкая: 1:5 (4,1 %), 1:7/8 (33,4 %), 1:10 и менее (62,5 %)¹. В изломах 40 сосудов зафиксированы включения талька (Т) размером 0,1–7,0 мм (рис. 4, 7, 8). Концентрация чаще всего незначительна: 1:3 (5 %), 1:4/5 (2,5 %), 1:5/6 (15 %), 1:7/8 (32,5 %), 1:10 и менее (45 %). В качестве органических добавок использовались навоз жвачных животных (Н) и выжимка из него (В) (рис. 4, 11, 12).

¹ Процентное соотношение концентрации минеральных примесей в сосудах указано в зависимости от количества изделий, содержащих их в составе формовочных масс.

Выделено 12 рецептов составления ФМ: «смесь глин + выжимка» (12,1 %); «смесь глин + тальк + выжимка» (4,4 %); «смесь глин + тальк + навоз» (2,2 %); «смесь глин + шамот + выжимка» (1,1 %); «глина + выжимка» (16,5 %); «глина + навоз» (11,0 %); «глина + тальк + выжимка» (24,1 %); «глина + тальк + навоз» (3,3 %); «глина + шамот + выжимка» (13,2 %); «глина + шамот + навоз» (2,2 %); «глина + тальк + шамот + выжимка» (7,7 %); «глина + тальк + шамот + навоз» (2,2 %).

Корреляция информации о компонентных составах ФМ с морфологическими типами и группами сосудов показывает, что гончары, изготавливавшие сосуды петровской (типы IA², IB, IB), ранней (типы IB/IIA, IIA) и «классической» (типы IIA/IIB, IIB, IIB/IIB, IIB) алакульских групп, включая баночные сосуды, чаще всего применяли компонентные составы ФМ «органика» (от 35,1% до 50%) и «тальк + органика» (от 25 до 37,8 %), реже — «шамот + органика» (от 15,2 до 25 %), «тальк + шамот + органика» (от 8 до 18,2 %) (не выявлен только по сосудам баночной формы) (табл. 2). По алакульско-федоровским сосудам отмечен только состав ФМ «тальк + органика». В массу, из которой изготовлены чаши, были введены лишь органические примеси.

Таблица 2

Соотношение компонентных составов ФМ и морфологических типов и групп сосудов из могильника Кулевчи VI

Table 2

The ratio of the recipes of the molding masses and morphological types and groups of vessels from the burial ground Kulevchi VI

Типы и группы сосудов		Компонентные составы ФМ						Всего сосудов
		См.Гл.+О	См.Гл.+Т+О	См.Гл.+Ш+О	Гл.+О	Гл.+Т+О	Гл.+Ш+О	
Петровская	IA ²						1/100	1/100
	IB			1/14,3	3/42,8	2/28,6	1/14,3	7/100
	IB	1/33,3		2/66,7				3/100
Всего сосудов в группе		1/9,1			3/27,3	3/27,2	2/18,2	11/100
Раннеалакульская	IB/IIA			2/40		2/40	1/20	5/100
	IIA	3/10,7		10/35,7	8/28,6	3/10,7	3/10,7	28/100
Всего сосудов в группе		3/9,1	1/3		12/36,3	8/24,2	5/15,2	33/100
«Классическая» алакульская	IIA/IIB	2/20		1/10	3/30	1/10	1/10	10/100
	IIB	2/10,5		6/31,5	6/31,6	2/10,5	2/10,5	19/100
	IIB/IIB		1/50			1/50		2/100
	IIB			2/28,6	4/57,1	1/14,3		7/100
Всего сосудов в группе		4/10,5	3/8	1/2,6	9/23,6	13/34,3	5/13,1	38/100
Алакульско-федоровская	IIIГ		2/66,7			1/33,3		3/100
Баночные сосуды	III					1/100		1/100
	IIIB	1/33,3		1/33,3		1/33,3		3/100
Всего сосудов в группе		1/25			1/25	1/25		4/100
Чаши (тип IVP)		2/100						2/100

В составе шамота в основном зафиксированы включения талька (87,5 %) (рис. 4, 9, 10), в изломах трех сосудов (12,5 %) в шамоте минеральных примесей не выявлено. Возможно, раздробленные сосуды содержали только органические примеси.

Способы *конструирования начинов* выявлены по 7 сосудам петровской (1 сосуд, тип IB), раннеалакульской (4 сосуда, типы IB/IIA, IIA) и «классической» алакульской (2 сосуда, типы IIB, IIB) групп. Зафиксирована одна программа конструирования — донно-емкостная (рис. 5). Изготовление начинов осуществлялось способом скульптурной лепки на плоскости и предположительно с применением форм-основ (сосуды петровской и раннеалакульской групп) лоскутным спиралевидным налепом.

Способы *конструирования полого тела* прослежены по изломам верхних частей 21 сосуда петровской (тип IB), раннеалакульской (типы IB/IIA, IIA) и «классической» алакульской (IIA/IIB, IIB, IIB) групп (рис. 5). Во всех случаях наращивание полого тела осуществлялось с помощью лоскутов. Отметим, что при изготовлении чаш в качестве строительных элементов также применялись лоскуты.

Формообразование сосудов производилось путем выдавливания пальцами, использования форм-моделей и выбивания гладкой колотушкой.

Среди *способов механической обработки поверхностей* выделены простое заглаживание и лощение. Поверхности сосудов петровской, раннеалакульской, «классической» алакульской, баночной групп в основном заглаживались каменными гальками, реже — шпателями, ножами или скребками. Использование гребенчатого штампа в качестве инструмента для заглаживания

зафиксировано лишь по раннеалакульским изделиям. Редки случаи заглаживания пальцами и кусочком ткани. В то же время следы только эластичных материалов зафиксированы на поверхностях чаш. Лощение, осуществлявшееся по подсушенной основе галькой, отмечено на 18,2 % сосудов петровской, 30,3 % — раннеалакульской, 44,7 % — «классической» алакульской, 100 % — алакульско-федоровской группы.

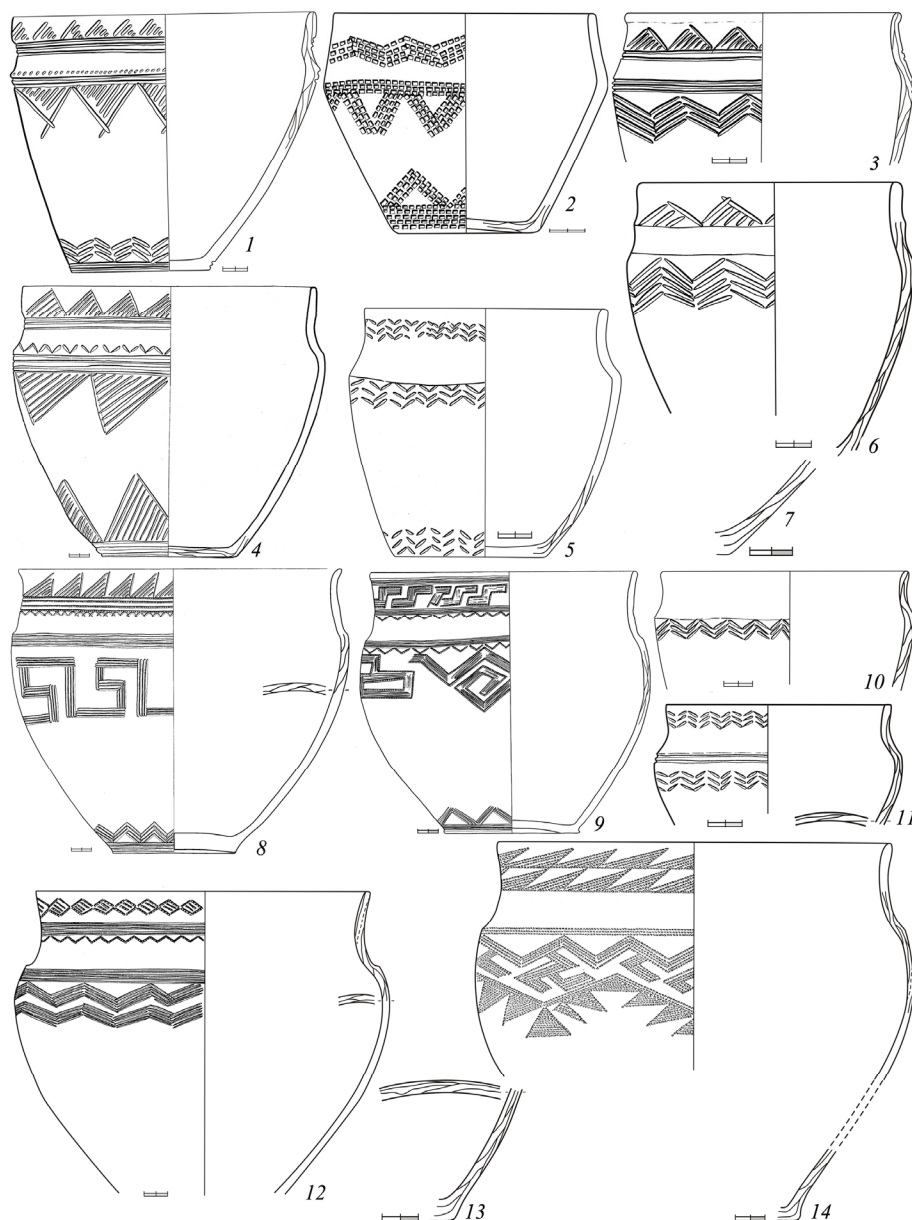

Рис. 5. Конструирование начинов и полового тела сосудов петровской (1, 2), раннеалакульской (3–7, 10), «классической» алакульской (8, 9, 11–14) групп могильника Кулевчи VI:

1 — тип IB; 2 — тип IB; 3, 4 — тип IB/IIA; 5–7 — тип IIA; 8, 9 — тип IIA/IIIB; 10 — тип IIA; 11–13 — тип IIIB; 14 — тип IIIB.

Fig. 5. The construction of the seed-body (2, 4, 5–7, 13, 14) and the hollow body of vessels of the Petrovka (1, 2), Early Alakul (3–7, 10), «classical» Alakul (8, 9, 11–14) groups of the burial ground Kulevchi VI:

1 — type IB; 2 — type IB; 3, 4 — type IB/IIA; 5–7 — type IIA; 8, 9 — type IIA/IIIB; 10 — type IIA; 11–13 — type IIIB; 14 — type IIIB.

Сопоставление полученной информации по данной ступени производства выявило сходство навыков гончаров, изготавливавших различные типы сосудов. Зафиксирована тенденция к более массовому распространению приема лощения ко времени сложения «классических» алакульских традиций (не отмечен по баночным и чашевидным изделиям).

Придание прочности и водонепроницаемости стенок сосудов осуществлялось путем их термической обработки в кострищах или очагах. Выявлены разные способы ведения обжига. Наиболее распространенным был обжиг сосудов в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды с непродолжительным действием температуры каления (650 °С и выше) (69,2 %). Количество сосудов, по которым выявлен данный прием обжига, в разных группах составляет от 60,6 до 100 %.

Небольшая часть изделий (15,4 %) петровской (тип IB), раннеалакульской (типы IB/IIA, IIA) и «классической» алакульской (типы IIA/IIB, IIB, IIB) групп подвергалась длительному обжигу в условиях восстановительной атмосферы (9,1; 27,3; 10,8 % соответственно).

Незначительно количество сосудов (11 %) петровской (типы IB, IB), раннеалакульской (типы IB/IIA, IIA) и «классической» алакульской (тип IIB) групп, обожженных в условиях окислительной среды с длительной выдержкой при температурах каления (18,2; 12,1; 5,4 % соответственно). Данный способ обжига зафиксирован по изученным чашам (100 %).

Обсуждение результатов исследования

Данные, полученные в результате исследования керамики, происходящей из могильника Кулевчи VI, позволяют говорить о значительной степени сходства традиций на всех ступенях гончарного производства у мастеров, изготавливавших сосуды, включенные в выделенные культурно-хронологические группы. Вместе с тем отмечены некоторые особенности, касающиеся источников сырья и составов ФМ сосудов в рамках отдельных групп.

На всем протяжении функционирования могильника массово использовалась глина 3, применение которой в чистом виде или в смесях зафиксировано по всем выделенным группам сосудов. Длительное время, по всей видимости, применялась и глина 5, отмеченная по сосудам петровской, ранней и «классической» алакульской групп. Начало освоения новых источников добычи, в частности, глины 1, а также распространение смешанных навыков (составление глиняных концентратов, использование сырья как в состоянии естественной влажности, так и в сухом) соотносятся с раннеалакульской группой изделий. Данный вариант глины и составление смесей глин продолжали использоваться для изготовления «классических» алакульских и баночных сосудов, алакульско-федоровских изделий, а также чаш.

Анализ ФМ сосудов показал, что все выделенные компонентные составы использовались гончарами, изготавливавшими сосуды петровской, ранней и «классической» алакульской групп, включая баночные изделия. При массовом применении двух составов — «органика» и «тапок + органика» существовали навыки использования ФМ с составами «шамот + органика» и «тапок + шамот + органика». Гончарами, изготовившими сосуды алакульско-федоровского облика, использовался только состав «тапок + органика». Наблюдаются следующие тенденции: 1) в сравнении с петровскими и «классическими» алакульскими изделиями более значительное количество сосудов только с органическими примесями зафиксировано в раннеалакульской группе; 2) отмечено постепенное увеличение доли сосудов, изготовленных из ФМ с составом «тапок + органика», ко времени формирования «классических» алакульских традиций; 3) выявлено постепенное снижение доли сосудов, изготовленных из ФМ, составленной по смешанному рецепту «тапок + шамот + органика» от времени бытования петровских изделий к сложению «классических» алакульских традиций.

Выявленные различия, на наш взгляд, связаны с хронологической позицией выделенных морфологических групп и, по всей видимости, с усложнением состава изучаемого населения уже на раннем этапе в результате появления новых коллективов, скорее всего родственных. Это могло повлечь освоение новых источников добычи ИПС, а также появление смешанных навыков работы на ступени его подготовки. На это может указывать и анализ ФМ сосудов. Можно предположить, что в формировании петровских и затем алакульских традиций принимали участие группы населения, владевшие собственными навыками выполнения работы на данной ступени производства, а в результате их смешения появились сложные рецепты ФМ. Вероятно, в среде носителей данных традиций доминировали все же группы, владевшие навыками применения тапковой дресвы.

Сравнение технологии изготовления изученного комплекса с известными данными по керамике петровского и алакульского типов Южного Зауралья в целом показывает сходство навыков, существовавших у групп населения этой территории. Петровскими мастерами использовались ожелезненные глины, по некоторым коллекциям выявлено применение глиняных концентратов [Гутков, 2013, с. 184; Григорьев, Салугина, 2020, с. 51]. Навыки составления смесей глин

не зафиксированы в гончарстве алакульского населения Южного Зауралья [Григорьев, Салугина, 2020, с. 52; Мухаметдинов, 2014, с. 224], но известны по материалам Северного и Центрального Казахстана [Ломан, 1993]. При составлении ФМ к сырью добавлялись тальк и органика, реже использовался шамот, отмечены простые и смешанные рецепты. Идентичны навыки конструирования сосудов, обработки поверхностей и способы их обжига.

Вместе с тем выделяются навыки работы гончаров, не характерные для населения, оставившего могильник Кулевчи VI. В частности, по керамике петровского типа поселения Устье I отмечены единичные сосуды, изготовленные из ила [Гутков, 2013, с. 184].

В изученном нами керамическом комплексе, в отличие от петровских и алакульских Южного Зауралья, прослежено использование органических примесей в качестве единственного компонента ФМ. В то же время данная традиция выявлена по сосудам алакульской и федоровской культурных групп, происходящих из могильника Лисаковский I (Верхнее Притоболье, Северный Казахстан) [Ломан, 2013, с. 208–209].

Чаши по технологии изготовления в целом не отличаются от основного изученного комплекса сосудов могильника и обнаруживают некоторое сходство с изделиями из поселения Павловка (Шагалалы II), которые также изготавливались из глин с добавлением только органических примесей, зафиксирован их высокотемпературный обжиг [Хабдулина и др., 2017, с. 166–167]. Разительным отличием изделий из поселения Павловка является применение ленточного налета при их изготовлении и гончарного круга на этапе профилирования и заглаживания.

Проведенное исследование керамического комплекса могильника Кулевчи VI и сопоставление информации по керамическим коллекциям других памятников Южного Зауралья и пограничных территорий Северного Казахстана, на наш взгляд, могут указывать на участие в формировании группы населения (возможно, в разные периоды), оставившей некрополь, родственных коллективов, проживавших на сопредельных территориях.

Заключение

На основании типологического анализа керамики могильника Кулевчи VI, сходства технологии изготовления сосудов разных хронологических групп можно заключить, что развитие гончарных традиций этого населения происходило в среде родственных коллективов. Близость керамических традиций и постепенная эволюция выделенных культурно-хронологических групп позволяет рассматривать их в рамках одного явления — алакульской культуры на разных этапах ее существования. Наличие всех выделенных групп и типов сосудов в могильнике свидетельствует о функционировании некрополя на протяжении всего периода существования алакульской культуры: типы IA, IB, IB — этап становления алакульской культуры, соотносимый с керамикой петровского типа памятников; типы IIA, III — ранний этап собственно алакульской культуры; типы IIB, IIB, III — расцвет алакульской культуры; тип IIГ — поздний этап алакульской культуры, отражающий участие субкультурных групп федоровского населения.

По результатам анализа керамической коллекции можно уточнить место могильника Кулевчи VI в системе памятников алакульских культур Урало-Казахстанского региона. Типологические и технико-технологические характеристики сосудов позволяют отнести изученный комплекс к алакульской культуре урало-тобольского варианта, с некоторыми локальными особенностями (отсутствие влияния срубной культуры и присутствие федоровской субкультуры).

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию: проект № AAAA-A17-117050400147-2 (В.В. Илюшина).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Григорьев С.А., Салугина Н.П. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье // РА. 2020. № 2. С. 45–59. DOI: 10.31857/S086960630009072-8.
- Гутков А.И. Техничко-технологический анализ керамики поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 179–184.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.

Ломан В.Г. Некоторые результаты технико-технологического анализа керамики могильника Лисаковский I // Памятники Лисаковской округи: Археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск: TengriLtd, 2013. С. 208–211.

Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара: Самар. пед. ин-т, 1991. С. 141–162.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 219–228.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. М.: Наука, 1985. 376 с.

Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1: Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Флек Е.В. Крестовидные подвески петровской и алакульской культур // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 64–71.

Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (поселение Шагалалы II). Астана: Глобус, 2017. 192 с.

Источники

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 140 с.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

V.V. Ilyushina^a, I.P. Alaeva^b, N.B. Vinogradov^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Lenina st., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

E-mail: vika_tika@mail.ru;

alaevaira@mail.ru;

vinogradov_n@mail.ru

Pottery complex of the Bronze Age burial ground of Kulevchi VI: typology and technical-technological analysis

This paper presents the results of the typological study and technical-technological analysis of the pottery complex from the Late Bronze Age burial ground of Kulevchi VI (Southern Ural, Russia). The typological analysis of 107 objects yielded 10 types of the vessels correlated with four cultural and chronological groups: Petrovka; Early Alakul; Alakul and Alakul-Fedorov. The presence of all designated groups and types of vessels in the burial ground indicates functioning of the necropolis during the whole period of existence of the Alakul Culture: types IA, IB and IB — the formation stage of the actual Alakul Culture associated with the pottery of the Petrovka type of the sites; types IIB, IIB, III — the golden age of the Alakul Culture; and type IIF — the late stage of the Alakul Culture, reflecting the engagement with sub-cultural groups of the Fedorovskaya population. The technical-technological analysis using the method developed by A.A. Bobrinsky revealed the pottery skills of the population making different types of vessels. Amongst the studied population, only natural clays were used for pottery. The molding composition included organic additives and talcum gruss, and sometimes also chamotte. One program of constructing of the clay blank, the vaulted bottom type, has been identified, and the use of the patchwork spiral applique has been recorded. The surface of the vessels was smoothened and subjected to glazing. The firing of pottery items was carried out in fire-pits and hearths. Close similarity of the potters' skills at different stages of pottery making has been observed for the items of the Petrovka, Early and Classical Alakul and Alakul-Fedorov Cultures. Correlation of the collected information with the known data on the ceramics of the Petrovka and Alakul types demonstrates commonality of the skills possessed by these groups of the population of Southern Ural and Northern Kazakhstan. On the basis of similarity of the pottery-making technologies of different chronological groups of the burial grounds of Kulevchi VI, it has been established that the development of the pottery-making traditions of the population was taking place within affinal groups. The similarity of the pottery traditions and gradual evolution of the Petrovka, Early Alakul; Alakul and Alakul-Fedorov groups allow considering them within the framework of the same phenomenon — the Alakul Culture.

Key words: South Ural, burial ground Kulevchi VI, Alakul culture, ceramics, typology of ceramic vessels, technical and technological analysis.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2 (V.V. Ilyushina).

REFERENCES

- Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).
- Epimakhov A.V., Hanks D., Renfrew C. (2005). Radiocarbon Chronology of the Bronze Age Sites in the Transuralian Region. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 92–102. (Rus.).
- Flek E.V. (2009). Cross-shaped pendants of the Petrovka and Alakul cultures. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 64–71. (Rus.).
- Grigor'ev S.A., Salugina N.P. (2020). Petrovka and Alakul pottery of the Mochishche settlement in the southern Trans-Urals. *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 45–59. (Rus.). DOI: 10.31857/S086960630009072-8.
- Gutkov A.I. (2013). Technical and technological analysis of ceramics of the settlement of Ust'e I. In: N.B. Vinogradov (Ed.). *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e*. Cheliabinsk: Abris, 179–184. (Rus.).
- Khabdulina M.K., Tleugabulov D.T., Brynza T.V., Bilyalova G.D. & Kucherov P.Yu. (2017). *Study of Bronze Age monuments in Akmolá Ishym (Shagaly-2)*. Astana: Globus. (Rus.).
- Loman V.G. (2013). Some results of technical and technological analysis of ceramics of the burial ground Lisakovskiy I. In: E.R. Usmanova (Ed.). *Pamiatniki Lisakovskoi okrugi: arkheologicheskie sozhdety*. Karaganda–Lisakovsk: TengriLtd, 208–211. (Rus.).
- Maliutina T.S. (1991). Stratigraphic position of materials of Fedorovo culture on multilayer settlements of Kazakhstan steppes. In: N.Ia. Merpert (Ed.). *Drevnosti Vostochno-evropeiskoi lesostepi*. Samara: Samarskii pedagogicheskii institut, 141–162. (Rus.).
- Matveev A.V. (1998). *First Andronovo people in Trans-Urals forests*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mukhametdinov V.I. (2014). Technological traditions of making ceramics in the settlement Novo-Bairamgulovo-1. *Vestnik VEGU*, (1), 219–228. (Rus.).
- Potemkina T.M. (1985). *The Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Rafikova Ia.V., Fedorov V.K. (2017). *Mounds of the South Trans-Urals*. Book 1: Uchalinsky and Abzelilovsky districts of the Republic of Bashkortostan. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2006). *Urefty I: Trans-Ural monument in the Andronovo context*. Ekaterinburg: Uralskii universitet. (Rus.).
- Zdanovich G.B. (1988). *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes: (The foundations of periodization)*. Sverdlovsk: Ural'skii universitet. (Rus.).

Илюшина В.В., <https://orcid.org/0000-0003-1517-0101>
Алаева И.П., <https://orcid.org/0000-0001-8322-5835>
Виноградов Н.Б., <https://orcid.org/0000-0002-0434-6012>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Ю.В. Костомарова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

ОРУДИЯ КУЗНЕЧНОЙ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛА У НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Представлены итоги экспериментально-трасологического изучения каменных орудий, использовавшихся в процессе кузнечной обработки металла. Экспериментальным путем подтверждено, что они включали молотки для горячей и холоднойковки, наковальни, гладилки для протяжки и доводки металла, полифункциональные инструменты. Полученные данные дополняют характеристику хозяйственной деятельности населения позднего бронзового века лесостепного Притобья.

Ключевые слова: лесостепное Притобье, эпоха поздней бронзы, производственная деятельность, металлообработка, каменные орудия, экспериментальные работы, трасологический анализ.

Введение

Несомненно, что плавка металла и его кузнечная обработка занимали важное место в структуре хозяйственно-производственной деятельности населения эпохи поздней бронзы лесостепного Притобья. Об этом свидетельствует обнаружение практически на всех исследованных памятниках алакульской, федоровской, черкаскульской, пахомовской и бархатовской культур рассматриваемой территории (рис. 1, 1) металлических предметов и орудий, связанных с их изготовлением (обломки тиглей, льячки, литейные формы, абразивные плитки).

Орудия кузнечной обработки меди и бронзы по материалам лесостепного Притобья впервые были выделены Г.Ф. Коробковой в 80-х гг. XX в. на поселениях Камышное 2, Ук 3, Дуванское 17. Они представлены подставками-наковальнями, молотками дляковки и гладилками для раскатки металла [Потемкина, 1985; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 42]. Результаты этих исследований долгое время оставались единственным источником для характеристики орудийных комплексов, связанных с металлообработкой у населения позднего бронзового века рассматриваемой территории. Проведенное позднее спектральное и металлографическое изучение металлических изделий с интересующих нас памятников позволило определить состав металла и основные технологические схемы бронзолитейного производства, включавшие литье и ковку с разными температурными режимами [Тигеева, 2013; Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 39–42], что предполагает наличие соответствующих орудий. Об этом же свидетельствует опыт экспериментально-трасологического изучения материалов эпохи бронзы и более поздних эпох других территорий. Он показал, что типологически металлообрабатывающие инструменты представлены невыразительными обломками плиток и окатанными гальками с вытянутыми или приземистыми пропорциями [Килейников, 1984; Зданович, Коробкова, 1988; Пряхин, 1996; Коробкова, 2001б, с. 146–212; Епимахов, 2010; Кунгурова, 2013, с. 285–331; Кунгурова, Варфоломеев, 2013, с. 198–217; Молчанов, 2013; Лыганов, 2013; Князева, 2010; Голубева, 2016]. Следует отметить, что только часть из этих исследований содержит детальное описание признаков сработанности на кузнечных либо экспериментальных инструментах, микрофотографии следов сработанности на них [Потемкина, 1985, рис. 44, 8, 9; Килейников, 1984, с. 110–120; Пряхин, 1996, с. 80–93; Knyazeva, Kolchin, 2012; Голубева, 2016].

Ранее нами выделены орудия, связанные с обработкой металла [Костомарова, 2017а, 2017б]. Установлено, что они образуют три группы: 1) крупные продолговатые изделия с округлым или овальным поперечным сечением размерами 6–12х3–5 см (9 экз.) (рис. 1, 2–6). На рабочем торце — забитость, небольшие сколы и выбоинки от осуществления ударных действий; 2) вытянутые, но чаще приземистые крупные гальки с округлым поперечным сечением размерами 8–10х4–5,5 см (14 экз.) (рис. 1, 7–10). Их торцы уплощены, на них отмечена тусклая заполировка, металлический блеск, тонкие параллельные друг другу линейные следы в виде царапин, иногда мелкие выбоинки. Переход от рабочей зоны к боковым поверхностям на некоторых из-

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

делях приострен; 3) крупные уплощенные камни или бруски с прямоугольным или трапециевидным поперечным сечением размерами 4–12×5–8×2–4,5 см (14 экз.) (рис. 1, 11, 12). На поверхности рабочих участков отмечена общая сглаженность, пришлифовка, зоны зеркальной заполировки, покрытые тонкими линейными следами и мелкими выбоинками, как правило, сгруппированными в нескольких местах. Кроме того, встречены изделия, на которых удалось зафиксировать сочетание нескольких групп признаков [Костомарова, 2017a; 2017b, с. 33].

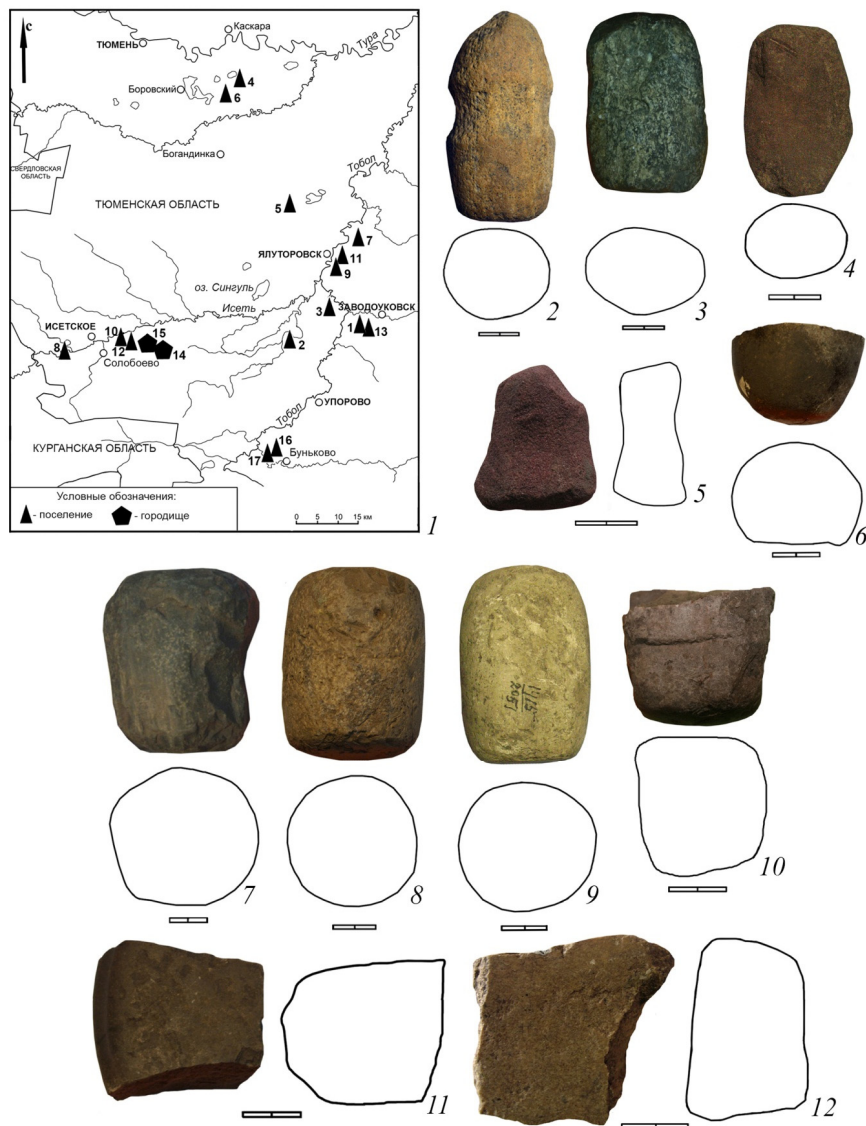

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников позднего бронзового века в лесостепном Притоболье (1) и обнаруженные на них металлообрабатывающие орудия (2–12):

Памятники: 1 — Ук 3; 2 — Нижнеингалское 3; 3 — Щетково 2; 4 — Дуванское XVII; 5 — Черемуховый Куст; 6 — Курья 1; 7 — Криволюкское 7; 8 — Ольховка; 9 — Имбиряй 3; 10 — Хрипуновское; 11 — Большой Имбиряй 10; 12 — Ботники 1в; 13 — Заводоуковское IX; 14 — Коловское; 15 — Красногорское; 16 — Ново-Шадрино 2; 17 — Ново-Шадрино 7. Орудия: 2–6 — группа 1: молотки дляковки; 7–10 — группа 2: гладилки; 11, 12 — группа 3: подставки-наковальни (2 — Ук XIV; 3, 7, 8, 11 — Черемуховый Куст; 4 — Большой Имбиряй 10; 5 — Ольховка; 6 — Ук 3; 9 — Дуванское XVII; 10 — Щетково 2; 12 — Коловское городище).

Fig. 1. The map-scheme of location of site of the Late Bronze Age on the forest-steppe Tobol river area (1) and metalworking tools from this site (2–12):

The sites: 1 — Uk 3; 2 — Nizhneingalskoe 3; 3 — Shchetkovo 2; 4 — Duvanskoe XVII; 5 — Cheremukhovyi Kust; 6 — Kurya 1; 7 — Krivolukskoe 7; 8 — Olkhovka; 9 — Imbiryai 3; 10 — Khripunovskoe; 11 — Bolshoy Imbiryai 10; 12 — Botniki 1v; 13 — Zavodoukovskoe IX; 14 — Kolovskoe; 15 — Krasnogorskoe; 16 — Novo-Shadrino 2; 17 — Novo-Shadrino 7. The tools: 2–6 — group 1: hammers for forging; 7–10 — group 2: smoothers; 11, 12 — group 3: anvil (2 — Uk XIV; 3, 7, 8, 11 — Cheremukhovyi Kust; 4 — Bolshoy Imbiryai 10; 5 — Olkhovka; 6 — Uk 3; 9 — Duvanskoe XVII; 10 — Shchetkovo 2; 12 — Kolovskoe).

Для их функциональной атрибуции привлечены результаты опубликованных экспериментально-трасологических исследований по обработке металла. На основании этих данных орудия первой группы интерпретированы как молотки дляковки; вторая группа микропризнаков находит аналогии на гладилках, использовавшихся для разгонки, вытяжки предметов, получения листового металла и др., а третья — на подставках дляковки и протяжки металла. Взаимовстречаемость нескольких блоков следов как на разных рабочих площадках одного орудия, так и на одной свидетельствует о его полифункциональности [Килейников, 1984, с. 110–120; Потемкина, 1985, рис. 44, 8, 9; Зданович, Коробкова, 1988, с. 60–80; Пряхин, 1996, с. 80–93; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 42–43; Коробкова, 2001а; 2001б; Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 121, 172; Кунгурова, 2013, с. 307–309; Кунгурова, Варфоломеев, 2013, с. 198–217; Голубева, 2016]. Подтверждение, дальнейшая разработка данной гипотезы является актуальной задачей. Верификация полученных выводов подразумевает сравнение следов сработанности на археологических образцах с экспериментальными. Кроме того, необходимо конкретизировать, на каком этапе металлообработки использовались некоторые из них: определить, какие молотки применялись в процессе холодной и горячейковки. Интерес представляют возможность разделения кузнечных орудий по обработке отливок из меди и бронзы с разным содержанием олова, имевших разную микротвердость, сравнение следов сработанности на этих инструментах. Одна из гипотез, которую предстояло проверить, — каким образом формировалась ровная плоская поверхность у некоторых гладилок для раскатки металла.

Для реализации поставленных задач в 2017 г. проведены экспериментальные исследования, направленные на получение эталонов кузнечных каменных орудий эпохи поздней бронзы лесостепного Притобья. Цель данной статьи — представить результаты этих работ. Были проведены: холодная и горячаяковка медных и бронзовых изделий с разным содержанием олова; выглаживание их поверхности. Осуществлено сравнение следов сработанности на археологических и экспериментальных орудиях, что позволило уточнить и в ряде случаев установить функцию археологических кузнечных инструментов.

Материалы исследования и условия эксперимента

Источниковый фонд исследования составили каменные орудия с алакульских (пос. Нижнеингальское 3, Ук 3), федоровских (селища Дуванское XVII, Черемуховый Куст, Щетково 2, Курья 1, Криволукское 7, Бочанцево 1), пахомовских (Ботники 1 в, городище Заводоуковское 11, Заводоуковское XIV), черкаскульских (поселения Ольховка, Имбиряй 3, Хрипуновское 1) и бархатовских (Щетково 2, городища Коловское и Красногорское) памятников (рис. 1, 1). Всего изучено около 120 предметов. С обработкой металла оказалось связано около 60 орудий. В результате экспериментальных работ было получено 23 эталона орудий, использовавшихся в различных операциях по обработке металла. Трасологический анализ и микрофотографии следов сработанности археологических и экспериментальных орудий выполнены на панкратическом микроскопе MC-2 ZOOM с увеличением от 10 до 40× и камерой Canon EOS-1100 D. Мы учитывали разработки по изучению микроструктур меди и бронзы [Равич, 1983; Равич, Рындина, 1989]; данные о химическом составе металлических изделий с памятников позднего бронзового века лесостепного Притобья и технологические схемы металлообработки, реконструированные по результатам металлографического анализа. Население бронзового века рассматриваемой территории использовало чистую медь и низколегированную оловом бронзу — до 5 %, население алакульской культуры — до 10–15 % [Дегтярева, Костомарова, 2011; Тигеева, 2013, 2014]. Оловянная бронза характеризуется большей прочностью и твердостью, хорошими литейными свойствами [Дегтярева, 2010, с. 18]. В качестве реплик кузнечных орудий использованы окатанные гальки и плитка из плотных песчаниковых пород, диабаз, кварца. Отбиралось сырье по размерам и форме близкое к археологическому. Рабочее место состояло из наковальни — уплощенного песчаникового хорошо окатанного валуна размерами 14,5×10×3,6 см (рис. 2, 1). Вторым постоянным условием эксперимента стало воздушное устройство для контроля и поддержания температурного режима. Измерение температуры заготовки осуществлялось инфракрасным бесконтактным пирометром. Все этапы эксперимента фотофиксировались и детально описывались. Легирование оловом происходило следующим образом: на 100 г меди приходилось 3–3,5 г олова. Были отлиты прутки с примерным содержанием олова 3; 6; 9 %. Для более равномерного распределения олова отливка переплавлялась повторно¹. С

¹ Эксперименты по обработке металла проводились в 2017 г. на базе международной археологической школы в г. Болгар под руководством к.и.н. С.А. Агапова.

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

целью определения точного состава получившегося сплава проведен рентгенофлуоресцентный анализ металлических заготовок. Он показал, что они содержали 2,26; 6,14, 8,32 % олова, это примерно совпало с эмпирическими данными².

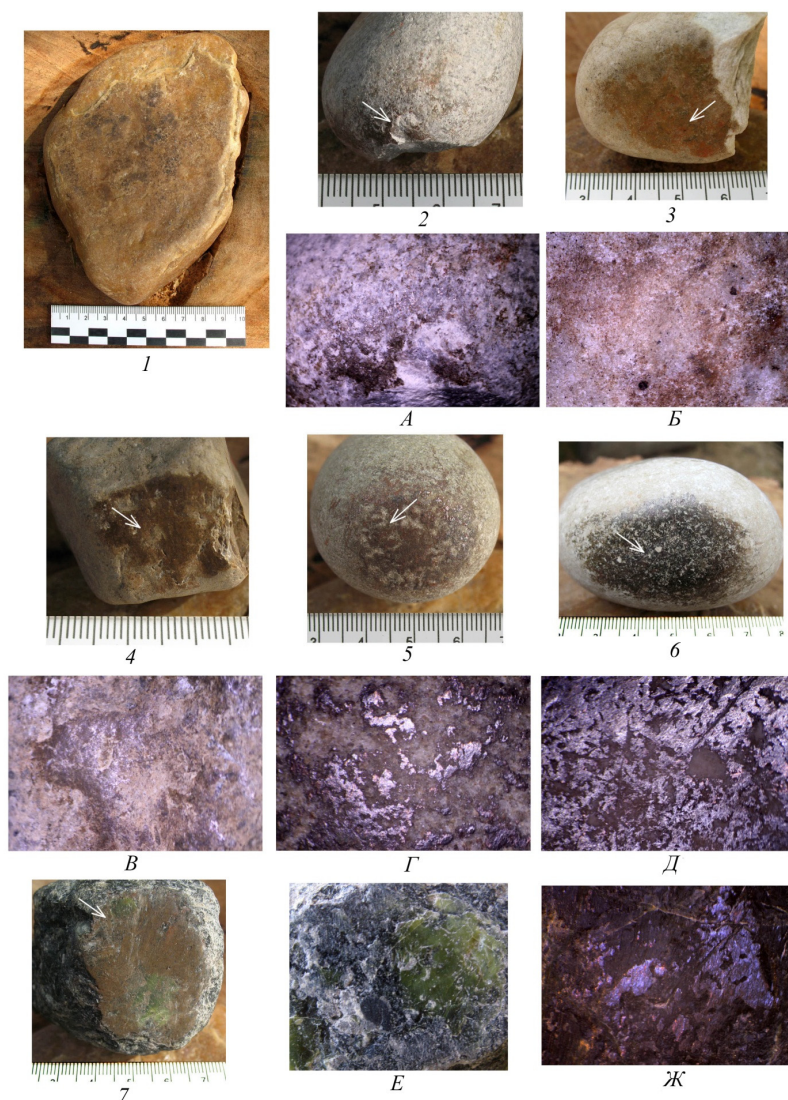

Рис. 2. Экспериментальные орудия для кузнечной обработки меди и следы сработанности на них (здесь и далее стрелками обозначены места микросъемки):

1 — наковальня; 2, 3 — молотки для холоднойковки; 4, 5 — молотки для горячейковки; 6, 7 — гладилки; А, Б — следы сработанности на молотках для холоднойковки (А — время работы 13 мин, увеличение $\times 10$; Б — время работы 30 мин, увеличение $\times 7,5$); В, Г — следы сработанности на молотках для горячейковки (время работы 17 и 20 мин, увеличение $\times 10$); Д — следы сработанности на гладилках (время работы 20 мин, увеличение $\times 10$); Е — рабочая поверхность гладилки после абразивной обработки (время работы 30 мин, увеличение $\times 5$); Ж — следы сработанности на гладилке с предварительно подготовленной рабочей площадкой (время работы 23 мин, увеличение $\times 15$).

Fig. 2. Experimental tools for forging copper and use-wear traces on them (here and further arrows indicate the places of macrophoto):

1 — anvil; 2, 3 — hammers for cold forging; 4, 5 — hammers for hot forging; 6, 7 — smoothers; А, Б — use-wear traces on the hammers for cold forging (А — working time 13 min, magnification $\times 10$; Б — working time 30 min, magnification $\times 7,5$); В, Г — use-wear traces on the hammers for hot forging (working time 17 and 20 min, magnification $\times 10$); Д — use-wear traces on the smoothers (working time 20 min, magnification $\times 10$); Е — the working surface of the smoother after abrasive treatment (working time 30 min, magnification $\times 5$); Ж — use-wear traces on the smoothers with a pre-prepared work surface (working time 23 min, magnification $\times 15$).

² Рентгенофлуоресцентный анализ проведен А.В. Матигоровым, заведующим лабораторией термомеханических и рентгеноструктурных исследований Инжинирингового центра композиционных материалов на основе соединений вольфрама и редкоземельных элементов на волнодисперсионном рентгенофлуоресцентном спектрометре ARL Optim'X.

Результаты экспериментальных работ

Проведены эксперименты по холодной, горячей ковке медной литой заготовки, ее протяжке и выглаживанию; ковке и протяжке бронзовой заготовки с содержанием олова 2,11; 6,14; 8,32 %.

Холодная ковка (рис. 2, 2, 3) медной литой заготовки (пруток длиной 33 см, шириной 0,7 см, толщиной 0,3 см). Она нагревалась до 500–600 °С, затем остужалась до 30–50 °С. После этого с помощью ручного каменного молотка, в качестве которого выступали окатанные гальки кварцитового песчаника размерами 10,2×2,5–3,8×2,7 и 7,6×3,5×3,2 см, осуществлялась ковка (вертикальные удары по поверхности заготовки). По истечении 1–2 мин рабочего времени происходило упрочнение металла (наклеп), его деформация каменным инструментом становилась затруднительной. Заготовка нагревалась повторно. На рабочей части молотков практически сразу (после двух циклов нагрев-охлаждение-ковка) наблюдалось потемнение поверхности на выступающих участках, оставались вкрапления сажистого налета и формировались следы сработанности в виде общей забитости и выбоинок, которые первоначально концентрировались на небольшой площади, а впоследствии равномерно покрывали рабочую поверхность (рис. 3, 3). На ее выступающих частях точно отмечается неяркая, выравнивающая рельеф, но не проникающая в него заполировка, она заходит и на боковые части орудия (рис. 2, А, Б). Медь в холодном виде достаточно прочна, поэтому от часто повторяющихся сильных ударных действий на боковых участках молотков из указанного сырья образовались сколы. Толщина медного прутка после семи циклов (в течение 13 мин) холоднойковки составила 0,2–0,15 см, т.е. на некоторых участках она уменьшилась вдвое.

Горячая, неполная горячая ковка (рис. 2, 4, 5) медной литой заготовки (33×0,7×0,3 см) сопровождалась ее нагревом до 600–700 °С, затем проводилась ковка каменным ручным молотком — окатанными гальками песчаника вытянутых очертаний с подквадратным и округлым поперечным сечениями размерами 8,9×2,2–3,3×2,5–2,7 и 10×3,8–4 см. Первоначально осуществлялись вертикальные удары орудием по заготовке, однако более эффективными оказались так называемые скользящие удары — когда вертикальный удар сопровождался движением по поверхности медного прутка в горизонтальной плоскости. Через 0,3–0,2 мин металл остывал до 400 °С, в интервале 300–500 °С велась его неполная горячая ковка. Это соотносится с результатами металлографического анализа, показавшего, что древние мастера не всегда руководствовались строго заданными температурными интервалами [Дегтярева, 2010, с. 15]. При температуре ниже 200 °С поверхность металла практически не деформировалась. Особенности кинематики нашли отражение в характере следов сработанности на рабочей площадке. На потемневшей поверхности появились: вкрапления сажистого налета, забитость и мелкие выбоинки, которые чередовались с выглаженными и выровненными выступающими участками, на которых видна яркая выравнивающая рельеф и придающая ему оплывшие очертания зеркальная заполировка (так называемый металлический блеск). В зоне заполировки фиксируются линейные следы — тонкие параллельные друг другу царапины (рис. 2, В, Г). Для нашего эксперимента важным оказался тот факт, что при неполной горячей ковке наиболее эффективными также были скользящие удары. То есть, следы сработанности на молотках для горячей и неполной горячейковки будут идентичны, в археологическом материале разделить их вряд ли удастся. После десяти циклов (в течение 17 мин) отжиг-ковка ширина медного прутка составила 0,9–1 см, а толщина 0,1 см, кроме того, начал формироваться приостренный режущий край.

Выглаживание, разгонка поверхности медной заготовки. В качестве орудия использовалась окатанная кварцитовая галька подквадратных очертаний в плане размерами 9,4×6,2×4,1 см. Литая медная заготовка (10×0,7×0,2 см) нагревалась до 600–650 °С. Осуществлялись движения орудием вперед-назад в горизонтальной плоскости либо в одном направлении по поверхности заготовки с давлением. Работа велась до остывания металла до 300–400 °С. Затем он нагревался повторно. После пяти циклов нагрев-выглаживание произошло уменьшение толщины пластины до 0,1 см и заострение ее краев. Рабочая поверхность орудия потемнела на выступающих участках, отмечен сажистый налет, появились яркая заполировка с металлическим блеском, придававшая оплывшие очертания рабочей площадке, но не проникающая в микро-рельеф, и линейные следы — параллельные друг другу риски, направленность которых определялась кинематикой (рис. 2, 6, Д). После 10 циклов (в течение 20 мин) нагрев-выглаживание рабочая площадка инструмента сохраняла выпуклое поперечное сечение, заострение граней, отмеченное на некоторых археологических экземплярах, не происходило. По этой причине было решено провести аналогичный эксперимент, но рабочую площадку орудия предварительно

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

подровнять на абразиве (рис. 2, 7, Е). Для этих целей отобрана треугольная в плане галька диабазом размерами 8,6×3,5–5×3,2–4,5 см. Осуществлялось выглаживание медной заготовки. При изучении поверхности рабочей площадки орудия отмечаются ее потемнение, отсутствие деформации, яркая, зеркальная, с пятнами металлического блеска, обволакивающая рельеф, но не проникающая в него заполировка и линейные следы — удлиненные царапины, расположенные разнонаправленными группами (рис. 2, Ж). Данный эксперимент показал, что формирование приостренной грани на некоторых гладилках связано не с процессом обработки металла, а является следствием предварительной подправки рабочей площадки инструмента.

Серия экспериментов связана с *обработкой бронзовой заготовки с содержанием олова 2,11 %*. Проводились те же операции, что и с медной отливкой: холодная ковка, горячая ковка и выглаживание (рис. 3, 1–3, А–В).

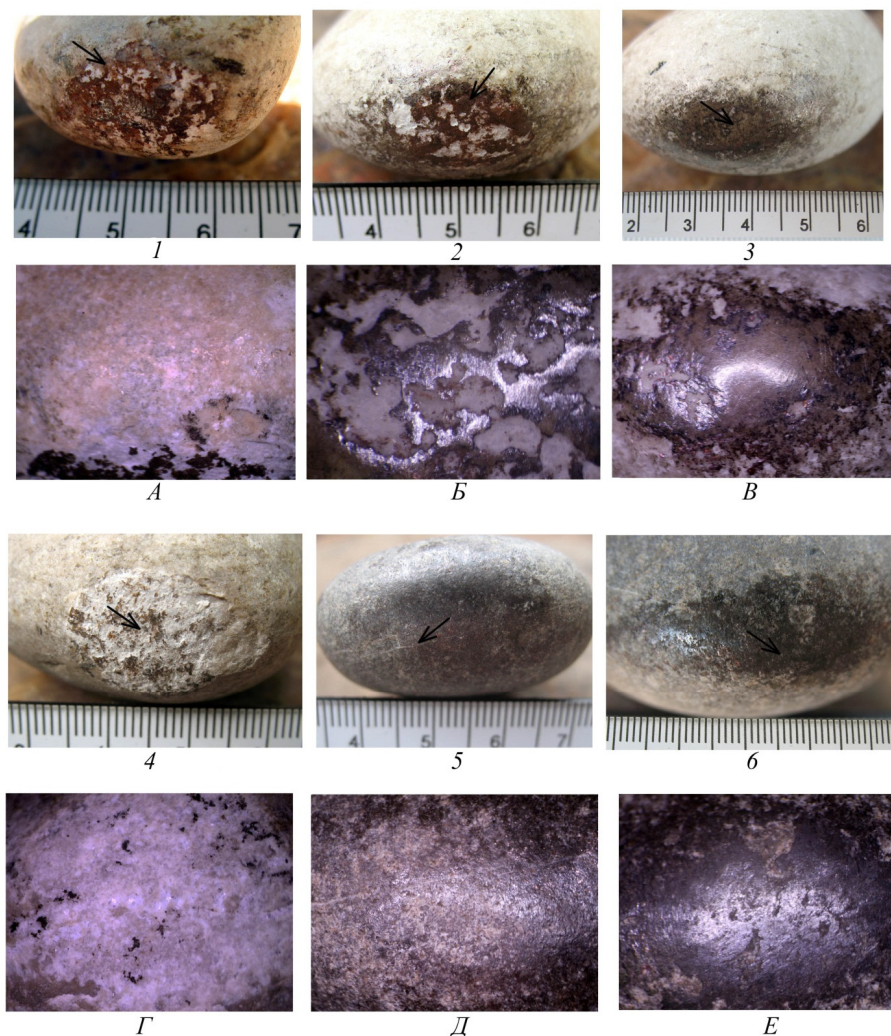

Рис. 3. Экспериментальные орудия для кузнечной обработки бронзы и следы сработанности на них: 1–3 — с содержанием олова 2,11 %; 4–6 — с содержанием олова 6,14 % (1, 4 — молотки для холоднойковки; 2, 5 — молотки для горячейковки; 3, 6 — гладилки). А, Г — следы сработанности на молотках для холоднойковки (А — время работы 30 мин, увеличение ×15; Г — время работы 20 мин, увеличение ×7,5); Б, Д — следы сработанности на молотках для горячейковки (Б — время работы 40 мин, увеличение ×10; Д — время работы 45 мин, увеличение ×7,5); В, Е — следы сработанности на гладилках (В — время работы 30 мин, увеличение ×15; Е — время работы 25 мин, увеличение ×10).

Fig. 3. Experimental tools for forging bronze and use-wear traces on them: 1–3 — a tin of 2,11 %; 4–6 — a tin 6,14 % (1, 4 — hammers for cold forging; 2, 5 — hammers for hot forging; 3, 6 — smoothers). А, Г — use-wear traces on hammers for cold forging (А — working time 30 min, magnification ×15; Г — working time 20 min, magnification ×7,5); Б, Д — use-wear traces on hammers for hot forging (Б — working time 1 hour 40 min, magnification ×10; Д — working time 45 min, magnification ×7,5); В, Е — use-wear traces on the smoothers (В — working time 30 min, magnification ×15; Е — working time 25 min, magnification ×10)

При холодной ковке³ бронзовой пластины размерами 15,8×1,1–1,4×0,3–0,4 см с первых же минут рабочая площадка орудия, в качестве которого выступала окатанная галька кварца размерами 8,5×3,7×2,2 см, начала деформироваться, появились сколы и выбоинки, забитость, образовалось ребро при переходе к боковым частям. На выступающих участках точечно фиксируется заполировка, заходящая на боковые участки орудия (рис. 3, 1, А). Горячая ковка бронзовой заготовки (15,5×1,4×0,4 см) осуществлялась при нагреве до 700–770 °С (до красного каления металла). В качестве инструмента использована окатанная яйцевидная кварцевая галька размерами 10,1×3–5,2×3 см с выпуклыми торцами. Осуществлялись вертикальные удары, сопровождавшиеся скользящими движениями в горизонтальной плоскости по поверхности бронзового прутка. Уже после 2–3 циклов работы на одном из них фиксировались признаки износа в виде выбоинок и лунок, чередующихся с выступающими участками, покрытыми яркой, с металлическим блеском, выравнивающей поверхность, но не проникающей в микрорельеф заполировки. В ее зоне отчетливо видны линейные следы (рис. 3, 2, Б). Также проведен эксперимент по протяжке и выглаживанию нагретой бронзовой заготовки каменной кварцевой галькой размерами 10,1×3–5,2×3 см. Производились возвратные или однонаправленные движения в горизонтальной плоскости. На рабочей площадке формируются заполировка в виде металлического блеска, придающая рельефу оплывшие очертания, линейные следы — тонкие удлиненные параллельные друг другу риски, деформация отсутствовала (рис. 3, 3, В). На всех орудиях отмечены потемнение рабочей поверхности и частицы сажистого налета. В целом все экспериментальные инструменты, использовавшиеся в кузнечной обработке бронзовой отливки с содержанием олова 2,11 %, продемонстрировали эффективность, металл нужным образом деформировался.

Следующий блок работ связан с обработкой бронзовой заготовки (Sn 6,14 %) размерами 11×1,5×1,2 см. Производилась ее холодная, горячая ковка, протяжка в аналогичных, что и в предыдущих экспериментах, условиях (рис. 3, 4–6, Г–Е). Один эксперимент был направлен на получение комбинированного орудия — им осуществлялись холодная ковка и протяжка. В качестве молотка для холоднойковки взята окатанная кварцитовая галька размерами 10,6×5,8×3,9 см. Наносились вертикальные удары сверху вниз по поверхности бронзовой пластины. На орудии практически сразу сформировались следы сработанности в виде выбоин, лунок, сколов и, по истечении некоторого времени, общей забитости рабочей площадки. На отдельных участках отмечены сажистые вкрапления, небольшие пятна тусклой, не проникающей в микрорельеф заполировки (рис. 3, 4, Г). Ковка велась примерно в течение одной минуты, потом заготовка нагревалась повторно. Горячая ковка велась при температуре около 650–750 °С. Молоток представлял собой серую окатанную гальку диабазы размерами 8,4×4,1×2,5 см. Осуществлялись скользящие удары. На рабочей площадке орудия формируются мелкие сколы, чередующиеся с выровненными яркой заполировкой выступающими участками (рис. 3, 5, Д). Следующий эксперимент предполагал выглаживание и протяжку предварительно нагретой бронзовой пластины. Работа выполнялась противоположным концом экспериментального молотка для горячейковки этого же сплава. Рабочая поверхность орудия отличалась отсутствием деформации и ярко выраженной, сглаживающей рельеф обволакивающей заполировкой. Отмечены изменение цвета и чешуйки металла (рис. 3, 6, Е).

Кроме того, проведено чередование холоднойковки и протяжки нагретой бронзовой заготовки (рис. 4, 1–5). Следы сработанности представлены выбоинками, выкрошенностью, которые чередовались с хорошо сглаженными выступающими участками, покрытыми яркой, с металлическим блеском, как бы оплавливающей их заполировкой. Следует отметить, что рабочие площадки комбинированного орудия и молотка для горячейковки имеют общие признаки — два блока следов сработанности. Однако на комбинированном орудии они расположены неравномерно, и в зависимости от того, какая операция производилась последней, в большей степени выражены либо следы деформации отковки — лунки, выбоинки, либо признаки выравнивания поверхности отливки — зоны заполировки, линейные следы. Как и в предыдущих экспериментах, на макроуровне на рабочих площадках экспериментальных кузнечных инструментов отмечаются изменение цвета поверхности и сажистые вкрапления.

При кузнечной обработке бронзовой заготовки (Sn 8,32 %) необходимо было учитывать, что с повышением содержания олова снижается пластичность бронзы. Затруднительной становится ее холодная ковка [Равич, 1983, с. 139]. Для деформации подобного сплава необходимо его нагреть и выдерживать в определенном температурном режиме (отжиг гомогенизации), что по-

³ Бронзовая заготовка нагревалась до 600–700 °С, затем охлаждалась до 30–40 °С.

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

вышает пластичность металла и делает возможным его обработку. В ходе экспериментов оказалось затруднительно реализовать условия для такого отжига. Удалось осуществить только один цикл холоднойковки бронзовой отливки (10,2×1,5×0,3 см). Она производилась окатанной кварцевой галькой размерами 11×5,2–5,8×3,8 см. На молотке, при большой твердости сплава, сразу же формировались следы сработанности в виде сажистого налета, сколов, выбоин, они покрывали всю рабочую площадку (рис. 4, 6). Попытка нагреть и выдержать бронзовую заготовку повторно привела к тому, что металл расплавился. Горячая ковка бронзовой пластины велась окатанной галькой из того же сырья размерами 10,2×5,9×3 см (рис. 4, 7). Однако после двух цикловковки на пластине появились трещины, что также стало результатом нарушения условий ее отжига. Эксперимент по протяжке бронзовой заготовки, при которой использовался молоток для горячейковки этого же сплава, продемонстрировал неэффективность этой процедуры. На поверхности заготовки слегка полировались лишь выступающие участки. При ее нагревании до 600 °С работа была возможна в течение 0,2–0,3 мин. На молотке-гладилке формировались зеркальная заполировка и линейные следы (рис. 4, 8), но поверхность бронзовой заготовки не деформировалась.

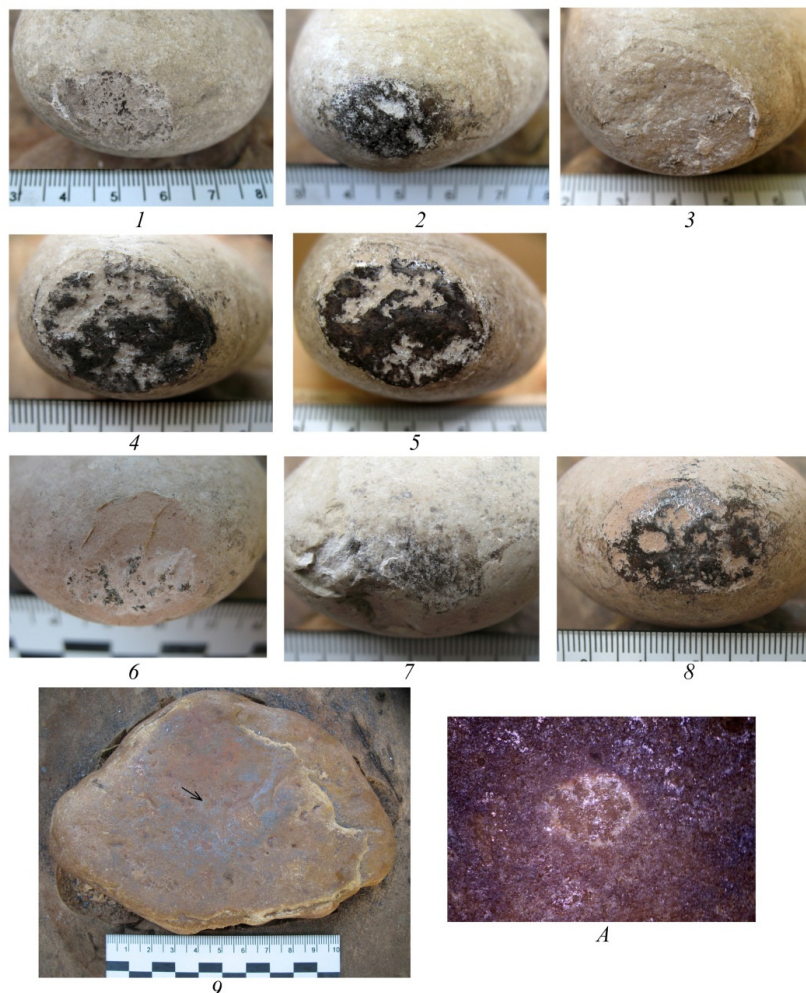

Рис. 4. Экспериментальные орудия для кузнечной обработки бронзы:

1–5 — с содержанием олова 6,14 %; 6–8 — с содержанием олова 8,32 % (1–5 — рабочая поверхность комбинированного орудия молотка-гладилки (1 — время работы 10 мин; 2 — время работы 20 мин; 3 — время работы 30 мин; 4 — время работы 45 мин; 5 — время работы 1 час); 6 — молоток для холоднойковки, время работы 10 мин; 7 — молоток для горячейковки, время работы 10 мин; 8 — молоток-гладилка, время работы 20 мин); 9 — наковальня. А — следы сработанности на подставке дляковки (время работы — 30 ч, увеличение ×7,5).

Fig. 4. Experimental tools for forging bronze:

1–5 — with a tin 6,14 %; 6–8 — with a tin 8,32 % (1–5 — working surface combo tools hammer-smoother (1 — working time 10 min; 2 — working time is 20 min; 3 — working time 30 min; 4 — working time 45 min.; 5 — working time 1 hour); 6 — hammer cold forging, working time 10 min; 7 — hammer for hot forging, working time 10 min; 8 — hammer-smoother, working time 20 min); 9 — anvil. A — use-wear traces on the anvil (working time 30 hour, magnification ×7,5).

Рабочая поверхность наковальни также подверглась изменениям (рис. 4, 9, А). Отдельные ее участки потемнели, в углублениях отмечались чешуйки металла, сажистый налет, которые, однако, в процессе камеральной обработки практически исчезли. Следы сработанности на поверхности наковальни представлены отдельными небольшими лунками, выбоинками, сосредоточенными в углубленной центральной части наковальни и единичными ближе к краям. Выступающие участки выровнены, пришлифованы, на них фиксируется зеркальная выравнивающая микро рельеф заполировка, не проникающая в микро рельеф. В ее зоне местами сформировались линейные следы — короткие тонкие параллельные друг другу риски (рис. 4, А).

Заключение

Проведена серия экспериментов, отражающих различные операции по кузнечной обработке металла: меди и бронзы с разным содержанием олова. Рабочие площадки части экспериментальных орудий оказались сходны с эталонами, полученными В.В. Килейниковым, Е.В. Голубевой [Килейников, 1984; Пряхин, 1996; Голубева, 2016]. На всех экспериментальных кузнечных инструментах происходило изменение цвета рабочей площадки: она приобретала более темный оттенок, появлялись сажистый налет, чешуйки металла, которые, однако, после чистки рабочей площадки практически исчезали. Выделены отличительные признаки износа молотков для холодной и горячейковки, обусловленные кинематикой орудия. Холоднаяковка осуществлялась вертикальными ударами каменным инструментом по обрабатываемой поверхности, в силу чего на рабочей площадке формировались многочисленные выбоинки и сколы. На выступающих участках точно фиксируется не проникающая в микро рельеф мерцающая заполировка, которая становится ярче по мере использования орудия. Линейные следы отмечаются единично (рис. 2, 1, 2, А, Б; 3, 1, 4, А, Г; 4, 6). Горячаяковка предполагала вертикальный удар и последующее скольжение по поверхности отливки. В этом случае на рабочей поверхности молотка формируется два блока следов: выбоинки и покрытые яркой зеркальной, с металлическим блеском, заполировкой участки, располагавшиеся равномерно. В зоне заполировки присутствуют линейные следы — параллельные друг другу риски (рис. 2, 4, 5, В, Г; 3, 5, Б, Д; 4, 7). Аналогичные признаки износа отмечаются на молотках, которыми производилась неполная горячаяковка. В археологическом материале эти инструменты разделить не удастся. Экспериментальным путем установлено, что ровная рабочая площадка части гладилок образовывалась путем ее предварительной абразивной подправки (рис. 2, 7, Е, Ж). На рабочей площадке этих инструментов отмечаются длинные царапины от абразивной обработки, перекрытые заполированными участками. Заполировка ярко выраженная, напоминает металлический блеск, зеркальная, выравнивающая рельеф. На ней присутствуют линейные следы — короткие параллельные друг другу риски (рис. 2, 6, 7, Д, Ж; 3, 3, 6, В, Д). Судя по характеру расположения следов износа — равномерно по всей рабочей площадке, ими производилось выглаживание листового металла или изделий с широкой поверхностью. Выглаживание, протяжка металла были эффективны при обработке медных изделий и низколегированных бронз горячей или неполной горячейковки. Установлено, что кинематика движения при обработке медных и бронзовых предметов одинакова. Инструменты, использовавшиеся при обработке бронзовых отливок с разным содержанием олова, отличаются от орудий для меди большей выраженностью таких признаков утилизации, как выкрошенность и сколы, что обусловлено более высокой твердостью сплавов меди с оловом. Получены эталоны полифункциональных орудий, одна рабочая площадка которых применялась в разных операциях —ковка и протяжка. Особенностью их рабочей площадки является сочетание нескольких блоков следов, которые расположены неравномерно, на некоторых участках перекрывают друг друга. В ходе экспериментов удалось зафиксировать зависимость степени деформации рабочей поверхности молотков от сырья, из которого они изготовлены. Так, на кузнечных инструментах из кварцевого песчаника выкрошенность сильнее, чем на орудиях из кварца и дибаза. Это обусловлено отличающейся твердостью этих пород. Особенности следов сработанности на орудиях из разного сырья нуждаются в дальнейшем изучении.

Сравнение выявленных признаков со следами сработанности на археологических инструментах позволили выявить сходные характеристики рабочих площадок. На основании новых данных были скорректированы ранее полученные результаты классификации металлообрабатывающих орудий памятников позднего бронзового века лесостепного Притобья.

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

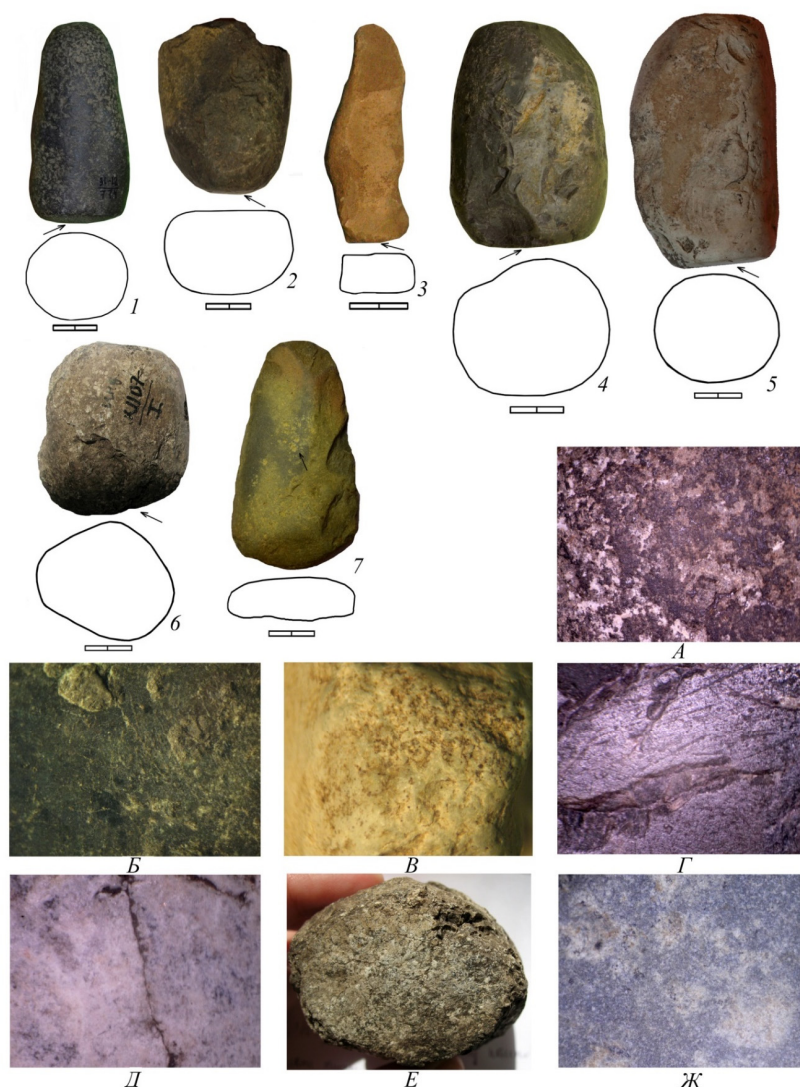

Рис. 5. Орудия для кузнечной обработки металла с памятников позднего бронзового века лесостепного Притобья и следы сработанности на них:

1, 2 — молотки для горячейковки; 3 — молоток для холоднойковки; 4, 5 — гладилки; 6 — молоток-гладилка; 7 — наковальня. А, Б — следы сработанности на молотках для горячейковки, увеличение $\times 15$; В — следы сработанности на молотке для холоднойковки, увеличение $\times 7,5$; Г, Д — следы сработанности на гладилках, увеличение $\times 15$; Е — следы сработанности на молотке-гладилке; Ж — следы сработанности на наковальне, увеличение $\times 10$ (1 — Ново-Шадрино 7; 2 — Черемуховый Куст; 3 — Ук 3; 4–6 — Хрипуновское 1; 7 — Курья 1).

Fig. 5. Tools for metal forging from the site of the Late Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin and use-wear traces on them:

1, 2 — hammers for hot forging; 3 — hammer for cold forging; 4, 5 — smoothers; 6 — hammer-smoother; 7 — anvil. А, Б — use-wear traces on the hammers for hot forging, magnification $\times 15$; В — use-wear traces on the hammer for cold forging, magnification $\times 7,5$; Г, Д — use-wear traces on the ironers, magnification $\times 15$; Е — use-wear traces on the hammer-smoother; Ж — use-wear traces on the anvil, magnification $\times 10$ (1 — Novo-Shadrino 7; 2 — Cheremukhovyi Kust; 3 — Uk 3; 4–6 — Khripunovskoe 1; 7 — Kurya 1).

В комплексе выделены молотки для холодной и горячей или неполной горячейковки (9 и 8 экз. соответственно). Это крупные продолговатые изделия (рис. 1, 2–6; 5, 1–3), иногда с перехватом у одного из окончаний или посередине (3 экз.) размерами 6–12 \times 3–5 см. Рабочей частью являлся торец предмета. На молотках для холоднойковки на нем отмечаются забитость, небольшие сколы и выбоинки от ударных действий, неяркая, иногда точечно расположенная заполировка (рис. 5, В). На молотках для горячейковки участки выбоинок и лунок чередуются с выровненными, сглаженными, с яркой заполировкой, в зоне которой фиксируются линейные следы (рис. 5, А, Б).

Следующая группа орудий предназначалась для протяжки металла (12 экз.). Она включает вытянутые или приземистые крупные гальки размерами 8–10×4–5,5 (рис. 1, 7–10; 5, 4, 5) с уплощенными зашлифованными торцами, на которых отмечаются хорошо заметная заполировка, не проникающая в микрорельеф, так называемый металлический блеск, тонкие параллельные друг другу линейные следы в виде царапин, иногда мелкие выбоинки (рис. 5, Г, Д). Переход от рабочей зоны к боковым поверхностям чаще приострен. В двух случаях рабочей была боковая поверхность орудия. Комбинированных инструментов, которыми осуществлялась ковка изделий и выравнивание поверхности, насчитывается 10 экз. (рис. 5, 6). В четырех случаях в рабочих операциях использовался один и тот же торец орудия. На их рабочих площадках фиксируется две группы признаков: выбоинки, сколы и выровненные участки, перекрывающие друг друга (рис. 5, Е).

Подставки-наковальни — 14 экз. (рис. 1, 11, 12; 5, 7). Это крупные уплощенные камни или бруски с прямоугольным или трапециевидным поперечным сечением. Целые изделия единичны, их размеры 4–12×5–8×2–4,5 см. Их боковые части в некоторых случаях оббиты пикетажной техникой и зашлифованы, но чаще не подвергались дополнительной обработке. На поверхности рабочих участков отмечены общая сглаженность, пришлифовка, зоны заполировки, покрытые тонкими линейными следами и мелкими выбоинками, как правило, сгруппированными в нескольких местах (рис. 5, Ж).

Таким образом, в ходе исследования удалось получить серию экспериментальных орудий, использовавшихся в кузнечной обработке меди и бронзы. Это позволило уточнить функциональную принадлежность и технологию изготовления некоторых археологических инструментов с памятников позднего бронзового века лесостепного Притоболья. Интерес представляет продолжение подобных работ, а именно: кузнечная обработка конкретных металлических изделий, характерных для рассматриваемого населения; использование орудий из разного каменного сырья, сравнение следов сработанности на них; использование одного инструмента на разных этапах металлообработки.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голубева Е.В. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века — средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 144 с.

Десярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Десярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 30–45.

Епимахов А.В. О синташтинском земледелии (Бронзовый век Южного Урала) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 36–41.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по результатам изучения орудий труда с поселения Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казанских степей. Челябинск, 1988.

Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточно-европейской степи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 110–120.

Князева Е.В. Экспериментально-трассологическое исследование орудий эпохи металла // Историко-культурное наследие Азии: Изучение, сохранение и интерпретация. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. С. 43–55.

Коробкова Г.Ф. Методика изучения каменных, костяных, керамических и других изделий из неметаллического сырья // Особенности производства поселения Алтын-Депе в эпоху палеометалла: Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2001а. Вып. 5. С. 142–145.

Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001b. С. 146–212. (Материалы ЮТАКЕ; Вып.5).

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры: (Экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук 3. Свердловск: ИИА УрО РАН, 1991. 72 с.

Костомарова Ю.В. К проблеме выделения металлообрабатывающих орудий на поселениях позднего бронзового века лесостепного Притоболья // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул: АлтГУ, 2017а. С. 543–544.

Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века...

- Костомарова Ю.В. Каменные орудия в хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы лесостепного Приоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017b. № 4. С. 25–33.
- Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 285–330.
- Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Астана, 2013.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
- Равич И.Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М.: Искусство, 1983. Вып. 8 (38). С. 136–143.
- Равич И.Г., Рындина Н.В. Методика металлографического изучения древних кованных изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 91–100.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000.
- Тигеева Е.В. Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Приоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 31–40.
- Тигеева Е.В. Соотношение тип — металл — технология в алакульских изделиях Среднего Приоболья // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 660–663.
- Knyazeva E.V., Kolchin S.A. Experimental and Traceological studying the use of stone tools in blacksmiths work // Journal of Siberian University. Humanities & social sciences. 4. 2012-5. 556–567.

Источники

- Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 28 с.
- Молчанов И.В. Орудийный комплекс рубежа средней и поздней бронзы Южного Зауралья (по материалам укрепленных поселений Аландское, Каменный Амбар, Устье I): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.

Yu.V. Kostomarova

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

The metal forging tools of the Late Bronze Age population of the forest-steppe Tobol River region (experimental-traceological analysis)

The paper reports on the results of experimental-traceological study of stone tools used for metal forging by the Late Bronze Age population of the Middle Tobol River region (Western Siberia). The chronological span of the study, according to the radiocarbon dating, extends from the 17th to 9th centuries BC. This paper aims to substantiate and expand the existing knowledgebase on the metalwork production with the aid of experiments in forging copper and bronze. The research materials include about 60 stone tools from the Late Bronze Age sites and 23 experimental tools. The trace evidence analysis and microphotography of the signs of use-wear have been performed using a continuous-zoom microscope MC-2 ZOOM with 10x to 40x magnification and a Canon EOS-1100-D camera. The experimental study involved cold and hot forging of copper and bronze items with different tin content and their surface smoothening. As a result, the efficiency of the stone tools in molding has been confirmed. The signs of use-wear of the tools have been recorded. Distinctive use-wear features of hammers for cold and hot forging associated with the tool kinematics have been identified. It has been concluded that the wear signs on the hammers used for incomplete hot and hot forging were identical. It appeared that the smooth working area of some flatters was the result of preliminary abrasive treatment. Smoothening and drawing proved efficient in processing of copper items and low-alloyed bronzes. This treatment was carried out on the hot metal. It has been ascertained that the kinematics of processing of the copper and bronze items was the same. The signs of usage of the tools employed for shaping bronze moldings with different tin content differ from those on the tools used on copper by more extensive chipping, which is due to a higher hardness of tin-copper alloys. Prototype multi-functional tools used in different operations, viz., forging and drawing, have been identified. Their specific is the working area with a combination of several groups of wear marks overlapping each other. Therefore, we managed to produce a series of the experimental tools used in copper and bronze forging. This allowed us to elaborate the functional identification and technology of some archaeological instruments from the Late Bronze Age sites of the forest-steppe Tobol River region.

Key words: forest-steppe Tobol River region, Late Bronze Age, industrial activity, metalworking, stone tools, experimental work, the use-wear analysis.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Golubeva E.V. (2016). *Theory and practice of experimental traceological research of non-instrumentation of the early iron age — middle ages (on materials of the southern taiga zone of Middle Siberia)*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet. (Rus.).
- Degtyareva A.D. (2010). *History of metal industry of the south High Urals basin during the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Degtyareva A.D., Kostomarov Iu.V. (2011). Metal of the late bronze age of the forest-steppe Tobol river area. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 30–45. (Rus.).
- Epimakhov A.V. (2010). About Sintashta agriculture (the Bronze age of the southern Urals). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 36–41. (Rus.).
- Kileinikov V.V. (1984) Stone mining and machine guns Mosolovskogo settlement. In: *Epokha bronzy vostochno-evropeiskoi stepi*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 110–120. (Rus.).
- Kniazeva E.V. (2010). Experimental-traceological study of the weapons of the age of metal. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Azii: Izuchenie, sokhranenie i interpretatsiia*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gos. un-ta, 43–55. (Rus.).
- Knyazeva E.V., Kolchin S.A. (2012-5). Experimental and Traceological studying the use of stone tools in blacksmiths work. *Journal of Siberian University. Humanities & social sciences*, (4), 556–567.
- Korobkova G.F. (2001a). Method of studying stone, bone, ceramic and other products from non-metallic raw materials. In: V.M. Masson (Ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniia Altyn-depe v epokhu paleometalla*. Vyp. 5. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 142–145. (Rus.).
- Korobkova G.F. (2001b). Functional typology of tools and other nonmetallic products at Altyn-Depe. In: V.M. Masson (Ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniia Altyn-depe v epokhu paleometalla*. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 146–209. (Rus.).
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. (2005). *Settlement Mikhailovka — the site of the Yamnaya culture: (Ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (Rus.).
- Koriakova L.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K. (1991). *Problems of methods of research of ancient monuments and cultural and chronological stratigraphy of the settlement of Uk 3. Sverdlovsk*. (Rus.).
- Kostomarov Iu.V. (2017a). On the problem of allocation of Metalworking tools in settlements of the late bronze age of the forest-steppe tributary of the Volga region (Russia). In: *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 25–33. (Rus.).
- Kostomarov Iu.V. (2017b). Stone tools in the economic activity of the population of the late bronze age of the forest-steppe tributary region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 25–33. (Rus.).
- Kungurova N.Iu. (2013). Tracological study of stone objects from the excavations of the fortified settlement of Ustye 1. In: N. Vinogradov (Ed.) *Ancient Ust'ye: Fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Cheliabinsk: Abris, 285–330. (Rus.).
- Kungurova N.Iu., Varfolomeev V.V. (2013). Tools and products from the stone of the settlement of Kent. *Begazy-dandybaevskaia kul'tura stepnoi Evrazii*. Astana, 198–217. (Rus.).
- Potemkina T.M. (1985). *The bronze age of the forest-steppe Tobol river basin (Russia)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Priakhin A.D. (1996). *Mosolovskoe settlement of metallurgists-founders of the late bronze age. Book 2*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. (Rus.).
- Ravich I.G. (1983). Standards of microstructures of tin bronze. *Khudozhestvennoe nasledie*, (8), 136–143. (Rus.).
- Ravich I.G., Ryndina N.V. (1989). Method of metallographic study of ancient forged copper products. *Estestvennonauchnye metody v arkheologii*. Moscow: Nauka, 91–100. (Rus.).
- Stefanov V.I., Korobkova O.N. (2000). *Andronovskiy antikiy of the Tyumen Tobol river basin*. Ekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).
- Tigeeva E.V. (2013). Chemical and metallurgical characteristics of the metal of the Alakul culture of the Middle tributary. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 31–40. (Rus.).
- Tigeeva E.V. (2014). The relation of type-metal-technology in Alakul products of the Middle Tobol river. In: *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan': Otechestvo, 660–663. (Rus.).
- Zdanovich S.Ia., Korobkova G.F. (1988). New data on the economic activity of the population of the bronze age (based on the results of the study of tools from the settlement of Petrovka II). In: *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepei*. Cheliabinsk, 60–79. (Rus.).

Костомарова Ю.Б., <https://orcid.org/0000-0001-5053-8464>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

С.В. Берлина, О.Ю. Зимина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

E-mail: svb82@mail.ru;

o_winter@mail.ru

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОДТАЕЖНОМ — ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Представлены результаты анализа домостроительной традиции и графическая визуализация девяти сооружений иткульской культуры подтаежного и лесостепного Зауралья. Ведущей являлась каркасно-столбовая техника, из П-образных модулей. Жилища устанавливались на дневную поверхность, утеплялись поверх грунтом. По форме выделены подпрямоугольные и многоугольно-округлые жилища, у четырех построек зафиксированы пристрой-навесы.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Зауралье, ранний железный век, иткульская культура, укрепленные поселения, домостроительство.

Введение

Источники по домостроительству культур переходного времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа и собственно раннего железного века представлены неравномерно. На территории западносибирской лесостепи наиболее изученным является домостроительство саргатской культуры. За более чем 60 лет интенсивных исследований раскопками изучено около 140 жилищ [Корякова, 1984; Корякова и др., 2009; Матвеева, 1993, 2000]. На памятниках баитовской культуры изучены остатки 42 жилищ [Цембалюк, 2009; Цембалюк, Берлина, 2014]. Построек гороховской культуры известно 32 [Берлина, 2019]. К кашинской культуре отнесено 12 исследованных сооружений [Чикунова, 2009; Зимина, Чикунова, 2019]. По степени углубленности в грунт постройки разделяются на наземные и углубленные — наземные легкие конструкции, полужемляночные жилища, землянки [Очерки..., 1994]. Домостроительство раннего железного века Зауралья представлено преимущественно постройками с углубленным в грунт котлованом.

Домостроительство иткульской культуры до начала 2000-х гг. было известно по материалам поселений восточных склонов Урала. Иткульская культура на Урале была выделена К.В. Сальниковым [1961, с. 50]. Систематизация древностей иткульской культуры и характеристика функционировавшего на ее базе в VIII–II(III) вв. до н.э. Зауральского (иткульского) очага металлургии выполнены Г.В. Бельтиковой [1977, 1997, 2005].

На поселениях в горнолесной части Зауралья исследователи выделяют три типа сооружений иткульской культуры: наземные неуглубленные постройки; полужемлянки; постройки со слабо углубленными котлованами в центре помещения. Последний тип жилищ считают наиболее распространенным [Очерки..., 1994, с. 256]. Котлованы жилищ, исследованных на поселениях в Зауралье, чаще подквадратной формы, реже округлой или овальной, площади котлованов варьируются от 15 до 58 м². В постройках встречаются глинобитные полы [Бельтикова, 1977, с. 127–128; Очерки..., 1994, с. 256] и углубленные очаги, в том числе с глиняной обмазкой [Бельтикова, 1977; Бельтикова, Стоянов, 1984]. Постройки уральского региона классифицированы по назначению — жилые, производственно-жилые и производственные, на большей части памятников отмечается их размежевание по флангам: на одном — производственные помещения, на другом — жилые и производственно-жилые [Бельтикова и др., 1991, с. 106–107].

На территории лесостепного и подтаежного Зауралья в Туро-Пышминском междуречье к иткульской культуре относили городище Андреевское 7 в окрестностях Тюмени на оз. Андреевском. Однако, несмотря на то что памятник был исследован полностью, контуров сооружений на нем выделено не было. На городище Андреевское 7 исследователи предполагали наличие построек со слабо углубленными котлованами в центре помещения и углубленными очагами с глиняной обмазкой. Два сооружения у оборонительной стены на городище Андреевское 7 могли быть производственными, так как в них располагались медеплавильные комплексы [Борзунов, 1984; Борзунов, 1992, с. 123; Очерки..., 1994, с. 256; Бельтикова, 2005].

В 2000-х гг. было начато систематическое изучение поселений иткульской культуры на территории лесостепного и подтаежного Зауралья. В результате в долине р. Тобол и его притоков был выделен *восточный вариант иткульской культуры*, датированный концом VIII — VI в. до н.э., в рамках которого охарактеризовано три этапа развития: *иткульский* (конец VIII — первая половина VII в. до н.э.), *карагай-аульский* (вторая половина VII в. до н.э.), *вак-куровский* (VI в. до н.э.). К настоящему времени на территории Притоболья выявлены более 60 поселений восточного варианта иткульской культуры, среди которых слабо укрепленные поселения (городища)¹ и неукрепленные селища, однако на всех этих памятниках остатки сооружений представлены приподнятыми площадками, окруженными по периметру неглубокими ямами или канавками [Зимина, Зах, 2009; Сизов, Зимина, 2012].

Целью данного исследования являлись анализ домостроительной традиции и графическая визуализация жилищ восточного варианта иткульской культуры.

Методика

Для восстановления внешнего облика сооружений был применен метод условных реконструкций, позволяющий выявить внешний облик объекта и проанализировать его возможные варианты [Васильев, 2000, с. 12–13].

На основе анализа планиграфии и стратиграфии раскопа были выявлены основные элементы каркаса сооружения — ямы от столбов, маркирующие границы сооружения и относящиеся к конструкции. Иногда к ямам от столбов нами отнесены довольно большие ямы — до 1 м в диаметре, они могли быть образованы путем выкапывания грунта в месте установки столба, с последующей его установкой и забутовкой ямы. В ряде случаев стойки являются гипотетическими (на рисунках они обозначены пунктиром), хотя ямы от них не зафиксированы, однако их наличие обусловлено логикой строительства и требованиями устойчивости конструкции. Следы от подобных стоек могли не сохраниться, либо можно допустить, что растущее дерево срубалось на нужной высоте и использовалось как стойка в строении жилища. Далее были определены особенности каркаса конструкции, техники, применявшиеся при возведении стен и кровли, строительные материалы (рис. 1, 2, 4, 7; 2, 2, 5, 8; 3, 2, 4, 7). На завершающем этапе была создана серия графических изображений построек (рис. 1, 3, 5, 8; 2, 3, 6, 9; 3, 3, 5, 8).

В работе использована терминология, широко применяемая в литературе при описании характерных особенностей, назначения, деталей конструкции сооружений, в том числе древних построек, исследованных в Западной Сибири (жилище и его вертикальная и горизонтальная структура — степень углубленности и количество помещений; срок использования — сезонное и пр.; несущая система конструкции — каркасная и пр.) [Очерки..., 1994, с. 63–78].

Под сооружениями наземного типа в данной работе подразумеваются постройки каркасно-столбовой конструкции без котлована, возведенные на древней дневной поверхности. На иткульских поселениях в Притоболье остатки этих сооружений в рельефе выглядят как овальные или округлые приподнятые над поверхностью не более чем на 0,5–0,7 м площадки размерами от 3×4 м до 12×15 м, окруженные неглубокими ямами или канавками.

Объект исследования и результаты

Раскопками исследованы остатки 14 построек² на 7 городищах и 1 неукрепленном поселении восточного варианта иткульской культуры. Они относятся ко всем трем этапам: иткульский — 6 (Карагай Аул 4, «Санаторий “Лесные горки” 1»³, Усть-Терсюк 8, Кыртым 1–2) (рис. 1); карагай-аульский — 3 (Карагай Аул 1) (рис. 2); вак-куровский — 5 (Вак-Кур 2, Юртоборский мост 3) (рис. 3).

Слабо укрепленные/неукрепленные поселения, на которых были исследованы остатки сооружений, располагаются в долине Тобола от подтаежной зоны (Карагай Аул 1, 4, Вак-Кур 2, Юртоборский мост 3) на севере до северной лесостепи на юге (Лесные горки 1, Усть-Терсюк 8).

Изученные жилища отличаются устойчивым набором признаков — остатки построек имеют прямоугольную или трапециевидную, редко — многоугольную форму и не углублены в материк. Внешне выглядят как округло-прямоугольные насыпи, оконтуренные по краям ямами (реже ка-

¹ Поселения окружены рвом и валом и по формальным признакам относятся к городищам. Однако фортификации слабо выражены — валы песчаные, шириной до 3–4 м, высотой до 0,5 м, рвы шириной до 1 м, глубиной до 0,35–0,6 м, что заставляет сомневаться в их оборонительном предназначении.

² Кроме остатков сооружений на городище Андреевское 7.

³ Далее по тексту — Лесные горки 1.

Домостроительство населения иткульской культуры в подтаежном — лесостепном Зауралье

навками). Раскопками было установлено наличие под насыпями ямок от столбов конструкции стен и кровли, за их границами зафиксированы большие ямы, интерпретированные как остатки карьеров, откуда брался грунт для утепления стен и кровли жилищ [Зах, Зимина, 2009, с. 150–151]. Исключение составляет сооружение 2 на поселении Юртоборский мост 3. Исследована часть котлована (?) аморфной формы размером 11,75×6,5 м, углубленного в материк на 0,08–0,23 м; в южной части над заполнением котлована фиксировался участок прокаленной супеси размером 2,1×1,7 м, мощностью 15 см [Цембалюк, 2009]. Поскольку объект исследован частично, нет оснований для предположений, насколько были распространены углубленные сооружения у населения иткульской культуры в Притоболье; это может быть котлованообразное углубление внутри постройки, только чуть больших размеров, чем зафиксированное при исследовании сооружения Вак-Кур 2/Б (рис. 3, 6).

Характеристика основных признаков остатков жилищ восточного варианта иткульской культуры

Characteristics of the main features of the remains of dwellings of the Eastern variant of the Itkul culture

№ п/п	№ постройки / памятник	Степень изученности / Форма в плане	Размеры, м (площадь, м ²)	Степень углубленности	Характер и элементы конструкции			Ориентировка жил.	Автор и год раскопок
					Ямки по краям постройки	Ямки в центре	Очаг		
1	Андреевское 7, городище	Изучено полностью / ?	?	Наземные, часто с неглубокими котлованами в центре	+	+	+ Углубленные, с глиняной обмазкой	?	Романова, 1971; Ельзина, 1972;
2	№ 1, Вак-Кур 2, городище (площадка Вак-Кур 2/Б)	Изучено полностью / Прямоугольная	≈ 9,5×9,5 (90)	Наземное, не углублено в материк, у СЗ стенки — небольшой котлован	+	+	?	С–Ю	Зимина, 2004
3	№ 1, Вак-Кур 2, городище (неукрепленная часть — селище)	Изучено полностью / Многоугольная	≈ 6×10; 6×8 (100)	Наземное, не углублено в материк	+ с В стороны постройки фиксируются ямки от навеса-пристроа	+	+ Прокал-очаг	С–Ю	Зимина, 2001
4	№ 2, Вак-Кур 2, селище	Изучено полностью / Многоугольная	≈ 7×6,5; (45)	Наземное, не углублено в материк	+	+	+ Прокал-очаг	З–В	Зимина, 2001
5	№ 1, Карагай Аул 1, городище (площадка Карагай Аул 1/А)	Изучено полностью / Прямоугольная	≈ 10×7 (72)	Наземное, не углублено в материк	+	+	+ Прокал-очаг.	ССВ–ЮЮЗ	Зах, 1991
6	№ 2, Карагай Аул 1, городище (площадка Карагай Аул 1/А)	Изучено частично / Многоугольная	≈ 5×10 (50)	Наземное, не углублено в материк	+ с ЮВ стороны, вероятно, ямки от навеса-пристроа	+	+ Прокал-очаг	СВ–ЮЗ	Зимина, 2002.
7	№ 1, Карагай Аул 1, городище (площадка Карагай Аул 1/Б)	Изучено полностью / Многоугольная	≈ 11×9 (80)	Наземное, не углублено в материк	+ с ЮВ стороны, вероятно, ямки от навеса-пристроа	+	+ Прокал-очаг	—	Зимина, 2002
8	№ 1, Карагай Аул 4, городище	Изучено полностью / Трапециевидная	≈ 12×6 (72)	Наземное, не углублено в материк	+	+	-	СВ–ЮЗ	Зимина, 2003
9	№ 2, Карагай Аул 4, городище	Изучено частично — ЮВ угол не изучен / Прямоугольное	≈ 13×6 (78)	Наземное, не углублено в материк	+	+	-	СВ–ЮЗ	Зимина, 2003
10	№ 1 Кырым 1, городище	Изучено частично — разведочный раскоп в центр. части жилища / ?	?	Наземное, не углублено в материк	+	+	+	?	Зимина и др., 2004
11	№ 1, Кырым 2, городище	Изучено частично — разведочный раскоп в СЗ части жилища / ?	?	Наземное, не углублено в материк	+	?	?	?	Зимина и др., 2004
12	№ 1, Лесные горы 1, городище	Изучено полностью / Многоугольное	≈ 9×9 (80)?	Наземное, не углублено в материк	+	+	+	З–В	Зимина, 2014
13	№ 1, Усть-Терсюк 8, городище	Изучено частично / Овальное	?	Наземное, не углублено в материк	+	+	+	?	Зимина, 2014
14	№ 1, Юртоборский мост 3, поселение	Изучено частично / ?	Исследован. часть ≈ 10×7 (?)	Наземное, не углублено в материк	+	?	?	?	Цембалюк, 2009
15	№ 2, Юртоборский мост 3, поселение	Изучено частично / ?	Исследован. часть ≈ 11,75×6,5 (?)	Углублено в материк	+	?	+	?	Цембалюк, 2009

Несмотря на расположение поселений преимущественно на песчаных почвах, где повышенная аэрация и фильтрация отрицательным образом влияют на сохранность артефактов из органических материалов, следы каркаса конструкции в виде ямок от столбов читаются достаточно хорошо. Этому способствовали наличие на поселениях одного строительного горизонта, отсутствие следов повторного строительства, в единичных случаях предположительно фиксируется только ремонт построек. Таким образом, удалось реконструировать внешний вид девяти сооружений восточного варианта иткульской культуры.

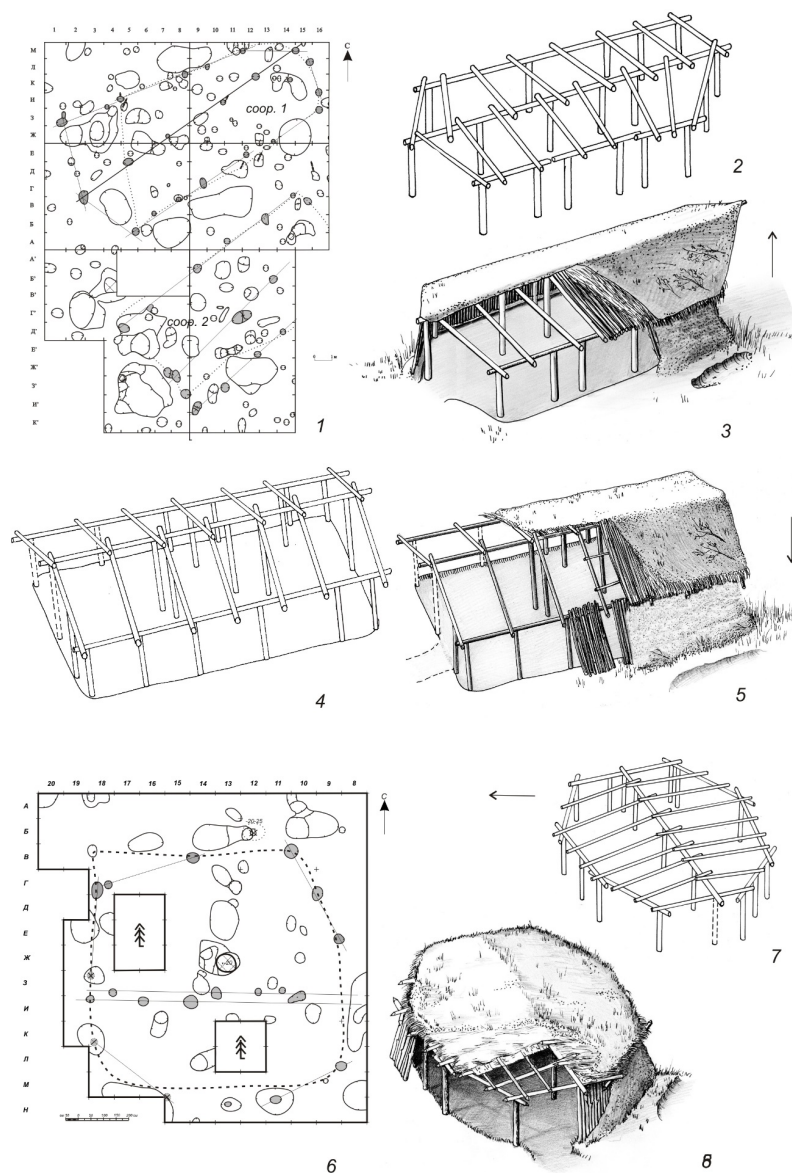

Рис. 1. План и реконструкция жилищ иткульского этапа восточного варианта иткульской культуры. Карагай Аул 4 и Лесные горки 1 (графические реконструкции сооружений выполнены Е.А. Алексеевой):

Карагай Аул 4: 1 — план по матерiku; 2, 3 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1;

4, 5 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 2;

Лесные горки 1: 6 — план по матерiku; 7, 8 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1.

Fig. 1. The plan and reconstruction of the dwellings of the Itkul stage of the eastern variant of Itkul culture.

Karagay Aul 4 and Lesnye gorki 1 (graphic reconstructions by E.A. Alekseeva):

Karagay Aul 4: 1 — plan for the mainland; 2, 3 — reconstruction of the frame and the appearance of dwelling № 1;

4, 5 — reconstruction of the frame and appearance of dwelling № 2;

Lesnye gorki 1: 6 — plan for the mainland; 7, 8 — reconstruction of the frame and appearance of dwelling № 1.

Жилища *иткульского этапа* восточного варианта иткульской культуры представлены исследованными постройками городищ Карагай Аул 4 и Лесные горки 1. На городище *Карагай Аул 4* остатки сооружений имели вид приподнятых площадок размером 12×8 м. При раскопках контуры сооружений читались по очертаниям серой супеси с угольками и пятнам ямок от столбов, также на площади постройки № 1 расчищены остатки обгорелого столба и фрагменты плашек, ориентированных, как и жилище, по линии СВ–ЮЗ. Анализ взаиморасположения ямок на площади сооружений № 1 и 2 позволил выявить расположенные параллельно друг другу ряды следов от стоек стен и осевой балки кровли (рис. 1, 1). Также были зафиксированы ямки,

расположенные «рядом» с основной линией, выходящие за ее пределы на 15–20 см,— предположительно это следы ремонта или дополнительных подпорок для стен. У сооружения № 2 фиксируются ровные торцевые стены. У сооружения № 1 ряд столбов центральной линии выходит за пределы боковой линии, образуя подреугольные выступы в торцевых стенах. Таким образом, каркас жилища составляли вертикальные стойки стен, скрепленные поверх балками, которые вместе с коньковой балкой кровли скреплялись между собой поперечными переводинами⁴, образуя двухскатную кровлю. Жилища реконструируются как вытянутые прямоугольные постройки с каркасно-столбовой конструкцией в основе (рис. 1, 2, 4).

Иную форму жилища демонстрируют следы сооружения № 1, исследованного на городище Лесные горки 1 (рис. 1, б). Ямки от стоек располагались по периметру жилища, образуя многоугольную форму. В центре жилища прослеживаются два параллельных близко друг к другу расположенных ряда ям. Полагаем, они остались от стоек, поддерживавших коньковую балку кровли. Возможно, второй ряд ям свидетельствует о ремонте жилища либо же о техническом решении — установке двух коньковых балок с целью снять нагрузку с несущих элементов постройки. Ямки на периферии жилища образуют «пары», которые могли быть скреплены поверх балками. Выделяются четыре такие П-образные конструкции, расположенные под углом к основной осевой линии жилища, дополнительно скрепленные между собой вторым рядом балок, они образовывали каркас стен жилища. Таким образом, данная постройка имела двухскатную кровлю и восьмиугольную в плане форму (рис. 1, 7, 8).

Конструкция построек *карагай-аульского этапа* восточного варианта иткульской культуры восстановлена по материалам исследованных сооружений двухплощадочного городища Карагай Аул 1 (рис. 2).

Остатки конструкции сооружений № 1 и 2 площадки Карагай Аул 1/А представлены рядами ям, расположенными у стен построек и по осевой линии. Основными элементами прямоугольных жилищ были три ряда стоек — от стен и конструкции, поддерживающей коньковую балку; торцевые же стены, как правило, были неровные, с выступами, и оформлялись ситуативно. В целом сооружения представляли собой каркасные постройки подпрямоугольно-вытянутой формы с неровными, немного выступающими торцевыми стенами. Для каждой постройки отмечен ряд особенностей. У сооружения № 1 фиксируются два ряда ямок по центру — предположительное свидетельство ремонта или же дополнительной коньковой балки. Кроме того, у сооружения № 1 отмечены дополнительные ямы с северной, противоположной от входа стены, формирующие выступ в общем плане жилища (пристрой? навес?). Если у других жилищ зафиксированные навесы расположены с боковой стороны жилища, то это пока единственная постройка, у которой навес сооружен с задней, противоположной от входа стороны. Почти в центре жилища, на равном расстоянии от продольных стен, помещался очаг. Максимальная мощность прокала 0,24 м, материк прокален на глубину 0,03–0,04 м. Выход из помещения был обустроен в виде выступа осевой балки и восточной стены постройки, таким образом, получался небольшой тамбур — навес (рис. 2, 2). Подобный выступ осевой балки, а также северо-западной стены постройки зафиксирован и у сооружения № 2 на месте предполагаемого входа. У сооружения № 2 с восточной стороны отмечены по две пары ям — остатки столбов, которые могли быть скреплены поверх балками и образовывали две П-образные конструкции. Полагаем, это следы каркаса пристроя, навеса, сооруженного с юго-восточной стороны жилища. С основным помещением они скреплялись балками (рис. 2, 5). В сооружении № 2 очага не выявлено.

Для сооружения № 1 Карагай Аул 1/Б по ямкам от стоек восстанавливается многоугольная форма постройки, образованная П-образными конструкциями, скрепленными поверх вторым рядом балок (рис. 2, 7, 8). В центре, с небольшим смещением к ЮЗ стене, вокруг прокала (очага) размерами 0,95–1,8×1,3 м, мощностью 0,11 м, выявленного практически в центре сооружения, зафиксированы ямки от столбов, поддерживавших каркас кровли. В плане они образуют прямоугольник со сторонами ≈ 2,0×2,5 м. Поверх эта конструкция-каркас скреплялась балками-стропилами (переводинами), крепившимися одним концом на раме в центре, а другим — на раме каркаса стен жилища. Таким образом, предполагаем, что сооружение имело четырехскатную кровлю. В юго-восточной части постройки отмечены ямки от столбов, которые могли поддерживать отдельные балки-переводины перекрытия между рамами. Несмотря на относитель-

⁴ Балка/брус — элемент, на который настилались полы, крепился потолок; переводины (стропила) — элементы каркаса, скрепляющие другие его элементы.

но небольшое расстояние между рамами — 2,5–3 м, они были необходимы, видимо, для усиления несущих конструкций, чтобы не допустить обрушение их и создать необходимый запас прочности при утеплении грунтом, снять нагрузку с других конструктивных элементов каркаса. С ЮВ стороны жилища выделен ряд ямок, «продолжающих» контур жилища на некотором расстоянии от стен: это две пары ям, которые могут быть интерпретированы как остатки П-образных конструкций каркаса небольшой пристройки или навеса размером 2×5–6 м (рис. 2, 8, 9).

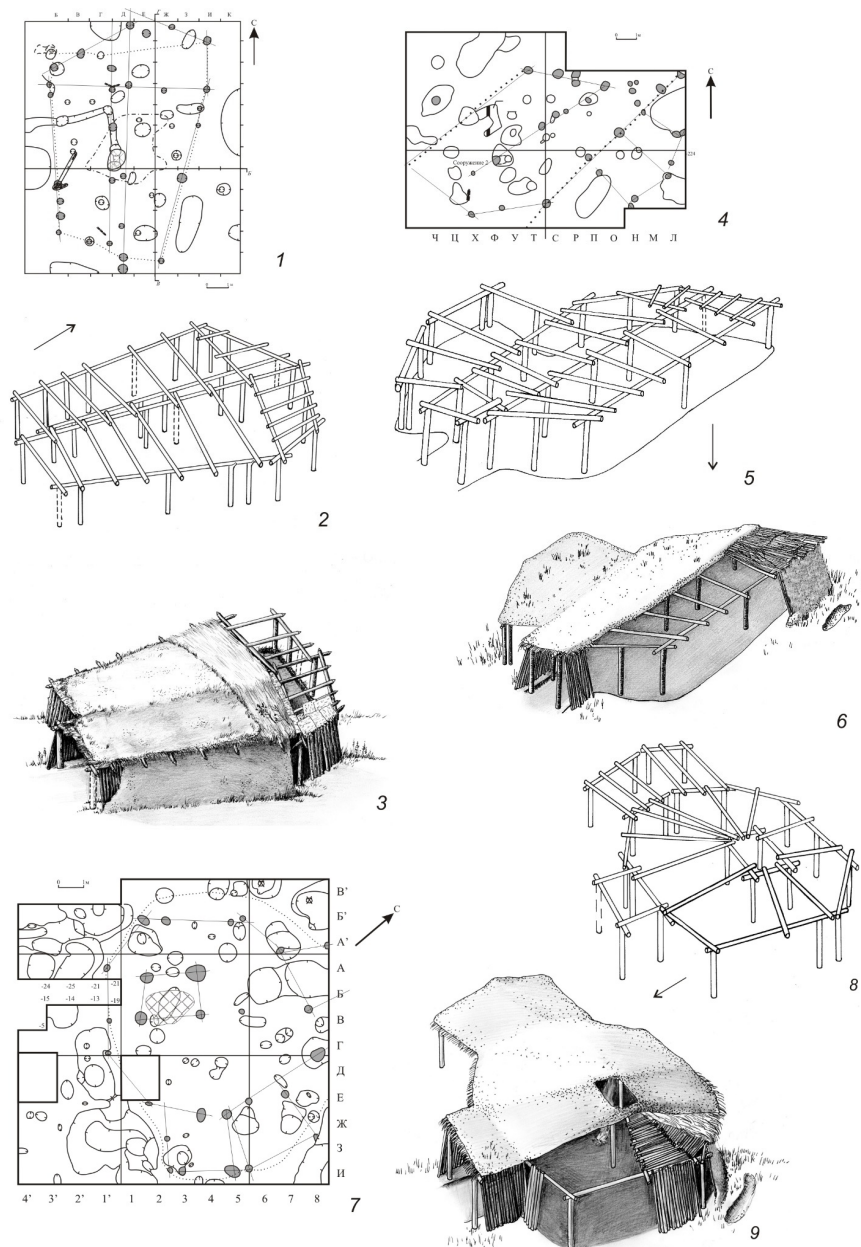

Рис. 2. План и реконструкция жилищ карагай-аульского этапа восточного варианта иткульской культуры.

Площадки Карагай Ауль 1/А и 1/Б:

Карагай Ауль 1/А: 1–3 — план по материке, реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1;

4–6 — план по материке, реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 2;

Карагай Ауль 1/Б: 7–9 — план по материке, реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1.

Fig. 2. Plan and reconstruction of the dwellings of the Karagay-Aul stage of the eastern variant of the Itkul culture.

Fortified sites Karagay Aul 1/A and 1/B:

Karagay Aul 1/A: 1–3 — plan for the mainland, reconstruction of the frame and appearance of dwelling № 1;

4–6 — the plan for the mainland, the reconstruction of the frame and the appearance of dwelling № 2;

Karagay Aul 1/B: 7–9 — plan for the mainland, reconstruction of the frame and appearance of dwelling № 1.

Домостроительство населения иткульской культуры в подтаежном — лесостепном Зауралье

Строения *вак-куровского этапа* восточного варианта иткульской культуры реконструируются по материалам городища с селищем Вак-Кур 2 (рис. 3).

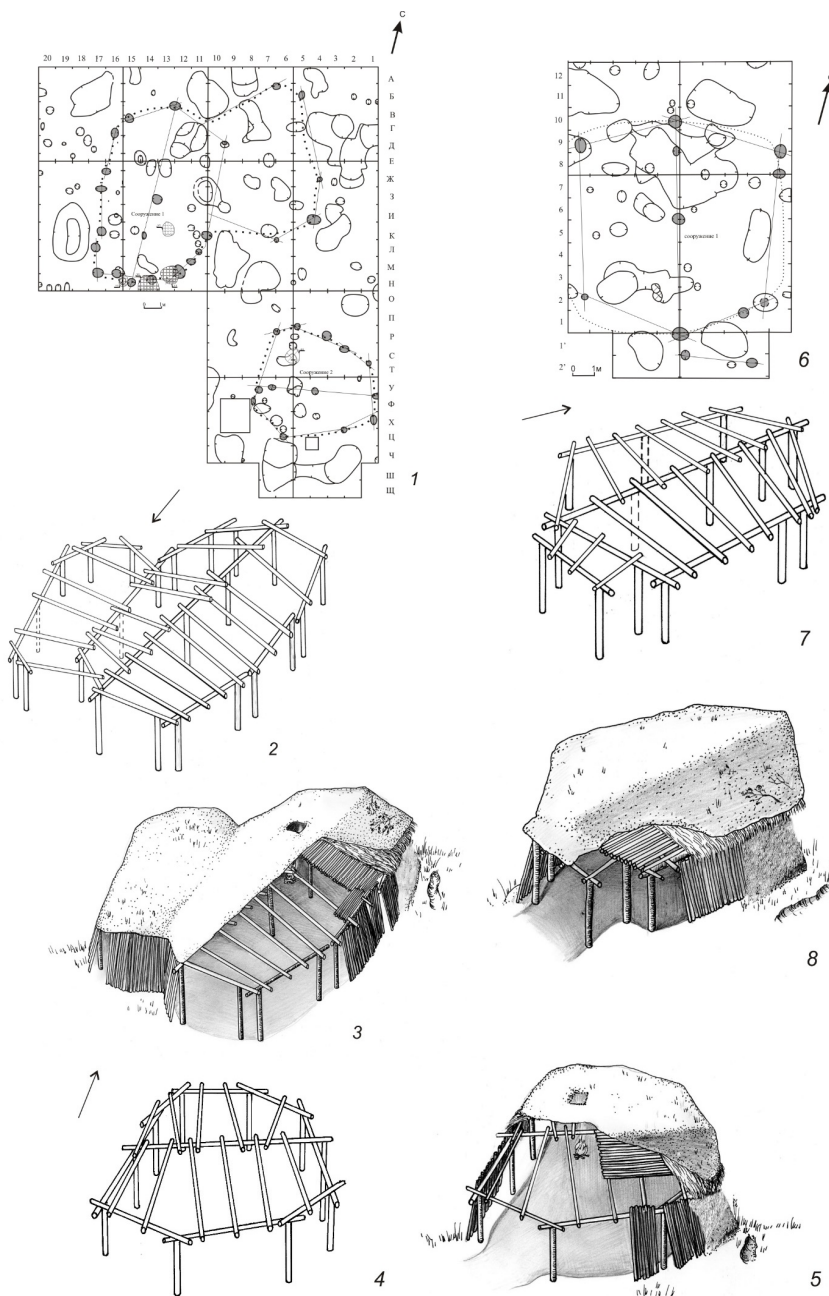

Рис. 3. План и реконструкция жилищ вак-куровского этапа восточного варианта иткульской культуры.

Селище и городище Вак-Кур 2:

Селище: 1 — план по материке; 2, 3 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1;
4, 5 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 2;
укрепленная площадка Вак-Кур 2/Б: 6 — план по материке; 7, 8 — реконструкция каркаса и внешнего вида сооружения № 1.

Fig. 3. Plan and reconstruction of the dwellings of the Vak-Kur stage of the eastern version of the Itkul culture.

Unfortified part and fortified site Vak-Kur 2:

Unfortified part: 1 — the plan for the mainland; 2, 3 — reconstruction and appearance of dwelling № 1;
4, 5 — reconstruction and appearance of dwelling № 2;
fortified site Vak-Kur 2/Б: 6 — plan for the mainland; 7, 8 — reconstruction and appearance of dwelling № 1.

Остатки конструкции сооружения № 1 на селище Вак-Кур 2 фиксируются в виде рядов ямок от столбов по осевой линии и нескольких пар столбовых ямок по периметру жилища. В целом

они образовывали подпрямоугольную форму с выступами в торцевых стенах. Основу каркаса составляли вертикальные стойки стен по периметру и в центре жилища, скрепленные поверх балками и стропилами-переводинами (рис. 3, 1, 2). На примере этой постройки четко вычленились «пары» стоек, образовывавших П-образные конструкции, скрепленные поверх балкой. У данного жилища по линии СЗ стены фиксируются три столба, два из которых расположены достаточно близко друг к другу — на расстоянии около 1 м. Возможно, в СЗ стене жилища был устроен вход, однако о его размерах и конструкции судить сложно (недостаточно данных). Он находился по диагонали напротив очага жилища, расположенного в южной части постройки. Еще три участка прокаленной супеси у ЮВ стены сооружения не получили объяснения, но по находкам в этой части постройки капель и сплесков бронзы, створки литейной формы, бронзового наконечника стрелы, обломков глиняного жертвенника было сделано предположение о связи этой части жилища с бронзолитейной деятельностью [Зимина, Зах, 2009, с. 169] (рис. 3, 1).

На основании неправильной формы насыпи и характера расположения столбовых ям высказано предположение, что постройка состояла из двух примыкающих друг к другу помещений [Зимина, Зах, 2009, с. 169] (рис. 3, 1–3).

На площади сооружения № 2, исследованного на селище Вак-Кур 2, остатки конструкции представлены предположительно рядом ямок, расположенным по осевой линии жилища. По периметру постройки фиксировались ямки от столбов конструкции стен, которые в плане образовывали неправильную многоугольную форму. Кровля реконструируется как двухскатная, каркас обрешетки одним концом крепился на коньковой балке, а другим — на балках по краям стен. Остатки очага в виде прокала размерами 0,9×0,75 м и мощностью 0,1 м располагались у северной стенки сооружения (рис. 3, 4, 5).

На площади сооружения № 1 на площадке Вак-Кур 2/Б (рис. 3, 6–8) были выявлены три почти параллельных ряда ям от столбов, поддерживавших коньковую балку и балки стен. При этом у данной постройки также зафиксированы выступы в торцевых стенах, образованные за счет более длинной, выступающей за пределы стен коньковой балки кровли. У одного из выступов зафиксированы дополнительные ямки от пары столбов, которые, по нашему мнению, остались от привходовой конструкции — сеней, навеса. В южной части сооружения на 0,07–0,15 м выше уровня материка отмечалось пятно слабо прокаленной супеси (очаг?) диаметром 0,5 м, вокруг которого располагались скопления кусочков обожженной глины и фрагменты керамики. Данная постройка имела подпрямоугольную в плане форму и двухскатную кровлю.

Обсуждение результатов

Следует отметить устойчивую домостроительную традицию носителей восточного варианта иткульской культуры, которая выражается в использовании каркасно-столбовой конструкции, установленной на дневную поверхность. По форме выделяются удлиненные прямоугольные или трапецевидные постройки, редко — многоугольно-округлые. Как уже отмечалось выше, для вытянутых подпрямоугольных построек характерно оформление торцевых коротких стен выступом — такая черта зафиксирована у пяти построек из шести.

Основой каркаса стен являлись так называемые П-образные конструкции, состоявшие из двух (редко — более) стоек, соединенных поверх балкой. Расстояние между стойками составляло от 1,5–2,5 до 3,0–4,0 м (как правило, в одной постройке наблюдались схожие расстояния: например, у жилища 1 сел. Вак-Кур 2, жил. 2 гор. Карагай Аул 1А, жилищ гор. Карагай Аул 4 расстояние между стойками составляло 2,5–3,0 м, у жилища 1 гор. Лесные горки 1 — преимущественно по 4,0 м). Эти своеобразные модули составляли контур построек и соединялись между собой вторым рядом балок. Каркас стен и коньковая балка скреплялись между собой стропилами-переводинами, жердями, уложенными одним концом на коньковую балку, а другим — на балку стены.

Кровля в основном двухскатная; четырехскатная зафиксирована в одном случае. Коньковая балка кровли опиралась на ряд стоек, расположенных по осевой линии постройки. В двух случаях зафиксировано два ряда ямок по осевой линии жилища — можно предположить, что это следы ремонта либо что в некоторых случаях зодчие устанавливали две коньковые балки. В некоторых жилищах зафиксированы ямки от дополнительных стоек (под переводины-стропила) — полагаем, они нужны были для усиления жесткости и снятия нагрузки с соседних элементов конструкции.

Фиксация обгоревших плашек у стен жилища позволяет предположить, что расстояние между каркасными элементами построек заполнялось наклонно установленными жердями, расколотыми вдоль, или целыми бревнами, тесинами, поверх они могли утепляться берестой, тра-

вой, и иметь подсыпку из грунта, дернины. Об активном употреблении грунта в качестве утеплителя свидетельствует внешний вид остатков жилищ — приподнятые площадки высотой до 0,5 м. Кроме того, при раскопках по периметру жилищ зафиксированы ямы-котлованы различных форм, которые могли использоваться для забора грунта при утеплении стен. При разрушении грунт, видимо, частично оползал, неравномерно просыпался сквозь балки перекрытия, что и создавало неровный характер поверхности приподнятых площадок в дальнейшем. Кроме того, все поселения восточного варианта иткульской культуры расположены в местах с песчаными почвами, на них обычно плохо образуется дернина, и снятый дерн для утепления жилищ мог размываться дождями, что вызывало оползание грунта и требовало периодического ремонта.

Выход из жилищ располагался, как правило, в одной из коротких (торцевых) стен жилища. В ряде случаев устройство выхода оформлено в виде одной более длинной боковой стены и выступающей коньковой балкой, стойка которой играла роль каркаса привходовой конструкции. Таким образом, у входа сооружались небольшие сени-навес, они зафиксированы у сооружения № 2 Карагай Аул 1/А, сооружения № 1 Карагай Аул 1/А, сооружения № 1 Вак-Кур 2/Б. Такой способ оформления выхода фиксировался и позднее, в домостроительстве гороховской и саргатской культур.

У четырех построек были зафиксированы столбовые ямы за пределами основного контура, что позволило выявить наличие пристроев/навесов у построек. Такие навесы зафиксированы у сооружения № 1 Карагай Аул 1/А (с задней стороны постройки) и сбоку от входа — у сооружения № 2 Карагай Аул 1/А, сооружения № 1 Карагай Аул 1/Б, сооружения № 1 селища Вак-Кур 2.

Охарактеризовать интерьер построек восточного варианта иткульской культуры не представляется возможным в силу скудности данных. По материалам раскопок можно предположить, что большинство построек были жилыми, имели простой очаг, чаще всего в центральной части сооружения и, в соответствии с данными этнографии, могли использоваться в любое время года [Адаев, Зимина, 2016].

Истоки охарактеризованной домостроительной традиции пока достоверно не установлены. Тем не менее можно отметить в сооружениях предшествующих периодов или на сопредельных территориях отдельные элементы сходной домостроительной традиции или подобный тип построек.

На территории Зауралья известны сооружения наземного типа, относящиеся к эпохе энеолита. В подтаежной зоне Притоболья на поселении андреевской культуры Средний Баклан 1 исследованы постройки, которые в рельефе представляли собой приподнятые площадки. По периметру и в центре жилища фиксировались столбовые ямки, за его пределами — крупные ямы, обломки посуды находились на уровне пола (верхней части погребенной почвы) [Зах, Фомина, 1999, с. 15]. Однако сохранения именно этого типа сооружений в дальнейшем не прослеживается. В целом домостроительство андреевской культуры характеризуется полуземлянками, углубленными в материк на 0,5–0,7 м, стены которых предположительно были укреплены жердями или досками [Очерки..., 1994, с. 130].

В эпоху бронзы на территории Притоболья изучены полуземляночные постройки ташковской культуры с котлованом, углубленным в материк на 0,3–0,4 м, с предположительно бревенчатыми стенами и двускатной кровлей [Очерки..., 1994, с. 129]. Андроновские сооружения, исследованные на данной территории, представлены каркасно-столбовыми конструкциями с котлованами разной степени углубленности (от 0,15 до 0,6 м) [Стефанов, Корочкова, 2000]. Каркасностолбовые жилые и хозяйственные постройки изучены и на поселении Хрипуновское черкаскульской культуры [Берлина и др., 2011]. На этом поселении отмечены длинные прямоугольные каркасные сооружения, практически не углубленные в грунт, и многоугольные. У ряда построек отмечены навесы-пристрои у одной из боковых стен. Хозяйственные постройки были, как правило, меньшей площади и имели более простую конструкцию.

Исследования памятников восточного варианта иткульской культуры позволили предположить участие в его формировании гамаюнской и бархатовской культур. В гамаюнском домостроительстве выделяют три типа построек — полуземляночные, наземные без котлованов и наземные с неглубокими котлованами. В соответствии с особенностями наземной части они могли быть бревенчатыми, в некоторых случаях с глиняной обмазкой, и каркасно-столбовыми со слабо углубленной центральной частью или легкими каркасными конструкциями типа шалашей или чумов [Борзунов, 1992, с. 44–45; Очерки..., 1995, с. 192–195]. Бархатовское домостроительство представлено одно- и многокамерными (две-три) постройками с разной степенью углубленности (от 0,3 до

0,7 м) котлована в грунт, каркасно-столбовыми с горизонтальной закладкой бревен между вертикально установленными столбами [Матвеев, Аношко, 2009, с. 206–208].

Ранее отмечалось влияние таежных традиций на домостроительство восточного варианта иткульской культуры, так как именно для атлымской, барсовской, белоярской культур северо-таежной зоны Западной Сибири характерны постройки наземного типа без котлована и городища с круговой планировкой. Сходство домостроительства восточного варианта иткульской культуры и таежных культур, например, со строительными традициями барсовской культуры последней четверти II тыс. до н.э. — VII в. до н.э. Сургутского Приобья очевидно: пол жилищ не углублялся, по периметру зафиксированы ямы-карьеры для забора грунта, в предполагаемых углах жилищ зафиксированы ямы от больших столбов, на которые крепились рама и крыша из жердей, крыша могла быть двускатной, на раму опирались вертикальные или наклонные стены из жердей и бревен [Очерки..., 1994, с. 187–188]. Каркасно-столбовую конструкцию использовали в эпоху поздней бронзы при постройке домов обитатели Конды — представители лозьвинской культуры [Там же, с. 180–181], принявшие участие, по мнению В.А. Борзунова, в сложении гамаюнской культуры горнолесного Зауралья [1992, с. 113]. Постройки лозьвинской культуры также имели пристройки-навесы [Очерки..., 1994, с. 181]. Однако явного присутствия указанного населения в Притоболье не прослеживается [Зимина, Зах, 2009, с. 194–196].

Заключение

Таким образом, в домостроительстве коллективов восточного варианта иткульской культуры конца VIII — VI в. до н.э. можно выделить определенные стандарты зодчества: каркасно-столбовая основа, употребление П-образных модулей, постройки не углублены в грунт, наличие ям-котлованов за пределами постройки. Сочетание всех перечисленных элементов домостроительства появилось в Притоболье в переходное время от бронзового к раннему железному веку в уже сложившемся виде. С более ранними сооружениями аналогичного типа на данной территории фиксируется значительный хронологический разрыв. Причина, по которой носители иткульской культуры на территории Притоболья из разных вариантов домов, бытовавших у непосредственных предшественников, выбрали именно этот, пока не имеет объяснения. В культурах раннего железного века Зауралья — баитовской, гороховской, саргатской каркасно-столбовой принцип возведения стен фиксируется достаточно часто, однако это полуземляночные постройки с котлованом, углубленным в материк.

Объяснить выбор строительной стратегии иткульского населения в Притоболье пока не представляется возможным. Однако, как показывают этнографические исследования, «легкие» в нашем представлении, наземные конструкции были распространены в высоких широтах Западно-Сибирской равнины у северной границы тайги вплоть до современности и использовались для проживания в зимнее время года. Это обстоятельство позволило высказать предположение о соответствии данного типа сооружений адаптационным возможностям населения. Последнее исходило, вероятно, из соображений простоты и скорости возведения построек, доступности материалов и технологий, невысоких трудозатрат при строительстве, возможности круглогодичного использования — как в теплое, так и в холодное время года [Адаев, Зимина, 2016].

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: Археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3. С. 63–71.
- Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 162–186.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 102–114.
- Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства: (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 130–144.

Домостроительство населения иткульской культуры в подтаежном — лесостепном Зауралье

Берлина С.В. Жилища гороховской культуры Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 62–74.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (Гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.

Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ: По материалам памятников неолита — бронзы таежной зоны Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2000. 20 с.

Зах В.А., Фомина Е.А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 14–21.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зими́на О.Ю., Чукунова И.Ю. Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 57–67.

Корякова Л.Н. Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири // ВАН. 1984. Вып. 17. С. 61–79.

Корякова Л.Н., Дэйер М.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Берлина С.В., Костомарова Ю.В., Костомаров В.М. Особенности архитектуры черкаскульского населения лесостепного Притоболья (по материалам селища Хрипуновское 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 79–88.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под. ред. Н.В.Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. 485 с.

Сальников К.В. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАН. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961. Вып. 1. С. 48–52.

Сизов О.С., Зими́на О.Ю. Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (19). С. 150–159.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57–64.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.

Чукунова И.Ю. Поселение Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 90–100.

Источники

Борзунов В.А. Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1984. // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 275.

Елькина М.В. Отчет о полевых исследованиях на Андреевском городище № 7, произведенных летом 1972 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 140.

Зах В.А. Отчет об археологических исследованиях в Ямальском и Ярковском районах Тюменской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 16505.

Зими́на О.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Ярковском районе Тюменской области в 2001 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Зими́на О.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Ярковском районе Тюменской области в 2002 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Зими́на О.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Ярковском районе Тюменской области в 2003 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Зими́на О.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Ярковском районе Тюменской области в 2004 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Зими́на О.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Курганской области в 2014 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Зими́на О.Ю., Усачева И.В., Сарапулова Н.Г. Отчет о полевых археологических исследованиях системы озер Туро-Пышминского междуречья в Тюменском районе Тюменской области в 2004 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Романова М.В. Отчет о полевых работах на Андреевских городищах № 5 и 7 в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4570.

Цембалюк С.И. Охранные исследования поселения Юртоборский мост 3 в Яркском районе Тюменской области в 2009 г. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

S.V. Berlina, O.Yu. Zimina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: svb82@mail.ru;
o_winter@mail.ru

Housebuilding of the Itkul Culture population in the subtaiga — forest-steppe Trans-Urals

This paper presents the results of the analysis of housebuilding tradition and graphical reconstruction of nine buildings from three stages of the eastern branch of the Itkul Culture (end of the 8th — 6th c. BC): Itkul (end of the 8th — first half of the 7th c. BC); Karagay-Aulsky (second half of the 7th c. BC); and Vak-Kurovsky (6th c. BC). The fortified settlements, whose buildings have been studied, are located in the valley of the Tobol River (subtaiga — northern forest-steppe zone, Western Siberia): Karagai Aul 1; Karagai Aul 4; Vak-Kur 2; and Sanatoriy Lesnye Gorki 1. By means of constrained reconstruction based on the analysis of planigraphy and stratigraphy of the excavation site, basic elements of the building frame, viz., the postholes marking the boundary and belonging to the building structure, were identified. Then the specifics of the building frame, techniques employed in construction of walls and roof, and building materials were determined. In the final step of the reconstruction, a series of drawings of the buildings were created. As a result of the analysis of the building remains, a long-lasting housebuilding tradition of the western Itkul Culture population has been recorded — the use of a pile-dwelling structure built on the day surface. In terms of the shape, elongated sub-rectangular and polygonal-rounded dwellings have been identified. The wall framework consisted of two pillars joined by a beam at the top. These modules constituted perimeter of the structure and were held together by a second row of joists. The framework of the walls and the ridge beam were fixed to each other by scaffold poles placed on the ridge beam at one end and on the wall joist at the other end. The space between the frame elements was filled with tilted timber logs, whole or split lengthwise, and the walls at the top would be insulated with bark and hay or have a soil filler. The roof of the buildings was mainly double-slope and a four-slope roof has been recorded only in one instance. The exit from the building was located in one of the walls, usually the short (face) wall. Annexes (lofts?) have been recorded for four buildings. The pile-dwelling structures of above-ground type have a broad range of territorial and chronological analogies; although in the Tobol River region at the turn of the Bronze to the Early Iron Age they appeared in a developed form. The origins of this phenomenon in the studied territory can be established by further research.

Key words: Western Siberia, Trans-Urals, transition period from Bronze Age to Early Iron Age, Itkul Culture, fortified settlement, housebuilding.

Funding. The article is written within the framework of the State Project № AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Adayev V.N., Zimina O.Yu. (2016). Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (3), 63–71. doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.3.063-071. (Rus.).
- Bel'tikova G.V., (1977). Itkul' settlements. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 119–133. (Rus.).
- Bel'tikova G.V. (2005). Environment of formation and sites of the Trans-Ural (Itkul) hearth of metallurgy. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 162–186. (Rus.).
- Bel'tikova G.V., Borzunov V.A. Koriakova L.N. (1991). Some problems of the early Iron Age archeology of the Trans-Urals and Western Siberia. In: *Voprosy arkheologii Urala*. Vyp. 20. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 102–114. (Rus.).
- Bel'tikova G.V., Stoyanov V.E. (1984). The hillfort of Dumnaya Gora, a place of specialized metallurgical production: (A preliminary report). In: *Drevniye poseleniya Ural i Zapadnoy Sibiri*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 130–145. (Rus.).
- Berlina S.V. (2019) Dwellings of Gorokhov culture of Trans-Urals. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 62–74. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-062-074.
- Berlina S.V., Kostomarov Yu.V., Kostomarov V.M. (2011). Architectural features with the Cherkaskul population from forest-steppe low Tobol basin (basing on data from Khripunovo 1 non-fortified settlement)). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 79–88. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a15/79-88.pdf.
- Borzunov V.A. (1992). *Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages: (Gamayun culture)*. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. (Rus.).

- Chikunova I.Yu. (2009). Settlement Mullashinsky Yurts 7. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 90–100. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a11/90-100.pdf.
- Koriakova L.N. (1984). Settlements of the Sargat culture. In: *Drevnie poseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri*. Vyp. 17. Sverdlovsk: UrGU, 61–79. (Rus.).
- Koriakova L.N., Deier M.I., Kovrigin A.A., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E., Razhev D.I., Kurto P., Khenks B., Efimova E.G., Kazdym A.A., Mikriukova O.V., Sakharova A.O. (2009). *Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of I thousand BC (on materials of Pavlinovo archaeological complex)*. Ekaterinburg; Surgut: Magellan. (Rus.).
- Lukina N.V. (Ed.) (1994). *Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia*. Vol. 1. Book 1: *Settlements and dwellings*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M. (2009). *The Trans-Urals after Andronians: Barhatovo culture*. Tiumen': Tium. dom pečati. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1993). *Sargatka culture on Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Sal'nikov K.V. (1961). The main results and problems of the archaeological study of the South Urals. In: *Vo-prosy arheologii Urala*. Vyp. 1. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 48–52. (Rus.).
- Sizov O.S., Zimina O.Yu. (2012). Peculiarities of the life support system and the spatial distribution of the settlements of the Itkul culture in the Tobol region (8th–6th centuries BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 150–159. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a19/150-159.pdf.
- Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovsky antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen*. Ekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).
- Tsembaliuk S.I. (2009). Characteristics of settlements and dwellings of Bait culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (10), 57–64. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a10/57-64-cembaluk.pdf.
- Tsembaliuk S.I., Berlina S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age of Likhachevskoye site in the Ishim river areas. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–65. (Rus.). Retrieved from: http://ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.
- Zakh V.A., Fomina E.A. (1999). On the Origin of Andreev Culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 14–21. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a2/1-zah-f.pdf.
- Zimina O.Yu., Chikunova I.Yu. (2019). Graphic reconstruction of a Kashino dwelling dating back to the Early Iron Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 57–67. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-5.
- Zimina O.Yu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Берлина С.В., <https://orcid.org/0000-0003-0080-2620>
Зими́на О.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-5220-8634>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

А.П. Зыков^а, С.Ф. Кокшаров^а, Е.Р. Масленников^б

^а Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990

^б Уральский федеральный университет
просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620142
E-mail: a.p.zykov@mail.ru;
uniz@mail.ru;
masska96@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОПОРОВ С СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Обобщена информация по проушным железным топорам Средневековья, найденным в разные годы на севере Западной Сибири и Урале, исключая бердыши. Морфологические особенности позволили разделить все известные топоры на две группы, а внутри групп выделить 13 типов изделий. В работе намечена эволюция отдельных типов изделий, рассматриваются сюжеты, касающиеся происхождения некоторых вещей (импорт из Волжской Болгарии, русских земель и др.). Накопление источников позволит скорректировать предложенную схему.

Ключевые слова: железные топоры, кузнечное ремесло, Средневековье, север Западной Сибири, типология.

Введение

Распространение первых проушных железных топоров в Восточной Европе шло параллельно с масштабным расселением восточногерманских народов в I–II вв. н.э. на пространстве от Балтийского побережья до Северного Причерноморья через территории современных Белоруссии и Украины. Исследователи связывают с мигрантами памятники вельбаркской и пшеворской культур. Это событие привело к сложению огромной черняховской культуры середины III — начала V в., являвшейся археологическим слепком полиэтничной Готской державы. С ее историей были связаны поликультурные образования Среднего Поволжья: памятники славянского и лбищенского типов III–IV вв. и сложившаяся на их основе именковская культура V–VII вв. [Зыков, 2011, с. 72–74]. Это привело к массовому производству и распространению проушных железных секир во всех сопредельных культурах Восточной Европы, в том числе в памятниках Приуралья. Речь идет о тураевских курганах, бахмутинской культуре, худяковской (азелинская стадия) и тарасовско-чегандинской (мазунинская стадия) культурах. В дальнейшем топоры появляются к востоку от Урала.

В Средневековье массовое производство железных топоров было налажено в ремесленных центрах тюркских и славянских государств Восточной Европы: в Хазарском каганате, Волжской Болгарии, Древней Руси и Новгородской республике. Часть этой продукции оседала в Зауралье и на интересующем нас севере Западной Сибири.

Актуальность предлагаемого исследования состоит в том, что отсутствуют тематические работы, посвященные типологии железных топоров, найденных на севере Западной Сибири. Это объясняется отчасти немногочисленностью изделий, встречающихся во время раскопок поселений и могильников, неудовлетворительной сохранностью железных предметов в культурном слое и отсутствием оперативных публикаций находок. Цель данной работы заключается в обобщении информации по средневековым железным топорам с археологических памятников таежного Обь-Иртышья. В ее задачи входят рассмотрение морфологических особенностей изделий, выделение групп и типов продукции, поиск аналогов, а также определение времени бытования вещей.

Из истории изучения средневековых топоров

Кузнечная продукция в виде проушных железных топоров с территории Западной Сибири неизменно привлекала внимание археологов. В разные годы единичные находки или группы предметов, связанные с конкретными археологическими памятниками, рассматривались в работах В.Н. Чернецова [1957, с. 213. табл. XXXIV, 3, 4], В.Д. Викторовой [1973, с. 155, табл. X, 6;

2008, с. 56–57, рис. 41], В.И. Семенов [2001, с. 44–45, табл. 20–22] и других исследователей [Белов и др., 1981, с. 81, табл. 72; Зыков, 1987, с. 149–150; Зыков и др., 1994, с. 149, кат. № 237–241; Кокшаров, 2007, с. 97–99; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 68–69, рис. 96, 1, 2; Соловьев, Соловьева, 2017; и др.].

Накопление источников по отдельным районам Западной Сибири привело к необходимости их систематизации, в частности разработки их типологии. Первая работа такого рода, обобщившая находки XVI–XVIII вв. из Барабинской лесостепи, нашла отражение в серии публикаций новосибирских исследователей [Молодин, 1979, с. 63–71, рис. 18, табл. XXIX–XXXI; Молодин, Соловьев, 1977, с. 105–120, рис. 1–6; Соловьев, Мыльникова, 1979, с. 119–121; Молодин и др., 1990, с. 38–43, рис. 35, 36]. Другое крупное исследование, вышедшее уже в текущем столетии, посвящено типологии топоров из хантыйских погребений XVIII — середины XX в. (55 экз.). Оно выполнено томскими коллегами, посвятившими данной теме содержательную статью [Яковлев, Боброва, 2004, с. 137–174] и монографию [Рындина и др., 2008, с. 151–178].

Наиболее обстоятельная типология средневековых проушных топоров Западной Сибири была предложена А.И. Соловьевым. К сожалению, в этом исследовании учтены менее десятка топоров с севера Западной Сибири (могильник Тоянов городок — 1 экз., городище Искер — 2, городище Тан-Варуп-эква — 1, Ликинский могильник — 4, культовое место Ворсик-ойка — 1), а другие находки — 46 экз. — имеют отношение к археологическим объектам западносибирской лесостепи [1987, с. 90–98, рис. 28–33, табл. 1/VI]. После выхода альбома-каталога «Угорское наследие» [Зыков и др., 1994, с. 54, 106, 149, кат. № 237–241], содержащего информацию о топорах с памятников таежного Приобья, А.И. Соловьев издал работу, в которой были учтены новые северные материалы [2003, с. 192, 194, рис. 34, а, б].

В ряду археологических работ с использованием естественнонаучных методов следует отметить также исследование одного из соавторов предлагаемой статьи [Зыков, 2009, с. 318–338]. Касаясь вопроса типологии средневековых топоров, автор опирался на данные, полученные им при металлографическом микроструктурном анализе, акцентируя внимание на технологиях производства изделий из черного металла.

Группы, типы топоров: характеристики, аналоги и датировки

Имеющиеся источники свидетельствуют, что до IX–X вв. проушные железные топоры не получили распространения на территории Западной Сибири. Единственное исключение на сегодняшний день — изделие, связанное с воинским погребением 2 кургана 1 могильника Сидоровка I саргатской культуры (II–IV вв.) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 21, 1; Погодин, 1998, с. 46–48; Соловьев, 2003, рис. 50, л].

Клиновидный с прямой верхней гранью и закругленным плоским обухом топор — массивен, грубо откован. Общая длина изделия 16,3 см, ширина до 4,2 см. Обух овальный в сечении. Лезвие симметричное, без расширения к острию. Металлографический микроструктурный анализ изделия показал, что топор откован из сырцово-стали, сваренной в «пакет», содержащей 0,2–0,8 % углерода. Швы большей частью плохого качества, забитые шлаком [Зиняков, 1997, с. 108, 109, рис. 7, ан. 483]. И морфология, и технология изготовления сидоровского топора не противоречат выводу, что он мог являться западным импортом, например, из Приуралья [Зыков, 2015, с. 164, 168, 169, рис. 1, ан. 1226, 1227; 2, ан. 1219; 3, ан. 1218; 6, ан. 1201].

На сегодняшний день топор из Сидоровки является древнейшим в лесостепном Зауралье. Такие же примитивные узколезвийные боевые топоры оставались на вооружении потомков саргатской культуры, вторгшихся западнее Уральских гор в раннем Средневековье. Они связаны с погребениями неволинской культуры конца VI — VII в. (бартымская стадия) [Голдина, Водолаго, 1990, с. 27, 55, 56, 86, 92, табл. XLVIII, 8, 11, 13; LXVII, 107], а также захоронением 5 раскопа II Маняжского могильника конца VI — VII в. кушнаренковской культуры [Мажитов, 1981, с. 13, рис. 7, 42]. Для нас изделие из Сидоровки важно как констатация нереализованной возможности, упущенной при переходе от изготовления втульчатых топоров к проушным. По стечению обстоятельств он не послужил эталоном для сибирских кузнецов при массовом выпуске подобной продукции.

Со средневековых археологических памятников IX — середины XVII в., локализованных на севере Западной Сибири, происходят свыше полусотни целых топоров, не считая обломков лезвий, обухов и пр.¹ Если говорить о целых предметах, то они образуют две морфологические

¹ Из рассмотрения исключены все типы бердышей, появившихся на изучаемой территории в конце XVI — XVII в. с приходом русского населения.

группы, внутри которых выделяются типы и варианты. Во избежание перегруженности текста из описания исключены длина, ширина лезвий кузнечных поковок и время бытования определенных типов вещей. Эти данные были сведены в табл.

Параметры и время бытования топоров типов 1–13

Axes parameters and dating (types 1–13)

	Тип топора, вариант		Длина изделий		Ширина лезвий		Века
			Мин.	Макс.	Мин.	Макс.	
Группа 1	Тип 1		15,7	22,5	3,4	5,5	IX–XIII
	Тип 2		23,9		8,9		XIII–XIV
	Тип 3		12,1	16,1	2,9	6	X–XIV
Группа 2	Тип 4		14,9	15,2	7,8	11,2	X–XII
	Тип 5		15,6		9,1		2/2 XII — 1/2 XIII
	Тип 6		16,6		9,5		X
	Тип 7	Вар. а	11,2	4,8	18,4	8,6	X–XII
		Вар. б	13,9	15,1	4,7	9,3	XI–XII
	Тип 8		14,1		7,6		XV–XVIII
	Тип 9		10,4	17	6,2	9,3	XIV–XVII
	Тип 10		12,7	19,1	8,2	13,7	XIV–XVI
	Тип 11		12	15,5	6,8	8,8	XVI–XVII
	Тип 12		12?		8,9?		XVI–XIX
	Тип 13		10,5		9,5		XIII–XIV

В первую группу объединены проушные топоры, определяемые как топоры-чеканы, которые появляются на севере Западной Сибири в комплексах кучиминского этапа нижнеобской культуры. Их отличают узкое треугольное лезвие, круглые щекавицы и молоточковидный длинный боек на обухе. В этой группе выделяются три типа изделий.

Тип 1 (рис. 1, 1) имеет узкое треугольное лезвие, округлые щекавицы, округлое или овальное проушное отверстие, длинный, склоненный вниз круглый в сечении боек на обухе, увенчанный гвоздевидной шляпкой. Изделия этого облика обнаружены в погребении 206 могильника Барсов городок, датированного IX в., захоронении 73 Сайгатинского I могильника, отнесенного к концу IX — началу X в. [Зыков и др., 1994, с. 149, кат. № 238], на могильнике Зеленый Яр (XII в.) [Зеленый Яр..., 2005, с. 113–114]. Один из предметов данного типа случайно поднят на городище Высокая Гора, расположенном в окрестностях п. Половинка Кондинского района ХМАО — Югры [Кокшаров, 2011, рис. 1, 5]. Самые ранние слои на этом памятнике содержат керамику рачевского (кинтусовского) облика XI–XII вв.

Топоры этого типа завершают эволюционный ряд легких боевых топоров, известных по памятникам салтово-маяцкой культуры. Есть все основания говорить, что продукция поступала в изучаемый регион с запада, из Среднего Поволжья и Приуралья [Зыков, 2009, с. 318–319], скорее всего с территории формировавшегося государства волжских болгар.

Тип 2 (рис. 1, 2) отличается широкое трапецевидное лезвие на 8-гранной шейке, с овальными щекавицами, подчетырехугольным проушным отверстием, с длинным граненым бойком на обухе, увенчанным крупной граненой шляпкой. Он представлен единично. Изделие происходит из погребения 230 Сайгатинского IV могильника, которое датировано второй половиной XIII — первой половиной XIV в. [Зыков и др., 1994, с. 149, кат. № 239]. Оно относится с большой уверенностью к золотоордынскому импорту и отражает дальнейшую эволюцию топоров типа 1.

Тип 3 (рис. 1, 3) объединяет узколезвийные изделия с округлыми щекавицами, круглым проушным отверстием, коротким прямоугольным в сечении бойком на обухе и грибовидной шляпкой на конце. Тип представлен двумя предметами, найденными в Сургутском Приобье. Это находка из погребения 146 Сайгатинского IV могильника и подъемные сборы с некрополя Сайгатинский VI, занятого погребениями X–XI вв. Сайгатинские материалы сближаются по характеристикам с узколезвийными, но более массивными орудиями Волжской Болгарии домонгольского и золотоордынского времени, относимыми к числу деревообрабатывающих инструментов [Культура Биляра..., 1995, с. 37, 40, табл. XII, 1–4; Савченкова, 1996, с. 13–14, рис. 2, 2].

Вторая группа изделий более многочисленная, она включает широколезвийные секиры с плоским обухом, делящиеся на 10 типов.

Тип 4 (рис. 1, 4). Клиновидный топор с приподнятой верхней площадкой лезвия, широко опущенного вниз, с нижней полулунной выемкой, двумя парами верхних и нижних боковых вы-

Типология средневековых топоров с севера Западной Сибири

ступов на щекавицах, с треугольным проушным отверстием. Единственный экземпляр, происходящий с городища Шеркалы I, соответствует древнерусским топорам типа VI, датируемым концом X — XII в. [Кирпичников, 1966, с. 38]. Топоры схожего облика (тип VIIb) встречаются на памятниках Волжской Болгарии, которые относятся к тем же векам [Культура Биляра..., 1995, с. 47–48, табл. XV]. Еще одно изделие этого же типа было найдено на территории Екатеринбургского уезда. Оно хранится в фондах СОКМ, но, к сожалению, депаспортизировано.

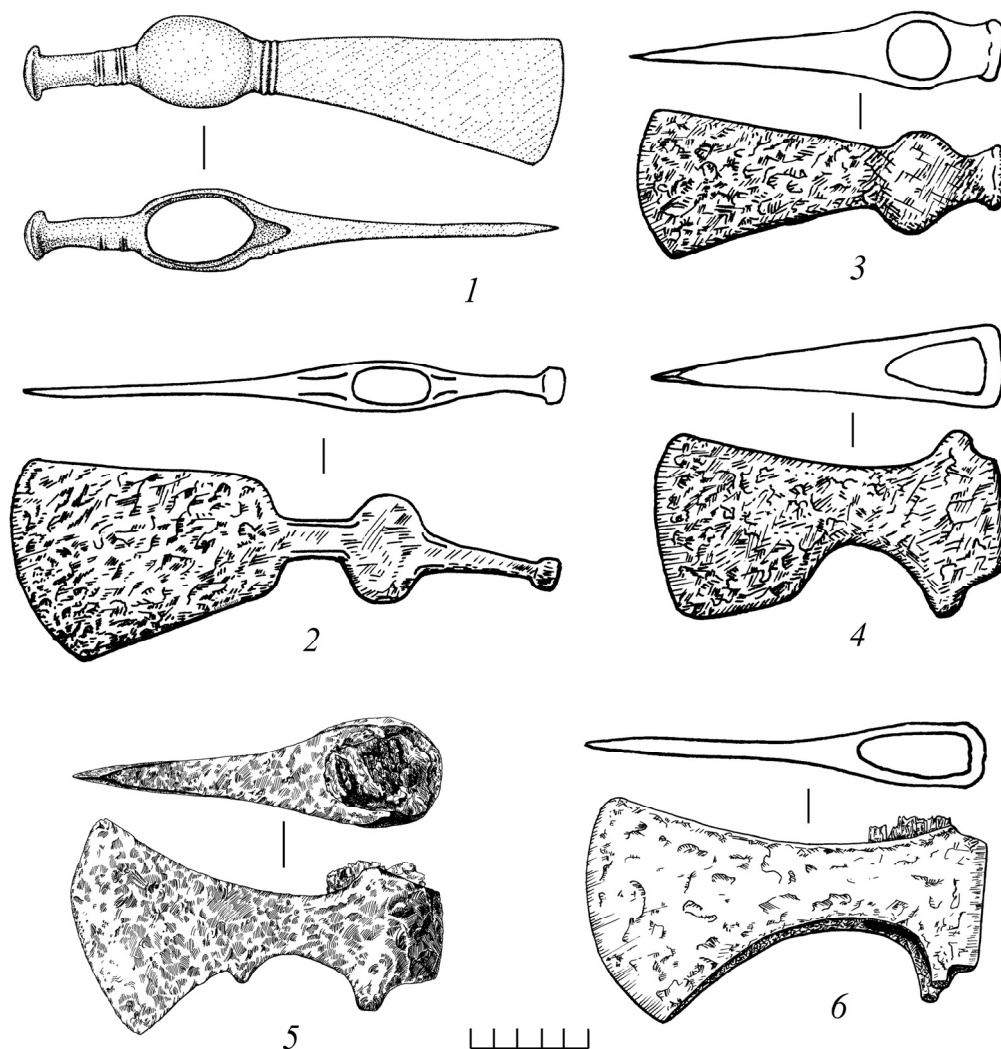

Рис. 1. Средневековые топоры типов 1–6:

1 — городище Высокая гора; 2, 3 — Сайгатинский IV могильник; 4, 6 — городище Шеркалы I;
5 — городище Большая Умыт'я 36 (Шаман-гора).

Fig. 1. The Medieval axes. The types 1–6:

1 — Vysokaya gora fort; 2, 3 — Saygatino IV cemetery; 4, 6 — Sherkały I fort; 5 — Bol'shaya Umyt'ya 36 fort (Shaman-gora).

Тип 5 (рис. 1, 5) объединяет клиновидные изделия с симметрично расширяющимся лезвием, выступом в его нижней части, с двумя парами верхних и нижних выступов на щекавицах, с округлым проушным отверстием. На изучаемой территории известны два экземпляра. Один происходит с городища Лопынг-уш (или Тан-Варуп-Эква) и опубликован В.Н. Чернецовым [1957, табл. XXXIV, 3, 4], другой найден в жилище восьмого строительного горизонта городища Большая Умыт'я 36 (Шаман-гора) [Кокшаров, 2011, с. 79, рис. 1, 4]. Полным аналогом сибирским предметам являются новгородские секиры переходного вида, относимые ко второй половине XII — первой половине XIII в. [Колчин, 1959, с. 25, рис. 10, 2, 3].

Тип 6 (рис. 1, 6) имеет симметрично расширяющееся широко опущенное лезвие, приподнятую верхнюю грань при отсутствии полуциркулярной выемки на нижней, одну нижнюю пару выступов на щекавицах, треугольное проушное отверстие и плоский обух. Экземпляр происходит из раскопанной части городища Шеркалы I. Другое изделие, из числа депортированных, найдено до 1917 г. в Екатеринбургском уезде и хранится в фондах СОКМ. Эти топоры относятся к севернорусскому типу А, достаточно редкому на территории России и часто встречаемому в Финляндии [Кирпичников, 1966, с. 40].

Топоры типа 7 включают два варианта изделий. Их общие черты — клиновидная форма, широко опущенное лезвие, полулунная выемка в нижней грани и пара нижних выступов на щекавицах.

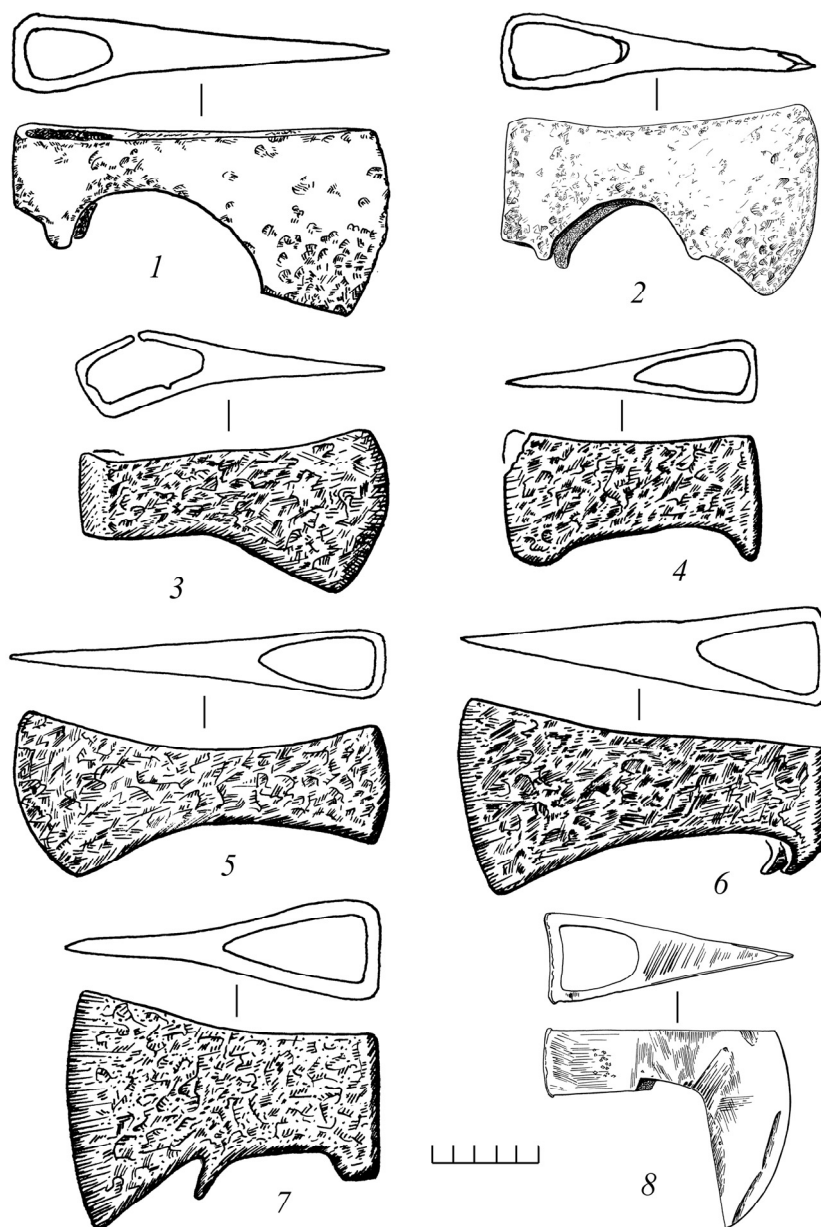

Рис. 2. Средневековые топоры типов 7–13:

1 — Ликийский могильник; 2 — Рачевское II городище; 3, 4 — городище Искер; 5 — могильник Эсский остров; 6 — святилище Ворсик-ойка; 7 — салымские ханты; 8 — случайная находка в Советском районе ХМАО — Югры.

Fig. 2. The Medieval axes. The types 7–13:

1 — Likino cemetery; 2 — Rachevo II fort; 3, 4 — Isker fort; 5 — Esskiy ostrov cemetery; 6 — Vorsik-oyka sanctuary; 7 — the Khanty of the Salym river; 8 — the occasional site from the Sovetskiy district (Khanty-Mansi Autonomus Okrug — Yugra).

Вариант А отличает прямая верхняя грань (рис. 2, 1). Два предмета происходят из погребений 5, 115 (X–XI вв.) Сайгатинского I могильника. Столько же изделий найдено в захоронениях 6, 9 (XI–XII вв.) Ликинского некрополя. Фрагменты обухов аналогичных топоров обнаружены в погребении 18 Ликинского могильника, в слоях XI–XII вв. городка Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 90, 92, рис. 39, 19], при раскопках городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) [Кокшаров, 2011, с. 79, рис. 1, 4]. Все они с большой уверенностью могут быть отнесены к числу универсальных топоров, использовавшихся в качестве оружия и для хозяйственных целей (деревообработка). По классификации А.Н. Кирпичникова изделия этого облика относятся к типу V древнерусских (или финно-русских) топоров [1966, с. 37–38]. В схеме Б.А. Колчина они включены в первый тип новгородских топоров X — середины XII в. [1959, с. 25, рис. 9, 2–4].

Вариант Б (рис. 2, 2) отличается от предыдущего лезвием, приподнятым над верхней гранью, и может представлять собою позднюю модификацию. Изделия связаны с объектами и слоями XI–XII вв. Речь идет о погребении 5 Ликинского могильника и слоях Рачевского II городища [Викторова, 2008, с. 149; Зыков, 1987, рис. 2, 11; табл. 4].

Тип 8 (рис. 2, 3) представлен топорами с прямой верхней гранью, опущенным лезвием, подтреугольным проушным отверстием, прямым обухом и гладкими щекавицами без выступов. Эти изделия не известны южнее ареала расселения сибирских татар в южнотаежной и лесостепной зоне Сибири. Одна из секир входит в коллекцию Тушарова, собранную с городища Искер и датированную XV–XVI вв. [Зыков и др., 2017, с. 102, рис. 60, 1], другие происходят из позднейшего культурного слоя того же времени, прослеженного на городище Большой лог, а также связаны с южнохантыйским могильником Кыштовка-2 XVII–XVIII вв. [Молодин, 1979, с. 65, табл. XXIX, 1], некрополями Абрамово-10 (XVI–XVIII вв.) и Садовка-4 (XVII–XVIII вв.), оставленными сибирскими татарами в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 1990, с. 38–39, рис. 1, 2].

Тип 9 (рис. 2, 4) один из распространенных на изучаемой территории. Он объединяет клиновидные поковки с прямой верхней гранью или со слегка поднятым над нею верхним концом трапециевидных очертаний опущенного вниз лезвия, с треугольным проушным отверстием, с опущенной вниз пластиной обуха, дополнительно фиксировавшей ее на топорнице. Они найдены в погребениях XIV–XVII вв. Барсовского IV и Кинтусовского могильников, в межмогильном пространстве некрополей Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 44, рис. 20, 21] и Моховая 46, имеются в сборах с могильника Эсский остров, датированного XV–XVI вв., в могильнике Частухинский Урий (первая четверть XVII в.) [Семенова, 2005, рис. 21, 1], в сборах И.Н. Бутакова с городища Искер (конец XV — XVI в.) [Зыков и др., 2017, с. 102, рис. 60, 2] и на городке Мункысь-Урий (конец XVI — начало XVII в.) [Пигнатти, 1915, табл. IV, 5; Семенова, 2005, с. 48, рис. 28; 29, 1] и др. Этот тип деревообрабатывающих инструментов, отнесенный Б.А. Колчиным к третьему типу новгородских топоров [1959, с. 26; табл. 7, рис. 9, 9, 10], появился в Северной Руси во второй половине XIV в., а на изучаемой территории использовался вплоть до начала второй половины XVII в.

Тип 10 (рис. 2, 5) имеет широкое симметричное тонкое лезвие трапециевидной формы, каплевидное или подтреугольное проушное отверстие, плоский или округлый обух с пластиной, опущенной вниз. Эти вещи связаны с погребениями XIV–XVI вв., обнаруженными на Сайгатинском IV, Барсовском IV, Усть-Балыкском и Эсском могильниках [Семенова, 2001, с. 44, рис. 20, 21; Зыков, Кокшаров, 2002, фото на с. 38]. Топоры представляют боевую модификацию русских хозяйственных топоров девятого типа.

Тип 11 (рис. 2, 6) имеет широкое тонкое асимметрично-оттянутое вниз лезвие, подтреугольное проушное отверстие, плоский опущенный обух, нижнюю пару изогнутых выступов на щекавицах. Находки связаны со слоями XV–XVI вв. городища Барсов городок I/32, с отложениями XVI–XVIII вв. Надымского городка, с прикладами на святилище манси в честь Ворсик-ойки на р. Манья [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 20–21, рис. 16]. Топор с Барсовой горы украшают насечки, нанесенные зубилом, на щекавицах и нижнем выступе обуха. Предметы представляют собой боевую модификацию русских рабочих топоров 9-го типа, но, вероятно, более позднюю, чем тип 10.

Тип 12 (рис. 2, 7). Клиновидный топор с широким симметричным лезвием трапециевидной формы, с выступом-бородкой на нижней грани, с треугольным проушным отверстием, гладким опущенным обухом. Бородка обозначена глубоким пропилом и предназначалась для фиксации топорница, хотя в ранних образцах не использовалась по назначению. Изделия связаны с Кинтусовским могильником и датируются второй четвертью — серединой XVII в., а также имеются в сборах с городища Искер конца XV — XVI в. Прототипом этих изделий являются утяжеленные новгородские топоры типа 3, выделенные Б.А. Колчиным [1959, с. 29, рис. 9, 11, 12]. В изучаемой

мом регионе они появились вместе с русскими переселенцами в конце XVI в. и с того времени стали наиболее массовым русским импортом.

Тип 13 (рис. 2, 8). К нему отнесена секира с прямой верхней гранью, низко опущенным дуговидным лезвием, которое почти равно по размеру верхней грани. Нижняя точка лезвия и верхняя точка трубкообразно опущенного на 5 мм проуха соединяются крутой дугой. Тыльная сторона обуха прямая массивная, размером 4,2×3 см, слегка сплюснутая от сильных ударов. Нижняя часть трубицы проуха прямая, проушное отверстие параболической формы с прямой тыльной спинкой. Масса изделия составляет 470 г. По размерам и весу предмет относится к боевым специализированным топорам на прочной рукояти. Этот экземпляр хранился в фондах музея истории и ремесел Советского района ХМАО — Югры в г. Советский. Он найден на территории этого административного образования, но точных данных по месту и обстоятельствам находки нет. Судя по идеальной сохранности находки, она находилась в защищенном от осадков месте, например в специальном сооружении на святилище манси. Первоначальная информация об этом топоре уже была опубликована [Масленников, 2017, с. 218, 219].

Этот образец чрезвычайно близок к древнерусским топорам XIII–XIV вв. с прямой верхней гранью, низко опущенным лезвием, с обухом, трубкообразно вытянутым вдоль топорщища, типа VA по А.Н. Кирпичникову [Кирпичников, 1966, с. 38, рис. 6, табл. XIV, 6; XVI, 1; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 310, табл. 127, 21]. Не совсем ясно происхождение этих изделий: либо это поздняя модификация изделий типа V, утратившая нижние парные выступы на щекавицах, по А.Н. Кирпичникову, либо, по нашему мнению, более поздняя версия раннесредневековых боевых топоров севера Восточной Европы, распространенных от Карелии [Кочуркина, 1982, с. 22, рис. 5, 4] до р. Мезени [Стоколос, 1978, с. 98, рис. 1, 1].

В отличие от всех восточноевропейских находок топоров типа VA, имеющих в нижней части опущенного лезвия небольшие площадки, перпендикулярные ему, последний образец из одиночного погребения на южном берегу оз. Чойновты, упоминаемый В.С. Стоколосом, и публикуемый нами из фондов Советского музея, имели заостренные нижние точки лезвий без площадок. Оба эти экземпляра Северной Евразии можно отнести к отдельному типу боевых топоров. Они весьма эффективны для нанесения рубящих ударов лезвием и оглушающих ударов тяжелым плоским обухом. При этом мы абсолютно не уверены, что данный отдельный тип боевых топоров был характерен исключительно для севера Евразии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Все известные проушные железные топоры Средневековья, найденные на севере Западной Сибири, разделяются на две морфологические группы.

Первая группа, малочисленная, включает изделия типов 1–3. Они представляют импорт из Волжской Болгарии домонгольского и золотоордынского времени. Это топоры-чеканы, использовавшиеся исключительно в боевых целях.

Со второй половины X — XI в. на северо-западе Сибири отмечено появление кузнечных изделий, отнесенных ко второй, более многочисленной группе (топоры типов 4–13). Их производство было налажено в ремесленных центрах Северной Руси и прилегающих к ней восточных землях, где проживали северные финно-угры. За исключением типа 13, данная продукция может атрибутироваться как универсальная, использовавшаяся в равной степени в качестве оружия или деревообрабатывающего инструмента.

Примечательно, что сибирские кузнецы использовали импорт второй группы в качестве эталонов при производстве собственных орудий. Вместе с тем данные микроструктурного металлографического анализа указывают на низкое качество поковок. Последние отличались от исходных образцов упрощенной технологией, например использованием схемы многослойного пакета с низким качеством сварки, обилием шлаковых включений и пр. [Зыков, 2009, с. 330–332].

Редкая встречаемость топоров в погребениях IX–XVI вв., изученных на интересующей нас территории, свидетельствует о высокой ценности изделий в среде таежных аборигенов. Ситуация кардинально изменилась лишь в XVII в., после того как в Сибири возросла численность русского населения и сюда хлынул поток ремесленной продукции из русских земель. Это событие привело к неизбежной деградации местного кузнечества и исчезновению его носителей.

Дальнейшие археологические изыскания на севере Западной Сибири, включая работу с музейными фондами, позволят найти и ввести в научный оборот новые источники, которые да-

дуг возможность скорректировать предложенную типологическую схему и более полно отразить специфику материальной культуры средневековых рыболовов и охотников тайги.

Благодарность. Авторы выражают искреннюю благодарность директору Музея истории и ремесел Советского района ХМАО — Югры Г.А. Зоковой и хранителю фондов Е.С. Мешковой за разрешение исследовать предмет и подготовить его для опубликования.

Финансирование. Работа выполнена по Программе УрО РАН № 18-6-6-15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири» (рук. д.и.н. А.Ф. Шорин).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. II. 148 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Викторова В.Д.* Ликинский могильник X–XIII вв. // ВУ. Свердловск: Урал. ун-т, 1973. Вып. 12. С. 133–168.
- Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. 208 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 178 с.
- Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи средневековья в северном Приобье.* Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.
- Зиняков Н.М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 368 с.
- Зыков А.П.* Вооружение обских угров в X–XIII вв. // Ранний железный век и Средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкир. ун-т, 1987. С. 143–154.
- Зыков А.П.* Топоры Северо-Западной Сибири IX–XVII вв. // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 318–338.
- Зыков А.П.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. Вып. 11. С. 66–80.
- Зыков А.П.* Технология кузнечного производства населения Северного Башкортостана в IV–VI веках // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 161–180.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.* Сокровища вогульских князей: Из предыстории русского «взятия Сибири» // Родина. 2002. № 6. С. 36–39.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.* Город Сибирь — городище Искер. М.: Наука: Вост. лит., 2017. 559 с.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. 1966. Вып. E1-36. 216 с.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь: Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 298–363. (Археология СССР).
- Кокшаров С.Ф.* Археологические памятники первой половины II тысячелетия в бассейне р. Конда // Материалы науч.-практ. конф. «Идель-Алтай: Истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгр. средневековой археологии евразийских степей (7–11 дек. 2009 г., Казань). Казань, 2011. С. 73–80. (Сер. Археология евразийских степей; Вып. 13.).
- Кокшаров С.Ф.* Загадки югорских кузнецов // Родина. 2007. № 9. С. 97–99.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Продукция, технология) // МИА. 1959. № 65. С. 7–120.
- Кочуркина С.И.* Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.
- Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв.* М.: Наука, 1995. 216 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Масленников Е.Р.* Средневековый топор из Советского района ХМАО // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: Материалы LVII Рос. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Сургут, 17–21 апр. 2017 г. Сургут; Новосибирск, 2017. С. 228–229.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 197 с.

- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 182 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // *Археология Южной Сибири*. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1977. Вып. 9. С. 105–120.
- Пизнати В.Н.* Искер (Кучумово городище) // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. 1915. Вып. XXV. С. 1–41.
- Погодин Л.И.* Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1998. 84 с.
- Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И.* Ханты Салымского края: Культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Том. ун-т, 2008. 412 с.
- Савченкова Л.Л.* Черный металл Болгара. Типология // *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИИЯЛ АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Семенова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Соловьев А.И.* Оружие и доспехи: Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
- Соловьев А.И., Мыльникова Л.Н.* Топор с клеймом из могильника Кыштовка-1 // *Сибирь в древности*. Новосибирск: Наука, 1979. С. 119–121.
- Соловьев А.И., Соловьева Е.А.* Асимметричные топоры: Аспекты использования // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 395–397.
- Стоколос В.С.* Средневековое погребение на оз. Чойновты // *Археологические памятники палеометалла в Северном Приуралье*. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1978. С. 96–99.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // *МИА*. 1957. № 58. С. 136–245.
- Яковлев Я.А., Боброва А.И.* К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: Топор // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Томск: Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 137–174.

A.P. Zykov ^a, S.F. Koksharov ^a, E.R. Maslennikov ^b

^aInstitute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation

^bUral Federal University
prosp. Lenina, 51, Yekaterinburg, 620142, Russian Federation

E-mail: a.p.zykov@mail.ru;
uniz@mail.ru;
masska96@gmail.com

Typology of the medieval axes from the north of Western Siberia

The paper presents the results of the research on the Middle Ages iron axes found in different years in the north of Western Siberia and the Urals, excluding pole-axe (berdysh Rus.) that appear in large numbers in the study area with the growing of the Russian population. The relevance of such study has matured, since there are enough sources that need to be generalized and critically compiled. Taking into account the morphological features of the archaeological evidence, the authors propose to classify all currently known axes by 2 groups and 13 types. The first group including 3 types of minting axes were made exclusively for combat use. The second group includes 10 types of axes, classified as universal, which served both for the military and for economic purposes. The text with the description of the sites contains also table with the data on the basic parameters of axes (item length, blade width) and the time of their use (existence). For the first time, a new type of battle axe (type 13), accidentally found in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra, is published. We present analogues of this subject among the products of Russian blacksmiths of the 13th–14th centuries and explain the position on the dating and on origin of the axe. The paper discusses the evolution of certain types of objects, describes plots concerning the origin of certain items (imports from Volga Bulgaria, Russian lands, etc.) and the special attitude of the local population to this type of weapon, which could be stored for centuries in the holy places of the Ob Ugrians. The authors come to the conclusion that imported axes of the second group were used as a standard for Siberian blacksmiths. But local products, characterized by primitive technology (a multilayer package), low quality welding of iron strips and an abundance of slag inclusions, can be finally identified only after metallographic microstructural analysis. This research should be prolonged, because annual archaeological investigations replenish the source base, and, with no doubt, the typology of axes proposed in the article will be supplemented and adjusted.

Key words: iron axes, blacksmithing, the Middle Ages, the north of Western Siberia, typology.

Funding. This work was supported by the program of the Presidium Urals Branch, RAS № 18-6-6-15 «Archaeological sites as sources the reconstruction of the development of prehistoric societies of the Urals and the north of Western Siberia» (Project Manager Alexandr Shorin, Doctor of Historical Sciences).

REFERENCES

- Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. (1981). *Mangazeya: Material culture of Russian polar seafarers and explorers in the 16th–17th cc. Part II*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1957). The Low Ob' Region in First millennium AD. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (58), 136–245. (Rus.).
- Gemuev I.N., Sagalaev A.M. (1986). *Religion of the Mansi: Cullet places of the 19th–20th cc*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Goldina R.D., Vodolago N.V. (1990). *The burial grounds of the Nevolinsk culture in the Cis-Urals*. Irkutsk: Irkutskii universitet. (Rus.).
- Kirpichnikov A.N. (1966). Old Russian weapons of the 9th–13th cc.: (Spears, plumbataes, battle axes, maces, brushes, battle flails). *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (E1-36). (Rus.).
- Kirpichnikov A.N., Medvedev A.F. (1985). The Armament. In: *Drevnyaya Rus': Gorod. Zamok. Selo* (pp. 298–363). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kochkurkina S.I. (1982). *Ancient Korela*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Koksharov S.F. (2011). Archaeological sites of the ½ 2nd millennium in the Konda River basin. In: *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel'–Altay: Istoki evraziyskoy tsivilizatsii» I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey (7–11 dekabrya 2009 goda, Kazan)*. Kazan, 73–80. (Rus.).
- Koksharov S.F. (2007). Riddles of the Yugra blacksmiths. *Rodina*, (9), 97–99. (Rus.).
- Kolchin B.A. (1959). The blacksmithing technology and production of the Great Novgorod. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (65), 7–120. (Rus.).
- Maslennikov E.R. (2017). Medieval ax from Sovetskiy district HMAO. In: *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii: Materialy LVII Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy koferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Surgut, 17–21 aprelya 2017)*. Surgut; Novosibirsk, 228–229 (Rus.).
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. (1997). *Sidorovka — barrow cemetery in the Omsk area of the Irtysh River*. Novosibirsk: Nauka (Rus.).
- Mazhitov N.A. (1981). *The barrows of the Southern Urals in the 8th– of the 12th cc*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I. (1979). *The Kyshtovka cemetery*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solovyev A.I. (1990). *The Baraba Forest-Steppe in the Late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I., Solovyev A.I. (1977). Classification of axes of the cemetery Kyshtovka-2. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. Vyp. 9*. Kemerovo: Kemerovskii universitet. 105–120. (Rus.).
- Pignatti V.N. (1915). Isker (the fort of the Khan Kuchum). In: *Ezhegodnik gubernskogo Tobol'skogo muzeya* (25), 1–41. (Rus.).
- Pogodin L.I. (1998). *The Armament of the population of Western Siberia (the Early Iron Age)*. Omsk: Omskii universitet. (Rus.).
- Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. (2008). *The Khanty of the Salym river: Culture in archaeological-ethnographic retrospective*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Savchenkova L.L. (1996). Black metal of the town Bolgar. The Typology. In: *Gorod Bolgar: Remeslo metalurgov, kuznetsov, liteyshikov*. Kazan: Institut istorii, iazyka i literatury AN Tatarstana, 5–88. (Rus.).
- Semyenova V.I. (2001). *The Medieval cemeteries of the Yugan-Ob Area*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Semyenova V.I. (2005). *Chastukhinskiy Uriy — the habitation and burial site*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Solovyev A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of the Western Siberia: The Middle Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Solovyev A.I. (2003). *Weapons and armor: Siberian weapons from the Stone Age to the Middle Ages*. Novosibirsk: Infolio-press. (Rus.).
- Solovyev A.I., Mylnikova L.N. (1979). Ax with the stigma from the burial ground Kyshtovka-1. In: *Sibir' v drevnosti*. Novosibirsk: Nauka, 119–121. (Rus.).
- Solovyev A.I., Solovyeva E.A. (2017). Asymmetric axes: Usage aspects. In: *Problemy archeologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. 23*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 395–397. (Rus.).
- Stokolos V.S. (1978). Medieval burial on the Lake Choinovty. In: *Arkheologicheskie pamyatniki paleometalla v Severnom Priuralye*. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR, 96–99. (Rus.).
- Viktorova V.D. (2008). *Ancient Ugrian populations in the forests Ural (from the Early History of the Mansi)*. Yekaterinburg: Kvadrat. (Rus.).
- Viktorova V.D. Cemetery Likino of the 10th–13th cc. In: *Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 12*. Sverdlovsk: Ural universitet, 133–168. (Rus.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. (2008). *Mangazeya: New archaeological researches (data 2001–2004)*. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).

Yakovlev Ya.A., Bobrova A.I. (2004). The role and significance of the funerary inventory of the Ob' region in the Middle Age. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 2*. Tomsk: Tomskii universitet. 137–174. (Rus.).

Zinyakov N.M. (1997). *The ferrous metallurgy and blacksmithing in the Western Siberia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).

Zykov A.P. (1987). Armament of the of the Ob-Ugrian population in the 10st–13st cc. In: *Ranniy zheleznyi vek i srednevekovye Uralo-Irtyskogo mezhdurechya*. Chelyabinsk: Bashkirskii universitet, 143–154. (Rus.).

Zykov A.P. (2009). Axes of North-Western Siberia in the 9st — mid of the 17st cc. In: *Novgorodskaya zemlya — Ural — Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii. Chast' 2*. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 318–338. (Rus.).

Zykov A.P. (2011). Ethno-cultural situation in the Middle Kama region in the era of the Great Migration. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, (11), 66–80. (Rus.).

Zykov A.P. (2015). The blacksmithing technology of the North Bashkirian population (the 4st–6st cc.). *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, (15), 161–180. (Rus.).

Zykov A.P., Koksharov S.F. (2001). *Ancient Emder*. Yekaterinburg: Volot. (Rus.).

Zykov A.P., Koksharov S.F. (2002). Treasures of the Vogul princes: Pages of pre-Russian history. *Rodina*, (6), 36–39. (Rus.).

Zikov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V. (1994). *Ugrian Heritage: West-Siberian Sites from the Collection of Urals University*. Yekaterinburg: Vneshtorgizdat. (Rus./Eng.).

Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. (2017). Town Sibir — urban site Isker: (Historical and archaeological research). Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura. (Rus.).

А.П. Зыков, <https://orcid.org/0000-0002-5767-3295>

С.Ф. Кокшаров, <https://orcid.org/0000-0001-5948-1732>

Е.Р. Масленников, <https://orcid.org/0000-0001-9955-9100>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Н.М. Зиняков ^a, О.Е. Пошехонова ^b

^a Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043

^b ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru;
poshehonova.olg@gmail.com.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ АТРИБУТИКИ ШАМАНСКОГО КОСТЮМА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ XVII–XVIII вв.

Статья посвящена исследованию предметов шаманского костюма из черного металла, обнаруженных в североселькупском могильнике Кикки-Акки (Западная Сибирь, р. Таз). Материалом для исследования стали предметы из железа и железоуглеродистых сплавов от костюмов двух шаманов из двух захоронений XVIII и XVII вв. Из захоронения № 4 для исследования были взяты 34 изделия: орнитоморфные изображения, пластинчатые подвески, стержни от бубна, шумящие трубчатые подвески, крупные пластины, напоминающие рога оленя. Атрибуты шаманского костюма в погребении № 6 включали: шумящие трубчатые и пластинчатые подвески, «кости шамана» и изображения «медвежьих лап», всего 27 предметов. С помощью методов металлографического анализа необходимо было реконструировать процесс их производства и выявить его особенности. Кроме этого нужно было определить назначение предметов и образы, которые они олицетворяли. В процессе изучения изделий использованы методы металлографического анализа, включающего макро- и микроструктурное исследование, измерение микротвердости металла. Результаты исследований показали, что основным материалом в кузнечном производстве шаманского инвентаря выступала неравномерно науглероженная сталь, из нее отковано около 2/3 продукции из погребения 4 и примерно столько же из погребения 6. Наряду с ней кузнецы употребляли мягкое железо — в общей сложности из него отковано около 16 % изделий. Очень редко использовались высокоуглеродистая сталь и пакетированные заготовки. Мастера сами не занимались выплавкой металла, а получали его от русского населения. Основой технологии производства являлась свободная ручнаяковка железа и стали в горячем состоянии, с помощью которой заготовке придавали необходимую форму. Селькупские кузнецы большей частью соблюдали температурные рамки свободнойковки, изредка допуская лишь незначительный перегрев металла. Таким образом, сделан вывод, что в XVII–XVIII вв. железные предметы шаманского костюма северных селькупов ковались профессиональными кузнецами. Этнографические материалы XX в. полностью подтверждают данное заключение. Кроме этого можно с уверенностью сказать, что шаманский костюм, а соответственно образы и представления, являвшиеся основой шаманской идеологии, которые он олицетворял, сформировался как минимум к XVII в. и более не менялся.

Ключевые слова: Западная Сибирь, позднее средневековье, верхнетазовские селькупы, шаманский костюм, черный металл, металлографический анализ, технология производства.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400143-4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Боброва А.И. Неординарное погребение Тискинского могильника // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 38–46.
- Боброва А.И., Максимова И.П., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: ТГУ, 2002. Т. 1. С. 106–139.
- Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1977 года. Томск, 1977.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 259 с. ГАКК. Ф. 397. Оп. 1. Д. 220.
- Павлинская Л.Р. Заметки о технике художественнойковки металла в шаманском костюме народов Сибири по коллекциям МАЭ РАН // Материальная и духовная культура народов Сибири: СМАЭ. Л.: Наука, 1988. Т. 42. С. 71–85.
- Прокофьев Г.Н. «Оживление» бубна — души шамана // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: Хрестоматия. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2006. С. 137–145.

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 335–375.

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству у селькупов // Проблемы истории и общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.

Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 435–492.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1971. Т. XXVII. С. 5–100.

Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: Представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Изд-во Петерб. Востоковедение, 2008. 300 с.

Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1871. 316 с.

Pleiner R. Stare evropske kovarstvi. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd, 1962. 331 p.

Olga E. Poshekhonova, A.V. Kisagulov, D.O. Gimranov, A.E. Nekrasov, A.S. Afonin. Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 22, December 2018. P. 132–141. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.035>.

Tylecote R.F. Metallurgy in archaeology. L.: Edward Arnold (Publishers) LTD, 1962. 387 p.

N.M. Zinyakov ^a, O.E. Poshekhonova ^b

^a Kemerovo State University

Krasnaya st., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation

^b Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru;

poshekhonova.olg@gmail.com

TECHNOLOGICAL RESEARCH INTO THE METAL ATTRIBUTES OF THE NORTHERN SELKUP SHAMAN COSTUME OF THE XVII–XVIII CENTURIES

To reconstruct the technological methods and technical achievements of Northern Selkup blacksmiths, the components of the Northern Selkup shaman costume, which is composed of ferrous metal, were studied using metallographic analysis methods. The materials were found in two graves in a Kikki-Akki burial ground from the XVII–XVIII centuries (Western Siberia, Taz river). It was found that the basic raw materials for production were unevenly carbonized steel and soft iron; high-carbon steel was also found in rare instances, which was most likely received by Northern Selkup blacksmiths from Russia. The iron items of the shaman costume were forged by professional blacksmiths who possessed complex technological skills and production equipment.

Key words: Western Siberia, Late Middle Ages, Upper-Taz Selkups, shaman costume, ferrous metal, metallographic analysis, production technology.

Introduction

This article studies the components of the shaman costume made from ferrous metal found in the North Selkup burial ground of Kikki-Akki (Krasnoselkupsky district of YaNAO, Taz river) (Fig. 1, 1, 2). The use of archaeological, metallographic and ethnographic sources allowed us to reconstruct the processes involved in producing the items and identify the production features. The study was possible due to the good material preservation, which is rare for the Northern taiga subzone. The monument dates back to the XVII–XIX centuries; the recently obtained radiocarbon analysis results allowed us to correct the lower date, which was previously designated as the XVIII century [Olga E. Poshekhonova et al., 2018, etc.]. The burial ground included 22 burial sites, 18 of which were excavated in 2013 and 2016 by an expedition led by O.E. Poshekhonova. As historical sources, open complexes are complex phenomena that reflect various aspects of the economic life, ethnogenesis, and religious beliefs of the Northern Selkup. Among all the burial sites, there were two sites that contained numerous parts of the shaman costume.

To date, there is a fairly extensive literature on the issue of Siberian shamanism, which is represented primarily by the works of ethnographers. Among the numerous problems raised by the authors is the study of the attributes of the shaman costume, the shaman practice, symbolism, etc. In the study of the costume of the Selkup shaman, the publications of G.N. Prokofiev and E.D. Prokofieva,

Technological research into the metal attributes of the Northern Selkup shaman costume...

which were based on fundamental sources, played important roles [Prokofiev, 2006; Prokofieva, 1949, 1971, 1981]. The work by ethnographer L.R. Pavlinskaya, which was based on the external visual features of metal sculptures, investigated the technique of forging the artistic products of the shamanic costumes of the peoples of Siberia [Pavlinskaya, 1988]. In recent years, Russian archaeologists have shown an increasing interest in the issue. Information about the materials of several burials containing the details of shamanic vestments were published, including the following: mound #21 of the Kalmak burial mounds (X–XI centuries) [Belikova, 1996, p. 83–85], mound #1 burial #1 of the Zyryansky burial mounds (end of XVI–XVII centuries) [Belikova, 2010], mound #4 burial #60 of the Tiskinskoe burial ground (XV century) [Bobrova, 2000], mound #24 of the Lukyanovskoe-1 burial ground (XVII century) [Grebneva, 1977], burial #4 of the Bederovsky Bor-2 burial ground (XVII–XVIII centuries) [Bobrova, Maksimova, Toroshchina, 2002], etc. However, the issues regarding the forging technology used in the production of the metal goods for the shaman costume have not previously been the subject of an independent study.

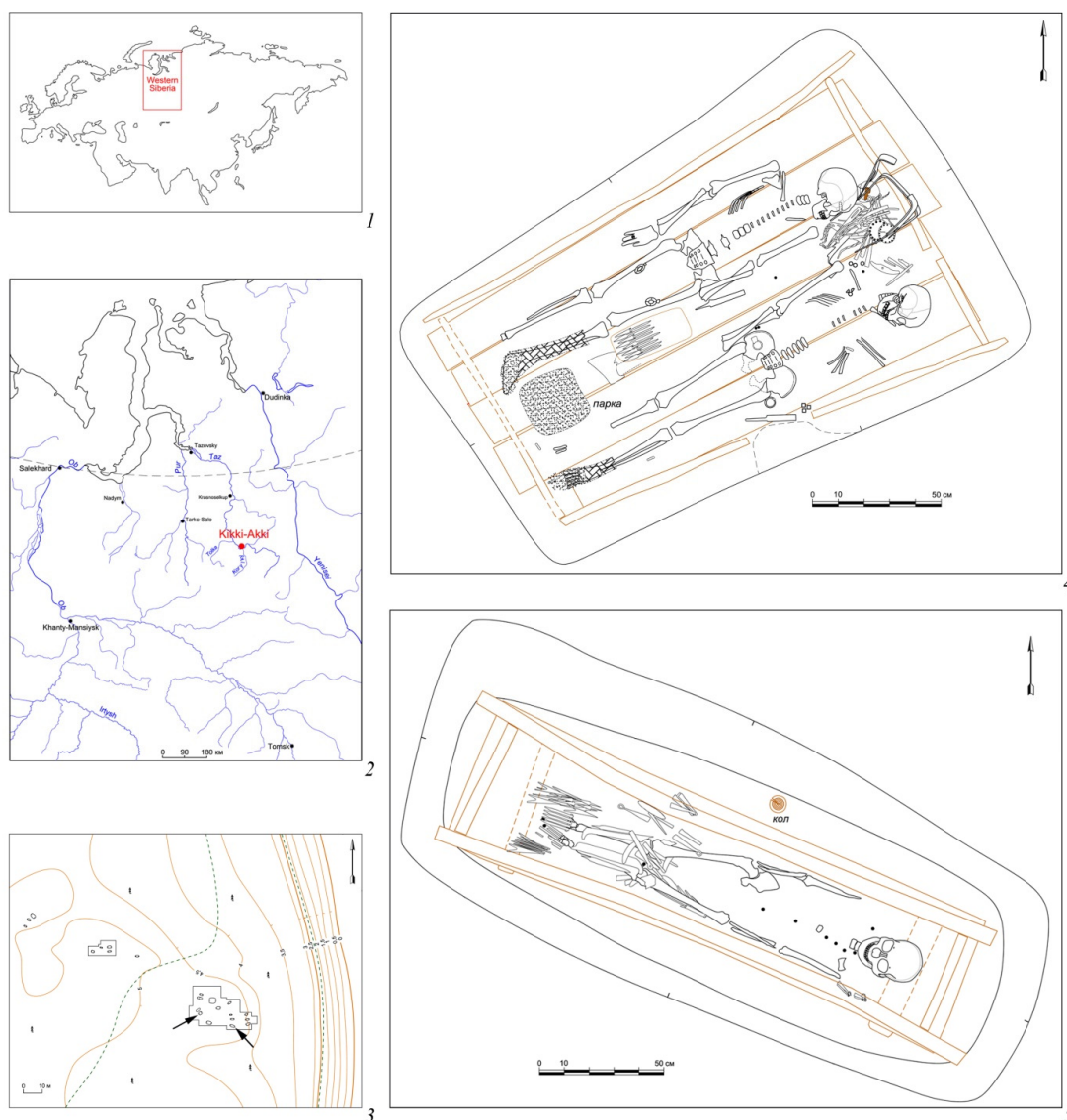

Fig. 1. Location of the Kikki-Akki burial ground (1, 2), the archaeological site plan (3) and the plans of burial sites #4 (4) and #6 (5).

Рис. 1. Расположение могильника Кикки-Акки (1, 2), план памятника (3) и планы захоронений № 4 (4) и № 6 (5).

The objectives of this study are as follows: 1 — to study, using metallographic analysis, the metal parts of the shamanic costume of the Northern Selkup of the XVII–XVIII centuries that were made of

iron and iron-carbon alloys; 2 — to use analytical data to reconstruct the technological methods and technical achievements that the Selkup blacksmiths used in this field of production. In addition, based on data from the shaman costume of the early XX century, it was necessary to determine the purposes of the objects and images that were represented.

Materials

The ethnographers G.N. Prokofiev and E.D. Prokofieva, who lived in the Yanov Stan village among the Northern Selkups from 1925 to 1928, mention in their publications 10 shamans who practiced at that time in the territory of the Taz river basin. For every few major tributaries, there was one shaman; if there were more, they were father and son, or uncle and nephew. The information about the number of shamans in the basin of the Taz river in the second half of the XIX century was obtained from the original archival documents stored in the state archive of the Krasnoyarsk region. In 1884, the elder of the Tymsko-Karakonskaya Authority produced a special report for the Church administration, which indicated that in his authority, 11 people are engaged in shamanism [GAKK. F. 397, op. 1, d. 220, l. 2–3 reverse side]. It can be assumed that during the XVII–XVIII centuries in the Taz river basin that 10–15 shamans also practiced, and the costumes of two of them (possibly relatives) are the sources of this research. They were found in two burial sites of the Kikki-Akki burial ground — #4 and #6 (Fig. 1, 3). It should be mentioned that these graves did not differ from other burial sites in any way other than the actual presence of shamanic items. The ages of the graves were determined by radiocarbon analysis as follows: grave #4 — XVIII century [Olga E. Poshekhonova et al., 2018], grave #6 — XVII century (280 ± 47 , NSKA-2311).

Burial #4 is a burial site containing two men who died at the ages of 30–40 (individual #1) and 25–35 (individual #2) years (Fig. 1, 4). Their skeletons were laid in a grave on a boardwalk with a frame-lining, parallel to each other, in winter clothing and shoes. Between them, in the area of the feet and shin bones, closer to individual #1, the remains of a square-folded shaman's parka made of reindeer fur were found. According to the location of the artefacts, this particular man was a shaman. Next to the skull and under it were items from the shaman's costume, lying, with some exceptions, without any order in a compact pile, among which are items made of brass, tin bronze, bone, wood, fur, birch bark, and glass; however, most of the items are made of iron. There are 54 items in total. The collection of iron objects, 34 items in total, consisted of the following: one "bird" item; four ornithomorphic images (two "loons", one certain waterfowl and an ornithomorphic plate with two "heads"); three plate pendants with elongated curved ends, stylized as serpentine "heads"; three rods from a tambourine; 19 noise-making tubular pendants; 4 large plates resembling deer horns, making up two items.

Items from a shaman costume were also found in burial #6 (Fig. 1, 5). The buried man (over 50 years old), according to the fragments of clothing found, was dressed in a parka made of reindeer fur and cloth trousers and *pimy*¹ were on his feet. During the clearing of the skeleton, numerous metal pendants were found, which, according to their position, were attached to the shaman's parka, including the following: 17 iron tubular pendants, 4 curved iron plates with loops, and 2 bronze pendants. In addition, there were four items called "shaman's bones" on the bones of the shins, imitating the tibia and fibula. And finally, on the bones of the feet were images of "bear paws", in the form of phalanges, topped with sharp curved claws. In general, the findings in the burial sites are distributed unevenly. Above the waist, only buttons and two paired tubular pendants (at the skull) were found. Most of the artefacts were located below the waist.

Research methods

The study of ferrous metal objects was carried out by the following three metallographic analysis methods: macrostructural and microstructural research and the measurement of the metal microhardness. The method applied is described in a number of works by Russian and foreign researchers [Kolchin, 1953; Pleiner, 1962; Tylecote, 1962]. Microscopic analysis was performed using "MIM-8" and "Neophot-32" metallographic microscopes. The structures were described using the terminology used in metallography based on the type of microstructure and its corresponding hardness. The microhardness measurement was performed on a "Microhardometer PMT-3" measuring microscope by pressing a Vickers diamond tip with a load of 50 g into the test metal, followed by measuring the diagonal lengths of the resulting print and, based on this, determining the hardness index (according to the table adopted in metallography). To determine the purposes of the objects and images that they repre-

¹ One-piece leather hide shoes.

sented, the publications of ethnographers G.N. Prokofiev and E.D. Prokofieva were primarily used, which give detailed descriptions, photos and sketches of all the details of the shaman costume of the Northern Selkups of the XX century.

Results

Objects from burial #4

Iron ornithomorphic images and plates, 7 units in total. They include the following: pendants — images of two "loons", a waterfowl, an ornithomorphic plate with two "heads" and three plates with serpentine "heads". Loons, according to ethnographic sources on the Selkup, were considered spirit-assistants of shamans. They could allegedly communicate with the "heavenly world" and with the "underwater" and "underground" worlds. The Selkups believed that the shaman often turns into a loon during his journey to the other world and escapes prosecution by diving under the water. The loon was also credited with transporting the shaman's prayers to the sky [Prokofieva, 1949, p. 353]. The studied images of loons symbolized the spirit-assistants of the shaman. The visual representation of metal images that express the mythological representations of Selkups contains both real birds existing in nature and some unnatural features. This combination of ornithomorphic images created by the master distinguished its significance. Such pendants could be attached to both the bib and back of the shaman's parka, and they were also found on the tambourine [Prokofiev, 1949, p. 353, 364, 365].

The images, which have a general external similarity, are endowed with some individual features. The first "loon" (Fig. 2, 2) — a flat item, made of a small iron plate. The bird's neck is bent up at an angle of 35 degrees relative to the body. The head is disproportionately long, bent in the opposite direction. The item length is 22.2 cm. The beak is highlighted — at this point, the rod is flattened and pointy at the end. The rod representing the neck is twisted in 4 turns. The body in the middle is expanded by a lenticular hole. The tail of a bird consists of two appendages, spread apart. The metallographic study of the microsection indicates that the image is made of bloom iron. The microstructure of the source metal consists of ferrite containing a significant amount of slag inclusions (Fig. 2, 6, an. 2718).

The second "loon" (Fig. 2, 1) has a shape that is significantly similar to the previous one, but differs in terms of the size, the proportions of the parts of the figure depicted, and the details of the design of the tail and neck. The total length of the artefact is 20 cm. The rod representing the neck is twisted by 3 turns. The microstructural analysis of the metal of the second "loon" showed that the pendant was forged in a hot state from a packaged three-layer billet consisting of an iron plate (in the centre) and two plates of low-carbon steel (on the sides) (Fig. 2, 5, an. 2699). The carbon concentration in steel is approximately 0.1%.

The image of an indeterminate waterfowl represents the spirit-assistant of the shaman (Fig. 2, 3). The item is flat, made of a black metal plate, and approximately 2.7 cm wide. The bird's neck is bent up at an angle of 35 degrees relative to the body. The head is bent in the opposite direction. The product length is 15.2 cm. The beak is highlighted and is pointy at the end. In the direction of the tail, the body of the object gradually expands, and the wings are formed in the middle part. The tail of the bird is wider than the body and consists of three appendages. Low-carbon steel is used as the raw material. The concentration of carbon in the metal is approximately 0.1% (Fig. 2, 7, an. 2714).

An ornithomorphic plate with two "heads" represents an image of an imaginary "bird" (Fig. 2, 4). On one end of the plate, there are two "heads" on twisted curved necks. The rods representing necks are twisted into 3–4 turns and bent up at an angle of 80 degrees. The ends of the rods are bent in the opposite direction and flattened, thus representing "heads". The edge of the "heads" is cut off at a right angle. The images of the "heads" are very schematic. On the other end of the plate, a wide tail is formed, which consists of three appendages. In the centre of the plate, there are two differently sized lenticular holes located parallel to each other. Low-carbon raw steel is used as the raw material. The concentration of carbon in the metal varies from 0.1 to 0.3% (Fig. 2, 8, an. 2704). During forging, a slight overheating of the metal occurred.

Zoomorphic plate with two "heads" (Fig. 3, 1). According to Selkup understanding, the defectiveness (otherness) of images corresponds to the vision of another, otherworldly world. Among the inhabitants of the otherworld, there are many peculiar spirits. They are the shaman's assistant-spirits, his nephews. This two-headed spirit is "*utkyl loz*" — the water spirit [Prokofiev, 1949, p. 357; Stepanova, 2008, p. 145]. The artefact is a flat rectangular plate with two longitudinal holes, topped with two heads on one of the ends. The product length is 14.2 cm. The "heads" are located on long twisted (6–7 turns) and curved necks. The "heads" are not designed in any particular way and represent a curved edge of the appendage, cut off at the end at a right angle. Two lenticular holes are sewn along

the lower edge of the plate. Attention is drawn to the fact that the implemented figure resembles the image of a snake in a threatening position, with a vertical body and the head slightly thrown back. Iron was used as the raw material (Fig. 3, 6, an. 2712).

Fig. 2. Ornithomorphic images from burial #4 and photos of the microstructures (100x).
1, 2 — "loons", 3 — undefined waterfowl, 4 — ornithomorphic plate with two "heads", 5 — "loon", an. 2699, 6 — "loon", an. 2718,
7 — waterfowl, an. 2714; 8 — ornithomorphic plate with two "heads" an. 2704.

Рис. 2. Орнитоморфные изображения из погребения № 4 и фото микроструктур (ув. 100):
1, 2 — «гагары», 3 — неопределенная водоплавающая птица, 4 — орнитоморфная пластина с двумя «головами»,
5 — «гагара», ан. 2699, 6 — «гагара», ан. 2718, 7 — водоплавающая птица, ан. 2714; 8 — орнитоморфная пластина
с двумя «головами», ан. 2704.

Plate pendants with a single "head". There are two items in the collection. The first image is on a narrow rectangular plate (Fig. 3, 2). At one end of the plate is a flattened oval-shaped head on a twisted and curved neck. The second appendage, from which a small peg has been preserved, has been removed. There are two lenticular holes on the lower edge of the plate. The edge of the plate is slightly pushed back at the lenticular holes. The holes under the "head" are damaged. They were in-

tended to be attached to a shaman's costume. The product length is 26 cm, and the width is 2.1 cm. Soft low-carbon steel was used as the raw material (Fig. 3, 4, an. 2703).

The second plate pendant with a single "head" (Fig. 3, 3) is not identical in terms of the stylistic features but is close to the previous image, which is why it is believed that the plates considered reveal a close mythological text. The length of the item is 21 cm and the width is 1.9 cm. The product is a rectangular plate with two lenticular holes on the lower edge, topped with a neck on one of the ends. The neck is twisted and bent, and the "head" is lost. At one of the lenticular holes, at the corner of the plate, another small round hole is punched for mounting. As shown by the metallographic analysis, the product is made of low-carbon raw steel (Fig. 3, 5, an. 2711). The plates with heads correspond to the pendants sewn on the bottom of the sleeves of the shaman's parka, depicting the bones of the forearm. The bent twisted ends should have encircled the hand, and the slits should have represented the bone marrow [Prokofiev, 1949, p. 365].

Fig. 3. Plates with "heads" from burial #4 and photos of the microstructures.

1 — zoomorphic plate with two "heads", 2, 3 — plates with one "head", 4 — plate with one "head", an. 2703, 50x, 5 — plate with one "head", an. 2711, 100x, 6 — plate with two "heads", an. 2712, 100x.

Рис. 3. Пластины с «головами» из погребения № 4 и фото микроструктур:

1 — зооморфная пластина с двумя «головами», 2, 3 — пластины с одной «головой», 4 — пластина с одной «головой», ан. 2703, ув. 50, 5 — пластина с одной «головой», ан. 2711, ув. 100, 6 — пластина с двумя «головами», ан. 2712, ув. 100.

Iron transversal rods from a tambourine. Three items were found in the burial site (Fig. 4, 1–5), one of which is fragmented (Fig. 4, 3–5). Four samples were subjected to metallographic examination.

Similar iron rods are described by E.D. Prokofieva during the examination of the costume of the Selkup shaman. The rods were attached to the tambourine from the inside with a smaller diameter with leather belts. Transversal iron rods represented the seven circles of the universe. In addition, tambourines were fastened with images of spirit helpers, tubular pendants, etc. In the Selkup legends, it is said that "on the rods of the tambourine come, crawl the *"lozy"* called by the shaman [Prokofieva, 1949, p. 349–351]. The rods found in the burial site are narrow plates that are rectangular in cross-section with loops and hooks with four thicknesses at the ends for fastening. E.D. Prokofieva noted that the loops were intended to obtain uniform distribution of the pendants on the rod [Prokofieva, 1961, p. 438]. All the identified rods are deliberately bent twice. The length of the less damaged item is 60 cm. The widths of the plates are uneven and range from 0.5 cm (at the ends) to 1.2 cm (in the middle). The metallographic analysis of the metal samples indicates that the rods are forged in a hot state at the necessary temperature range for plastic processing of the metal. Only in one case does a slight overheating occur. Low-carbon steel with a carbon concentration of 0.1–0.2% (Fig. 4, 6, 8, an. 2698, 2774) and medium-carbon steel with an uneven distribution of carbon across the section were used as the raw materials. The carbon concentrations in these forgings range from 0.3 to 0.5% (Fig. 4, 2, an. 2701) and from 0.4 to 0.6% (Fig. 4, 4, an. 2777).

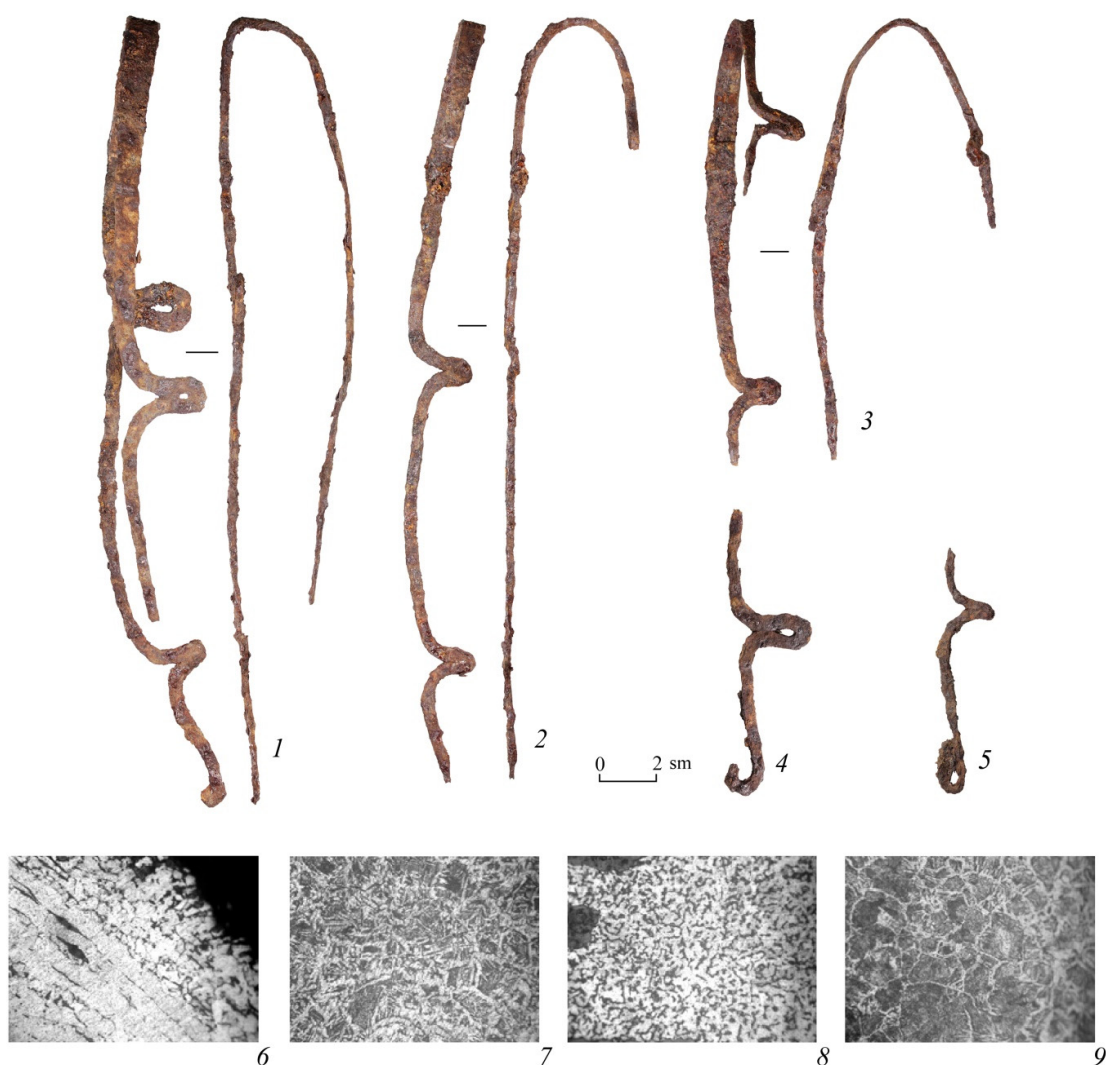

Fig. 4. Transversal rods from the tambourine from burial No. 4 and photos of the microstructures (100x).

1–5 — whole rods and fragments, 6 — an. 2698, 7 — an. 2701, 8 — an. 2774, 9 — an. 2777.

Рис. 4. Поперечные стержни от бубна из погребения № 4 и фото микроструктур (ув. 100):

1–5 — целые стержни и фрагменты, 6 — ан. 2698, 7 — ан. 2701, 8 — ан. 2774, 9 — ан. 2777.

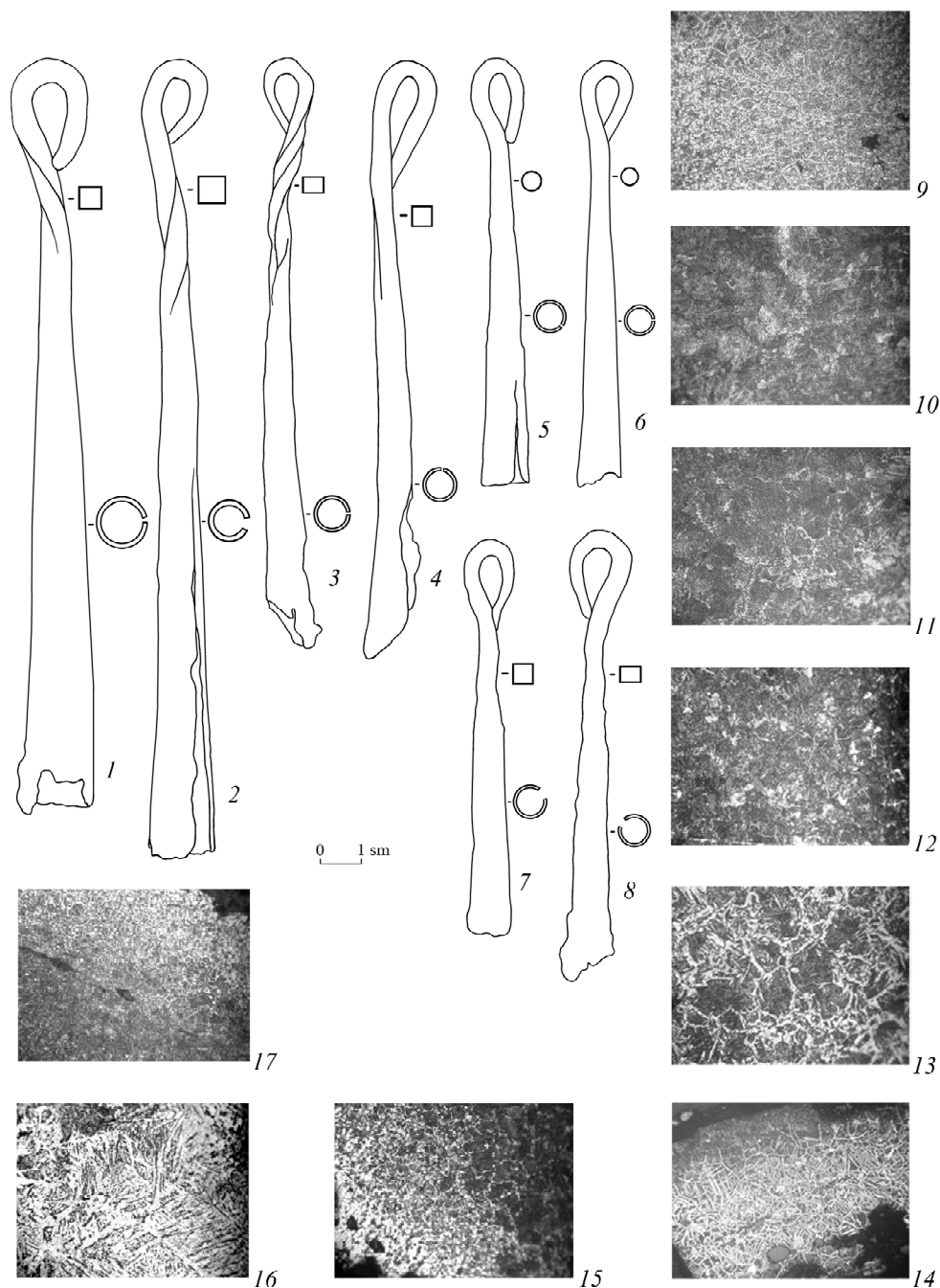

Fig. 5. Noise-making tubular pendants from burial # 4 and photos of the microstructures.
1–8 — suspension, 9 — an. 2696, 100x, 10 — an. 2700, 100x, 11 — an. 2702, 100x, 12 — an. 2706, 100x, 13 — an. 2708, 100x,
14 — an. 2710, 50x, 15 — an. 2715, 100x, 16 — an. 2716 300x, 17 — an. 2772, 100x.

Рис. 5. Шумящие трубчатые подвески из погребения № 4 и фото микроструктур:
1–8 — подвески, 9 — ан. 2696, ув. 100, 10 — ан. 2700, ув. 100, 11 — ан. 2702, ув. 100, 12 — ан. 2706, ув. 100,
13 — ан. 2708, ув. 100, 14 — ан. 2710, ув. 50, 15 — ан. 2715, ув. 100, 16 — ан. 2716, ув. 300, 17 — ан. 2772, ув. 50.

Iron noise-making tubular pendants (Fig. 5). Nineteen specimens (whole and fragmented) were found in the burial site. According to the ethnographic sources, tubular pendants are an indispensable attribute of the shaman's tambourine. It is known that in the hands of an experienced Selkup shaman, the tambourine was a musical instrument producing various sounds. The “kamlanie” ritual was accom-

panied by various blows to the tambourine and multiple methods of shaking the tambourine, which caused the rattling of the metal pendants, which then merged into a general hum [Prokofieva, 1981, p. 53–54]. Iron tubular pendants were also sewn on the shaman's parka and shaman's bib. The meanings of the tubular pendants on the parka and bib are the same — they are "like feathers" — since both the bib and the shaman's parka symbolized a bird. Numerous pendants on the parka and on the bib were intended to produce a ringing and noise to scare away the "lozy" from the path of the shaman or to expel evil spirits from the soul of a sick person [Prokofieva, 1949, p. 356, 357, 360, 362]. The noise-making pendants found in the burial are narrow cone-shaped tubes, on top of which are loops made for hanging. The tubes are rolled from sheets of iron with thicknesses of 1–2 mm. For all items, there is a longitudinal gap at the junction of the edges of the sheet. At the junction of the tube in the loop, a square (Fig. 5, 1–4, 7, 8) or circle (Fig. 5, 5, 6) is made in the cross-section of the rod. Some rods are twisted in 2–3 turns. The pendants are divided into two groups by size, as follows: 1 — large, with a length of 18–19 cm, the diameter of the cone is 1.7 cm; and 2 — small, with a length of 9.8–13.5 cm and a cone diameter of 1.0–1.2 cm.

Fig. 6. Image of "reindeer antlers" from burial #4 and photos of the microstructures (100x).

1, 2 — front, 3, 4 — side, 5 — an. 2775, 6 — an. 2717.

Рис. 6. Изображения «рогов оленя» из погребения № 4 и фото микроструктур (100х):

1, 2 — вид спереди, 3, 4 — вид сбоку, 5 — ан. 2775, 6 — ан. 2717.

Nine tubular pendants were subjected to metallographic studies. Raw steel with an uneven distribution of carbon across the cross section was mainly used as the raw material. The concentration of carbon in the metal ranges from 0.1–0.3 to 0.4–0.6% (Fig. 5, 9, an. 2696, 11, an. 2702, 12, an. 2706,

13, an. 2708, 14, an. 2710, 15, an. 2715, 16, an. 2716, 17, an. 2772). One of the pendants is forged from high-carbon steel (Fig. 5, 10, an. 2700).

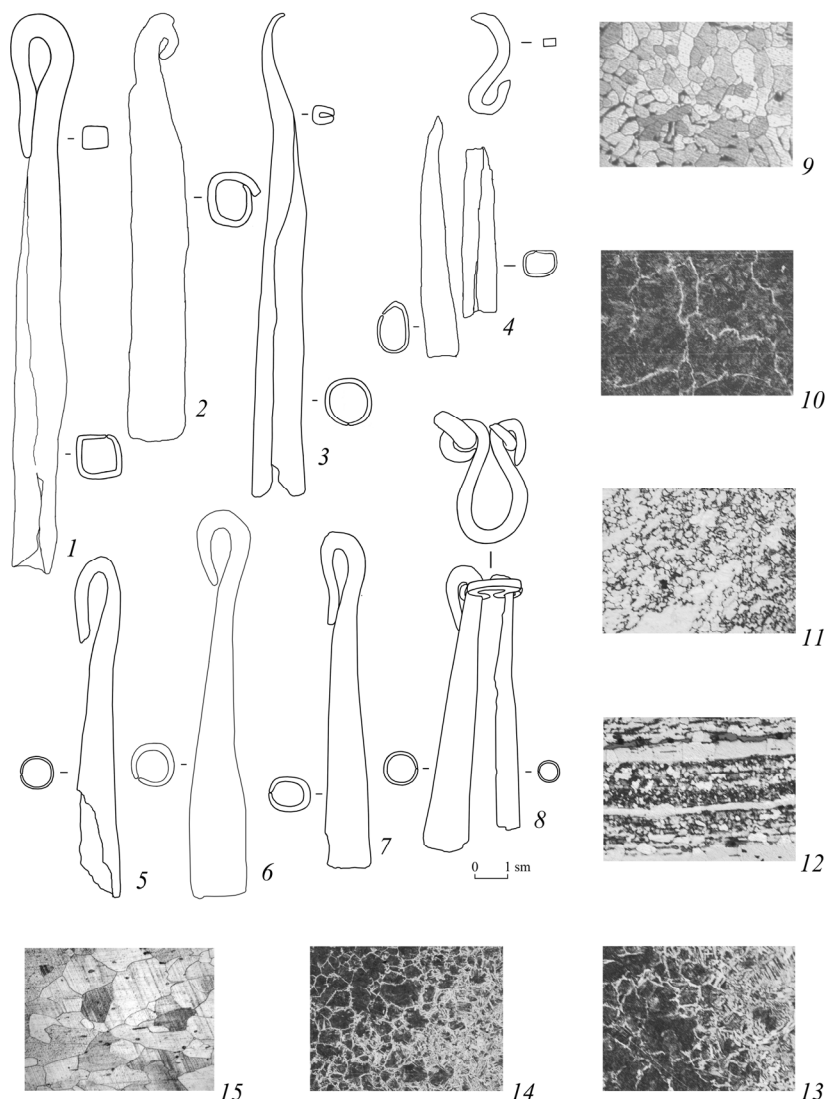

Fig. 7. Noise-making tubular pendants from burial #6 and photos of the microstructures (100x).
 1–8 — pendants, 9 — an. 2878, 10 — an. 2871, 11 — an. 2872, 12 — an. 2868, 13 — an. 2869, 14 — an. 2859, 15 — an. 2866.
 Рис. 7. Шумящие трубчатые подвески из погребения № 6 и фото микроструктур (100х):
 1–8 — подвески, 9 — ан. 2878, 10 — ан. 2871, 11 — ан. 2872, 12 — ан. 2868, 13 — ан. 2869, 14 — ан. 2859, 15 — ан. 2866.

Images of "reindeer antlers" (Fig. 6). Two intentionally broken iron images of reindeer antlers, consisting of four fragments, were found in the burial site. It is known that the tradition of spoiling the items that accompanied the deceased still exists in the Northern Selkups to this day [Stepanova, 2008, p. 146]. On the back of the Northern Selkup shaman's parka, which is stored in the Kunstkamera (Saint-Petersburg) collection, reindeer antlers — "heavenly deer antlers" — are attached to the middle of iron pendants [Prokofieva, 1949, p. 361]. Images of reindeer antlers were typically found on shaman crowns (headgear) [Prokofieva, 1949, p. 370]. However, the large size and structure of the items found in the burial site preclude this option.

The first item is a U-shaped narrow plate with the dimensions of 34x14 cm (Fig. 6, 2, 3). The plate is smoothly curved in two points up at an angle of 90 degrees. One of the antler beams has traces of repair — in the middle part it is fastened with a rivet. The attached segment at the base is rounded. Part of the plate, which represented the main beam of the antlers, narrows and has a pointy end. On each antler beam, there are two sharp-ended appendages, each 2–4 cm long. In the lateral projection,

the item is curved. The second item's dimensions are 33x8 cm, and it consists of two halves (Fig. 6, 1, 4). An image of antlers is made, as in the first case, on a U-shaped plate. In the middle part of the plate, a seam from forge welding is fixed, which is where the product was later intentionally broken. The main beams of the antlers are damaged; one is missing the upper part, and the upper lateral appendage is cut off from the other. The general image production scheme is similar to the previous one. The main difference is the larger size of the lateral appendages. On each beam, there is one appendage (9.9 and 11 cm long), and their ends are sharp, slightly taken aside from the main plate. In the lateral projection, the second item is curved much less than the first one.

Fig. 8. Noise-making plate pendants, image of a "bear's paw" from burial #6 and photos of the microstructures (100x).
 1-4 — pendants, 5 — image of a bear's paw, 6 — pendant, an. 2858, 7 — pendant, an. 2870, 8 — image of a "bear's paw", an. 2865.
 Рис. 8. Шумящие пластинчатые подвески, изображение медвежьей лапы из погребения № 6 и фото микроструктур (100х):

1-4 — подвески, 5 — изображение медвежьей лапы, 6 — подвеска, ан. 2858, 7 — подвеска, ан. 2870, 8 — изображение, ан. 2865.

The study of the images showed that forge welding and manual riveting were used to obtain a permanent connection between the individual elements of the products. The blacksmiths used iron with a ferrite structure (Fig. 6, 5, an. 2775) and high-carbon steel with a perlite structure (Fig. 6, 6, an. 2717) as the raw materials.

Items from burial #6

Tubular noise-making pendants, 17 units (Fig. 7). The tubular pendants included in the collection, in addition to the common unifying features, have some individual features that are not characteristic of the shamanic complex from burial #4. These include the following: paired pendants fixed on lyre-shaped hooks (2 units) (Fig. 7, 4, 8); pendants in the form of tubes without a bell (2 units) (Fig. 7, 1, 2); the use of an elongated loop for hanging (3 units) (Fig. 7, 1, 7). The tubular pendants can be divided into two groups by size, as follows: 1 — large, the length is 12.9–16.8 cm and the cone diameter is 1.2–1.8 cm; 2 — small, the length is 8.7–12 cm and the cone diameter is 1.2–1.8 cm.

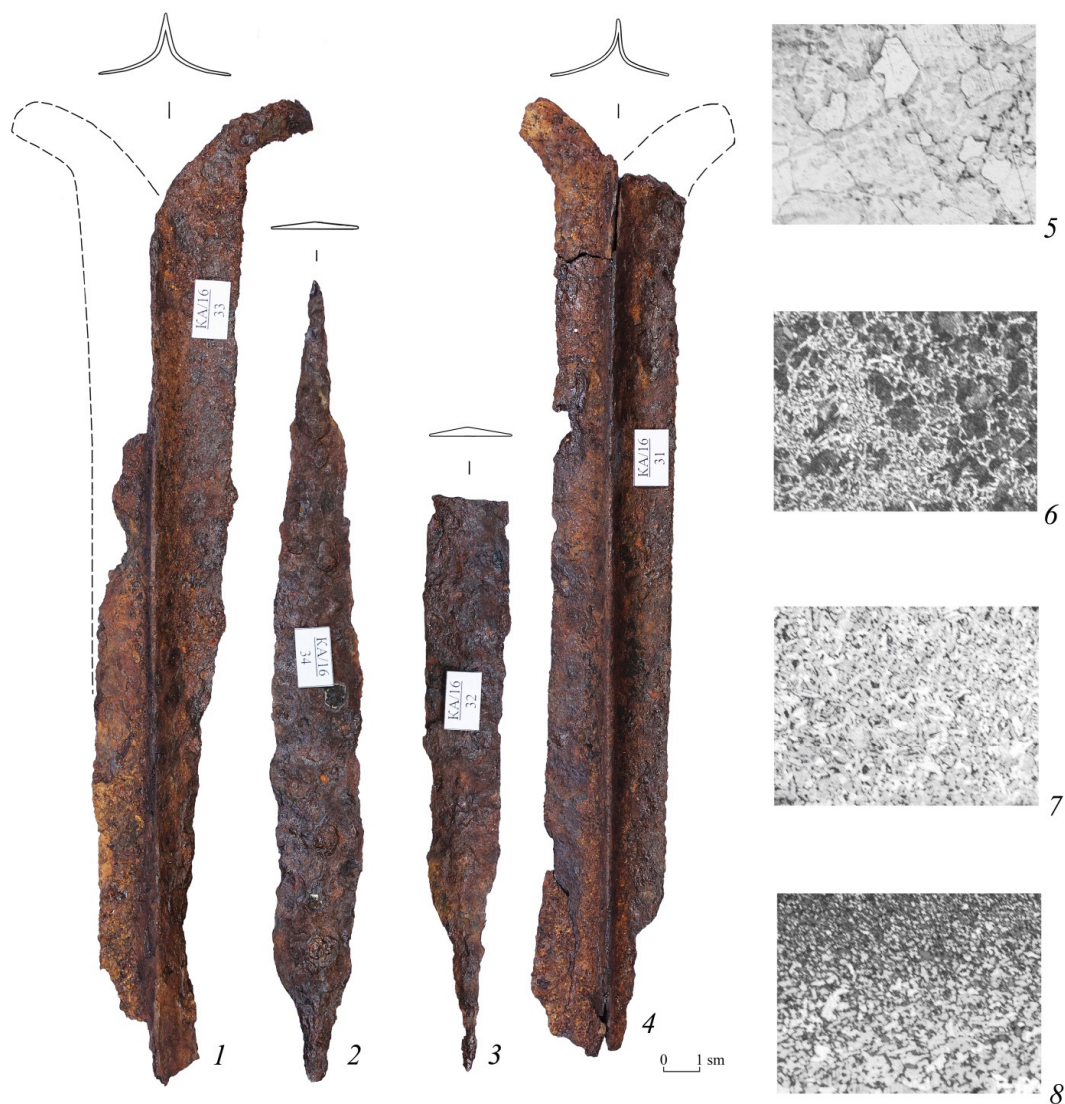

Fig. 9. "Shaman's Bones" from burial #6 and photos of the microstructures (100x).

1, 4 — large bones, 2, 3 — small bones, 5 — small bone, an. 2873, 6 — large bone, an. 2876, 7 — large bone, an. 2860, 8 — small bone, an. 2867.

Рис. 9. «Кости шамана» из погребения № 6 и фото микроструктур (100х):

1, 4 — большие кости, 2, 3 — малые кости, 5 — малая кость, ан. 2873, 6 — большая кость, ан. 2876, 7 — большая кость, ан. 2860, 8 — малая кость, ан. 2867.

The technological scheme of production of the seven studied tubular pendants consisted of pulling and flattening the workpiece, as follows: in one case, in the form of a blade, in the other, in the form of a narrow fan (most often the entire length of the workpiece), followed by bending the tube on the forging base ("mandrel") and forming a loop for hanging. The raw materials for the manufacturing of these pendants were as follows: in the first case, raw steel with an uneven distribution of carbon

across the section (Fig. 7, 14, an. 2859; 13, an. 2869, 10, an. 2871, 11, an. 2872); in the second case, iron (Fig. 7, 15, an. 2866; 9, an. 2878) and a four-layer package billet consisting of two plates of low-carbon steel (in the centre) and two ferrite plates (on the sides) (Fig. 7, 12, an. 2868).

The iron plate pendants (Fig. 8, 1–4). Four items, which were located among the tubular pendants, were found in the burial site and are also noise-making items. Some of the plates show signs of deliberate fracture. The products are narrow, curved plates topped with small loops. The cross-sections of the plates are lenticular. The size of the most well-preserved item is 10.5x2 cm. The microstructural study of the two pendants shows that they are forged from iron (Fig. 8, 7, an. 2870) and unevenly carbonized steel (Fig. 8, 6, an. 2858). The concentration of carbon ranged from 0.1 to 0.4%.

The tubular and plate pendants in this burial site were found in the area of the knee joints of the buried individual, both above and below them. Some were found in the middle of the femoral diaphyses (both below and above them), and a few were found near the tibial diaphyses. Since the Northern Selkups did not sew noise-making pendants on the shaman's *pimy*, we can assume that these items were attached to the shaman's parka. As some of the items lay under the bones, they were definitely not sewn on the bib.

"Shaman's bones". The artefacts were found on the anterior surfaces of the tibia and fibula, and they appear to have been sewn onto the *pimy*. Their location fully corresponds to the description of the shamanic costume of E.D. Prokofieva [Prokofieva, 1949, p. 367]. Two large "shaman's bones" with lengths of 27.3 and 28.3 cm were located on the tibia, in the area of the former boot-leg of the *pimy* (Fig. 9, 1, 4). They were products made from two narrow plates, joined together along their longitudinal edge by forge welding. The free edges of the plates welded along the edge are separated to the sides so that the section is V-shaped. On one of the ends of the forgings, there are two appendages that diverge in opposite directions. The described items were located in the burial site at the following different locations: on the right tibia — with forked appendages down — and on the left — with appendages up. According to the provisions of E.D. Prokofieva, in the first case, the image symbolized the leg bones of a reindeer, in the second — the so-called "Shin bone of iron" — the two appendages represented the muzzles of a water beast [Prokofieva, 1949, p. 367; 1971, p. 21].

The microstructural study of the first microsection, made on a full cross-section, showed that the item is made of two different pieces of unevenly carbonized steel. The concentration of carbon in the metal does not exceed 0.4%. Forge welding, which is necessary for the formation of the edge, is performed at a very low level (Fig. 9, 6, an. 2876). The second forging is made according to a similar technological scheme of low-carbon steel (Fig. 9, 7, an. 2860).

Two small "shaman's bones" with lengths of 23 and 16.5 cm were located on the fibula. They are leaf-shaped objects made on a long plate (Fig. 9, 2, 3). One of the items was deliberately broken. In the cross-section, the items under consideration are triangular, with an edge on one side. The metallographic analysis shows that the small "shaman's bones" are made of unevenly carbonized (low-carbon) steel (Fig. 9, 8, an. 2867, 5, 2873).

Images of bear paws (two units) found on the bones of the feet of the buried person. It is known that images of bear paws — "bear's claws" — were attached to the *pimy* on the costume of the Selkup shaman above the fingers. The image represents the "strongest" spirit-helper of the lower world [Prokofieva, 1949, p. 367]. One item is fragmented. The other was in a satisfactory condition, which allowed us to identify the structure of the artefact and to conduct technological research (Fig. 8, 2). The bear paw images consist of metal rods, rectangular in cross-section (7x5 mm), topped with curved sharp claws. The other ends are bent into loops and placed on the cross-sections of 7 cm long circular rods. This connection of parts ensured the mobility of all the combined rods. The metallographic analysis was performed on the end of the "claw". The results of the analysis indicate that the rods are forged from unevenly carbonized steel. To increase the hardness of the claws, their ends are subjected to soft quenching. The microhardness of the resulting sorbit-like perlite is 358 kg/mm² (Fig. 8, 8, an. 2865).

Discussion

Summing up the results of the technological analysis of the metal items of the shaman costume of the Taz Selkups of the XVII–XVIII centuries, we can draw the following conclusions. In general, the range of forging products includes 13–15 items. The studied forgings represent images and representations that were the basis of shamanic ideology. The main material in the blacksmithing production of shamanic equipment was unevenly carbonized steel. The concentration of carbon in the steel most often ranged from 0.1 to 0.4% and less often ranged from 0.4–0.6%. Approximately 2/3 of the products from burial #4 and approximately the same amount from burial #6 were forged from carbonized steel. High-carbon steel was very rarely used (two items from burial #4 and one from burial #6). Along

Technological research into the metal attributes of the Northern Selkup shaman costume...

with steel, blacksmiths sometimes used soft iron. In total, approximately 16% of products were forged from soft iron. In isolated cases, the use of packaged blanks was noted. Attention is drawn to the fact that for the production of products identical in form and meaning, blacksmiths used completely different raw materials. That is, they used any material available at that time. Based on this, we can assume that the craftsmen themselves were not engaged in metal smelting.

The basis of the production technology of the considered attributes of the shamanic costume was free hand forging of iron and steel in a hot state, with which the workpiece was given the necessary shape. It was identified that the technological process of manual forging consisted of several operations performed in a certain sequence, as follows: drawing, draining, bending, cutting, punching holes, twisting, forging welding, smoothing. The lenticular holes were punched with a chisel. For the design of the tails, short cuts were made at the ends of the plates, the side appendages were slightly pushed apart, and their edges were sometimes forged. For a specific neck design, the masters used the torsion operation. In the process of forming the "heads" on the plate images, the end of the plate was cut in half, and the resulting processes were forging, bending and twisting. For iron and each grade of steel, there is a different temperature range for the beginning and end of forging. On average, the temperature at the beginning of forging should be 1100–1300° C, while it should be 800–900° C at the end. Violating the specified temperature regime can lead to serious defects. According to the available analytical data, Selkup blacksmiths in the XVII–XVIII centuries mostly observed the temperature limits of free forging, occasionally allowing only a slight overheating of the metal.

There is reason to believe that the Taz blacksmiths received iron and steel from the Russians during this period. This is confirmed, on the one hand, by the evidence provided by the Russian and foreign scholars researching Siberia in the XVII–XIX centuries (V.F. Zuev, A. Kastren, O. Finsh, A. Brem, U.D. Sirelius), who did not meet any master-metallurgists from the local non-Russian population during their travels. On the other hand, there are reports from P.I. Tretyakov, who explored the Turukhansky region in the middle of the XIX century, about the trade in Russian goods, including iron. The centre of trade was Turukhansk, where the Taz Selkups brought furs in exchange for Russian-made goods. In addition, the Russian goods trade was carried out on the Taz river. It is also possible that the Taz Selkups could obtain iron from the southern trade route. This is indicated by the records of P.I. Tretyakov, as follows: "The Ostyaks of the upper Taz river go along the Vakh river to the Berezovsky district to the first settlement of Lariata to purchase certain necessary items" [Tretyakov, 1871, p. 289, 303, 304]. Russian products found in the Kikki-akki burial ground also indicate that there was an active exchange trade between the Northern Selkups and the Russians.

The blacksmiths who made forgings possessed complex technological skills and production equipment and, in this regard, created the forms and designs of products, including their sacred images. It is noteworthy that all the images are forged roughly. This was done intentionally, which cannot be said about other forgings, for example, arrowheads, spears, so-called "palma" (single-bladed tips), etc., found in the burial ground. It is known that when describing the parts of shamanic clothing in the XX century, the Selkups did not say "this is a feather", "this is the sun," "this is the moon," and instead used the following expressions: "like a feather", "like the sun", etc. In accordance with these ideas, Selkup blacksmiths in the more ancient period forged images that did not correspond to the real appearances of animals, birds, and reptiles, emphasizing the conventionality of their inherent features embodied in metal.

Conclusions

The results of the metallographic studies allow us to conclude that in the XVII–XVIII centuries, the iron components of the shamanic costumes of the Northern Selkups were forged by professional blacksmiths. The ethnographic materials of the XX century fully confirm this conclusion. G.N. Prokofiev and E.D. Prokofieva, who worked with Selkup shamans in the age range of 40–55 years, i.e., born at the end of the XIX century, noted that the forging of iron pendants to the tambourine, parka and bib was carried out by two blacksmiths — representatives of two groups of Selkups — the Eagle group and the Nutcracker group. At the same time, the shaman gave instructions to the blacksmiths about the necessary number and forms of pendants and images [Prokofiev, 2006, p. 138; Prokofieva, 1981, p. 56]. The fact that after the death of the shaman, some of the pendants were stored by his family and passed on to the new shaman, provided continuity in the technology of production of the metal parts of the shaman's costume. There is reason to believe that the forging of metal paraphernalia was accompanied by certain sacred actions, which is indicated by the following message from P.I. Tretyakov from the Turukhansk region: "A blacksmith, at the request of a shaman forging an idol, stands

while working on a reindeer skin" [Tretyakov, 1871, p. 214]. In addition, it is without doubt that the shamanic costume, and accordingly the images and representations that were the basis of shamanic ideology, which it represented, was formed at least by the XVII century and not changed thereafter.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400143-4.

REFERENCES

- Belikova O.B. (2010). *Zyryansky burial ground of the end of the XVI–XVII century taiga Prichulymya in the light of archeology and archeobotany: (Experience in a comprehensive study of a mound)*. Tomsk: ITU. (Rus.).
- Belikova O.B. (1996). *Middle Prichulymye in the X–XIII centuries*. Tomsk: ITU. (Rus.).
- Bobrova A.I. (2000). Extraordinary burial of Tiskinsky burial ground. In: *Istoricheskii ezhegodnik*. Omsk, 38–46. (Rus.).
- Bobrova A.I., Maksimova, I.P., Toroshchina, N.V. (2002). Burial with a shamanistic complex of things on the river Tym. In: *Trudy Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo*. Tomsk: ITU, 106–139. (Rus.).
- Kolchin B.A. (1953). *Ferrous metallurgy and metalworking in ancient Russia*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Pavlinkaia L.R. (1988). Notes on the art of forging metal in a shamanic costume of the peoples of Siberia according to the collections of the MAE RAS. In: *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri: Sbornik MAE*. Leningrad: Nauka, 71–85. (Rus.).
- Pleiner R. (1962). *Old european metalworking*. Praha: Chekhoslovatskaia Akademia nauk.
- Poshekhonova O.E., Kisagulov A.V., Gimranov D.O., Nekrasov A.E., Afonin A.S. (2018). Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 22, 132–141. DOI: 10.1016/j.jasrep.2018.08.035.
- Prokofev G.N. (2006). «Revitalization» of a tambourine — the soul of a shaman. In: *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv.* St. Petersburg, 137–145. (Rus.).
- Prokofeva E.D. (1949). Costume of the Selkup (Ostyak-Samoyed) shaman. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 335–375. (Rus.).
- Prokofeva E.D. (1981). Selkup Shamanism Materials. In: *Problemy istorii i obshchestvennogo soznaniia aborigenov Sibiri*. Leningrad: Nauka, 42–68. (Rus.).
- Prokofeva E.D. (1961). Shaman tambourines. In: *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 435–492. (Rus.).
- Prokofeva E.D. (1971). Shamanistic costumes of the peoples of Siberia. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 5–100. (Rus.).
- Stepanova O.B. (2008). *The traditional worldview of the Selkups: Ideas about the cycle of life and soul*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (Rus.).
- Tret'iakov P.I. (1871). *Turukhansk Territory, its nature and inhabitants*. St. Petersburg: Typography V. Bezobrazova and Comp. (Rus.).
- Tylecote R.F. (1962). *Metallurgy in archaeology*. London: Edward Arnold (Publishers) LTD.

Zinyakov N.M., <https://orcid.org/0000-0002-3015-5594>

Poshekhonova O.E., <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

П.Г. Данилов

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Акад. Ю. Осипова, 15, Тобольск, 626152
E-mail: danilovpg@mail.ru

ТОБОЛЬСКИЕ ИЗРАЗЦЫ XVIII ВЕКА ИЗ ДВОРЦА НАМЕСТНИКА

Вводится в научный оборот типология сюжетов коллекции поливных полихромных изразцов, полученная в результате археологических исследований во Дворце Наместника в городе Тобольске. Коллекция датируется первой половиной XVIII в. Делается вывод о местном производстве изразцов. По сохранившимся фрагментам выполнена графическая реконструкция двадцати сюжетов. Установлено, что при производстве изразцов применяли глухие непрозрачные эмали четырех цветов: белую, желтую, синюю и зеленую, а также прозрачную поливу, причем цвет эмалей на изразцах отличался несколькими оттенками. Изразцы с одним рисунком могли отличаться несколькими вариантами раскраски.

Ключевые слова: Тобольск, Дворец Наместника, поливные полихромные изразцы, типология сюжетов, графическая реконструкция.

Посвящается памяти А.Ю. Симанова

Введение

Одним из ярчайших видов художественных промыслов в России являлось изразцовое искусство, в котором нашли свое отражение быт, обычаи и вкусы народа. Изразцы использовались для украшения как фасадов зданий, так и интерьеров храмов и светских зданий. Особенно яркий колорит в интерьер домов вносили изразцовые печи, стенки которых были богато украшены великолепными рисунками и узорами. Красота изразцовой архитектурной керамики побудила исследователей заняться изучением этого вида ремесла. В результате работ, проводившихся в советское и последующее время А.В. Филипповым [1938], С.А. Маслихом [1983], Н.В. Вороновым [Воронов, Сахарова, 1955], Р.Л. Розенфельдом [1968], С.И. Барановой [2006, 2014], изучены отдельные изразцы и сохранившиеся изразцовые печи в разных городах, разработана классификация изразцовых печных наборов на территории Европейской России и Белоруссии, выявлены крупные центры производства изразцов в Москве, Балахне, Великом Устюге, Нижнем Новгороде и ряд других мастерских.

Сибирские изразцы стали предметом изучения значительно позже (конец XX в.), и работ, посвященных этой теме, немного. Наиболее ранние научные публикации, в которых можно найти упоминания о сибирских изразцах, принадлежат В.И. Кочедамову [1963], С.В. Копыловой [1979] и О.Н. Вилкову [1978]. В них мы находим некоторые сведения о времени распространения изразцов на территории Сибири и зарождении местного производства. Однако эти сведения базировались только на материалах письменных источников. Из-за сложности и дороговизны производства изразцов позволить себе иметь изразцовую печь мог не каждый житель Сибири. Изразцовая печь являлась показателем статуса ее владельца, ее возведение было под силу только богатой части населения.

Обширную источниковую базу для изучения изразцового искусства в Сибири дают археологические исследования на русских поселениях, в ходе которых собраны коллекции изразцов. Публикуются и активно изучаются изразцы, найденные на территории Верхотурья [Соколова, 1998], Томска [Черная, 2002, 2015], Кузнецка [Кауфман, 2005], Тобольска [Адамов и др., 2008; Загваздин, 2017; Матвеев и др., 2011; Нескоров, 2000] и Абалака [Загваздин, 2014], Тюмени [Семенова, 2014, 2016], Енисейска [Щербаков, 2017], Иркутска [Краснощеков, Аболина, 2017].

Целью данной работы являются типология сюжетов и графическая реконструкция внешнего вида и цветовой расцветки коллекции рельефных полихромных изразцов, полученных при археологических исследованиях Дворца Наместника в г. Тобольске.

Формирование производства изразцов в Тобольске

На территории Русского государства первые изразцы появляются в Москве в начале XVI в., а к середине XVII в. происходит повсеместное распространение производства поливных (ценинных) полихромных изразцов [Векслер и др., 2017, с. 387, 391]. В Сибири начало производства

изразцов следует относить к 70–80-м гг. XVII в., когда началось каменное строительство в Тобольске. В частности, известно, что мастер Герасим Шарыпин, работавший в Тобольске, делал «обрасцы муравленные и печи» [Черная, 2002, с. 65]. В расходной книге Тобольской приказной палаты есть запись о выдаче в 1688 г. «софейскому кирпичику» Льву Казанцову 50 копеек за 200 штук печных изразцов для дома воеводы боярина А.П. Головина и запись 1699 г. о выдаче денег «за обрасцовую муравленную печь» [Там же, с. 61].

Для подготовки местных мастеров Сибирский приказ в апреле 1698 г. производил отбор кандидатур из «черепишного кровельного дела мастеров». Среди желающих поехать в Сибирь были тяглецы московской Новомещанской слободы Федор Кондратьев и Семен Остафьев Лузин, которые соглашались выучить «черепишному простому и муравленому и печному образцовому делу в год человек 5 или 6 ис кирпичников, ис пешников, ис горшешников, ис каменщиков». В следующем, 1699 году из Москвы в Тобольск были отправлены мастера Семен Лузин, Иван Денешка, Иван Лукьянов и Василий Степанов [Кочедамов, 1963, с. 57]. Известно и имя одного из первых местных мастеров-изразечников: Алексей Черепанов. Он в 1704 г. находился в Тюмени на строительстве Благовещенского храма, где изготавливал изразцы [Копылова, 1979, с. 120].

В 1700–1701 гг. в Тобольск и Верхотурье были направлены «сказки, как тое черепицу делать», формовочные станки и образцы глины, «ис которой делают на Москве печные образцы и черепицу» [Соколова, 1998, с. 170].

В начале XVIII в. в Тобольске была выстроена специальная «черепишная изба», куда собирали всех местных мастеров; это говорит о том, что производство печных изразцов приобрело массовый характер. Говорят об этом и другие сведения. Например, что губернаторские деревянные «хоромы» М.П. Гагарина, построенные в 1712–1713 гг., были украшены 20 «ценинными» печами. В это же время изразцовые печи появились и в приказной палате, в Воскресенской соборной церкви, на новом посольском дворе, в доме бывших воевод Черкасских, а также у некоторых частных лиц [Копылова, 1979, с. 120; Вилков, 1978, с. 36; Черная, 2002, с. 64].

Таким образом, формирование местных мастеров, изготавливавших изразцы, началось с 70–80-х гг. XVII в. и закончилось в первое десятилетие XVIII в., когда производство черепицы и изразцов стало массовым.

Характеристика материалов

В Тобольске в результате археологических исследований 2003 г. в первом зале Дворца Наместника была получена коллекция эмалевых рельефных (ценинных) изразцов от нескольких печных наборов. Археологические исследования проводились на месте обнаружения одного из пороховых погребов XVII в. г. Тобольска. В XVIII столетии над погребом было возведено здание Приказных палат, позднее вошедшее в границы Дворца Наместника. В раскопе при исследовании заполнения порохового погреба в его центральной части на глубине 20 см от уровня дневной поверхности была выявлена линза, содержащая большое количество обломков изразцов. Мощность линзы составила 93 см. В остальной части заполнения погреба и в слое изразцы не встречались. По-видимому, они были единовременно выброшены в яму, образовавшуюся в результате проседания грунта на месте заброшенного порохового погреба. В большинстве своем изразцы были сильно фрагментированы и несли на себе следы пожара. Обнаруженные фрагменты относятся к рельефным полихромным изразцам. Их принадлежность к печным наборам предполагается нами по следам копоты и сажи с тыльной стороны и наличию румп коробчатой формы с отступом по краям. По бокам румпы имеются отверстия для крепления изразцов проволокой к печи. По мнению С.А. Маслиха, подобные румпы делали мастера-изразечники Великого Устюга и Тотьмы [1983, с. 13].

Коллекция изразцов представлена 1153 фрагментами, из них на румпы приходится 662 фрагмента (57,5 %), неопределимые по типу — 87 фрагментов (7,5 %), изразцы с определимым сюжетом — 404 фрагмента (35 %). Коллекция сильно фрагментирована, поэтому сложно определить количество изразцов, выброшенных в яму. Кроме того, часть линзы, содержавшей изразцы, была ранее уничтожена строительным шурфом при обследовании фундамента стены между первым и вторым залами Дворца Наместника [Данилов, 2014, с. 211, рис. 1]. В связи с этим открытым остается вопрос о количестве печных наборов в коллекции.

На основании классификации печных наборов, разработанной С.А. Маслихом, изразцы из Дворца Наместника можно подразделить: 1) на стенные изразцы «малой руки» и «большой руки»; 2) угловые стенные изразцы; 3) угловые стенные половинки; 4) плоские поясовые изразцы; 5) угловые пло-

ские пояса; 6) пояс-валик; 7) карнизный пояс; 8) подзоры; 9) ножки; 10) городки [Розенфельдт, 1968, с. 58; Маслих, 1983, с. 13]. Печи с подобной облицовкой относятся к ренессансному типу.

Для производства изразцов использовались непрозрачные, глухие эмали: синяя, бирюзово-зеленая, белая и желтая, а также прозрачная глазурь, создающая на красной глине блестящий коричневый цвет.

Согласно классификации, которую разработала Н.И. Немцова, тобольские печные наборы можно разделить: 1) на «московские» и 2) печные наборы, обладающие своеобразными орнаментами [1989, с. 4]. Изразцы из Дворца Наместника изготовлены из красной глины и выполнены в технике «эмалевого рельефа» (лодочкообразного) с целью избежать затеков и смешивания эмалей при обжиге в печи [Воронов, Сахарова, 1955, с. 87].

По сохранившимся фрагментам удалось графически реконструировать сюжеты 20 разных типов изразцов:

1. Городок (рис. 1, 1, 3). Размер 160×190 мм. Эмали четырех цветов (два варианта расцветки). Растительно-геометрический узор. Внизу в центре арка, внутри которой ваза с цветком и листьями. Над аркой стилизованное изображение башенки. Внизу полоса (бортик). Изразец находится на платформе шириной 77 мм. Аналогов не выявлено.

2. Городок (рис. 1, 2). Размер 180×105 мм. Синяя и белая эмали. Растительно-геометрический узор. Изразцы с аналогичным рисунком были найдены при реставрации Братского корпуса Высоко-Петровского монастыря в Москве (80-е гг. XVII в.). Стилистически по форме и рисунку городок похож на фасадные подкарнизные изразцы Благовещенского собора в Тюмени (1700–1715 гг.) [Семенова, 2016, с. 60]. Близкий по форме фрагмент городка найден на Чукманском раскопе в Тобольске [Матвеев и др., 2011, с. 114, 119, рис. 5, 4]. Отличается он цветовой гаммой — синим и желтым цветами эмали.

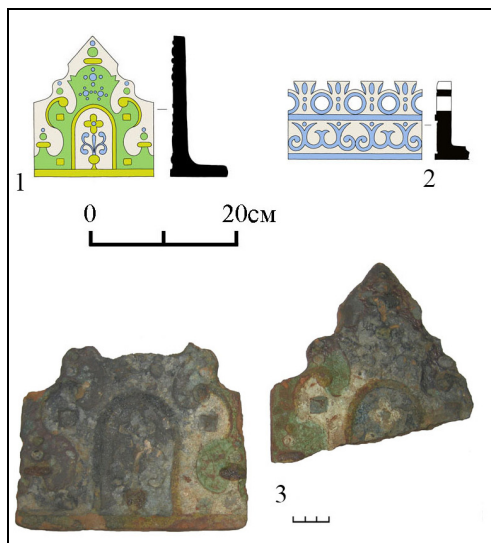

Рис. 1. Графическая реконструкция сюжетов и фото внешнего вида городков.
Fig. 1. Graphic reconstruction of plots and photographs of the appearance of tiled towns.

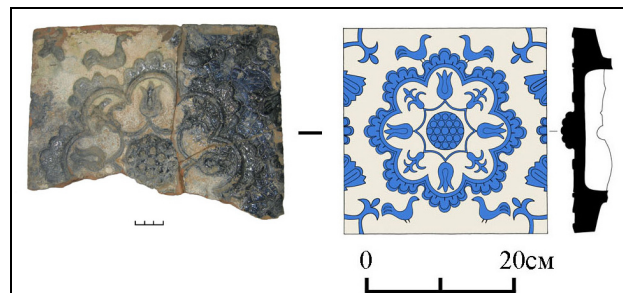

Рис. 2. Фотография и графическая реконструкция стеного изразца.
Fig. 2. Photograph and graphic reconstruction of a wall tile.

3. Стенной изразец (рис. 2). Размер 270×270 мм. Эмали: синяя и белая. В центре изображение розетки в виде большого цветка. По краям изразца растительный орнамент. В верхней и нижней части изображены птицы (две снизу и две сверху), расположенные головами друг к другу. Аналогов изразцу не выявлено.

4. Стенной изразец (рис. 3, 2). Размер 200×200 мм. Эмали четырех цветов и коричневая полива. На изразцах изображены птицы, сидящие на ветках спиной друг к другу, которые окружены фигурной геометрической рамкой. По краю идет растительный орнамент, который совпадает с таким же орнаментом на изразцах с изображением розетки из цветов, окруженной фигурной геометрической рамкой. При сборке печи эти изразцы составляют рисунок из чередую-

щихся изображений птиц и розеток. Аналогичные изображения встречаются на муравленых и рельефных полихромных изразцах в наружном декоре церкви Николы в Столпах в Москве (1669 г.) [Маслих, 1983, рис. 80, 115].

5. Панно из 5 изразцов (рис. 3, 1). Размер каждого из них 245×245 мм. Эмали четырех цветов и коричневая полива. При правильной сборке с «перевязкой» швов пять таких изразцов, расположенных в два ряда (верхний ряд — три, нижний — два изразца), дают большой рисунок вазы с почти шарообразным туловищем, тонкими горлышком и ножкой. Изображение вазы окружено орнаментом из веточек с листьями, цветами, виноградных лоз и рамкой в виде «веревки». Изразцами со сходным изображением облицована печь в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря (80-е гг. XVII в.), также аналогичные панно имеются на фризе церкви Адриана и Наталии в Москве (1686–1688 гг.) [Маслих, 1983, рис. 131, 143]. Фрагменты изразцов с изображением вазона обнаружены также при раскопках в Соликамске и Верхотурье [Соколова, 1998, с. 169].

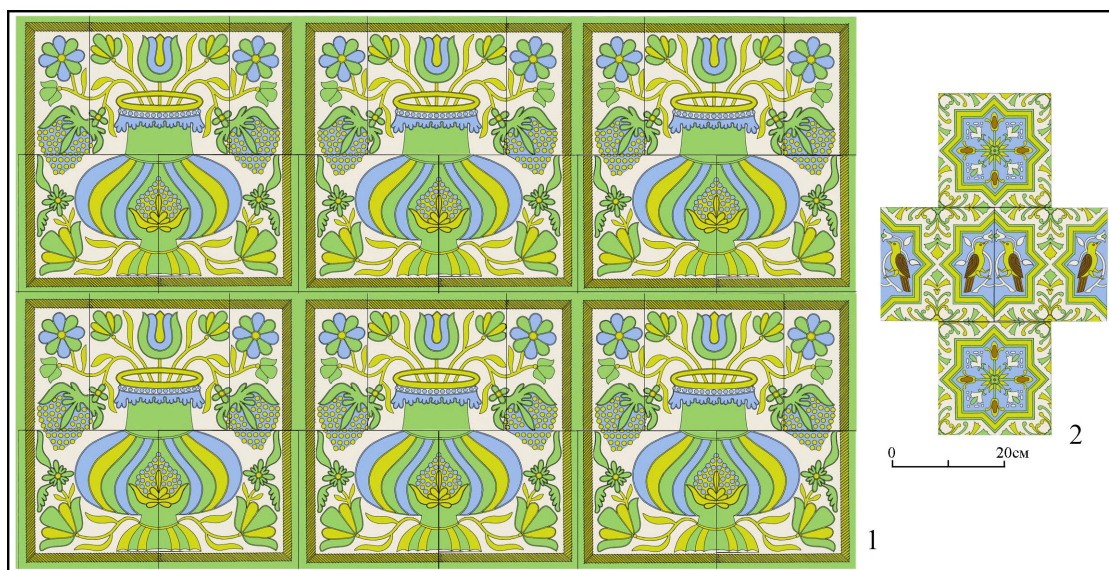

Рис. 3. Графическая реконструкция сюжетов с птицами и вазой.

Fig. 3. Graphic reconstruction of plots with birds and a vase.

6. Плоский пояс (рис. 4, 5, 16). Размер 190×100 мм. Эмали четырех цветов и коричневая полива (два варианта расцветки). Сверху и снизу гладкие полосы шириной 7 мм (бортики). В середине растительно-геометрический орнамент в виде гирлянды из виноградных листьев, соединенных между собой арочным узором. Аналогичные изразцы были обнаружены при реставрации Братского корпуса Высоко-Петровского монастыря в Москве, они сохранились в облицовке печи Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского в Москве (70-е гг. XVII в.) и Преображенской церкви Новодевичьего монастыря (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 102, 104, 139, 140, 142; Воронов, Сахарова, 1955, рис. 11].

7. Плоский пояс (рис. 4, 1). Размер 185×110 мм. Эмали четырех цветов и коричневая полива (три варианта расцветки). В центре геометрический узор в виде выпуклого прямоугольника с рамкой, вокруг которого растительный узор. Аналогичные изразцы сохранились в облицовке печи Михайловской церкви Немецкой слободы в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 141].

8. Плоский пояс (рис. 4, 2). Размер 180×115 мм. Эмали трех цветов. В центре геометрический узор в виде полусферы, разделенной бороздками на 8 частей. Вокруг растительный узор в виде листьев и цветов. Аналогичные изразцы сохранились в облицовке печи в Приказной палате музея-заповедника «Коломенское» (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 141]. В коллекции с Чукманского раскопа в Тобольске встречен близкий по сюжету фрагмент изразца: сохранился край с листьями синего цвета и контуром полусферы в центре [Матвеев и др., 2011, с. 120, рис. 6, 5].

9. Плоский пояс (рис. 4, 3). Размер 198×120 мм. Эмали трех цветов. Растительный орнамент в виде извилистой ветки с листочками. В центре ягода. Сверху и снизу две полосы (бортики). Некоторое сходство прослеживается с изразцами из Братского корпуса Высоко-Петровского

монастыря и Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 102, 104, 139; Воронов, Сахарова, 1955, рис. 11].

10. Плоский пояс (рис. 4, 4). Размер 204×118 мм. Эмали трех цветов. Растительный орнамент в виде двух изогнутых веток с завитками, сходящихся в центре. Аналоги известны в облицовке печи Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 139].

11. Пояс-валик (рис. 4, 6). Размер 185×80 мм. Синяя и белая эмали. В центре цветок с пятью лепестками, от которого влево и вправо отходят веточки с листьями. Аналогов в опубликованных работах не обнаружено.

12. Пояс-валик (рис. 4, 10). Размер 195×75 мм. Эмали четырех цветов. Растительный орнамент в виде ягод и листьев. Некоторое сходство прослеживается с изразцами из пояса рельефных изразцов трапезной палаты Вяжицкого монастыря под Новгородом (1698 г.), изготовленных в гончарной мастерской в селе Богородицыне на Валдайском озере [Маслих, 1983, рис. 160].

13. Карнизный пояс (рис. 4, 7). Размер 198×90 мм. Фигурный изразец в виде выпуклого валика с гребнем. Эмали трех цветов и коричневая полива. Геометрический орнамент. Выпуклый валик занимает «веревочный» узор. Вертикальный гребень украшен арочным узором. Сверху и снизу гладкие полосы (бортики). Аналогичный по стилю изразец найден при раскопках Томского кремля. По мнению М.П. Черной, найденный изразец мог быть изготовлен в Москве или в мастерской Валдайского Святозерского монастыря (примерно 1650–1685 гг.). [2002, с. 68, рис. 35]. Поливной изразец с аналогичным узором был обнаружен при археологических исследованиях в Казанском кремле, датирован серединой XVII в. [Ситдилов, 2006, рис. 155].

14. Карнизный пояс (рис. 4, 8). Размер 180×90 мм. Фигурный изразец в виде выпуклого валика с гребнем. Эмали четырех цветов (три варианта расцветки). Растительно-геометрический орнамент. На валике в центре изображение вазы с двумя ручками и узким горлышком. Слева и справа веточки в виде «восьмерки» с листьями. Вертикальный гребень украшен геометрическим узором в виде ряда перевернутых треугольников и выпуклых жемчужин между ними. Аналогичные по стилю изразцы (без вазы) встречаются в печах Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского, Преображенской и Надвратной церквей Новодевичьего монастыря (80-е гг. XVII в.), а также на фризе церкви Адриана и Наталии в Москве (1686–1688 гг.) [Маслих, 1983, рис. 131, 139, 140, 143].

15. Карнизный пояс (рис. 4, 9). Размер 170×82 мм. Эмали трех цветов (три варианта расцветки). Фигурный изразец в виде выпуклого валика с гребнем. Растительный орнамент. На валике листья с завитками и рядом выпуклых горошин в центре. На гребне по краю гладкая полоса (бортик). Аналогов не выявлено, но схожий по стилю орнамент встречается на изразцах московского производства (70–80-е гг. XVII в.).

16. Подзор (рис. 4, 11, 17). Размер 320×145 мм. Эмали трех цветов и коричневая полива. Фигурный изразец с двумя арками в нижней части. Растительный орнамент в виде листьев и завитков. Сверху и снизу гладкие полосы (бортики). Аналогичные изразцы встречаются в печах Братского корпуса Высоко-Петровского монастыря, Тихвинской церкви бывшего села Алексеевского, Лопухинского корпуса и Надвратной церкви Новодевичьего монастыря в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 102–104, 139, 143; Воронов, Сахарова, 1955, рис. 11].

17. Подзор (рис. 4, 12). Размер 300×130 мм. Эмали четырех цветов (три варианта расцветки). Фигурный изразец с двумя арками в нижней части. Растительно-геометрический орнамент. В центре изображение вазы с цветком и листьями. От центрального рисунка расходятся в стороны крупные листья, пропущенные через кольца. Аналогичные изразцы с некоторыми отличиями встречаются в печах Преображенской церкви Новодевичьего монастыря и Михайловской церкви Немецкой слободы в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 140, 141].

18. Прямоугольная пластина (рис. 4, 15). Размер 120×26 мм. Эмали трех цветов (два варианта расцветки). Промежуточный элемент между ножкой и подзором. Узор в виде зигзагообразной линии (70–80-е гг. XVII в.).

19. Ножка (рис. 4, 13). 165×162 мм. Эмали четырех цветов (два варианта расцветки). Фигурный изразец в виде квадратной полуколонны. Нижняя часть напоминает перевернутый карниз. Растительный орнамент в виде листьев и завитков. В нижней части по центру ряд вертикальных выпуклых горошин. Аналогичные ножки встречаются в печах Братского корпуса Высоко-Петровского монастыря, Преображенской и Надвратной церквей Новодевичьего монастыря, Михайловской церкви Немецкой слободы в Москве (80-е гг. XVII в.) [Маслих, 1983, рис. 102–104, 140, 141, 143].

20. Ножка (рис. 4, 14). Размер 160×175 мм. Эмали трех цветов. Фигурный изразец в виде полуколонны. В нижней части пирамида из полукругов. Верхняя часть сферической формы. Растительный орнамент в виде узора из цветов и листьев. Аналогов не выявлено.

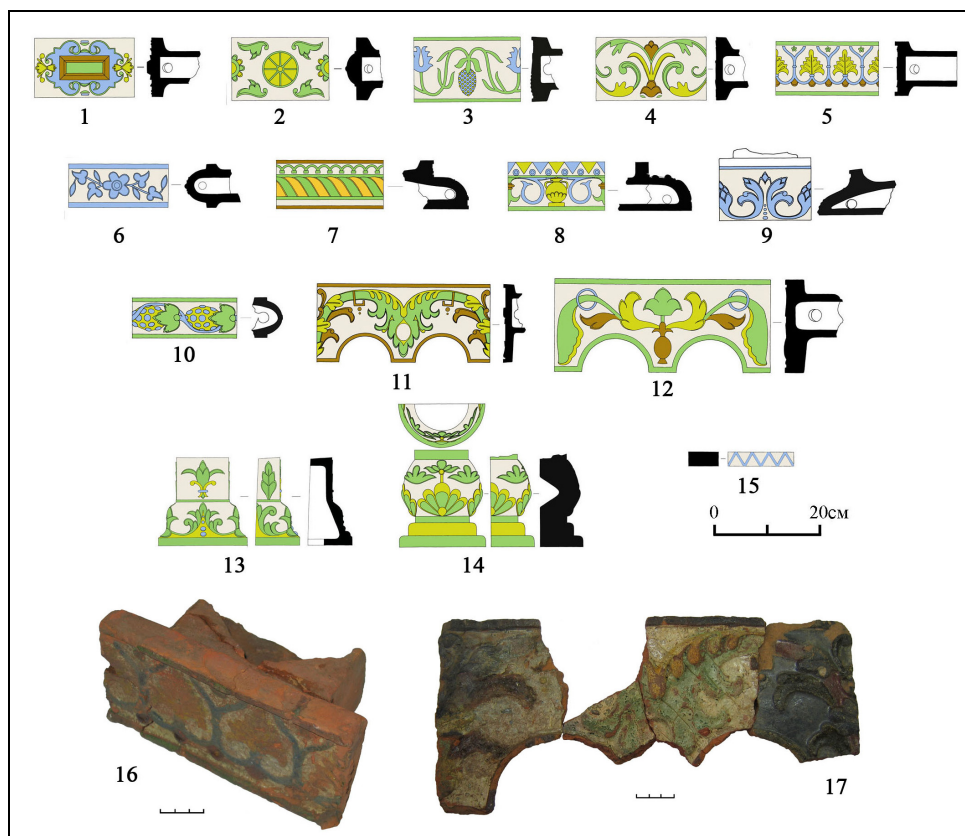

Рис. 4. Графические реконструкции и фотографии изразцов из Дворца Наместника.
Fig. 4. Graphic reconstructions and photographs of tiles from the Palace of the Viceroy.

На основании графической реконструкции выделяем следующие характеристики тобольских изразцов:

1. Значительная часть изображений на изразцах имеет либо точное, либо стилистическое сходство с изразцами московского производства 70–80-х гг. XVII в. [Воронов, Сахарова, 1955; Маслих, 1983].

2. Изображения на пяти изразцах не находят аналогов в опубликованных работах (рис. 1, 1; 2; 4, 6, 9, 14).

3. Изображения на двух изразцах имеют стилистическое сходство с продукцией, изготавливаемой Валдайской мастерской. [Черная, 2002, рис. 35].

4. Цветовая гамма тобольских изразцов (преобладание зеленого цвета) говорит о влиянии таких центров, как Балахна, Нижний Новгород, Соликамск. Отсутствуют красный и фиолетовый цвета расцветки, характерные для Москвы и Ярославля [Соколова, 1998, с. 170]. Один печной набор имеет сине-белую расцветку рисунка, аналоги которой на эмалевых изразцах не встречаются в других городах. Подобная цветовая гамма присуща уже только расписным изразцам из Петербурга, Москвы, Суздаля и других городов [Маслих, 1983, рис. 201–204, 207–211, 225–227, 265–267, 271, 275, 278–280, 301, 303–308].

5. Все стенные изразцы имеют строго квадратную форму в отличие от европейской части страны, где преобладает прямоугольная форма печных изразцов. Причем размер двух из трех изразцов больше обычного (24×24 и 27×27 см.), в европейской части России изразцы подобного размера использовались для облицовки фасадов и стен зданий [Воронов, Сахарова, 1955, с. 111].

6. Форма румпы сходна с формами румп производства Великого Устюга и Тотьмы.

Изразцы из Дворца Наместника мы датируем в пределах XVIII в. и связываем с активным каменным строительством в Тобольском кремле. Изразцовые печи могли быть установлены в Приказных палатах, строительство которых было закончено в 1704 г. Позднее поврежденные в пожаре изразцы были выброшены в яму, оставшуюся от зеленого погребца, некогда находившегося на этом месте [Адамов, 2003; Данилов, 2014]. Этим можно объяснить скопление фрагментов изразцов от нескольких печных наборов в одном месте. Также изразцовые печи могли находиться во Дворце Наместника, который был построен вместо сгоревших Приказных палат в 1782 г. и пострадал в пожаре 1788 г. Однако все же вероятнее, что представленные в коллекции печные наборы были изготовлены в начале XVIII в., так как к концу XVIII в. уже получили распространение расписные изразцы.

Выводы

В Тобольске при производстве изразцов применяли глухие непрозрачные эмали четырех цветов: белую, желтую, синюю и зеленую, а также прозрачную поливу, причем цвет эмалей на изразцах отличается несколькими оттенками. Изразцы с одним рисунком могли отличаться несколькими вариантами раскраски, что давало возможность разнообразить изделия. Качество изготавливаемых изразцов не всегда было на высоком уровне. На ряде фрагментов изразцов заметны подтеки эмалей и нечетко оттиснутый рисунок. Некоторые изразцы были деформированы при обжиге и являлись производственным браком, что свидетельствует об их изготовлении в Тобольске. Исследование рисунков и орнаментов изразцов показало, что большая их часть была заимствована в других центрах изразцового производства. Большая часть изображений имеет стилистическое сходство с изображениями на изразцах московского производства 70–80-х гг. XVII в. или является их точным аналогом. Изображения на пяти изразцах не имеют аналогов в ранее опубликованных работах, поэтому можно говорить о их местном происхождении. Орнамент на изразцах в основном растительно-геометрический, за исключением трех изразцов. На двух из них присутствуют зооморфные изображения в виде птиц, а на третьем представлен вазон. Оба сюжета входят в число наиболее популярных в России [Баранова, 2014, с. 101, 103; Векслер и др., 2017, с. 401].

Археологические исследования, проводимые в сибирских городах в последние годы, позволяют сделать вывод о достаточно широкой географической распространенности изразцов. Изразцы сегодня фиксируются в Тюмени, Томске, Енисейске, Иркутске, Тобольске, Кузнецке, Абалаке. На основании анализа комплекса письменных и археологических источников можно утверждать, что уже в 70–80-х гг. XVII в. производство полихромных изразцов было налажено на территории Сибири как минимум в Тюмени, Енисейске и Тобольске.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. Вып. 1. С. 98–106.
- Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
- Баранова С.И. Москва изразцовая. М.: Москвоведение: Московские учебники, 2006. 400 с.
- Баранова С.И. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 100–106.
- Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии // Археология Подмоскovie: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 13. С. 387–405.
- Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 5–46.
- Воронов Н.В., Сахарова Н.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. 1955. № 44. С. 77–115.
- Данилов П.Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 209–220.
- Загваздин Е.П. Изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях: В 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 231–236.
- Загваздин Е.П. Изразцовое богатство Тобольска // Реликвариум. 2017–2018. № 7. С. 55–57.
- Кауфман Ю.Б. Изразцы в Кузнецке в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 294–300.
- Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (кон. XVII — XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1979. 255 с.

- Кочедамов В.И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень: Тюм. книж. изд-во, 1963. 156 с.
- Краснощеков В.В., Аболина Л.А. Преимущества комплексных исследований при реконструкции участка городской среды Иркутска XVIII века // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 337–343.
- Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобр. искусство, 1983. 270 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Изразцы из культурного слоя верхнего посада Тобольска // *AB ORIGINE: Археол.-этногр. сборник ТюмГУ*. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 3. С. 103–127.
- Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. М.: Росреставрация, 1989. 35 с.
- Нескоров А.В. Тобольские изразцы как исторический источник // *Русские старожилы*. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 400–403.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // *САИ*. 1968. Вып. Е-1-39. 124 с.
- Семенова В.И. Изразцовый декор Благовещенского собора в Тюмени // *Вестник ТГУ. История*. 2016. № 5 (43). С. 59–64. DOI: 10.17223/19988613/43/12.
- Семенова В.И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // *Культура русских в археологических исследованиях: В 2 т*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 275–277.
- Ситдинов А.Г. Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. 288 с.
- Соколова Н.Е. Изразцы Верхотурского кремля // *Археологические и исторические исследования г. Верхотурья*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 165–170.
- Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М.: Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1938. Вып. 1. 92 с.
- Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: Историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 276 с.
- Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.
- Щербаков В.В. Печные изразцы Енисейска (по материалам раскопок последних лет) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Наука, 2017. С. 64–67.

P.G. Danilov

Tobolsk complex scientific station of Ural Branch RAS
Ac. lu. Osipova st., 15, Tobolsk, 626152, Russian Federation
E-mail: danilovpg@mail.ru

The 18th century Tobolsk tiles from the Governor's Palace

In Siberia, ceramic tile manufacturing should be dated to the 1670s–1680s, when the stone building in Tobolsk commenced. The source base for studying the tile craft in Siberia is provided by archaeological investigations on Russian settlements. This paper aims at the typology of plots and graphical reconstruction of the appearance and color scheme of a collection of repousse polychrome tiles acquired in the course of archaeological investigations of the Governor's Palace in Tobolsk. The collection is dated to the first half of the 18th century. Most of the tiles were fragmented and had signs of burning. The discovered tile fragments belong to the repousse polychrome type. We consider them to be the stove decoration sets due to the traces of smut and soot on the back side and by the presence of a box-shaped rump with some space from the edge. The rump has holes on the sides made to fix the tiles onto a stove with wire. The tiles from the Governor's Palace can be subdivided as follows: 1) wall tiles of 'small hand' and 'large hand'; 2) corner wall tiles; 3) corner wall halves; 4) flat banded tiles; 5) corner flat bands; 6) roller-band; 7) cornice belt; 8) valances; 9) legs and 10) gorodki (product made of clay with variations in size used for decoration of brick furnaces). Twenty themes have been reconstructed from the preserved fragments. The stoves with such facework belong to the Renaissance type. In the tile manufacture, opaque, dull enamels were used: blue; turquoise green; white and yellow, as well as translucent glaze producing a glossy brown color on red clay. The study of the tile drawings and ornaments revealed that most of them were borrowed from other centers of tile manufacturing. A large part of the drawings either has stylistic similarity or is an accurate copy of the drawings on the tiles manufactured in Moscow in the 1670s–1680s. The drawings on five tiles do not have records in the earlier published works, and therefore they may have local origins. The tile ornament is mainly floral-geometrical, except for three tiles. Two of the latter have zoomorphic drawings of birds and the third one depicts a planter. Both plots are amongst the most popular themes in Russia.

Key words: Tobolsk, Governor's Palace, polychrome glazed tiles, typology of plots, graphic reconstruction.

REFERENCES

- Adamov A.A. (2003). Exploration of a cemetery near the Ascension Church in Tobolsk. *Ezhegodnik Tobol'skogo muzeia-zapovednika*, (1), 98–106. (Rus.).
- Adamov A.A., Baliunov I.V., Danilov P.G. (2008). *The city of Tobolsk: Archaeological essay*. Tobol'sk. (Rus.).
- Baranova S.I. (2006). *Moscow tiled*. Moscow: Moskvovedenie: Moskovskie uchebni. (Rus.).

- Baranova S.I. (2014). 17th century Moscow tile in Russian space. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (1), 100–106. (Rus.).
- Chernaia M.P. (2002). *Tomsk Kremlin, mid-17th–18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Chernaia M.P. (2015). *Voivodship estate in Tomsk. 1660–1760s: Historical and archaeological reconstruction*. Tomsk: D-Print. (Rus.).
- Danilov P.G. (2014). 17th Century Tobolsk Powder Cellar Based on Archaeological and Historical Materials. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 13(5), 209–220. (Rus.).
- Filippov A.V. (1938). *Old Russian tiles*, (1). Moscow: Izd-vo Vsesoiuznoi Akademii arkhitektury. (Rus.).
- Kaufman Iu.B. (2005). Tiles in Kuznetsk in the XVII century. In: L.V. Tataurova (Ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh*. Omsk: Izd-vo OmGU, 294–300. (Rus.).
- Kochedamov V.I. (1963). *Tobolsk: (How the city grew and was built)*. Tiumen': Tiemenskoe knizhnoe izd-vo. (Rus.).
- Kopylova S.V. (1979). *Stone construction in Siberia (the end of the XVII — XVIII century)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Krasnoshchekov V.V., Abolina L.A. (2017). Advantages of comprehensive research in the reconstruction of the urban environment in the 18th century. In: L.V. Tataurova (Ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh*. Omsk: Nauka, 337–343. (Rus.).
- Maslikh S.A. (1983). *Russian tiled art of the XV–XIX centuries*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V. (2011). Tiles from the cultural layer of the upper posb of Tobolsk. In: A.V. Matveev (Ed.). *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3*. Tiumen': Izd-vo TGU, 103–127. (Rus.).
- Nemtsova N.I. (1989). *Research and restoration of Russian tiled stoves of the XVII–XVIII centuries*. Moscow: Rosrestavratsia. (Rus.).
- Neskorov A.V. (2000). Tobolsk tiles as a historical source. In: A.V. Golovnev (Ed.). *Russkie starozhilye*. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 400–403. (Rus.).
- Rozenfel'dt R.L. (1968). Moscow ceramic production of the XII–XVIII centuries. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (E-1-39). (Rus.).
- Semenova V.I. (2014). Collection of tiles from the excavation of Tyumen. In: L.V. Tataurova, V.A. Borzunov (Eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: V 2 t. T. 1*. Omsk; Tiumen'; Ekaterinburg: Magellan, 275–277. (Rus.).
- Semenova V.I. (2016). Tiled decor of the Annunciation Cathedral in Tyumen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, (5), 59–64. DOI: 10.17223/19988613/43/12.
- Shcherbakov V.V. (2017). Tile stoves of Yeniseisk (based on materials from recent excavations). In: L.V. Tataurova (Ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh*. Omsk: Nauka, 64–67. (Rus.).
- Sitdikov A.G. (2006). *Kazan Kremlin: Historical and archaeological research*. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani. (Rus.).
- Sokolova N.E. (1998). Tiles of the Verkhotur'sky Kremlin. *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniia g. Verkhotur'ia*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 165–170. (Rus.).
- Veksler A.G., Patrik G.K., Gusakov M.G. (2017). Some aspects of the history of tiled affairs of Moscow Russia in the XV–XVII centuries according to archeology. *Arkheologiya Podmoskov'ia*, (13), 387–405. (Rus.).
- Vilkov O.N. (1978). Tobolsk customs books of the XVII century. In: O.N. Vilkov (Ed.). *Goroda Sibiri: (Epokha feodalizma i kapitalizma)*. Novosibirsk: Nauka, 5–46. (Rus.).
- Voronov N.V., Sakharova N.G. (1955). On the dating and distribution of certain types of Moscow tiles. In: N.N. Voronin (Ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moscow: IA AN SSSR, 77–115. (Rus.).
- Zagvazdin E.P. (2014). Tiles from the cultural layer of the Abalak Monastery. In: L.V. Tataurova, V.A. Borzunov (Eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: V 2 t. T. 1*. Omsk; Tiumen'; Ekaterinburg: Magellan, 231–236. (Rus.).
- Zagvazdin E.P. (2017–2018). Tiled wealth of Tobolsk. *Relikvarium*, (7), 55–57. (Rus.).

Данилов П.Г., <https://orcid.org/0000-0001-5939-0558>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-9>

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292
E-mail: medma_pa@mail.ru

РЕДКАЯ ВРОЖДЕННАЯ АНОМАЛИЯ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ)

Вводится в научный оборот информация об уникальных патологических проявлениях, встреченных у носителей джетыясарской культуры, похороненных в некрополях Алтын-Асар 4. При исследовании обширной палеоантропологической коллекции останков носителей джетыясарской археологической культуры из раскопок Хорезмской экспедиции АН СССР в Восточном Приаралье (свыше 600 индивидуумов) выявлены три случая редкой скелетной аномалии, выраженной в сращении костей предплечья. В современной медицинской литературе известно немногим больше 350 таких случаев. Радиоульнарный стеноз существенно ограничивает движения пронации и супинации (приведения и отведения), фиксируя лучевую и локтевую кости в единственно возможной позиции. При описании скелетных особенностей применялись методы дифференциальной диагностики, использовались цифровая микрофокусная рентгенография и микрофотография. Есть основания предполагать, что в раннесредневековом Восточном Приаралье встречена наследственная форма данной аномалии развития. Хотя эта патология способствует частичной инвалидизации, носители этой мутации, инкорпорированные в контекст джетыясарской культуры, были в полной мере социально адаптированы, и каждый из них прожил достаточно долгую по меркам того времени жизнь. Радиоульнарный стеноз обнаружен у мужчины 30–34 лет из погребения № 326.1 могильника Алтын-Асар 4л и у двух женщин 25–29 лет из могильника Алтын-Асар 4р (погребения 454.2 и 345). Первый случай более ранний, по данным археологии, не позднее IV в. Судя по контексту данного не одиночного захоронения, этот человек был женат и мог передать потомкам наследственную патологию. Погребение замужней женщины с такой же патологией в могильнике Алтын-Асар 4р (№ 454.2) было сделано позже, судя по планиграфии и радиоуглеродной AMS-дате, полученной для соседнего кургана, в последней трети VI в. н.э. Наиболее позднее захоронение № 345 из того же могильника, по результатам прямого датирования (UGAMS#43733 1450 ± 20 лет BP), отстоит от предыдущего случая на одно поколение и соотносится с началом VII в.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, джетыясарская археологическая культура, раннее средневековье, палеопатология, радиоульнарный стеноз, радиология, микрофотография.

Введение

Сегодня район Аральского моря является зоной экологического бедствия, однако в прошлом он был густо заселен и имел важное геополитическое значение как перекресток путей передвижения племен и народов, место традиционных контактов скотоводов евразийских степей и земледельцев оазисов Средней Азии [Левина, Птичников, 1991, с. 142]. Вплоть до VIII в. на территории бассейна Нижней Сырдарьи получила развитие джетыясарская археологическая культура, поселения и погребальные памятники которой исследованы Хорезмской экспедицией АН СССР.

Джетыясарская культура была открыта С.П. Толстовым [1948, с. 125–140]. Именно он сделал первые предположения об этнической принадлежности ее носителей. Цитируя Помпея Трога, он писал: «...третьим сакским племенем были сырдарьинские тохары, которые оккупировали собственно Бактрию, бассейн верхней Аму-Дарьи, получивший впоследствии название Тохаристана. Первоначальной территорией расселения тохаров был бассейн одного из сырдарьинских русел — Кувандарьи. Здесь... в урочище Джетыясар были исследованы памятники этих племен, культура которых резко отличается от культуры асиаков и сакараваков» [Толстов, 1962, с. 186]. По мнению С.П. Толстова, в III–IV вв. тохарские племена, заложившие основу джетыясарской культуры, как и племена аугасиев Нижней Сырдарьи, подверглись влиянию гуннской культуры и языка и вошли как один из компонентов в состав «белых гуннов» (эфталитов) [Там же, с. 196].

Л.М. Левина при обсуждении этого вопроса больше внимания уделяла источникам, в которых территория Приаралья соотносилась с летописными владениями Аланья и Янцай, а также с более поздним владением Судэ. В частности, она ссылалась на текст Н.Я. Бичурина, сообщавшего, что в IV в. Судэ было покорено хуннами, частично осевшими здесь [Левина, 1966, с. 88].

Масштабные раскопки джетыасарских некрополей способствовали формированию обширной антропологической коллекции. Наиболее активно она исследовалась в 90-е гг. XX в. [Бужилова, 1995; Медникова, 1993, 2000, 2003; Бужилова, Медникова, 1993, 1997; Медникова, Бужилова, 1993, 1996, 1997; Buzhilova, Mednikova, 1999], на материалах из раскопок могильников Косасар-2 и Томпакасар обсуждались палеодемографические аспекты, особенности скелетной конституции, палеопатологии. Однако главная часть скелетной коллекции, происходящая из раскопок могильников Алтын-Асар 4а-т, оставалась неизученной. Сейчас этот пробел может быть восполнен, в том числе благодаря новым методическим возможностям радиологической диагностики заболеваний у древнего населения.

Данная публикация вводит в научный оборот информацию об уникальных патологических проявлениях, встреченных у носителей джетыасарской культуры, похороненных в некрополях Алтын-Асар 4.

Антропологический материал и археологический контекст

В фокусе нашего внимания — присутствие очень редких аномалий развития, выявленных при исследовании весьма представительной коллекции останков носителей джетыасарской археологической культуры, насчитывающей скелеты свыше 600 чел. Три случая происходят из раскопок могильников Алтын-Асар 4р и л, производившихся в конце 1980-х гг. Хорезмской экспедицией АН СССР под руководством Л.М. Левиной.

В окрестностях комплекса пяти городищ из Джетыасарского урочища раскопками в разной степени было затронуто 29 могильников, получивших нумерацию Алтын-Асар 4а-т.

Некрополь АА4л был расположен в 1,5 км от городища Алтын-Асар к юго-юго-востоку, предположительно его площадь 250×500 м. Здесь было раскопано 79 курганов, содержащих 89 погребений. Захоронения совершались вплоть до III–IV вв. н.э. [Левина, 1996, с. 66].

Некрополь АА4р находился к северу от АА4м, к западу от АА4л и юго-западу от АА4о, соприкасаясь с последним и, возможно, частично «перекрывая» его. Площадь могильника 220×320 м. В 1988–1989 гг. здесь было вскрыто 50 курганов с 61 погребением. По мнению автора раскопок, эти погребения охватывают IV–VI вв. н.э. [Левина, 1996, с. 67].

Погребение № 454.2, по нашим оценкам, принадлежало женщине 25–29 лет. Она была похоронена единовременно вместе с мужчиной, который был ее ровесником.

Погребение № 345 АА4р также принадлежало женщине 25–29 лет. Оно было окаймлено ровом, ориентировка погребения северная, было ограблено [Левина, 1996, табл. 2].

Описание оставшегося не ограбленным мужского погребения 454.1 АА4р (возможного мужа женщины 454.2) отчасти позволяет определить статус этих людей. Курган 454 был расположен в 20 м севернее кургана 391 [Левина, 1996, с. 104]. Ров, диаметром 13,5 м, шириной 1,2 м, имел перемышку на юге, был шириной менее 2 м [Там же, с. 97]. Мужское погребение № 1 в центре кургана было совершено в прямоугольной могильной яме 2,2×0,9 м, глубиной 1,88 м, ориентированной длинной осью с пятипроцентным отклонением по меридиану к востоку. В западной стенке этой ямы был сооружен подбой (2,7×0,6 м, глубина 0,6 м), с дном на 3–5 см ниже ямы. Дно и стены подбоя были устланы камышом, переплетенным листьями типа осоки толщиной до 7 см. Погребенный был похоронен головой на север, на спине, с вытянутыми ногами, левая рука чуть согнута в локте, кости предплечья лежали на левой тазовой кости, а левая кисть прикрывала головку левой бедренной. Над левым плечом сохранились следы железного изделия округлой формы. В области поясницы сохранились остатки дважды сложенного кожаного ремня серо-черного цвета. Справа от позвоночника на ремне находилась крупная железная пряжка с круглой рамкой и прямоугольным щитком. Частично под ней был серебряный наконечник с закругленным торцом. Вокруг пряжки сохранились обрывки пояса с бронзовыми и серебряными накладками — четырьмя небольшими бляшками с прямым основанием и лировидным завершением, пять бронзовых накладок — стреловидных наконечников [Там же, с. 98].

На одной из маленьких лировидных бляшек справа от железной пряжки был прикреплен крупный однолезвийный железный нож (длина лезвия 16 см) в деревянных, окрашенных красным ножнах. По-видимому, на соседнем ремешке висел обработанный рог с просверленным отверстием в верхней части. Еще один железный однолезвийный нож, поменьше, лежал под

правой кистью рядом с двумя бронзовыми пряжками. Под деревянным тленом вокруг маленького ножа находилось украшение — бронзовая двойная спираль. Поверх маленького ножа поперек правого бедра лежал удлиненный железный предмет. Рядом — железное изделие меньшего размера, но похожей формы. Между бедрами был серый каменный оселок в матерчатом футляре на красном ремешке. Слева от таза тоже на красном ремешке — бронзовый (?) пенальчик со сложенным куском кожи внутри. Под ним была найдена костяная ложка в кожаном чехле, прикрепленная ремешком к поясу на спине. У северной стенки подбоя лежали кости ног и таза барана. Здесь же был поставлен кухонный горшок типа джетыасар II, а также крупный красноангобированный лощеный кувшин. Горшок был прикрыт дисковидной крышкой с вдавленными полосами и росписью в виде красных и черных горохов на белом фоне. В центре — крупная ручка с зооморфными выступами на концах.

Женское погребение № 2 (454.2) находилось в одном метре к западу, в прямоугольной могильной яме 2×2,55×0,75 м, глубиной 1,08 м, ориентированной длинной осью с одиннадцатипроцентным отклонением от меридиана. Подбой был сооружен в восточной стенке ямы (2,75×0,75 м, глубина и высота 0,5 м). Дно подбоя на 5 см ниже дна входной ямы. Покойная была положена на толстый слой камышовых циновок на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на север. К сожалению, это погребение было в древности ограблено. Тем не менее в верхней части грудной клетки найдены плохо сохранившийся фрагмент бронзового пластинчатого рифленого кольца, фрагмент створки речной раковины. В ассоциации с поясничными позвонками находилась бронзовая полушарная бляшка. Справа над левым плечом — сохранившийся фрагмент тонкой бронзовой окантовки какого-то украшения. У северной стенки подбоя был поставлен кухонный сосуд, аналогичный по форме и орнаментации сосуду из погребения 1. Примечательно, что, по определению археологов, сделанному *in situ* [Там же, с. 100], здесь была захоронена «пожилая женщина с одинаковой прижизненной старой травмой обоих предплечий: вероятно, в молодости перебиты верхние эпифизы обеих лучевых костей таким образом, что они приросли к локтевой кости по длине 6–7 см». Наше исследование позволяет уточнить принадлежность этого погребения.

Методы исследования

В рамках первичного исследования проводилась стандартная половозрастная идентификация, фиксировались индикаторы физиологического стресса [Standards..., 1994]. Применялась микрофокусная цифровая рентгенография. Съемки скелетированных останков производились в Институте археологии РАН на оборудовании «ПРДУ-02» производства компании «Элтехмед». Изображение считывалось с помощью лазерного сканера HD-CD 35 NDT/CR 35 NTD.

Кроме того, патологически измененные кости были подвергнуты сканированию на рентгеновском микротомографе FEI HELISCAN («Системы микроскопии и анализа», Москва). Он позволяет получать единичную рентгеновскую проекцию образца; выполнять круговую и спиральную томографию; выполнять непрерывную томографию с соотношением длина/диаметр образцов более 1:1 (до 8 см), а также реконструкцию томографических данных по алгоритмам FBP и Multigrid с коррекцией сдвига образца и увеличения жесткости пучка, визуализацию 2D (виртуальных сечений) томографических данных.

В данной публикации также приводятся результаты прямого AMS-датирования костных образцов из могильника Алтын-Асар 4р (табл.), выполненного в университете Джорджии (Center for Applied Isotope Studies) по стандартной методике. Соотношение изотопов $^{14}\text{C}/^{13}\text{C}$ определено на масс-спектрометре CAIS 0.5 MeV. Некалиброванные даты приведены до 1950 г., с учетом полураспада ^{14}C 5568 лет. Дата была скорректирована путем изотопного фракционирования.

Результаты прямого радиоуглеродного датирования костных образцов из могильника Алтын-Асар 4р

Results of direct radiocarbon dating of bone samples from the Altyn-Asar 4p burial ground

UGAMS#	ID образца	Материал	^{14}C , лет BP	±	pMC	±	Кал. даты (1σ 68 %)	Калиб. даты (2σ 95 %)
43729-	AA4р, к. 390	Коллаген	1480	20	83,15	0,22	560–619	540–640
43733-	AA4, к. 345	Коллаген	1450	20	83,51	0,23	601–642	561–652

Результаты

№ 326.1. АА4л. Мужчина, 30–34 года. Кости правого предплечья срослись в верхней части. Головка правой лучевой сильно деформирована, так же как и суставная поверхность локтевой кости. Методами радиологии в месте срастания костей предплечья следов травмы не выявлено, так как на поперечных и вертикальных срезах область синостоза характеризуется монотонной структурой, без сформированной костной мозоли. Это указывает на врожденный характер выявленной аномалии (рис. 1, а–в). Но на уровне 40 % длины от нижнего края правой локтевой кости видны последствия зажившего перелома диафиза без смещения. Линия перелома хорошо заметна на рентгенограмме (рис. 1, а), проходит под острым углом к оси трубчатой кости, что позволяет классифицировать его как косой перелом.

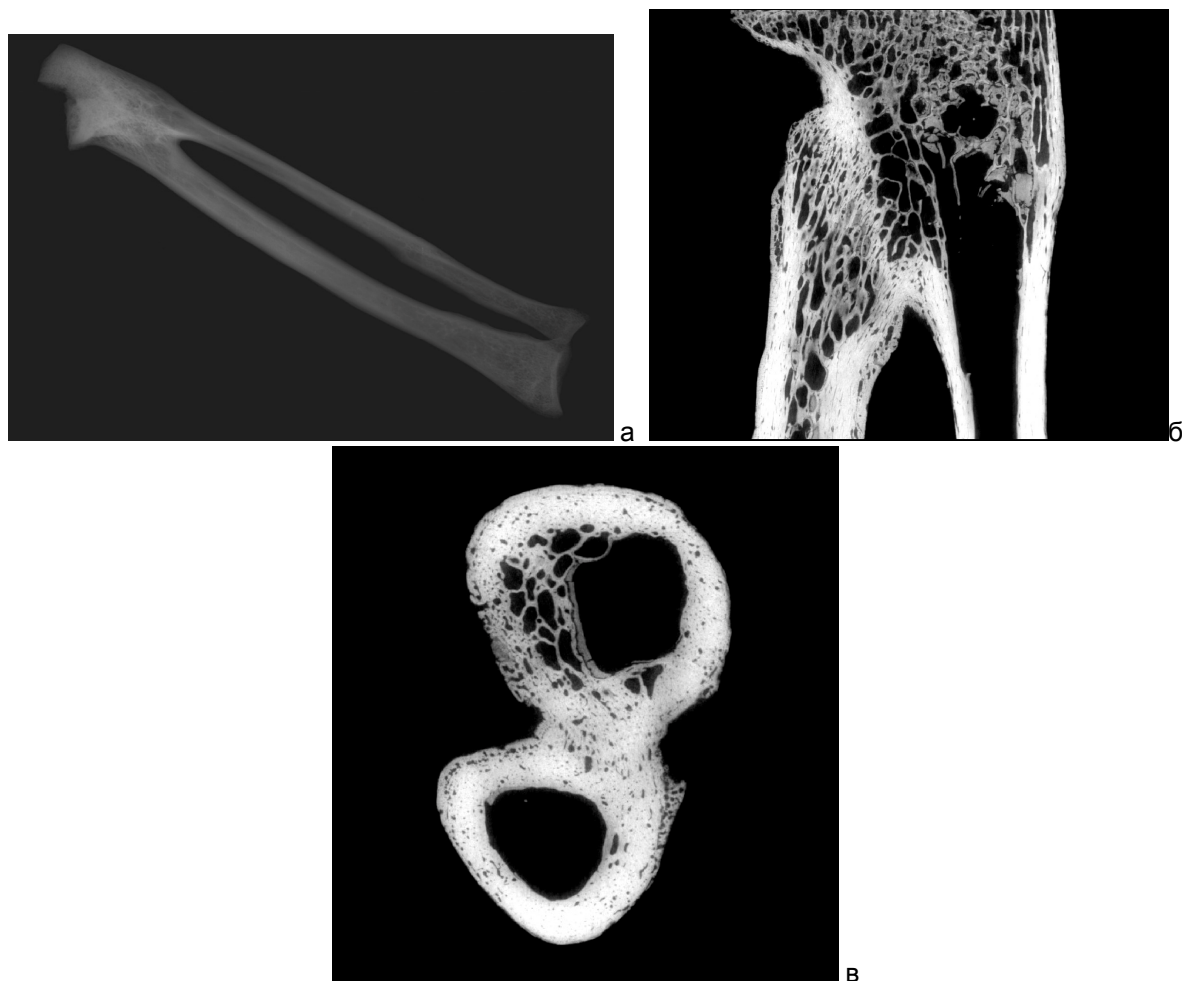

Рис. 1. Последствия радиоульнарного стеноза у мужчины из погребения № 326.1. Могильник Алтын-Асар 4л: а — панорамный снимок, метод микрофокусной рентгенографии; б — вертикальный срез области срастания костей предплечья, метод микро-томографии; в — поперечный срез области срастания костей предплечья, метод микро-томографии.

Fig. 1. Consequences of radio-ulnar stenosis of male from burial № 326.1. Site Altyn-Asar 4l: а — common view, method of microfocus X-ray filming; б — vertical slice of area of forearm bones fusion, method of micro-CT; в — transversal slice of area of forearm fusion, method of micro-CT.

На правой плечевой кости последствий атрофии не наблюдается. На правой лучевой кости в заднедистальной части сформирован костный рельеф в месте прохождения сухожилий мышц — разгибателей кисти. Это означает, что, несмотря на ограничения в характере двигательной активности, правая конечность испытывала достаточно интенсивные нагрузки.

№ 454.2. АА4р. Женщина, 25–29 лет. При осмотре костей правого и левого предплечий были выявлены симметричные сращения лучевых и локтевых костей.

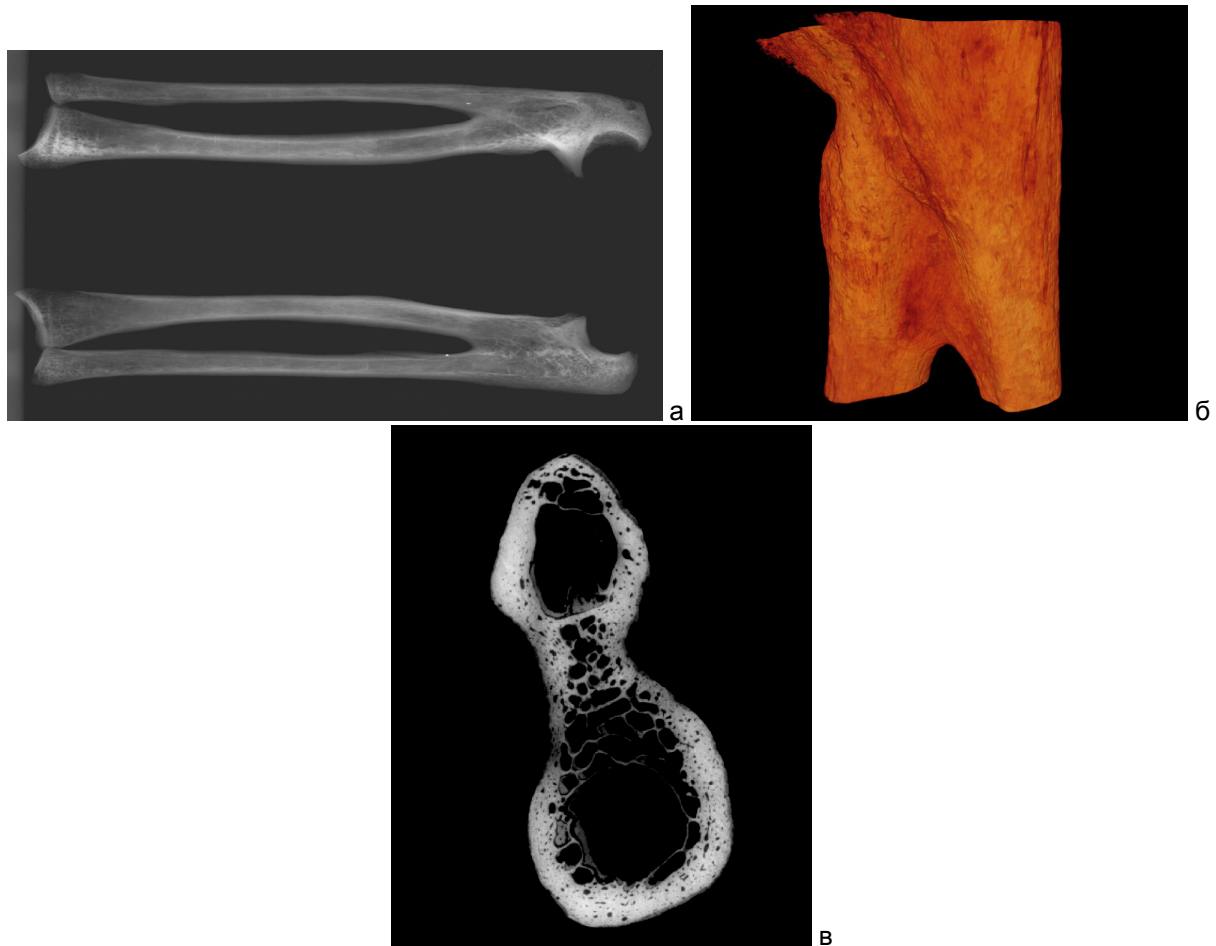

Рис. 2. Последствия симметричного радиоульнарного стеноза у женщины из погребения № 454.2.

Могильник Алтын-Асар 4р:

а — панорамный снимок, метод микрофокусной рентгенографии; б — трехмерная реконструкция области сращения костей предплечья, метод микротомографии; в — поперечный срез области сращения костей предплечья, метод микротомографии.

Fig. 2. Consequences of symmetrical radio-ulnar stenosis of female from burial № 454.2. Site Altyn-Asar 4r:

а — common view, method of microfocus X-ray filming; б — 3D reconstruction of area of forearm bones fusion, method of micro-CT; в — transversal slice of area of forearm bones fusion, method of micro-CT.

В верхней трети наблюдается оссификация мембраны. Радиологическое исследование помогает определить особенности проявления аномалии у конкретного индивидуума (рис. 2, а–в). Как и в предыдущем случае, в области симметричных стенозов в верхней части костей предплечья отсутствуют линии переломов, которые указывали бы на посттравматический характер сращения лучевых и локтевых костей. Но у этой женщины из погребения 454 структура костной ткани в области стеноза не такая плотная, как у рассмотренного выше мужчины из погребения 326. Если у мужчины «перемычка» между костями в целом продолжает структуру компактного вещества, то у женщины на поперечном срезе область стеноза окаймлена лишь тонким контуром компакты и наполнена трабекулами, продолжающими зону соответствующих структур локтевого отростка (рис. 2, в). Эти микроструктурные отличия в развитии аномалии, возможно, отражают различный уровень физических нагрузок на верхние конечности, по объективным причинам практически отсутствовавших у этой женщины.

В нижнем эпифизе левой плечевой кости заметны сопутствующие изменения в локтевом суставе. Однако, судя по археологическому контексту этого (парного) захоронения, женщина была замужем. О наличии у нее детей или, точнее, о перенесенных беременностях говорит отчетливая преушковидная борозда на тазовой кости. Таким образом, если допустить не спорадический, а наследственный характер радиоульнарного стеноза у этой женщины, гипотетически она могла передать эту аномальную особенность своим потомкам. На микрофокусной рентгено-

Редкая врожденная аномалия у населения эпохи Великого переселения народов

грамме большеберцовой кости наблюдается четыре линии Гарриса, индикаторы физиологического стресса в детском и подростковом возрасте. Наличие этих признаков можно интерпретировать как проявление достаточно развитого иммунитета, позволившего пережить неблагоприятные эпизоды, и предположительно высокого социального статуса покойной начиная с детства.

№ 345. АА4р. Женщина, 25–29 лет. Наблюдаются последствия сращения левой лучевой и локтевой костей в их верхней трети (рис. 3, а–в).

Рис. 3. Последствия радиоульнарного стеноза у женщины из погребения № 345. Могильник Алтын-Асар 4р: а — панорамный снимок, метод микрофокусной рентгенографии; б — область сращения костей предплечья с увеличением, метод микрофокусной рентгенографии; в — трехмерная реконструкция поперечного среза в области сращения костей предплечья, метод микротомографии.

Fig. 3. Consequences of radio-ulnar stenosis of female from burial № 345. Site Altyn-Asar 4r: а — common view, method of microfocus X-ray filming; б — magnified area of fusion of forearm bones, method of microfocus X-ray filming; в — 3D reconstruction of transversal slice of area of forearm fusion, method of micro-CT.

Выражена сопутствующая редукция размеров локтевого отростка. Образовался ложный сустав, точнее, поверхность нижней части сустава расширилась на лучевой кости. Прослежены изменения локтевой ямки плечевой кости, которая стала неглубокой. Это могло привести к ограничению движений и невозможности согнуть руку в локтевом суставе. Кроме того, произошло уменьшение головки плечевой кости. Очевидно, что подобное патологическое состояние наблюдалось с раннего детства. Вместе с тем левая рука сохранила функциональность, так как область дельтовидной бугристости акцентирована. На микрофокусных рентгенограммах сросшихся костей линия перелома не выявляется. Имеется окостенение межкостной мембраны на большом протяжении. На трехмерной реконструкции области стеноза, полученной при помощи метода микротомографии, наблюдается некий промежуточный вариант развития аномалии по сравнению с двумя предыдущими случаями (рис. 3, в). Во-первых, стенки лучевой и локтевой кости, прилегающие к окостеневшей мембране, демонстрируют хорошо развитый компактный слой. Во-вторых, перемычка, образованная окостеневшей мембраной, содержит элементы губчатой ткани. Поскольку показатели развития костного рельефа свидетельствуют о постоянной биомеханической нагрузке на левую руку, указанные микроанатомические особенности, скорее всего, сформированы определенным типом физической активности.

Об активном образе жизни этой женщины отчасти свидетельствует комплекс признаков, типичных для всадников, прослеживаемый на бедренных костях [Бужилова, 2008]. На тазовых костях присутствуют отчетливые следы резорбции, свидетельствующие о воздействии гормональных изменений при неоднократных беременностях. Это наблюдение говорит о семейном статусе женщины из погребения 345.

На рентгенограмме большеберцовой кости не выявлено следов кратковременных задержек в период роста (линий Гарриса), что может быть следствием достаточно благоприятных условий в детском возрасте.

Обсуждение

Итак, при исследовании антропологических материалов из раскопок могильников Алтын-Асар 4а–т, насчитывающих останки 468 индивидуумов, а также захоронений из могильников Косасар 2, 3, Томпакасар (свыше 150) были встречены три необычных случая, которые можно интерпретировать как врожденный радиоульнарный синостоз. Сегодня это крайне редкое заболевание опорно-двигательного аппарата, тем примечательнее, что два случая из джетыасарской коллекции выявлены в подгруппе из одного могильника Алтын-Асар 4р, датированного широким диапазоном IV–VI вв., еще один случай обнаружен в выборке из соседнего могильника Алтын-Асар 4л (III–IV вв.). Современные случаи в большинстве оцениваются как спорадические. Однако есть основания думать, что в раннесредневековом Восточном Приаралье встречена наследственная форма данной аномалии развития.

Врожденный лучелоктевой (радиоульнарный) синостоз — аномалия скелета, открытая еще в 1793 г. Сэндифортом [Siemianowicz et al., 2010, p. 51]. Однако сегодня число клинических случаев, описанных в медицинской литературе, немногим больше 350. Это редкое нарушение развития сопровождается ограничениями в движениях предплечья и причиняет сложности в повседневной жизни, заметно сокращая возможности физической активности людей. Вместе с тем это наиболее распространенное врожденное функциональное нарушение, затрагивающее работу локтевого сустава. В 60–80 % современных случаев сращение лучевой и локтевой костей наблюдается на обеих руках. В 9 % случаев заболевание выявлено в семьях, в ряду поколений. В 25 % это нарушение развития детерминировано генетически. Предполагалось, что этот синдром связан с хромосомными aberrациями, прежде всего с X-хромосомой, но также не исключается возникновение синостозов, вызванных aberrациями Y-хромосомы.

Врожденный радиоульнарный синостоз возникает на ранней стадии эмбрионального развития, не позднее 37-го дня [Siemianowicz et al., 2010, p. 53]. Любое неблагоприятное воздействие (или действие наследственных факторов) в этот период приводит к нарушениям сегментации плечевой, лучевой и локтевых костей. В современной клинике сопутствующие нарушения развития обычно диагностируются у детей 2–5 лет и подразделяются на несколько типов. В первом из них наблюдается редукция размеров лучевой кости; во втором — присутствует сращение лучевой и локтевой костей, но костные структуры не демонстрируют других изменений; в третьем — кроме радиоульнарного синостоза имеется гипоплазия (недоразвитие) головки лучевой кости и ее задний подвывих; в четвертом типе — короткая протяженность области сращения костей предплечья, грибовидная трансформация головки лучевой кости и ее передний подвывих (смещение).

В современной клинике заболевание чаще встречается у мужчин (3:2). Хотя аномалия преимущественно описывалась как изолированное нарушение, известны сопутствующие патологии почек, сердечно-сосудистой и центральной нервной системы, мускульного развития. Дополнительные проблемы с опорно-двигательным аппаратом включали косолапость, смещение тазовых костей, полидактилию, синдактилию, деформации Маделунга (смещение кисти в ладонную сторону). Интерес представляет публикация клинического случая из Пакистана, где встречены двусторонний синостоз у 39-летнего мужчины, вполне успешно работающего водителем, и односторонний синостоз — у его пятилетней дочери [Fakoog, 2006].

В палеопатологии разработана дифференциальная диагностика, позволяющая рассматривать встреченные аномалии как часть врожденного синдрома или как следствие перенесенной травмы [Anton, Polidoro, 2000]. Материалом для данной классификации послужили три не связанные случая из раскопок захоронений коренных жителей североамериканского континента. Врожденные случаи распознаются благодаря отсутствию радиологически подтвержденных следов перелома, искривлению диафиза лучевой кости, отсутствию сигмовидной вырезки, в то время как посттравматические изменения выявляются благодаря следам перелома головки лучевой кости или разрыва бицепса, сопровождающегося оссификацией связки вследствие об-

ширной гематомы. Врожденный синостоз проявляется смещением головки лучевой кости на внутриутробной стадии развития (тип 1), что приводит к сопутствующим дефектам плечевой или локтевой костей или может сопровождаться избыточным ростом лучевой кости (тип 2). Все эти изменения существенно ограничивают движения пронации и супинации (приведения и отведения), фиксируя кости предплечья в единственно возможной полупронирующей позиции. Соответственно меняется степень биомеханического воздействия на этот сегмент верхней конечности, что вызывает локальную редукцию или, наоборот, гипертрофию костного рельефа.

Очевидно, что все три выявленных нами случая наследственной патологии у носителей джетыасарской культуры можно отнести к первому типу по классификации Энтон и Полидоро.

У мужчины из погребения № 326.1 могильника АА4л выявлены очевидные последствия компенсаторных нагрузок в дистальной части лучевой кости. Возможно, обнаруженный ниже уровня синостоза заживший перелом связан с неудачными попытками использовать ограниченную в движениях руку.

Женщина из погребения 454 страдала от последствий симметричного сращения костей предплечья, т.е. обе ее руки были ограничены в движениях, но, по-видимому, этот факт не препятствовал ее социальной адаптации.

У женщины из погребения 345 могильника АА4р развитие рельефа плечевой кости свидетельствует о функциональной нагруженности левой руки, где наблюдается синостоз. При этом из-за деформации сустава она не могла нормально сгибать эту руку в локтевом суставе. Все выявленные обладатели аномалий, очевидно, состояли в браке и имели детей. Об этом свидетельствуют и парность двух захоронений, и присутствие характерной резорбции на тазовых костях у женщин. С рождения отличаясь ограниченными манипуляторными возможностями, эти люди, вероятно, успешно выживали благодаря достаточно высокому социальному статусу.

По-видимому, в сообществе джетыасарской культуры имелись некие компенсаторные механизмы, способствовавшие выживанию и успешному существованию людей с ограниченными возможностями. При этом очевидно, что ремесленные занятия и многие другие аспекты физических нагрузок были для них закрыты или подобные цели достигались большим трудом.

Заключение

Данное исследование позволяет поднять вопрос о распространении среди жителей Восточного Приаралья в I тыс. н.э. редких наследственных аномалий посткраниального скелета. Несмотря на то что эти заболевания способствовали частичной инвалидизации, носители этой мутации, инкорпорированные в контекст джетыасарской культуры, были в полной мере социально адаптированы, вступали в браки, и каждый из них прожил достаточно долгую по меркам того времени жизнь. Возможно, это связано с высоким социальным статусом этих людей. По-видимому, наиболее ранний (не позднее IV в. н.э.) из диагностированных нами случаев выявлен в могильнике Алтын-Асар 4л у мужчины из погребения 326. Судя по контексту данного не одиночного захоронения, этот человек был женат и мог передать потомкам наследственную патологию.

Погребение замужней женщины с такой же патологией в могильнике Алтын-Асар 4р (№ 454.2 в парном захоронении с мужчиной 454.1) было сделано позже, судя по планиграфии и радиоуглеродной AMS-дате, полученной для соседнего кургана, в последней трети VI в. н.э. Наиболее позднее захоронение № 345 из того же могильника, по результатам прямого датирования, отстоит от предыдущего случая на одно поколение и соотносится с началом VII в.

Таким образом, бытование крайне редкой наследственной патологии — радиоульнарного стеноза на протяжении нескольких веков джетыасарской культуры указывает на генетическую преемственность и узкий круг брачных связей, характерный для определенной части этого населения.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках госзадания, тема № АААА-А18-118011790092-5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бужилова А.П.* Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 186 с.
- Бужилова А.П.* К вопросу о распространении традиции верховой езды: Анализ антропологических источников // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М.: Параллели, 2008. Вып. 6. С. 110–120.
- Бужилова А.П., Медникова М.Б.* Опыт палеодемографической реконструкции населения Восточного Приаралья в последние века до н.э. — VIII в.н.э. (по материалам из склепов джетыасарской культуры) // *Низовья Сырдарьи в древности*. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 2. С. 253–270.

Бужилова А.П., Медникова М.Б. Реконструкция некоторых особенностей образа жизни древнего населения Восточного Приаралья по антропологическим материалам могильника Косасар-2 // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 5. С. 229–238.

Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Вост. лит., 1966. С. 45–90.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 396 с.

Левина Л.М., Птичников А.В. Динамика ирригации и древних русел Кувандарьи в урочище Джетыаса-ра (Восточное Приаралье) // Аральский кризис: (Историко-географическая ретроспектива). М.: ИЭА АН СССР, 1991. С. 142–160.

Медникова М.Б. Древнее население Восточного Приаралья по данным остеометрии (по материалам могильника Косасар-2) // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 3. С. 248–267.

Медникова М.Б. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильных комплексов джетыасарской культуры // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 70–78.

Медникова М.Б. Антропо-экологические исследования древнего населения Восточного Приаралья // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. М. Салтыковка, 20–22 сент. 1994 г. М.: Наука, 2003. С. 513–518.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. Палеодемографический анализ по материалам из могильника Косасар-2 // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 3. С. 267–277.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. Социальные особенности джетыасарского общества по данным антропологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М.: Междунар. науч. фонд, 1996. С. 271–275.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. Древние мигранты в Восточное Приаралье: (Археологические реконструкции биологическими методами) // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.: Старый Сад, 1997. С. 45–53.

Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 440 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 324 с.

Anton S.C., Polidoro G.M. Prehistoric Radio-ulnar Synostosis: Implications for Function // Intern. Journal of Osteoarchaeology. 2000. Vol. 10. P. 189–197.

Buzhilova A.P., Mednikova M.B. Kosasar, an ancient population from the eastern Aral region: Palaeodemography, osteometry, growth arrest // Homo. 1999. Vol. 50 (1). P. 66–79.

Fakoor M. Radioulnar synostosis in a father and his 5 year old daughter // Pakistan Journal of Medical Sciences. April — June 2006. 2006. Vol. 22. No. 2. P. 191–193.

Siemianowicz A., Wawrzynek W., Besler K. Congenital radioulnar synostosis — case report // Polish Journal of Radiology. 2010. 75 (4). P. 51–54.

Standards for data collections of human skeletal remains / J. Buikstra, D. Ubelaker (eds.). Arkansas Archaeological Survey Research, Series No. 44, 1994. 206 p.

M.B. Mednikova

Institute of archaeology RAS

Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

E-mail: medma_pa@mail.ru

Rare congenital anomaly among population of the Migration Period (based on excavations in the Eastern Aral region)

This paper aims to introduce into scientific discourse the information on unique pathological features observed in the individuals of the Jetyasar archaeological Culture buried in the necropolis of Altyn-Asar 4. In the course of examining the extensive paleoanthropological collection of the human remains (more than 600 individuals) of the Jetyasar Culture from the excavations of the Kwarism Expedition of the USSR Academy of Sciences in the Eastern Aral region, three cases of a rare skeletal anomaly have been discovered, which is manifested by forearm synostosis. In the modern medical literature, slightly more than 350 of such cases have been reported. Radioulnar synostosis severely restricts the movements of pronation and supination (ulnar adduction and deviation) by fixing the radial and ulnar bones in a single possible position. Methods of differential diagnostics have been used in description of the skeletal features, alongside the digital micro-focal radiography and microtomography. There is evidence to suggest congenital form of the above maldevelopment in the Early Medieval Eastern Aral region. Although this pathology may lead to partial disability, its bearers, attributed in the context of the Jetyasar Culture, were fully socially adapted and each of them had sufficiently long life by the expectancy of the time. Radioulnar stenosis has been identified in a 30–34-year-old male from the grave no. 326.1 of the burial ground of Altyn-Asar 4I and in two 25–29-year-old females from the burial ground of Altyn-Asar 4r (graves nos. 345 and 454.2). The former case is the earlier one, no later than the 4th c. AD according to the archaeological

data. By the context of this multiple-body burial, this individual was married and might have carried the congenital pathology onto his descendants. The burial of the married woman with the same pathology in the burial ground of Altyn-Asar 4r (no. 454.2) was made later in the last third of the AD 6th c., according to the planigraphy and AMS radiocarbon date for a neighbouring kurgan. The latest grave no. 345 of the same burial ground, according to the results of the direct dating (UGAMS#43733 1450 ± 20 years BP), is distant in time from the previous case by one generation and corresponds to the beginning of the 7th c.

Key words: Eastern Aral region, Jetyasar archaeological Culture, Early Mediaeval, palaeopathology, radio-ulnar stenosis, radiology, micro-tomography.

Funding. The article has been written within the State Projects No. № AAAA-A18-118011790092-5.

REFERENCES

- Anton S.C., Polidoro G.M. (2000). Prehistoric Radio-ulnar Synostosis: Implications for Function. *International Journal of Osteoarchaeology*, (10), 189–197.
- Buikstra J., Ubelaker D. (Eds.) (1994). *Standards for data collections of human skeletal remains*. Arkansas Archaeological Survey Research, Series No. 44.
- Buzhilova A.P. (1995). *Ancient population: (Palaeopathological aspects of the study)*. Moscow: IA RAN (Rus.).
- Buzhilova A.P. (2008). Concerning distribution of riding: analysis of anthropological sources. In: *OPUS: mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii*. Vyp. 6. Moscow: Paralleli, 110–120. (Rus.).
- Buzhilova A.P., Mednikova M.B. (1993). An example of palaeodemographic reconstruction of population of Eastern Aral region in last centuries BC — 8th century AD. In: *Nizovyya Syrdaryi v drevnosti*. T. 2. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 253–270. (Rus.).
- Buzhilova A.P., Mednikova M.B. (1995). Reconstruction of some life style patterns of ancient population of Eastern Aral region based on anthropological material of burial site Kosasar-2. In: *Nizovyya Syrdaryi v drevnosti*. T. 5. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 229–238. (Rus.).
- Buzhilova A.P., Mednikova M.B. (1999). Kosasar, an ancient population from the eastern Aral region: Palaeodemography, osteometry, growth arrest. *Homo*, 50(1), 66–79.
- Fakoor M. (2006). Radioulnar synostosis in a father and his 5 year old daughter. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, 22(2), 191–193.
- Levina L.M. (1966). Ceramics and questions of chronology of sites of Jetyasar culture. In: *Materialnaya kul'tura narodov Sredney Asii i Kazakstana*. Moscow: Vostochnaya literatura, 45–90. (Rus.).
- Levina L.M. (1996). *Ethno-cultural history of Eastern Aral. 1st millennium BC — 1st millennium AD*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (Rus.).
- Levina L.M., Ptichnikov A.V. (1991). Dynamics of irrigation and ancient water channels of Kuvandarya in Jetyasar tract. In: *Aralskiy crisis: (Istorico-geograficheskaya retrospektiva)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 142–160. (Rus.).
- Mednikova M.B. (1993). Ancient population of Eastern Aral on data of osteometry (on materials of burial site Kosasar-2). In: *Nizovyya Syrdaryi v drevnosti*. T. 3. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 248–267. (Rus.).
- Mednikova M.B. (2000). Palaeodemographic analysis of anthropological materials from funeral complexes of Jetyasar culture. In: *Arkheologiya, paleoecologiya i paleodemografiya Evrasii*. Moscow: Geos, 70–78. (Rus.).
- Mednikova M.B. (2003). Anthropological and ecological investigation of ancient population of East Aral. In: *Horizonty antropologii*. Moscow: Nauka, 513–518. (Rus.).
- Mednikova M.B., Buzhilova A.P. (1993). Palaeodemographic analysis of materials from burial site Kosasar-2. In: *Nizovyya Syrdaryi v drevnosti*. T. 3. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 267–277. (Rus.).
- Mednikova M.B., Buzhilova A.P. (1996). Social patterns of Jetyasar society on anthropological data. In: *Humanitarian science in Russia*. Moscow: Mezhdunarodnyi nauchnyi fond, 271–275. (Rus.).
- Mednikova M.B., Buzhilova A.P. (1997). Ancient migrants to Eastern Aral region: (Archaeological reconstructions by biological methods). In: *Novyye metody — novyye podhody v sovremennoi antropologii*. Moscow: Stary Sad, 45–53. (Rus.).
- Siemianowicz A., Wawrzynek W., Besler K. (2010). Congenital radioulnar synostosis — case report. *Polish Journal of Radiology*, 75(4), 51–54.
- Tolstov S.P. (1948). *Ancient Khorezm: (Skill of historical and archaeological investigation)*. Moscow: MGU. (Rus.).
- Tolstov S.P. (1962). *Following ancient delts of Ox and Yaksart*. Moscow: Vostochnaya literatura. (Rus.).

Медникова М.Б., <https://orcid.org/0000-0002-1918-2161>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

В.В. Куфтерин ^a, М.К. Карапетян ^b

^a Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119991

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, 125009
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru;
marishkakar@hotmail.com

К ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ АНКИЛОЗОВ ПОЗВОНКОВ НА ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ: НА ПРИМЕРЕ СЛУЧАЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ПРИКАМЬЯ

В контексте представления материалов к дифференциации анкилозов позвонков на палеоматериале обсуждаются результаты палеопатологического исследования мужского скелета из Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры (I–II вв.) в Нижнем Прикамье. На основе макроскопического обследования и дифференциальной диагностики предлагается диагноз — диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз, возможно, ассоциированный со спондилоартропатией (исключается анкилозирующий спондилоартрит). Приводятся сводки случаев болезни Бехтерева и болезни Форестье с территории бывшего СССР.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, пьяноборская культура, палеопатология, дифференциальная диагностика, спондилоартропатии, диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз.

Введение

Заболевания позвоночника и суставов представляют собой одни из наиболее распространенных патологий, с высокой частотой обнаруживаемых при исследовании практически любой антропологической коллекции. Между тем разграничение различных патологических состояний позвоночника, в частности способных приводить к анкилозированию позвонков, непростая задача не только в палеопатологии, но и в клинической практике [Скрябина и др., 2020; Rogers et al., 1985]. В отечественной литературе до недавнего времени почти все случаи анкилоза позвонков на палеоантропологическом материале рассматривались как результат дегенеративно-дистрофических процессов (деформирующего спондилоза), болезни Бехтерева или болезни Форестье («фиксирующего лигаментоза» в старой терминологии). Претендующие на известную полноту сводки данных по случаям болезни Бехтерева (анкилозирующего спондилоартрита) и болезни Форестье (диффузно-идиопатического скелетного гиперостоза, далее — ДИСГ) с территории бывшего СССР представлены в табл. 1 и 2. Даже беглое ознакомление с этим материалом позволяет заключить, что практически все случаи прогрессирующего анкилозирования позвонков (не являющиеся очевидным следствием дегенеративных процессов), особенно в сочетании со сращением крестцово-подвздошных сочленений, вплоть до 2000-х гг. рассматривались как проявление болезни Бехтерева (за исключением работ Д.Г. Рохлина и В.Я. Дэрumsa). В настоящее время в мировой палеопатологической практике многие случаи, ранее определенные как анкилозирующий спондилоартрит, пересматриваются в пользу ДИСГ или другой спондилоартропатии [Rogers et al., 1985; Saleem, Hawass, 2014].

Следующая проблема заключается в том, что если в старых работах узкие рамки диагностического поиска (деформирующий спондилоз vs. болезнь Бехтерева или Форестье) в какой-то степени могут быть оправданы недостаточной осведомленностью и на тот момент изученностью некоторых патологических состояний, то в современных исследованиях столь ограниченный выбор вряд ли приемлем. Более того, дифференциальная диагностика представлена в очень небольшом количестве русскоязычных исследований, где затрагивается обсуждаемая тематика (см., напр.: [Медникова, 2012]). В свете того что распространенные патологические состояния, приводящие к анкилозированию позвонков (в частности, ДИСГ), активно исследуются клиницистами и палеопатологами [Mader et al., 2017], имеются разработанные морфологические и рентгенологические критерии для их разграничения [Arriaza, 1993; Castells Navarro, Buckberry, 2020; Martin-Dupont et al., 2006; Olivieri et al., 2009; Paja et al., 2010; Resnick, Niwayama,

1976; Rogers et al., 1985; Utsinger, 1985; Ventades et al., 2018; и др.], это обстоятельство представляется неудовлетворительным.

В настоящей работе с целью представления материалов к дифференциации на скелетированных останках патологий, приводящих к анкилозированию позвонков, рассматривается палеопатологический случай эпохи раннего железа Прикамья. Дана дифференциальная диагностика с опорой на макроскопические (морфологические) показатели и обсуждаются проблемы разграничения подобных патологических состояний в палеопатологическом контексте.

Таблица 1

**Вероятные случаи анкилозирующего спондилоартрита
(болезни Бехтерева) с территории бывшего СССР**

Table 1

Reported cases of ankylosing spondylitis from the territory of former USSR

Местонахождение	Регион	Датировка	Случай	Источник данных
Кунила (Курси)	Эстония	Неолит	1 случай	Дэрумс, 1970
Гонур-депе	Туркменистан, Марыйский велаят	XXIV–XVI вв. до н.э.	♀, 20–30	Куфтерин, 2010
Норабак	Армения, Гехаркуник	XV–XIII вв. до н.э.	♂, > 50	Karapetian et al., 2019
Еловский?	РФ, Томская обл.	Поздняя бронза	1 случай	Захаров, Захарова, 1980, цит. по: Пономарев, Никитаев, 2016, с. 293
Черная крепость	Армения, Ширак	I тыс. до н.э.	♀, 40–45	Худавердян, 2005
Южно-Чурубашское поселение, сев. м-к (хора Нимфея)	РФ, Крым	IV в. до н.э.	♂, 21–31	Пономарев, Никитаев, 2016
Вербовский-I	РФ, Волгоградская обл.	III в.	♂	Балабанова, 2004
Дальверзинтепа, наусы	Узбекистан, Сурхандарьинская обл.	Первые века н.э.	♂, 18–20	Ходжайова, Молдавский, 1990; Ходжайов, Ходжайова, 2010
Вершвай	Литва	III–IV вв.	♂, juv.	Дэрумс, 1970
Нейзац	РФ, Крым	III–IV вв.	2 случая	Сансильбано-Коллилье, 1998; Radochin, 2013
Самтавро?	Грузия, Мцхета	VI–VII вв.	1 случай	Пирпилашвили, 1956, цит. по: Дэрумс, 1970, с.30
Эски-Кермен	РФ, Крым	VI–XII вв.	3 случая	Рохлин, 1965
Эльтиген-1	РФ, Крым	VIII–IX вв.	♂, 53–63 ♂, 30–40 ♂, 50–60	Пономарев, Никитаев, 2016
Саркел — Белая Вежа	РФ, Ростовская обл.	X–XII вв.	♂, 40–45	Рохлин, 1965
Исаковские Выселки	РФ, Тульская обл.	XII–XIV вв.	1 случай	Бужилова, 2002
Сарагаш	РФ, Красноярский край	XIII–XIV вв.	1 случай	Рохлин, 1965
Вильнюс	Литва	XIII–XVII вв.	2? случая	Дэрумс, 1970
Болгар, раскоп CXCI	РФ, Татарстан	XIII–XV вв.	♀	Волкова и др., 2016
Болгар, раскоп CXLIX	РФ, Татарстан	XIV в.	♂, 35–45	Абдулганиева и др., 2015; Баранов и др., 2019
Увекское городище, сев.-зап. некрополь	РФ, г. Саратов	XIV в.	♂, 35–45	Евтеев и др., 2013
Салдус	Латвия	XV в.	1 случай	Дэрумс, 1970
Некрополь церкви св. Константина (Мангуп)	РФ, Крым	XV–XVI вв.	3 случая, в т.ч. ♂, 40–50	Пономарев, Никитаев, 2016
Тервете	Латвия	XVI в.	1 случай	Дэрумс, 1970
Валга	Эстония	XVII–XVIII вв.	1 случай	Дэрумс, 1970
Наровчат	РФ, Пензенская обл.	XVII–XVIII вв.	♀	Калмина и др., 2018
Покровский и Воскресенско-Преображенский некрополи	РФ, г. Красноярск	XVII — начало XX в.	♂, 30–40	Даберна и др., 2013
?	Белоруссия (?)	?	1 случай	Лобко и др., 1988

**Вероятные случаи диффузно-идиопатического скелетного гиперостоза
(болезни Форестье) с территории бывшего СССР**

Table 2

Reported cases of DISH from the territory of former USSR

Местонахождение	Регион	Датировка	Случай	Источник данных
Киик-Коба	РФ, Крым	70–50 тыс. до н.э.	♂, mat.	Бужилова и др., 2008
Чагырская пещера	РФ, Алтайский край	50–40 тыс. л.н.	♂?, ≤ 40	Медникова, 2013
Шаманка II	РФ, Иркутская обл.	7500–6500 л.н.	♂, 40–50	Faccia et al. 2016
Курсавский м-к	РФ, Ставропольский край	Ранняя бронза (майкопская к-ра)	♂, 35–45	Медникова, 2012
Гонур-депе	Туркменистан, Марыйский велаят	XXIV–XVI вв. до н.э.	♀, 50–60	Куфтерин, 2010
Яшкино-I	РФ, Новосибирская обл.	РЖВ (саргатская к-ра)	♂, 40–45	Зубова и др., 2014
Левадки	РФ, Крым	сер. II в. до н.э. — сер. III в.	♂, 25–37	Радочин, 2019
Сагванский-I	РФ, Ростовская обл.	РЖВ (сарматская к-ра)	♂, 35–45	Бужилова, 2005
«Сарматские захоронения в Нижнем Поволжье»	РФ, Волгоградская обл.	II–IV вв.	1 случай	Рохлин, 1965
Нейзац	РФ, Крым	II–IV вв.	3 случая	Radochin, 2013
Мелдиняй	Литва	IV–V вв.	♂, 30	Дэрумс, 1970
Эски-Кермен	РФ, Крым	VI–XI вв.	1 случай	Рохлин, 1965
Разные памятники	Литва	I тыс. н.э.	13 случаев	Jankauskas, 2003
Разные памятники	Литва	II тыс. н.э.	42 случая	Jankauskas, 2003
Переяслав	Украина, Киевская обл.	XI–XII вв.	♂, 30–45	Козак, 2009
Изяславль	Украина, Хмельницкая обл.	XIII в.	1 случай	Рохлин, 1965
М-к Русского конца	Литва, г. Вильнюс	Конец XIII — начало XV в.	8 случаев	Йонайтис, 2016
Покровский и Воскресенско-Преображенский некрополи	РФ, г. Красноярск	XVII — начало XX в.	5 случаев, в т.ч. 4 ♂ и ♀, 30–40	Даберна и др., 2013

Материал и археологический контекст находки

Обсуждаемый материал происходит из раскопок Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры (Бакалинский р-н Башкортостана), произведенных на памятнике в 1979 г. под руководством В.К. Калинина [Калинин, 1980]. Ново-Сасыкульский могильник, датирующийся I–II вв., представляет собой единственный полностью раскопанный пьяноборский некрополь в Нижнем Прикамье [Воробьева, Куфтерин, 2019]. Скелетные останки со следами патологических изменений, рассматриваемых в работе, происходят из погребения 183 (полевой номер — погребение 122) и в 2017 г. вместе с другими материалами были переданы автором раскопок на хранение в Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа).

Погребение 183 представляло собой яму подпрямоугольной формы размерами 234×64×52 см. Описание археологического контекста приводится согласно отчету В.К. Калинина. «В могиле находился костяк человека престарелого возраста, у которого крестец и тазовые кости срослись в единое целое. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Между берцовыми костями и ступнями ног взрослого человека находились сохранившиеся кости младенца. Череп... лежал на правом боку, часть шейных позвонков отсутствовала. По всей видимости, человек был обезглавлен...» [Калинин, 1980, с. 58]. Инвентарь представлен костяными пряслицем и проколкой (последние встречены исключительно в мужских погребениях могильника, часто с предметами вооружения).

Доступный для камерального исследования материал не комплектен (рис. 1). Имеются череп, пять позвонков грудного (в виде «костного блока») и три — поясничного отдела, таз и кре-

стец. Остальные скелетные элементы (в том числе предполагаемые «кости младенца») не представлены (утрачены в процессе раскопок или хранения). Следы декапитации на затылочных мышечках отсутствуют, по этой причине судить о том, был погребенный обезглавлен или нет, невозможно. Половая принадлежность имеющихся останков устанавливается как однозначно мужская. Возраст в силу плохой комплектности может быть определен лишь в широких пределах: судя по состоянию швов черепа и зубов — не более 25–35 лет, судя по степени трансформации лобкового симфиза — в пределах 30–40 лет. Таким образом, предположение о том, что в могиле захоронен «человек престарелого возраста» [Калинин, 1980, с. 58], не подтверждается.

Рис. 1. Комплектность скелета из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника.
Fig. 1. Completeness of the skeleton from Novo-Sasykul cemetery (burial 183).

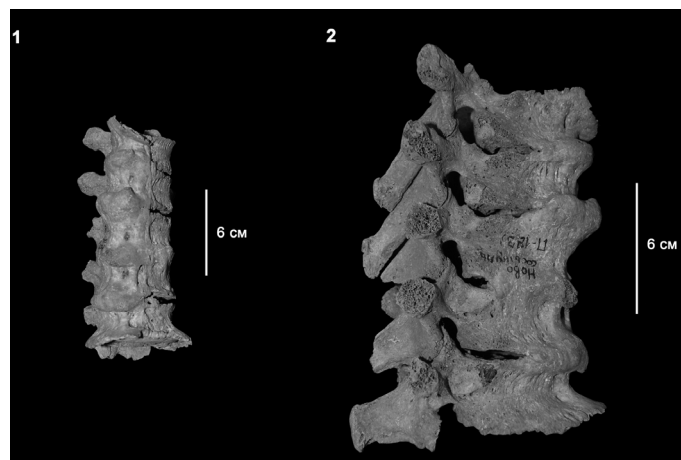

Рис. 2. Патогномичная для ДИСГ правосторонняя оссификация передней продольной связки (по типу «расплавленного воска свечи») с анкилозированием пяти грудных позвонков на скелете из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника: фронтальная (1) и латеральная (2) нормы.
Fig. 2. Pathognomic to DISH right side «dripping wax» ossification of the anterior longitudinal ligament with fusion of 5 vertebrae on a male skeleton from Novo-Sasykul cemetery (burial 183): frontal (1) and lateral close-up (2) viewpoints of thoracic spine.

Описание случая

В грудном отделе позвоночника на уровне Т7–Т11 наблюдается правосторонняя оссификация передней продольной (по типу «расплавленного воска свечи») (рис. 2, 1) и желтых связок. Позвонки анкилозированы и представляют собой «костный блок», межпозвонковое пространство сохранено. Следы поражения дугоотростчатых суставов не прослеживаются, суставные щели сохранены (рис. 2, 2). В области левой верхней реберной ямки Т10 фиксируются небольшие артрозные изменения дегенеративно-дистрофического характера. В поясничном отделе на уровне L3–L5 отмечается оссификация передней продольной связки (справа и слева) (рис. 3). Позвонки не анкилозированы. Наблюдаются небольшие остеоартрозные изменения дугоотростчатых суставов. Следов остеохондроза на телах позвонков (замыкательных пластинках) нет, но имеются проявления травматизации межпозвоночных дисков в области кольцевых апофизов по типу деформирующего спондилоза (рис. 4). Между L2–L3 и L3–L4 на остистых отростках фиксируются контактные фасетки со следами артрозных изменений (результат поясничного гиперлордоза или снижения высоты межпозвоночных дисков). Тазовые кости полностью анкилозированы с крестцом (рис. 5, 1). Сам крестец поврежден (фрагментирован) в процессе раскопок или хранения (рис. 5, 2).

Рис. 3. Двусторонняя оссификация передней продольной связки без анкилоза на нижних поясничных позвонках скелета из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника.
Fig. 3. Bilateral ossification of the anterior longitudinal ligament of non-fused lower lumbar vertebrae on a male skeleton from Novo-Sasykul cemetery (burial 183).

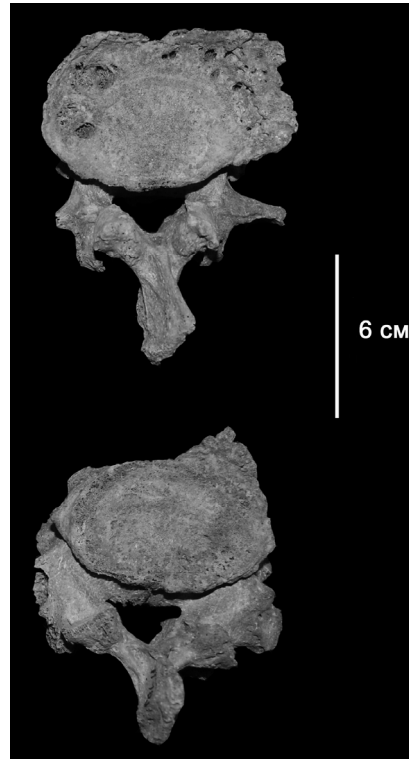

Рис. 4. Следы травматизации в области прикрепления волокон фиброзного кольца межпозвоночного диска на скелете из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника: остеодеструктивные изменения (L4 и L5) и остеобластическая реакция (L4) в области кольцевого апофиза на нижних поверхностях тел позвонков.
Fig. 4. Traces of traumatization of fibrous ring attachments to the vertebral bodies on a male skeleton from Novo-Sasykul cemetery (burial 183): osteodestructive changes (L4 and L5) and osteoblastic reaction (L4) in the area of the ring apophyses (caudal view).

Рис. 5. Таз скелета из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника: двустороннее анкилозирование крестцово-подвздошных сочленений (1) с фокусом на левый крестцово-подвздошный сустав (2) (крестец поврежден во время раскопок).
Fig. 5. Pelvis of a male skeleton from Novo-Sasykul cemetery (burial 183): general view, showing complete fusion of sacroiliac joints (1) and close-up view of the left side (2) of the specimen (sacrum broke away during excavation).

Дифференциальная диагностика

Дифференциальная диагностика обсуждаемого случая представлена в табл. 3. Две наиболее показательные особенности, фиксируемые на скелете из погребения 183,— анкилоз пяти грудных позвонков и полное сращение крестцово-подвздошных сочленений. На первый взгляд эти признаки представляют собой характеристики, типичные для анкилозирующего спондилоартрита (болезни Бехтерева), и, к сожалению, в некоторых публикациях (см. раздел «Обсуждение») считаются достаточными (без детализации) для установления именно этого диагноза. Однако при наличии подобных особенностей следует иметь в виду как минимум несколько групп различных заболеваний: 1) ревматоидные артриты; 2) серонегативные спондилоартропатии; 3) оссифицирующие диатезы (ДИСГ); 4) недифференцированные остеоартрозы.

Таблица 3

Дифференциальная диагностика описываемого палеопатологического случая (скелет из погр. 183 Ново-Сасыкульского могильника) *

Table 3

Differential diagnosis of the paleopathological case from Novo-Sasykul cemetery (burial 183)

Особенности проявления (симптом)	183	АС **	ДИСГ	РА	РеА	ПсА	ОА
	♂	♂ > ♀	♂	♂ < ♀	♂ > ♀	♂ = ♀	♂ ≈ ♀
	25–40	16–30	>50	20–40	15–35	30–35	α
<i>Позвоночник</i>							
Сращение позвонков	+	+	+		+	+	
Поражение шейного сегмента	?			+	+	+	+
Поражение грудного сегмента	+	+	+				+
Поражение поясничного сегмента	+	+	+				+
Формирование остеофитов	+	+	+		+	+	+
Вертикальный остеофитоз	+	+	+				
Горизонтальный остеофитоз							+
Симметричный остеофитоз		+					
Асимметричный остеофитоз	+				+	+	
Костные разрастания на всей переднелатеральной поверхности позвонков	L3–5	+					
Костные разрастания только на одной стороне позвоночника***	+		+				
Поражение дугоотростчатых суставов	+ ****	+		+	+		+
Поражение реберно-позвоночных суставов	+ ****	+			+		+
Межпозвонковое пространство сохранено	+		+				
Межпозвонковое пространство не сохранено		+			+	+	
Оссификация передней продольной связки	+	+	+			+	+
Оссификация задней продольной связки	–		+				
Остеопороз	?	+	Редко	+			
Субхондральный остеосклероз	?						+
<i>Таз</i>							
Сращение крестцово-подвздошных сочленений	+	+	+		+	+	
Сacroилеит	?	+			+	+	
Симметричный sacroилеит	?	+				+	
Асимметричный sacroилеит	?				+	+	
<i>Другие характеристики</i>							
Вовлечение энтезисов	+	+	+		+	+	
Энтезопатии эрозивные		+					
Энтезопатии без эрозии	+	+	+				
Симметричные поражения	+	+		+			
Асимметричные поражения	+	+	+		+	+	+

* Диагностические критерии приводятся по: [Arriaza, 1993, p. 269; Castells Navarro, Buckberry, 2020, p. 61; Olivieri et al., 2009, p. 325; Resnick, Niwayama, 1976, p. 567; Ventades et al., 2018, p. 47], с изменениями.

** АС — анкилозирующий спондилоартрит; ДИСГ — диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз; РА — ревматоидный артрит; РеА — реактивный артрит; ПсА — псориатический артрит; ОА — остеоартроз (недифференцированный).

*** При ДИСГ в средне- и нижнегрудном отделах на переднелатеральной поверхности справа.

**** Проявления остеоартроза, по-видимому, представляющие собой дегенеративно-дистрофические изменения.

Признаки, наблюдающиеся на позвонках грудного отдела, определенно свидетельствуют в пользу диагноза ДИСГ. В частности, отмечаются три критерия, согласно Д. Резнику и Дж. Нивае [Resnick, Niwayama, 1976], дифференцирующие ДИСГ от анкилозирующего спондилоар-

трита: 1) плавное (по типу «расплавленного воска свечи») окостенение передней продольной связки с правой стороны с анкилозированием минимум четырех позвонков, 2) относительное сохранение межпозвоночного пространства в вовлеченном сегменте и 3) отсутствие анкилоза истинных суставов позвоночника. На позвонках, кроме того, в латеральной норме не прослеживается характерное для анкилозирующего спондилоартрита ремоделирование передней поверхности тел («vertebral squaring») [Arriaza, 1993, p. 269]. К сожалению, судить о наличии экстраспинального костеобразования (симметричных энтезопатий на пяточной кости, надколеннике и локтевом отростке), также патогномичных для ДИСГ [Utsinger, 1985], в рассматриваемом случае невозможно. Наконец сам характер и форма костных разрастаний (начинаются в центральной трети тела позвонка, а не на крае замыкательной пластинки, представляя собой окостенение передней продольной связки, а не наружных волокон межпозвоночного диска) характерны для ДИСГ, а не анкилозирующего спондилоартрита или остеоартроза [Castells Navarro, Buckberry, 2020, p. 61].

Одно- или двухстороннее сращение крестцово-подвздошных сочленений, согласно критериям, предлагаемым С. Мартен-Дюпон с соавт. [Martin-Dupont et al., 2006, p. 304], — один из двух признаков, наличие которых достаточно для постановки диагноза спондилоартропатии. Другой важнейший признак — анкилоз двух и более позвонков в результате вертикальной оссификации без увеличения переднезаднего диаметра их тел — в нашем случае отсутствует. Не фиксируются и эрозивные изменения суставов позвоночника. Важно отметить, что на 34 скелетах с диагнозом спондилоартропатии (коллекция антропологического музея Университета Кويمбры) в шести случаях (18 %) наблюдалась вероятная ассоциация этих заболеваний (реактивного, псориатического и энтеропатического артритов, синдрома Рейтера и анкилозирующего спондилоартрита) с ДИСГ. По мнению этого авторского коллектива, наличие крестцово-подвздошного анкилоза исключает ДИСГ в качестве единственно возможного диагноза [Martin-Dupont et al., 2006, p. 306]. С другой стороны, исследование Т. Уолдрона и Дж. Роджерс позволило установить наличие значительной связи между сращением крестцово-подвздошных сочленений, ДИСГ и остеоартрозом позвоночника, причем в случае с ДИСГ статистически достоверной [Waldron, Rogers, 1990, p. 124–125]. Эти авторы приходят к выводу, что сращение крестцово-подвздошных сочленений («sacroiliac fusion») за счет оссификации связок без поражения сустава может являться частью общего процесса патологического костеобразования, с повышенной частотой обнаруживаясь на скелетах с ДИСГ [Waldron, Rogers, 1990].

Таким образом, в качестве наиболее вероятного палеопатологического диагноза для скелета из погребения 183 предполагаем ДИСГ, возможно ассоциированный со спондилоартропатией и незначительными дегенеративными изменениями позвоночника. При этом из группы возможных спондилоартропатий достаточно уверенно исключается анкилозирующий спондилоартрит (болезнь Бехтерева). Ревматоидный артрит также представляется маловероятным (скелетные элементы, необходимые для однозначного исключения этого заболевания, отсутствуют). Для уточнения диагноза (в первую очередь установления наличия и степени поражения крестцово-подвздошного сочленения) необходимо рентгенологическое исследование.

Обсуждение

Как уже отмечалось, недостатком многих русскоязычных публикаций, в которых рассматриваются патологические состояния, ассоциированные с анкилозом позвонков и/или крестцово-подвздошных сочленений, является отсутствие полноценной дифференциальной диагностики. И если в некоторых случаях предлагаемые авторами диагнозы, в частности анкилозирующего спондилоартрита, выглядят вполне убедительно в силу слишком характерной картины заболевания (см., напр.: [Абдуганиева и др., 2015; Ходжайов, Ходжайова, 2010]), то в других — оставляют серьезные вопросы. Так, Д.Ю. Пономарев и А.В. Никитаев [2016] предполагают наличие болезни Бехтерева у индивида из северного могильника Южно-Чурубашского поселения в Крыму, проявившейся «полным костным сращением крестца и V поясничного позвонка» [Там же, с. 294, 298]. Позиция авторов, предлагающих диагноз «центральная форма болезни Бехтерева, 3 стадия» [Там же, с. 294] на основании такого невыразительного материала, не аргументируется. Дифференциальная диагностика не представлена, другие возможные причины (например, сакрализация L5) не обсуждаются. В качестве другого примера можно привести результаты рентгенологического исследования костных патологий у жителей Пензенского края XVII–XVIII вв. [Калмина и др., 2018]. В частности, авторы, опираясь на «рентгенологические признаки тотального костного анкилоза левого крестцово-подвздошного сустава» [Там же, с. 62], предполагают наличие у женщины, проживавшей на территории Наровчата, «юношеской фор-

мы анкилозирующего спондилоартрита» [Там же, с. 62]. Опять же, почему предполагается именно эта болезнь, а не другая спондилоартропатия, не поясняется. С сожалением можно констатировать, что в ряде современных русскоязычных работ отсутствует должный критический подход к палеопатологическому источнику.

Между тем детальное описание зафиксированных патологических изменений, как это в ряде случаев сделано, например, в работе Д.Г. Рохлина [1965], позволяет пересматривать ранее предложенные диагнозы с учетом современных достижений в области палеопатологической диагностики. В качестве иллюстрации можно привести сделанное им описание патологических проявлений на скелете хана или вождя из урочища Шибе в Горном Алтае (I в. до н.э.) [Там же, с. 244–248]. Отмеченные признаки (анкилозирование Т3–8 за счет окостенения передней продольной связки и следы этого процесса на Т9 и Т12 справа, отсутствие изменений межпозвонковых суставов, «проявления старения в надколеннике» и «Шпора» — у места прикрепления Ахиллова сухожилия к пяточной кости), учитывая возраст (около 50 лет) и мужской пол погребенного, могут трактоваться скорее как проявления ДИСГ, а не деформирующего спондилоза и старения костно-суставного аппарата, как предполагал Д.Г. Рохлин [Там же, с. 245–247].

Вообще следует подчеркнуть, что диагностика обсуждаемых патологических состояний довольно сложна. Во-первых, не исключено их взаимное проявление у одного пациента (см., напр.: [Ünlü et al., 2016]) и на одном скелете. При этом утверждение, что сочетание болезни Бехтерева с болезнью Форестье и наличие у ряда больных ДИСГ антигена HLA-B27 (присутствующего у 90 % больных анкилозирующим спондилоартритом) свидетельствуют о родстве этих заболеваний [Медникова, 2012, с. 53], неверно. Это совершенно разные заболевания и их возможное сосуществование у одного индивида позволяет обнаружить признаки каждого из них в отдельности [Gilio et al., 2019]. Во-вторых, патологические проявления могут иметь атипичную локализацию (о проявлении ДИСГ в шейном отделе, см., напр.: [Perlaza, 2012]). Это требует еще большей осторожности в выдвижении предположений о наличии того или иного заболевания на исследуемом скелете, особенно в случае его плохой комплектности. Таким образом, напомним о неоднократно высказываемых рекомендациях, что в сомнительных случаях следует воздерживаться от постановки конкретных палеопатологических диагнозов и ограничиваться детальным описанием зафиксированных изменений.

Несмотря на то что этиология спондилоартропатий (включая анкилозирующий спондилоартрит) и ДИСГ остается до конца не ясной, эти патологические состояния, как отмечалось, различны. Анкилозирующий спондилоартрит относится к категории эрозивных артритов, что может предполагать аутоиммунный характер этого и родственных заболеваний и их возможную ассоциацию с бактериальной инфекцией. Потенциал серонегативных спондилоартропатий в сравнении с ДИСГ в контексте использования в биоархеологических реконструкциях обсуждался в работе Б. Арриасы [Arriaza, 1993]. Увеличение частоты встречаемости ДИСГ, по мнению автора, может быть связано с увеличением продолжительности жизни и особенностями пищевого статуса группы, тогда как спондилоартропатий — с эндогамностью, увеличением плотности населения вследствие оседлого образа жизни и интенсификации земледелия [Ibid., p. 276].

Возвращаясь к скелету из погребения 183, отметим, что в ряде работ обсуждается связь ДИСГ с определенным образом жизни и социальным статусом индивидов с этой патологией и определенными заболеваниями (ожирение, диабет II типа) [Jankauskas, 2003; Verlaan et al., 2007]. К сожалению, в нашем случае индивидуальный уровень рассмотрения материала и, в общем, рядовой характер погребения препятствуют проведению каких-либо реконструкций. Исследование палеоэпидемиологии заболеваний позвоночника в ново-сасыкульской коллекции провести невозможно в силу плохой комплектности посткраниальных скелетов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет в качестве наиболее вероятного диагноза констатировать наличие у индивида из погребения 183 Ново-Сасыкульского могильника ДИСГ, ассоциированного с незначительными дегенеративными изменениями и возможной спондилоартропатией. Из спектра последней группы заболеваний однозначно исключается анкилозирующий спондилоартрит. Предлагаемый макроморфологический диагноз нуждается в спецификации и рентгенологической верификации для установления наличия поражения в крестцово-подвздошном сочленении. В качестве рекомендации для специалистов, обращающихся к подобному материалу, можно указать на необходимость проведения тщательной дифференциации патологических состояний, приводящих к анкилозированию позвоночных сегментов. Поскольку часть из

них имеет совершенно разную этиологию, непродуманная диагностика может серьезно осложнить использование приводимых данных в биоархеологических реконструкциях. Специалистам археологам важно иметь в виду, что плохая комплектность всегда существенно осложняет полновесное исследование палеоантропологического материала (в частности, анализ скелетных патологий). В этой связи в очередной раз укажем на необходимость тщательного сбора и хранения получаемых в процессе археологических раскопок скелетных останков.

Благодарности. Авторы выражают признательность к.и.н. С.Л. Воробьевой (Национальный музей Республики Башкортостан) за консультации и возможность работы с материалами Ново-Сасыкульского могильника, а также к.и.н. Е.В. Перерве (Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС) за предоставление некоторых литературных источников.

Финансирование. Исследование выполнено в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (В.В. Куфтерин) и по госзаданию (проект № АААА-А16-116030210017-0) (М.К. Карапетян).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Калинин В.К. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1979 году. Уфа, 1980 // Архив ИА РАН. Р-И. № 7646.

Литература

Абдулганиева Д.И., Спиридонов В.А., Ситдинов А.Г., Жолобов А.И., Газимзянов И.Р., Баранов В.С., Эрдес Ш.Ф., Протопопов М.С., Афанасьева Т.Ю., Гарифуллина А.Г. Анкилозирующий спондилит в Волжской Булгарии // Научно-практическая ревматология. 2015. № 53 (3). С. 342–345. DOI: 10.14412/1995-4484-2015-342-345.

Балабанова М.А. Позднесарматская культура по антропологическим данным // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию И.И. Гохмана. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 21–32.

Баранов В.С., Газимзянов И.Р., Жолобов А.И., Рахматуллин Н.Р. Детектив эпохи Средневековья: Комплексный историко-антропологический анализ материалов погребения 11 раскопа СХLIX на Болгарском городище // Донские древности. Азов: Изд-во Азов. музея-заповедника, 2019. Вып. 12: Азак и мир вокруг него. С. 240–245.

Бужилова А.П. Болезни в средневековой Руси: (Антропологический обзор) // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 2002. С. 243–253.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Потрахов Е.Н., Потрахов Е.Н., Грязнов А.Ю., Харланович В.И. Взрослый неандерталец из Киик-Кобы: Анализ патологий методом микрофокусной рентгенографии // Актуальные направления антропологии. М.: ИА РАН, 2008. С. 40–48.

Волкова Е.В., Кирягин К.В., Ситдинов А.Г., Харламова Н.В. Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (раскоп СХСI) // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 226–247.

Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. М.: ИА РАН, 2019. С. 91–93. DOI: 10.2568/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93.

Даберна А., Рейс Т.М., Тарасов А.Ю., Артюхов И.П., Николаев В.Г., Медведева Н.Н., Гаврилюк О.А., Николаев М.В., Крюбези Э. Палеопатологическое исследование населения г. Красноярск: (Покровский и Воскресенско-Преображенский некрополи XVII — начала XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3 (55). С. 140–150.

Дэрумс В.Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига: Зинатне, 1970. 200 с.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университета. Сер. XXIII, Антропология. 2013. № 1. С. 88–103.

Зубова А.В., Ермолаева М.С., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Патологические особенности скелета из кургана саргатской культуры Яшкино-I // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 555–560.

Йонайтис Р. Палеодемография Русского конца Вильнюса в конце XIII — начале XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 31. С. 349–358.

Калмина О.А., Калмин О.В., Кокшин Д.В., Иконников Д.С. Рентгенографическое исследование следов патологических изменений на костях населения Пензенского края XVII–XVIII вв. // Вестник Пензенского гос. ун-та. 2018. № 1 (21). С. 60–64.

Козак О. Захворювання жителів Переяслава XI–XII ст. та можливості біосоціальних реконструкцій // Наукові записки з української історії. 2009. Вип. 20. С. 104–116.

Куфтерин В.В. Материалы к палеопатологии Гонур-депе (Туркменистан) // Человек: Его биологическая и социальная история. М.; Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. Т. 2. С. 97–102.

- Лобко П.И., Ладутько С.И., Голубева В.П., Олешкевич А.Т. Признаки болезни Бехтерева на костях и соединениях позвоночника человека // Современная антропология медицине и народному хозяйству. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1988. С. 33–34.
- Медникова М.Б. К антропологии майкопской культуры. Скелетные останки мужчины из Курсавского могильника // Проблемы археологии Кавказа. М.: Таус, 2012. Вып. 1. С. 46–57.
- Медникова М.Б. Локтевая кость представителя рода *Ното* из Чагырской пещеры на Алтае: (Морфология и таксономия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 66–77.
- Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. Болезнь Бехтерева — Штрюмпеля — Мари (анкилозирующий спондилоартрит) у населения античного и средневекового Крыма // История и археология Крыма. 2016. № 3. С. 293–299.
- Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из позднескифского могильника Левадки в Центральном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 50–93.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Сансильбано-Коллилье М. Случай заболевания анкилозным спондилоартритом с некрополя Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 236–238.
- Скрябина Е.Н., Магдеева Н.А., Корнева Ю.М. Анкилозирующий гиперостоз позвоночника, или болезнь Форестье: Трудности диагностики или недостаточная осведомленность? // Архивъ внутренней медицины. 2020. № 10 (1). С. 68–73. DOI: 10.20514/2226-6704-2020-10-1-68-73.
- Ходжайова Г.К., Молдавский М.И. Материалы к палеопатологии Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. 1990. Вып. 24. С. 220–228.
- Ходжаيوف Т.К., Ходжаيوف Г.К. Дальверзинский наус: К антропологии населения кушанской Бактрии (часть II) // Вестник антропологии. 2010. Вып. 18. С. 88–108.
- Худавердян А.Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван: Ван Арьян, 2005. 288 с.
- Arriaza B.T. Seronegative spondyloarthropathies and diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient Northern Chile // Amer. Journal of Physical Anthropology. 1993. Vol. 91 (3). P. 263–278. DOI: 10.1002/ajpa.1330910302.
- Castells Navarro L., Buckberry J. Back to the beginning: Identifying lesions of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis prior to vertebral ankylosis // Intern. Journal of Paleopathology. 2020. Vol. 28. P. 59–68. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.12.004.
- Faccia K., Waters-Rist A., Lieverse A.R., Bazaliiskii V.I., Stock J.T., Katzenberg M.A. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH) in a middle Holocene forager from Lake Baikal, Russia: Potential causes and the effect on quality of life // Quaternary International. 2016. Vol. 405. P. 66–79. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.10.011.
- Gilio M., Scarano E., Padula A., Tramontano G., D'Angelo S., Olivieri I. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in an HLA-B27-positive subject // Journal of Clinical Rheumatology. 2019. Vol. 25 (6). P. 94–98. DOI: 10.1097/RHU.0000000000000865.
- Jankauskas R. The incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and social status correlations in Lithuanian skeletal materials // International Journal of Osteoarchaeology. 2003. Vol. 13. P. 289–293. DOI: 10.1002/oa.697.
- Karapetian M., Mkrtchyan R., Simonyan H. Ankylosing spondylitis: Antiquity and differential diagnosis — a case study of a Bronze Age skeleton from Norabak, Southeastern Armenia // Homo — Journal of Comparative Human Biology. 2019. Vol. 70 (3). P. 171–183. DOI: 10.1127/homo/2019/1056.
- Mader R., Verlaan J.J., Eshed I., Bruges-Armas J., Puttini P.S., Atzeni F., Buskila D., Reinshtein E., Novofastovski I., Fawaz A., Kurt V., Baraliakos X. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH): Where we are now and where to go next // Rheumatic & Musculoskeletal Diseases Open. 2017. Vol. 3 (1). P. 1–6. DOI: 10.1136/rmdopen-2017-000472.
- Martin-Dupont S., Cunha E., Rougé D., Crubézy E. Spondyloarthropathy striking prevalence in a 19th–20th century Portuguese collection // Joint Bone Spine. 2006. Vol. 73 (3). P. 303–310. DOI: 10.1016/j.jbspin.2005.05.005.
- Olivieri I., D'Angelo S., Palazzi C., Padula A., Mader R., Khan M.A. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: Differentiation from ankylosing spondylitis // Current Rheumatology Reports. 2009. Vol. 11 (5). P. 321–328. DOI: 10.1007/s11926-009-0046-9.
- Paja L., Molnár E., Ósz B., Tiszlavicz L., Palkó A., Coqueugniot H., Dutour O., Pálfi G. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis — appearance and diagnostic in Hungarian osteological materials // Acta Biologica Szegediensis. 2010. Vol. 54 (2). P. 75–81.
- Perlaza N.A. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis of cervical column: A clinical anatomy and functional approach // Intern. Journal of Morphology. 2012. Vol. 30 (2). P. 499–503.
- Radochin V. Some results of the investigation of anthropological material from the cemetery of Neyzats // I. Krapunov (Ed.). Exploring the cemetery of Neyzats: Collected papers. Simferopol; Kristiansand: Dolya Publ. House, 2013. P. 166–190.
- Resnick D., Niwayama G. Radiographic and pathologic features of spinal involvement in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH) // Radiology. 1976. Vol. 119 (3). P. 559–568. DOI: 10.1148/119.3.559.
- Rogers J., Watt I., Dieppe P. Palaeopathology of spinal osteophytosis, vertebral ankylosis, ankylosing spondylitis, and vertebral hyperostosis // Annals of Rheumatic Diseases. 1985. Vol. 44. P. 113–120. DOI: 10.1136/ard.44.2.113.
- Saleem S.N., Hawass Z. Ankylosing spondylitis or diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in royal Egyptian mummies of the 18th–20th Dynasties? Computed tomography and archaeology studies // Arthritides & Rheumatology. 2014. Vol. 66 (12). P. 3311–3316. DOI: 10.1002/art.38864.

Ünlü Z., Yilmaz G., Ulusoy A. Coexistence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and late-onset ankylosing spondylitis in a sixty-year-old patient // *Meandros Medical Journal*. 2016. Vol. 17. P. 163–167. DOI: 10.4274/meandros.1733.

Utsinger P.D. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis // *Clinics in Rheumatic Diseases*. 1985. Vol. 11 (2). P. 325–351.

Ventades N.G., Laza I.M., Hervella M., de-la-Rúa C. A recording form for differential diagnosis of arthropathies // *Intern. Journal of Paleopathology*. 2018. Vol. 20. P. 45–49. DOI: 10.1016/j.ijpp.2018.01.004.

Verlaan J.J., Oner F.C., Maat G.J.R. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient clergymen // *European Spine Journal*. 2007. Vol. 16. P. 1129–1135. DOI: 10.1007/s00586-007-0342-x.

Waldron T., Rogers J. An epidemiologic study of sacroiliac fusion in some human skeletal remains // *Amer. Journal of Physical Anthropology*. 1990. Vol. 83 (1). P. 123–127. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330830114>.

V.V. Kufterin ^a, M.K. Karapetian ^b

^a Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninski prosp., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru;
marishkakar@hotmail.com

**On the differential diagnosis of vertebral ankyloses in paleoanthropological material:
an example of the Early Iron Age case from the Lower Kama region**

Differentiating various pathological conditions involving the spine, particularly those leading to vertebral ankylosis, is a challenging task both in paleopathology and clinical practice. The Introduction summarizes cases of ankylosing spondylitis (Bekhterev's disease) and diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (Forestier disease) from the territory of former USSR. In this regard, it is important to mention that, having different etiologies, DISH and seronegative spondyloarthropathies have different reconstructive potential. It is assumed that the increase in DISH prevalence may be associated with an increase in life expectancy and characteristics of the group's nutritional status, while spondyloarthropathies – with endogamy, increased population density due to sedentary lifestyle and the intensification of agriculture. It is noted that differential diagnostic procedure has been reported only in few Russian-language publications that deal with the topic. This often leads to the statement of not quite justified paleopathological diagnoses. This paper presents results of paleopathological study of a 25–40-year-old male skeleton from burial 183 of the Novo-Sasykul cemetery, dated to the 1st–2nd centuries AD. The site is located in the Lower Kama River region (Bakalinsky District, Republic of Bashkortostan) and attributed to the Pyany Bor Culture. The study is focused on differentiating pathological conditions that lead to vertebral ankylosis on skeletal remains. Principal pathological changes, recorded on the skeleton from burial 183 of the Novo-Sasykul cemetery, were: 1) ankylosis of five consecutive thoracic vertebrae (T7–11) with right-sided ossification of the anterior longitudinal ligament and 2) bilateral fusion of the sacroiliac joints. Possible diagnoses include seronegative spondyloarthropathies (ankylosing spondylitis, reactive and psoriatic arthritis), diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH), rheumatoid arthritis, and degenerative changes (osteoarthritis). The differential diagnosis based on macroscopic (morphological) indicators allows suggesting a diagnosis of DISH, possibly associated with a spondyloarthropathy and minor degenerative changes in the spine. Ankylosing spondylitis is certainly excluded from the spectrum of probable spondyloarthropathies. It is noted, however, that specific diagnosis requires an X-ray examination. As a guideline for the specialists, the need for careful differentiation between different pathological conditions leading to ankylosis of vertebral segments is emphasized. The latter is important, since reporting ill-considered diagnosis may severely complicate the use of the published data in bioarchaeological reconstructions.

Key words: Lower Kama region, Pyany Bor Culture, paleopathology, differential diagnosis, spondyloarthropathies, DISH.

Acknowledgements. The authors are grateful to Dr. Svetlana L. Vorobyeva (Bashkortostan National Museum) for her consultation and providing access to the Novo-Sasykul collection; and Dr. Evgeniy V. Pererva (Volograd Institute of Management, branch of RANEPa) for providing some literary sources.

Funding. The article has been written in accordance with the research plans of the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (V.V. Kufterin) and within the State Project No. AAAA-A16-116030210017-0 (M.K. Karapetian).

REFERENCES

Abdulganieva D.I., Spiridonov V.A., Sitdikov A.G., Zholobov A.I., Gazimzyanov I.R., Baranov V.S., Erdes Sh.F., Protopopov M.S., Afanasyeva T.Yu., Garifullina A.G. (2015). Ankylosing spondylitis in the Volga Bulgaria. *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya*, 53(3), 342–345. (Rus.). DOI: 0.14412/1995-4484-2015-342-345.

Arriaza B.T. (1993). Seronegative spondyloarthropathies and diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient Northern Chile. *American Journal of Physical Anthropology*, 91(3), 263–278. DOI: 10.1002/ajpa.1330910302.

- Balabanova M.A. (2004). Late Sarmatian culture according to anthropological data. In: A.G. Kozintsev (Ed.). *Paleoantropologiya, etnicheskaya antropologiya, etnogenez: K 75-letiyu I.I. Iosifovicha Gokhmana*. St. Petersburg: MAE RAN, 21–32. (Rus.).
- Baranov V.S., Gazimzyanov I.R., Zholobov A.I., Rakhmatullin N.R. (2019). A medieval detective: Historical and anthropological analysis of materials from tomb 11 at area CXLIX of Bolgar settlement. In: E.E. Mamichev (Ed.). *Donskie drevnosti. Vyp. 12*. Azov: Izd-vo Azovskogo muzeia-zapovednika, 240–245 (Rus.).
- Buzhilova A.P. (2002). Diseases in medieval Russia. In: T.I. Alekseeva (Ed.). *Vostochnye slaviane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya*. Moscow: Nauchnyi mir, 243–253. (Rus.).
- Buzhilova A.P. (2005). *Homo sapiens: History of disease*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (Rus.).
- Buzhilova A.P., Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B., Potrakhov N.N., Potrakhov E.N., Griaznov A.Yu., Khartanovich V.I. (2008). Adult Neanderthal from Kiik-Koba: Paleopathological analysis using microfocus radiography. In: A.P. Buzhilova, M.V. Dobrovol'skaya, M.B. Mednikova (Eds.). *Aktual'nye napravleniya antropologii*. Moscow: IA RAN, 40–48. (Rus.).
- Castells Navarro L., Buckberry J. (2020). Back to the beginning: Identifying lesions of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis prior to vertebral ankylosis. *International Journal of Paleopathology*, (28), 59–68. DOI: 10.1016/j.ijpp.2019.12.004.
- Dabernat H., Reis T.M., Tarasov A.Y., Artyukhov I.P., Nikolaev V.G., Medvedeva N.N., Gavriluk O.A., Nikolaev M.V., Crubézy É. (2013). Paleopathology of the population of Krasnoyarsk, Central Siberia: (Pokrovskiy and Voskresensko-Preobrazhenskiy cemeteries of the 17th — early 20th centuries). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 55(3), 140–150. (Rus.).
- Derums V.J. (1970). *Diseases and treatment in the ancient Baltics*. Riga: Zinatne. (Rus.).
- Evtsev A.A., Kubankin D.A., Kuferin V.V., Rasskazova A.V. (2013). Bioarchaeological research on a skeletal sample from the Northwest necropolis of the Uvek site (Saratov, XIV c. AD). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. XXIII, Antropologiya*, (1), 88–103. (Rus.).
- Faccia K., Waters-Rist A., Lieverse A.R., Bazaliiskii V.I., Stock J.T., Katzenberg M.A. (2016). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH) in a middle Holocene forager from Lake Baikal, Russia: Potential causes and the effect on quality of life. *Quaternary International*, (405), 66–79. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.10.011.
- Gilio M., Scarano E., Padula A., Tramontano G., D'Angelo S., Olivieri I. (2019). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in an HLA-B27-positive subject. *Journal of Clinical Rheumatology*, 25(6), 94–98. DOI: 10.1097/RHU.0000000000000865.
- Jankauskas R. (2003). The incidence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and social status correlations in Lithuanian skeletal materials. *International Journal of Osteoarchaeology*, (13), 289–293. DOI: 10.1002/oa.697.
- Jonaitis R. (2016). Paleodemography of the Russian End of Vilnius in the late 13th — early 15th centuries. In: N.V. Lopatin (Ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Vyp. 31*. Moscow: IA RAN, 349–358. (Rus.).
- Kalmina O.A., Kalmin O.V., Kokshin D.V., Ikonnikov D.S. (2018). Roentgenological study of pathological changes on skeletal remains from Penza region dated to XVII–XVIII cc. AD. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 60–64. (Rus.).
- Karapetian M., Mkrtchyan R., Simonyan H. (2019). Ankylosing spondylitis: Antiquity and differential diagnosis — a case study of a Bronze Age skeleton from Norabak, Southeastern Armenia. *Homo — Journal of Comparative Human Biology*, 70(3), 171–183. DOI: 10.1127/homo/2019/1056.
- Khodzhaev T.K., Khodzhaeva G.K. (2010). Dalversin Tepe naus: Anthropology of Kushan Bactria population (Part II). *Vestnik antropologii*, (18), 88–108. (Rus.).
- Khodzhaeva G.K., Moldavski M.I. (1990). On the paleopathology of Uzbekistan. *Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana*, (24), 220–228. (Rus.).
- Khudaverdian A.Yu. (2005). *Atlas of palaeopathological findings in the territory of Armenia*. Yerevan: Van Ar'ian. (Rus.).
- Kozak O. (2009). Diseases of Perejaslav residents of XI–XII cc. AD and potential for biosocial reconstructions. *Naukovi zapiski z ukrains'koi istorii*, (20), 104–116. (Ukr.).
- Kuferin V.V. (2010). Materials to the palaeopathology of Gonur-Depe (Turkmenistan). In: N.A. Dubova (Ed.). *Chelovek: Ego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya. T. 2*. Moscow; Odintsovo: Odintsovskii gumanitarnyi institute, 97–102. (Rus.).
- Lobko P.I., Ladut'ko S.I., Golubeva V.P., Oleshkevich A.T. (1988). Evidence of ankylosing spondylitis on bones and joints of human spine. In: B.A. Nikitiuk, H.T. Kaarma (Eds.). *Sovremennaya antropologiya meditsine i narodnomu khoziaistvu*. Tartu: Tartuskii gos. un-t, 33–34. (Rus.).
- Mader R., Verlaan J.J., Eshed I., Bruges-Armas J., Puttini P.S., Atzeni F., Buskila D., Reinshtein E., Novofastovski I., Fawaz A., Kurt V., Baraliakos X. (2017). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH): Where we are now and where to go next. *Rheumatic & Musculoskeletal Diseases Open*, 3(1), 1–6. DOI: 10.1136/rmdopen-2017-000472.
- Martin-Dupont S., Cunha E., Rougé D., Crubézy E. (2006). Spondyloarthropathy striking prevalence in a 19th–20th century Portuguese collection. *Joint Bone Spine*, 73(3), 303–310. DOI: 10.1016/j.jbspin.2005.05.005.

- Mednikova M.B. (2012). On the anthropology of Maykop culture. Skeletal remains of a male from Kursavsky burial ground. In: R.M. Munchaev, S.N. Korenevskii (Eds.). *Problemy arkheologii Kavkaza. Vyp. 1*. Moscow: Taus, 46–57. (Rus.).
- Mednikova M.B. (2013). An archaic human ulna from Chagyrskaya cave, Altai: Morphology and taxonomy. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 53(1), 66–77. (Rus.).
- Olivieri I., D'Angelo S., Palazzi C., Padula A., Mader R., Khan M.A. (2009). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: Differentiation from ankylosing spondylitis. *Current Rheumatology Reports*, 11(5), 321–328. DOI: 10.1007/s11926-009-0046-9.
- Paja L., Molnár E., Ősz B., Tiszlavicz L., Palkó A., Coqueugniot H., Dutour O., Pálfi G. (2010). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis — appearance and diagnostic in Hungarian osteological materials. *Acta Biologica Szegediensis*, 54(2), 75–81.
- Perlaza N.A. (2012). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis of cervical column: A clinical anatomy and functional approach. *International Journal of Morphology*, 30(2), 499–503.
- Ponomarev D.Yu., Nikitaev A.V. (2016). The Bekhterev — Strumpell — Marie disease (ankylosing spondylitis) among the population of the Crimea in the classical and medieval times. *Istoriia i arkheologiya Kryma*, (3), 293–299. (Rus.).
- Radochin V. (2013). Some results of the investigation of anthropological material from the cemetery of Neyzats. In: I. Khrapunov (Ed.). *Exploring the cemetery of Neyzats: Collected papers*. Simferopol, Kristiansand: Dolya Publ. House, 166–190.
- Radochin V.Yu. (2019). Preliminary results of the research of palaeoanthropological materials from the Late Scythian cemetery of Levadki in Central Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (24), 50–93. (Rus.).
- Resnick D., Niwayama G. (1976). Radiographic and pathologic features of spinal involvement in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH). *Radiology*, 119(3), 559–568. DOI: 10.1148/119.3.559.
- Rogers J., Watt I., Dieppe P. (1985). Palaeopathology of spinal osteophytosis, vertebral ankylosis, ankylosing spondylitis, and vertebral hyperostosis. *Annals of Rheumatic Diseases*, (44), 113–120. DOI: 10.1136/ard.44.2.113.
- Rokhlin D.G. (1965). *Diseases of ancient men: (Bones of the men of various epochs — normal and pathological changed)*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Saleem S.N., Hawass Z. (2014). Ankylosing spondylitis or diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in royal Egyptian mummies of the 18th–20th Dynasties? Computed tomography and archaeology studies. *Arthritis & Rheumatology*, 66(12), 3311–3316. DOI: 10.1002/art.38864.
- Sansilbano-Collilieux M. (1998). A case of ankylosing spondylitis from Neyzats necropolis. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, (6), 236–238. (Rus.).
- Skryabina E.N., Magdeeva N.A., Korneva Y.M. (2020). Ankylosing spinal hyperostosis or Forestier disease: Difficulty in diagnosing or lack of knowledge? *The Russian Archives of Internal Medicine*, (1), 68–73. (Rus.). DOI: 10.20514/2226-6704-2020-10-1-68-73.
- Ünlü Z., Yilmaz G., Ulusoy A. (2016). Coexistence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and late-onset ankylosing spondylitis in a sixty-year-old patient. *Meandros Medical Journal*, (17), 163–167. DOI: 10.4274/meandros.1733.
- Utsinger P.D. (1985). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis. *Clinics in Rheumatic Diseases*, 11(2), 325–351.
- Ventades N.G., Laza I.M., Hervella M., de-la-Rúa C. (2018). A recording form for differential diagnosis of arthropathies. *International Journal of Paleopathology*, (20), 45–49. DOI: 10.1016/j.ijpp.2018.01.004.
- Verlaan J.J., Oner F.C., Maat G.J.R. (2007). Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient clergymen. *European Spine Journal*, (16), 1129–1135. DOI: 10.1007/s00586-007-0342-x.
- Volkova E.V., Kiryagin K.V., Sitdikov A.G., Kharlamova N.V. (2016). The paleopathological characteristics of the medieval population of Bolgar (based on CXCI dig). *Povolzhskaya arkheologiya*, (4), 226–247. (Rus.).
- Vorobyeva S.L., Kufterin V.V. (2019). Novo-Sasykul necropolis as a basic Pyany Bor culture cemetery in the Lower Kama region. In: V.E. Rodinkova (Ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: Ot kritiki istochnika k obobshcheniiu i interpretatsii dannykh*. Moscow: IA RAN, 91–93. (Rus.). DOI: 10.2568/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93.
- Waldron T., Rogers J. (1990). An epidemiologic study of sacroiliac fusion in some human skeletal remains. *American Journal of Physical Anthropology*, 83(1), 123–127. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330830114>.
- Zubova A.V., Ermolaeva M.S., Pozdniakov D.V., Chikisheva T.A. (2014). Pathological changes on a skeleton from Sargat culture kurgan Yashkino-I. In: V.I. Molodin, A.V. Epimakhov (Eds.). *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzы i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 555–560. (Rus.).

В.В. Куфтерин, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

М.К. Карапетян, <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

М.К. Карапетян ^a, Н.А. Лейбова ^b, С.В. Шарапова ^c

^a Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва 125009

^b Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119991

^c Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: marishkakar@hotmail.com;
nsuvorova@mail.ru;
svetlanasharapova01@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НЕПЛЮЕВСКИЙ

Проведено краниометрическое и одонтологическое исследование срубно-алакульских материалов из раскопок 2015–2017 гг. могильника Неплюевский (Карталинский р-н, Южное Зауралье). Изученные материалы по комплексу краниологических и одонтологических характеристик представляют европеоидную группу населения. В кургане 1 преобладают черепа, находящие аналогии среди высоколицых грацилизированных форм Южного Урала эпохи бронзы. На принадлежность неплюевской серии к кругу грацильных форм указывают результаты одонтологического анализа.

Ключевые слова: Южный Урал, поздняя бронза, срубно-алакульский культурный тип, краниометрия, палеодонтология.

Неплюевский могильник расположен вблизи одноименной деревни в 40 км к юго-западу от г. Карталы (юг Челябинской обл.). Памятник состоит из двух групп курганов, занимающих площадь в 16 га. Из 38 курганных насыпей в 2015–2017 гг. совместной российско-германской археологической экспедицией были вскрыты три в северной части могильника (курганы 1, 5 и 9). Анализ керамической коллекции и обрядности позволяет отнести погребальные комплексы к синкретическим срубно-алакульским. Суммирование вероятностей радиоуглеродных дат по костям человека формирует интервалы 1950–1760 BC cal (1 σ), 2030–1690 BC cal (2 σ)¹. В реальности период совершения захоронений мог быть существенно меньше. Курганы 5 и 9 содержали суммарно 5 детских и 1 подростковую могилу [Шарапова, Луайе, 2017]. Курган 1 — один из наиболее крупных: в 34 могильных ямах находились останки ориентировочно 44 детей и взрослых обоих полов, с преобладанием неполовозрелых индивидов [Карапетян и др., 2019].

В серии работ, посвященных краниологическому анализу материалов из памятников срубно-алакульского типа Южного Зауралья [Китов, 2011; Нечвалода, 2016, 2017; Куфтерин, 2017], не решен до конца вопрос генезиса представленных в них групп. По заключению Е.П. Китова, наблюдается неоднородность населения срубно-алакульского времени, как на уровне отдельных могильников, так и в пределах каждого из них. Она объясняется результатом сосуществования и метисации разных групп населения за счет включения представителей окружающих групп, в первую очередь со срубными и, возможно, алакульскими степными традициями [Китов, 2011, с. 91–92].

С этим вопросом неразрывно связана проблема генезиса носителей срубной культуры в восточном ареале ее распространения, а также западного варианта андроновской общности. Так, по данным Р.М. Юсупова [1989], в составе населения срубной культуры Башкирии выделяются как минимум два компонента — «протоевропейский» антропологический тип, представленный черепами с низким и широким лицом, и древний вариант средиземноморской расы, характеризующийся гипердолихокранией, более узким и высоким лицом. По мнению А.А. Хохлова, формирование физического облика групп средней — поздней бронзы Волго-Уральского региона происходило «в результате взаимодействия вариантов трех антропологических субстратов: степного матуризованного широколицего, степного южноевропеоидного мезоморфного,

¹ Лаборатория изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» ФГБОУ «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». Калибровка проведена в программе OxCal v3.2, калибровочная кривая IntCal 13 [Reimer et al., 2013].

уралоидного с умеренной профилировкой лица» [2014, с. 122]. Как археологические, так и краниологические данные свидетельствуют о продолжительных контактах между носителями срубной и алакульской культур в Зауралье [Хохлов, 2013]. По данным К.Н. Солодовникова и его соавторов, «выявляется исходно западное (южно-уральское или восточно-европейское) происхождение населения большинства культурных образований эпохи бронзы» территории Западного, Центрального и Северного Казахстана [Солодовников и др., 2013, с. 128]. При этом наблюдаются тесная связь алакульской серии с петровской и саргаринско-алексеевской и обособленное по отношению к ним положение федоровской серии при вероятном существовании контактов между алакульскими и федоровскими коллективами. Ранее В.В. Гинзбург, анализируя материалы алакульского могильника Тасты-Бутак I, пришел к выводу о связи населения эпохи бронзы северо-запада Казахстана с населением низовьев Волги, с одной стороны, и северных областей Среднеазиатского междуречья — с другой [1962, с. 197].

Несмотря на значительное число работ, посвященных краниологии населения эпохи бронзы Южного Урала, публикация новых материалов по памятникам, расположенным в срубно-алакульской контактной зоне, не теряет своей актуальности. Это связано с зачастую немногочисленностью отдельных краниологических серий и фрагментарностью материала, что отчасти может обуславливать сложность анализа расогенетических процессов, происходивших в регионе в указанный хронологический период. Публикация новых материалов также имеет ценность и с точки зрения палеоодонтологических исследований: несмотря на всплеск подобных работ в 2000-е гг., территория Южного Зауралья в эпоху бронзы все еще остается слабо изученной, невзирая на большую плотность археологических памятников этого периода.

В настоящей статье представлены результаты краниометрического и одонтологического исследования новых материалов из курганов 1 и 9 могильника Неплюевский.

Материалы и методы

Материалом для краниометрического исследования послужили пять мужских, пять женских черепов и один череп подростка женского пола из кургана 1 (табл. 1). Неметрические признаки зубной системы были изучены у 26 чел. (14 детей и подростков и 12 взрослых). Большинство из них — из погребений под курганом 1 и только три индивида — из погребений кургана 9. За исключением женщины из погр. 28 (ск. 2), все остальные индивиды, изученные по краниологической программе, вошли в состав одонтологической выборки.

Таблица 1

Половозрастные определения и сохранность черепов из кургана 1 Неплюевского могильника, исследованных по краниометрической программе

Table 1

Sex, age and preservation of crania from kurgan 1 of Nepljuevski burial ground, used in craniometric analysis

№ погр.	Пол	Возраст, лет	Сохранность
2А (ск. 1)	М	18-20	Хорошая
2А (ск. 2)	Ж	20-25	Лицевой отдел реставрирован *, основание деформировано посмертно
2Б	М	20-30	Реставрирован *, в том числе частично лицевой отдел. Часть основания отсутствует
8 (ск. 1)	Ж	18-22	Лицевой отдел разрушен, черепная коробка частично фрагментирована
25	Ж	25-35	Хорошая
26	Ж	14-16	Хорошая *
28 (ск. 1)	М	35-45	Хорошая, основание фрагментировано, нижняя челюсть отсутствует
28 (ск. 2)	Ж	30-40	Фрагмент черепной коробки
30	М	18-22	Хорошая
32 (ск. 1)	М	>50	Лицевой отдел и черепная коробка фрагментированы, частично реставрирован
32 (ск. 2)	Ж	25-35	Черепная коробка

* Реставрация черепов с последующей реконструкцией лица проводилась Е.А. Алексеевой (ИПОС ФИЦ СО РАН, г. Тюмень).

Исследование осуществлено в рамках программы, стандартной для российской краниометрической [Алексеев, Дебец, 1964] и одонтологической [Зубов, 1968, 1973] школ. При описании краниометрических признаков использованы рубрики Г.Ф. Дебца [Алексеев, Дебец, 1964].

Из-за малочисленности выборки краниометрический анализ ограничен индивидуальным описанием материала, а также его характеристикой на фоне известных по публикациям чере-

Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский

пов из синхронных территориально близких памятников. Используются методы факторного анализа главных компонент (краниометрия) и анализ соответствий (одонтология). Статистический анализ и построение графиков осуществлялись в программе STATISTICA.

Результаты

Краниометрия

Краниометрические характеристики выборки представлены в табл. 1 и 2. В целом черепа имеют европеоидный облик. Общими для мужской выборки являются такие черты, как узкий, резко выступающий нос с высоким переносом и резкая горизонтальная профилировка. В серии преобладают индивиды с высоким лицом. В среднем оно мезогнатное по общему лицевому углу, у мужчин — прогнатное в альвеолярной части, у женщин — мезогнатное. Продольный диаметр, при небольшом поперечном, большой. Высота черепной коробки варьируется от малых до очень больших величин. Женские и мужские краниумы демонстрируют морфологическое сходство, однако у женщин относительно более высокая черепная коробка, более широкие и низкие орбиты, относительно более широкий нос и несколько слабее выражена горизонтальная профилировка. Для обоих полов в среднем характерна мезогнатия и мезоконхия. Для мужчин характерна лепториния, а для женщин — мезориния. Индивидуальные описания черепов представлены далее.

Таблица 2

Краниометрическая характеристика мужских черепов из кургана 1 Неплюевского могильника

Table 2

Metric characteristic of male crania from kurgan 1 of Nepljuevski burial ground

Признак по Мартину	Индивидуальные данные (по № погр.)					Средние		
	2А (ск. 1)	2Б	28 (ск. 1)	30	32 (ск. 1)	N	M	SD
1	191	200	182	181	192	5	189,2	7,90
8	139,5	138	132	137	141?	5	137,5	3,43
17	141,5	—	132??	127	—	2	134,3	—
5	109	—	—	99	—	2	104,0	—
20	116,0	—	113,5	114,0	119,8?	4	115,8	2,86
9	98	94	95,5	94	95,5	5	95,4	1,64
11	129	—	115	113	133	4	122,5	9,98
45	135?	—	132?	125?	—	3	130,7??	5,13
48	77	84??	74	66	—	3	72,3	5,69
43	105	107	104	102	106,5	5	104,9	2,01
46	93	99	88	89	—	4	92,3	4,99
51	41,5/42,5	49,0?	41,5?/40,0?	43,5/42,5	—	3	41,7	1,44
52	35,5/35,5	39,0??	34,0/35,0	33,0/31,5	—	3	34,0	2,18
54	22,0	—	23,0	22,5	—	3	22,5	0,50
55	58,5	67,0??	56,0?	51,0	—	3	55,2	3,82
SC	7,3	—	8,8?	6,1	10	4	8,1	1,71
SS	5,3	—	5,9?	5,4	6,8	4	5,9	0,69
FC	3,0/2,4	4,1	8,5/8,9	7,7	4,4	5	5,5	2,55
32	80,5	70?	74	84	—	4	77,1	6,30
72	82,5	92?	79,5	80	—	4	83,5	5,82
74	78,5	84??	77	74	—	3	76,5	2,29
77	138,2	130,4??	136,8	133,5	—	3	136,2	2,41
<Zm'	121,0?	—	116,7	117,4	—	3	118,4	2,31
75(1)	33	—	34,5	30?	—	3	32,5	2,29
8/1	73,0	69,0	72,5	75,7	73,4?	5	72,7	2,41
9/43	93,3	87,9	91,8	92,2	89,7	5	91,0	2,16
48/45	57,0??	—	56,1??	52,8?	—	3	55,3??	2,21
52/51	84,5	79,6?	84,6?	75,1	—	3	81,4	4,54
54/55	37,6	—	41,1?	44,1	—	3	40,9	3,25
ss/sc	72,6	—	67,0?	88,5	68,0	4	74,0	9,95

Индивидуальные описания мужских черепов

Погр. 2А (ск. 1). Мозговой отдел крупный, удлинённый, среднеширокий, высокий, при взгляде сверху эллипсоидной формы. По указателю фиксируется долихокрания. Лоб средний по ширине и наклону. Лицо среднее по ширине, абсолютно высокое, по указателю лептен (?), резко профилировано в горизонтальной плоскости, мезогнатное по общему лицевому углу, слегка

прогнатное в альвеолярной части. Метрически фиксируемая клиногнатия лицевого отдела скрывает впечатление о некоторой уплощенности лица на обоих уровнях горизонтальной профилировки, обусловленное сглаженной формой скуловых костей и неглубокой клыковой ямкой (рис. 1). Орбиты высокие, мезоконхные (на границе с гипсиконхными вариантами); нос лепторинный, резко выступающий. Макрорельеф развит слабо.

Таблица 3

**Краниометрическая характеристика женских черепов из кургана 1
Неплюевского могильника**

Table 3

Metric characteristic of female crania from kurgan 1 of Nepljuevski burial ground

Признак по Мартину	Индивидуальные данные (по № погр.)						Средние		
	2A (ск. 2)	8 (ск. 1)	25	26	28 (ск. 2)	32 (ск. 2)	N	M	SD
1	192	197?	180	183	—	175	5	185,4	8,96
8	138	121?	142	133	121?	133,5	6	131,4	8,71
17	139?	—	133	132,5?	—	126	4	132,6	5,31
5	—	—	99	104	—	97	3	100,0	3,61
20	116,4?	—	117,0	107,5	—	104,5	4	109,7	6,30
9	91	—	93	93	—	90	4	92,0	1,50
11	119?	—	120	115	—	122,5	4	119,2	3,12
45	—	—	129?	118?	—	—	2	123,5?	—
48	73	—	69	65	—	—	3	69,0	4,00
43	102	—	106	101	—	99	4	102,0	2,94
46	94?	—	91,5	—	—	—	2	92,8	—
51	39,0?/42,0	—	41,5/42,5	41/39,5	—	42,5	4	41,7	0,96
52	34,0/34,0	—	33,5/33,5	34,0/34,0	—	30,0	4	32,9	1,93
54	25,5	—	24,5	22,0	—	—	3	24,0	1,80
55	53,0?	—	49,0	48,5	—	—	3	50,2	2,47
SC	—	—	9,0	8,0	—	—	2	8,5	—
SS	—	—	4,0	4,5	—	—	2	4,3	—
FC	5,6	—	4,0/3,7	6,1?/5,1?	—	—	3	5,0	1,01
32	—	—	86	84	—	82	3	84,0	2,00
72	90	—	85	79	—	—	3	84,7	5,51
74	87	—	80	74	—	—	3	80,3	6,51
77	—	—	139,6	138,8	—	—	2	139,2	—
<Zm'	125,8?	—	131,0	127,2	—	—	3	128,0	2,69
75(1)	28?	—	25	29	—	—	3	27,3	2,08
8/1	71,9	61,4?	78,9	72,7	—	76,3	5	72,2	6,68
9/43	89,2	—	87,7	92,1	—	90,9	4	90,0	1,91
48/45	—	—	53,5?	55,1?	—	—	2	54,3?	—
52/51	80,9	—	79,8	84,4	—	70,6	4	78,9	5,89
54/55	48,1?	—	50,0	45,4	—	—	3	47,8	2,31
ss/sc	—	—	44,4	56,3	—	—	2	50,4	—

Погр. 25. Мозговой отдел крупный, узкий (?), удлинённый, гипердолихокранный, при взгляде сверху овоидной формы. Лоб сильнонаклонённый в профиль. Лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости, ортогнатное (?). Орбиты мезоконхные. Следует отметить, что высота лица, носа и глазниц у данного черепа выделяется очень большими абсолютными значениями (в ряде случаев превышая размах вариации соответствующих признаков). Вероятно, некоторое искажение высотных размеров лица, а также размеров глазниц, было внесено при реставрации черепа. По этой причине указанные размеры при подсчете средних не учитывались. В то же время данный индивид действительно характеризовался высоким лицом, носом и глазницами, что фиксируется визуально. Клыковая ямка относительно неглубокая. Макрорельеф хорошо развит.

Погр. 28 (ск. 1). Черепная коробка средняя по длине и высоте (?), небольшая по ширине, по указателю отмечается долихокрания, при взгляде сверху овоидной формы. Лоб средний или небольшой по ширине, сильнонаклонённый в профиль. Лицо среднее по ширине, относительно высокое, по указателю лептен (?). Фиксируется общая прогнатность лицевого отдела (на границе с мезогнатным вариантом) и альвеолярной части, лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости. Орбиты высокие, по указателю мезоконхные (на границе с гипсиконхией), нос лепторинный, резко выступающий. Клыковая ямка глубокая. Макрорельеф хорошо развит.

Рис. 1. Череп мужчины из кург. 1, погр. 2А (ск. 1): фас (а) и профиль (б).
Fig. 1. Male cranium from kurg. 1, bur. 2А, sk. 1: front (а) and profile (б).

Погр. 30. Черепная коробка средняя по длине и небольшая по ширине и высоте, по указателю мезокранная, при взгляде сверху овоидной формы. Лоб средний по ширине, слабонаклонный в профиль. Лицо небольших размеров (как по ширине, так и по высоте), среднее по пропорциям, мезогнатное, прогнатное в альвеолярной части, резко профилировано в горизонтальной плоскости. Глазницы низкие, хамеконхные, нос лепторинный, резко выступает. Клыковая ямка глубокая. Макрорельеф хорошо развит. Стоит отметить относительно небольшие для мужчин общие размеры черепной коробки, заметную асимметрию лица (рис. 2), а также наличие редкой формы краниостеноза, затронувшего левый чешуйчатый, чешуйчато-сосцевидный и затылочно-сосцевидный швы (рис. 2б); сагиттальный шов частично закрыт и смещен несколько влево относительно сагиттальной линии. Не исключено, что отмеченные изменения представляют собой дефекты развития, обусловленные общим фактором.

Рис. 2. Череп мужчины из кург. 1, погр. 30: фас (а) и профиль (б).
Fig. 2. Male cranium from kurg. 1, bur. 30: front (а) and profile (б).

Погр. 32 (ск. 1). Мозговой отдел черепа крупный, удлинённый, средний по ширине, долихокраний по указателю, овоидной формы при взгляде сверху. Лоб средний по ширине, наклон хорошо выражен в профиль. Нос, вероятно, резко выступал. Клыковая ямка средней глубины. Макрорельеф хорошо развит.

Индивидуальные описания женских черепов

Погр. 2А (ск. 2). Мозговой отдел крупный, удлинённый, среднеширокий и относительно высокий, при взгляде сверху овоидной формы. По указателю фиксируется долихокrania. Лоб узкий, сильно наклонный в профиль. Лицо среднее по ширине и абсолютно высокое, хорошо профилировано в гори-

зонтальной плоскости, ортогнатное. Орбиты средневысокие, мезоконхные, нос высокий, мезоринный, резко выступающий. Клыковая ямка глубокая. Макрорельеф выражен средне или слабо.

Погр. 8 (ск. 1). Черепная коробка узкая, ультрадолихокранная (?). Лоб узкий, сильнонаклонный. Макрорельеф слабо выражен.

Погр. 25 (рис. 3). Черепная коробка крупная по величине всех трех диаметров, мезокранная, при взгляде сверху овоидной формы. Лоб среднеширокий, средненаклонный в профиль. Лицо средних пропорций, абсолютно высокое, крупное, ортогнатное по общему лицевому углу, мезогнатное в альвеолярной части, средне профилировано в горизонтальной плоскости. Орбиты мезоконхные, нос мезоринный, резко выступающий с высоким переносьем. Клыковая ямка средней или малой глубины. Макрорельеф, учитывая женский пол, хорошо развит.

Рис. 3. Череп женщины из кург.1, погр. 25: фас (а) и профиль (б).

Fig. 3. Female cranium from kurg. 1, bur. 25: front (a) and profile (б).

Погр. 26. Черепная коробка крупная, удлинённая, относительно узкая и большая по высоте, по указателю отмечается долихокрания, при взгляде сверху овоидной формы. Лоб среднеширокий, средненаклонный в профиль. Лицевой отдел небольшой по ширине, средневысокий, прогнатный по общему лицевому углу и углу альвеолярной части, хорошо профилирован в горизонтальной плоскости. Орбиты относительно высокие, мезоконхные, нос средний по высоте, лепторинный, резко выступающий. Клыковая ямка относительно глубокая. Макрорельеф слабо развит.

Погр. 28 (ск. 2). Фрагмент черепной крышки с относительно слабо развитым рельефом и небольшим поперечным диаметром.

Погр. 32 (ск. 2). Черепная коробка средних размеров, средняя по длине и высоте, небольшая по ширине, по указателю мезокранная, пентагоноидной формы при взгляде сверху. Лоб средний по ширине, наклон хорошо выражен в профиль. Глазницы низкие, хамеконхные. Макрорельеф развит слабо.

Краниологические материалы Неплюевского могильника на фоне черепов из синхронных территориально близких памятников

В анализ вошли три мужских (погр. 2А (ск. 1), 28 (ск. 1) и 30) и два женских черепа (погр. 2А (ск. 2) и 25) хорошей сохранности. К сожалению, фрагментарность лицевого отдела пяти других черепов взрослых не позволяет включать их в анализ: замещение недостающих размеров средними привело бы к искажению результатов. Из-за неполного закрытия клиновидно-затылочного синхондроза исключен и череп девушки-подростка (погр. 26). Сопоставление проведено с опубликованными материалами из могильников срубно-алакульского типа и алакульской культуры Челябинской и Оренбургской областей [Китов, 2011], Башкирского Зауралья ([Нечвалода, 2017] и его же неопубл. данные), а также двух могильников Костанайской (анализ мужских черепов) и Актюбинской (анализ женских черепов) областей Казахстана [Гинзбург, 1962; Солодовников и др., 2013]. Всего в анализ вошли 30 мужских и 13 женских черепов хорошей сохранности.

В ходе анализа мужских черепов выделены три главные компоненты (ГК), суммарно описывающие 48 % изменчивости (33 % приходится на ГК I и II) (табл. 4). ГК I описывает изменчивость, связанную с продольным и высотным диаметрами, шириной лица, орбиты и профилировкой лица на нижнем уровне; ГК II — изменчивость, связанную с высотой лица, высотой и

шириной носа. Неплюевские черепа дисперсно распределяются в пространстве ГК. Так, череп из погр. 2А (ск. 1) имеет относительно крупные величины диаметров черепной коробки, а черепа из погр. 28 (ск. 1) и 30 — относительно узкое лицо. Можно сказать, что по комплексу признаков они тяготеют к выраженно европеоидным формам, описанным для синхронных могильников срубно-алакульского типа и алакульской культуры Южного Зауралья. При этом заметна некоторая специфичность, заключающаяся в больших значениях высоты лица и носа, выраженной узконосости и резко выраженной горизонтальной профилировке. Все три обследованных мужских черепа имеют отрицательные значения ГК II, т.е. являются относительно узко- и высоконосими, однако в отношении высоты лица они неоднородны: черепа из погр. 2А (ск. 1) и 28 (ск. 1) характеризуются достаточно высокими значениями этого показателя. Именно эти признаки — высокий и узкий нос и высокое лицо — выделяют черепа из погр. 2А (ск. 1) и 28 (ск. 1) в сравнительном анализе. По этим признакам они сближаются с некоторыми черепами из срубно-алакульских могильников Каменный Дол I, Малокизильский II, Кирса III и алакульских могильников Ишкиновка и Ушкатта II. В то же время череп из погр. 30 характеризуется более низким лицом и несколько более низким носом и по комплексу признаков сближается с черепом из к. 3, погр. 17 могильника Лаимберды.

Таблица 4

Величины факторных нагрузок (анализ главных компонент мужских черепов)

Table 4

PCA results, male crania ($N = 30$)

Признак по Мартину	ГК I	ГК II	ГК III
1	0,544	-0,233	-0,576
8	0,495	0,213	0,569
20	0,762	-0,154	-0,334
9	0,222	0,389	0,066
45	0,554	0,097	0,623
48	0,295	-0,526	-0,341
51	0,526	0,201	-0,354
52	0,137	-0,070	0,321
54	0,223	0,629	-0,305
55	0,331	-0,700	-0,041
77	-0,007	-0,393	0,298
<Zm'	0,632	0,434	0,219
75(1)	0,120	-0,319	0,116
ss/sc	0,187	-0,478	0,537
Собств. числа	2,469	2,165	2,038
Общая дисп., %	17,6	15,5	14,6

При анализе женских черепов выделяются три главные компоненты, описывающие суммарно 62,4 % изменчивости (табл. 5). ГК I описывает изменчивость, связанную с общими размерами (продольным диаметром, шириной лба и лица), шириной и высотой носа и горизонтальной профилировкой на верхнем уровне; ГК II — изменчивость, связанную с высотными размерами (лица, орбит и носа). Оба женских черепа из Неплюевского могильника расположились в верхнем левом квадрате в пространстве ГК I и II. Это говорит об относительно крупных их размерах, в том числе больших значениях высоты лица, орбит и носа. По комплексу признаков наиболее близким к ним оказывается череп из к. 1, погр. 2 могильника Дальний Лог юга Челябинской области. По этому комплексу признаков череп из погр. 2А (ск. 2) обнаруживает также некоторую близость с черепом из могильника Тасты-Бутак I (погр. 32) Актюбинской области. В то же время интересными представляются результаты, полученные при анализе черепов в пространстве ГК II и III. Последняя характеризуется высокими нагрузками на зигомаксиллярный и угол выступания носа. В пространстве этих двух ГК выявляется некоторое своеобразие черепа из погр. 25, заключающееся в несколько ослабленной горизонтальной профилировке, а также менее выступающем носе. По этим признакам череп из погр. 25 отклоняется в сторону черепов из срубно-алакульского могильника Агаповка II юга Челябинской области, которые вместе с выборками из могильников Малокизильский II и Ак-Мулла I Е.П. Китов характеризует как группу, «возникшую в результате недавней метисации населения срубных коллективов и местных групп, имеющих уралоидные черты» [2011, с. 66].

Таблица 5

Величины факторных нагрузок (анализ главных компонент женский черепов)

Table 5

PCA results, female crania ($N = 13$)

Признак	ГК I	ГК II	ГК III
1	-0,657	-0,418	0,148
8	-0,165	0,183	-0,425
20	-0,478	0,083	0,220
9	-0,857	-0,273	0,103
45	-0,672	0,449	-0,084
48	-0,447	0,679	-0,395
51	0,105	-0,320	-0,346
52	0,060	0,924	-0,003
54	-0,871	-0,233	0,043
55	-0,538	0,665	-0,188
77	0,581	0,483	-0,170
<Zm'	-0,218	-0,168	-0,838
75(1)	-0,228	0,325	0,827
ss/sc	0,356	0,160	0,498
Собств. числа	3,698	2,799	2,45
Общая дисп., %	26,4	20,0	16,0

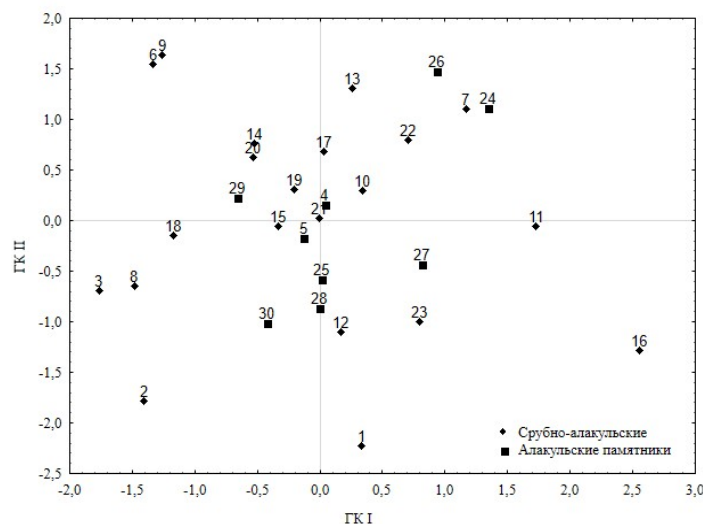

Рис. 4. Мужские черепа Неплюевского могильника на фоне черепов из срубно-алакульских и алакульских памятников в пространстве ГК I и II:

1 — Неплюевский, к. 1, погр. 2А (ск.1); 2 — Неплюевский, к. 1, погр. 28 (ск.1); 3 — Неплюевский, к. 1., погр. 30; 4 — Лисаковский, раск. XI, огр. 1, мог. 1; 5 — Лисаковский, раск. XI, огр. 1, м.я. 2; 6 — Лаимберды, к. 2, погр. 29; 7 — Лаимберды, к. 2, погр. 8; 8 — Лаимберды, к. 3, погр. 17; 9 — Лаимберды, к. 3, погр. 11; 10 — Лаимберды, к. 3, погр. 18; 11 — Мало-Кизильский II, к. 2, погр. 1; 12 — Мало-Кизильский II, к. 6, погр. 1, к. 1; 13 — Дальний Лог, к. 1, погр. 1 (к.1); 14 — Александр-Невский-1, к. 3, м.я. 2; 15 — Александр-Невский-1, к. 2, м.я. 5; 16 — Каменный Дол I, к. 2, погр. 1 (к.1); 17 — Кульминский пруд, к. 5, погр. 1; 18 — Кульминский пруд, к. 4, погр. 1 (к. 2); 19 — Наровчатский I, к. 2, погр. 1; 20 — Наровчатский I, к. 2, погр. 6; 21 — Наровчатский I, H1/1061; 22 — Наровчатский I, H1/1485; 23 — Кирса III, к. 1, центр. погр.; 24 — Васильевка, к. 6, погр. 7; 25 — Исинея А, к. 1, я. 19; 26 — Казахья губерля II, к. 6; 27 — Новоорский I, к. 11, погр. 6; 28 — Ушкатта I, к. 8, погр. 1; 29 — Ушкатта I, к. 2, погр. 3; 30 — Ишкиновка I, к. 2, м.я. 2. Источники данных: 1–3 — М.К. Карапетян, наст. публ.; 4, 5 — [Солодовников и др., 2013]; 6–10 — А.И. Нечвалода, неопубл. данные; 11–30 — [Китов, 2011].

Fig. 4. Position of Nepljuevskii male crania relative to male crania from Srubnaya-Alakul (rhombic dots) and Alakul (square dots) sites in space of PC I and II:

1 — Nepljuevskii, k. 1, bur. 2A(1); 2 — Nepljuevskii, k. 1, bur. 28, sk.1; 3 — Nepljuevskii, k. 1, bur. 30; 4 — Lisakovskii, area XI, fence 1, bur. 1; 5 — Lisakovskii, area XI, fence 1, bur. 2; 6 — Laimberdy, k. 2, bur. 29; 7 — Laimberdy, k. 2, bur. 8; 8 — Laimberdy, k. 3, bur. 17; 9 — Laimberdy, k. 3, bur. 11; 10 — Laimberdy, k. 3, bur. 18; 11 — Malo-Kizil'skii II, k. 2, bur. 1; 12 — Malo-Kizil'skii II, k. 6, bur. 1, sk. 1; 13 — Dal'nii Log, k. 1, bur. 1, sk. 1; 14 — Alexandro-Nevskii, k. 3, pit 2; 15 — Alexandro-Nevskii, k. 2, pit 5; 16 — Kamennyi Dol I, k. 2, bur. 1, sk. 1; 17 — Kul'minskii prud, k. 5, bur. 1; 18 — Kul'minskii prud, k. 4, bur. 1, sk. 2; 19 — Narovchatskii I, k. 2, bur. 1; 20 — Narovchatskii I, k. 2, bur. 6; 21 — Narovchatskii I, H1/1061; 22 — Narovchatskii I, H1/1485; 23 — Kirsia III, k. 1, central bur.; 24 — Vasil'evka, k. 6, bur. 7; 25 — Isineia A, kurg. 1, pit 19; 26 — Kazach'ia Gubernia II, k. 6; 27 — Novoorskii I, k. 11, bur. 6; 28 — Ushkatta I, k. 8, bur. 1; 29 — Ushkatta I, k. 2, bur. 3; 30 — Ishkinovka I, k. 2, pit 2. Data source: 1–3 — Karapetian, this study; 4, 5 — [Solodovnikov et al., 2013]; 6–10 — Nechvaloda, unpublished; 11–30 — [Kitov, 2011].

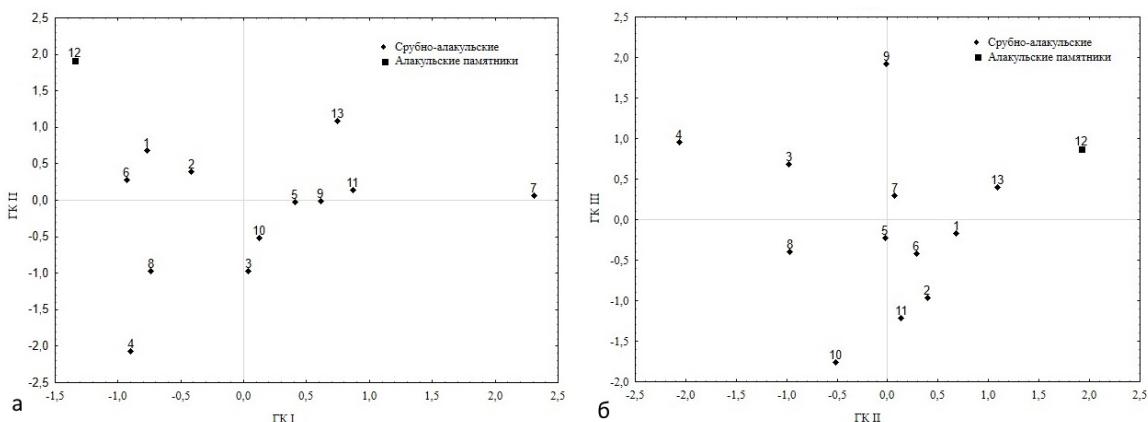

Рис. 5. Женские черепа Неплюевского могильника на фоне черепов из памятников срубно-алакульского и алакульского типа в пространстве ГК I и II (а) и ГК II и III (б):

1 — Неплюевский, к. 1, погр. 2А (ск. 2); 2 — Неплюевский, к. 1, погр. 25; 3 — Кульминский Пруд, к. 4, погр. 3; 4 — Кульминский Пруд, к. 4, погр. 1 (ск. 1); 5 — Дальний Лог, к. 1, погр. 1 (к. 4); 6 — Дальний Лог, к. 1 погр. 2; 7 — Каменный Дол I, к. 3, я. 2; 8 — Каменный Дол, к. 2, погр. 1 (ск. 2); 9 — менгир «Лисьи горы»; 10 — Агаповка II, к. 2 погр. 1; 11 — Агаповка II, к. 2, погр. 7 (к. 2); 12 — Тасты-Бутак I, погр. 32; 13 — Селивановский II, к. 1, погр. 10. Источники данных: 1, 2 — М.К. Карапетян, наст. публ.; 3–11 — [Китов, 2011], 12 — [Гинзбург, 1962]; 13 — [Нечвалода, 2017].

Fig. 5. Position of Nepljuevskii female crania relative to female crania from Srubnaya-Alakul (rhombic dots) and Alakul sites (square dots) in spaces of PC I–II (a) and II–III (b):

1 — Nepljuevskii, k. 1, bur. 2A(2); 2 — Nepljuevskii, k. 1, bur. 25; 3 — Kul'minskii prud, k. 4, bur. 3; 4 — Kul'minskii prud, k. 4, bur. 1, sk. 1; 5 — Dal'nii Log, k. 1, bur. 1, sk. 4; 6 — Dal'nii Log, k. 1, bur. 2; 7 — Kamennyi Dol I, k. 3, pit 2; 8 — Kamennyi Dol, k. 2, bur. 1, sk. 2; 9 — menhir «Lis'i gory»; 10 — Agapovka II, k. 2, bur. 1; 11 — Agapovka II, k. 2, bur. 7, sk. 2; 12 — Tasty-Butak I, fence 32; 13 — Selivanovskii II, k. 1, bur. 10. Data source: 1, 2 — Karapetian, this study; 3–11 — [Kitov, 2011], 12 — [Ginzburg, 1962]; 13 — [Nechvaloda, 2017].

Одонтология

Основные одонтологические характеристики группы представлены в табл. 6. Ввиду ограниченного объема статьи обсуждаются только ключевые признаки, дающие возможность широкого межгруппового анализа.

Морфологический комплекс населения, захороненного в Неплюевском могильнике, безусловно европеоидный, маркеры восточного одонтологического ствола если и встречаются, то редко: частота шестибугорковых первых нижних моляров (M_1) слегка повышена по европеоидному масштабу, то же можно сказать и о частоте встречаемости коленчатой складки метаконида. Лопатообразная форма первых верхних резцов не была зафиксирована ни разу, что выделяет материалы этого могильника на фоне большинства серий эпохи бронзы Южного Урала. Полностью отсутствует и дистальный гребень тригонида на M_1 , ни разу не был описан вариант 3 первой борозды эконуса (параконуса) на первом верхнем моляре (M^1). Яркой особенностью серии является очень высокая частота бугорка Карабелли, не имеющая аналогий в синхронных материалах с территории Южного Урала. Для погребенных в неплюевских курганах характерны повышенные частоты четырехбугорковых M_1 и M_2 . Повышение частоты встречаемости дополнительного бугорка *tami* на M_1 может свидетельствовать о присутствии некоего южного компонента в изучаемой серии.

Приведенная характеристика довольно определенно указывает на принадлежность этой серии к кругу грацильных форм. В одонтологии, опираясь на анализ данных по современному населению, были выделены два грацильных типа: северный и южный [Зубов, Халдеева, 1979, с. 250]. Для современных популяций повышенные частоты бугорка Карабелли и коленчатой складки метаконида на фоне грацильных нижних моляров служат основанием для отнесения выборки к представителям северного грацильного типа, который в наибольшей степени распространен среди финноязычных народов, повышенные же (по европеоидному масштабу) частоты дистального гребня тригонида скорее характерны для носителей южного грацильного типа, в большей степени распространенного на Кавказе и в Средней Азии. Однако в эпоху бронзы эти два грацильных типа еще не дифференцировались [Кашибадзе, 2006] и у погребенных в Неплюевском могильнике мы наблюдаем черты именно такого древнего недифференцированного грацильного комплекса.

Таблица 6

Одонтологическая характеристика населения, захороненного
в курганах 1 и 9 Неплюевского могильника

Table 6

Odontological characteristics of the group, interred in the kurgan 1 and 9 of Nepljujevski burial ground

Признаки	%	n/N
Лопатообразность I ¹ ($\Sigma 2-3$)	0,0	0/14
Лопатообразность I ² ($\Sigma 2-3$)	12,5	1/8
Редукция I ² (балл 1)	12,5	1/8
Редукция I ² (балл 2)	0,0	0/8
Корono-радикулярная борозда I ²	25,0	2/8
Дифференциация корня P ¹ ($\Sigma 2-3$)	45,5	5/11
Hy M ² ($\Sigma 3+$, 3)	37,5	6/16
Бугорок Карабелли M ¹ ($\Sigma 2-5$)	57,9	11/19
Дистальный маргинальный бугорок M ¹	25,0	5/20
Непрерывный косой гребень M ¹	47,4	9/19
me>hy M ¹	64,7	11/17
Средний балл редукции me M ¹	1,200	20
M ²	2,313	16
M ³	3,125	8
M ¹⁻³	2,213	
M1(4)	13,1	3/23
M1(6)	8,7	2/23
M2(4)	86,7	13/15
Узор коронки M ₁ : Y	63,7	14/22
X	22,7	5/22
+	13,6	3/22
Узор коронки M ₂ : Y	26,7	4/15
X	40,0	5/15
+	33,3	6/15
Дистальный гребень тригонид на M1	0	0/22
Коленчатая складка метаконид на M1	15,8	3/19
Эпикристид на M1	0	0/21
tami M1	13,7	3/22
Протостилид ($\Sigma 2-5$) M ₁	5,6	1/18
Ямка протостилида (p) M ₁	16,7	3/18
Межкорневой затек эмали ($\Sigma 5-6$) M ¹	0,0	0/20
M ²	57,1	8/14
M ₁	8,3	1/12
M2	53,8	7/13
Гиподонтия хотя бы одного M ³	21,4	3/14
M3	23,1	3/13
1eo (3) M ¹	0,0	0/12
2med (II) M ₁	25,0	4/16

Интересно определить место серии из Неплюевского могильника на фоне других групп эпохи бронзы с территории Урало-Поволжья. С этой целью для сравнительного анализа были привлечены суммарные серии эпохи бронзы, объединяющие памятники одного типа [Китов, 2011]. К сожалению, малая численность наблюдений по могильникам не позволяет корректно анализировать данные по отдельным памятникам. Результаты анализа соответствий представлены на рис. 6. Серия из Неплюевского могильника в пространстве 1 и 2 измерений занимает отчетливое изолированное положение, дистанцируясь от всех суммарных серий. Вряд ли причиной тому эффект численности, так как по численности она сопоставима с большинством сравниваемых. Однако к ее удаленности мог привести сам характер выборки, включившей, в противоположность остальным (суммарным), преимущественно материалы из одного кургана, под которым, возможно, было погребено много индивидов, связанных различной степенью родства². Эта изолированность наблюдается и в пространстве 2 и 3 измерений (график не приводится), и только в пространстве 1 и 3 измерений серия Неплюевского могильника несколько сближается

² На это указывают данные раскопок [Карапетян и др., 2019], повышенные частоты редких одонтологических маркеров (см. далее), а также ряд дискретно-варьирующихся признаков черепа [Куфтерин, 2020].

с памятниками срубной культуры западной части Оренбургской области и, в меньшей степени, с памятниками потаповского типа с территории Самарского Поволжья.

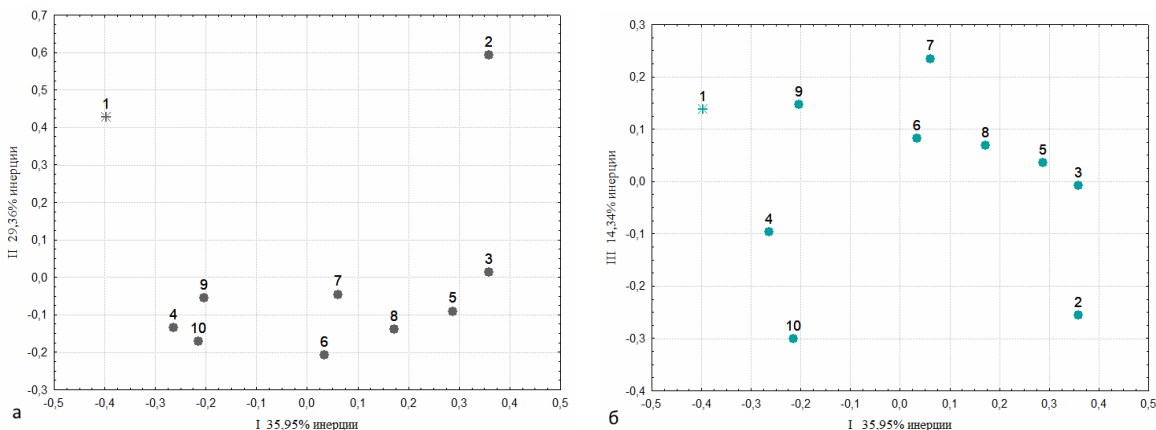

Рис. 6. Взаимное расположение серии из Неплюевского могильника и суммарных серий эпохи бронзы территории Урало-Поволжья (анализ соответствий) в пространстве измерений 1–2 (а) и 1–3 (б): 1 — Неплюевский могильник; 2 — синташтинский тип памятников Зауралья; 3 — синташтинский тип памятников Приуралья; 4 — потаповский тип памятников; 5 — петровская культура; 6 — покровский тип памятников; 7 — памятники срубно-алакульского типа; 8 — алакульская культура (степной полосы); 9 — срубная культура; 10 — срубная культура Башкирии. Источники данных: 1 — Н.А. Лейбова, наст. публ.; 2–9 — [Китов, 2011]; 10 — В.В. Куфтерин, неопубл. данные.

Fig. 6. Position of Nepluevskiy sample relative to the pooled Bronze Age samples from Ural-Volga region (correspondence analysis) in the space of 1–2 (a) and 1–3 (b) dimensions:

1 — Nepluevskiy bur. ground; 2 — Syntashta type (Trans-Urals); 3 — Syntashta type (Urals); 4 — Potapovka type; 5 — Petrovka culture; 6 — Pokrovka type; 7 — Srubnaya-Alakul type; 8 — Alakul culture (steppe zone); 9 — Srubnaya culture; 10 — Srubnaya culture (Bashkiria). Data sources: 1 — Leybova, this study; 2–9 — [Kitov, 2011]; 10 — Kuftherin, unpublished.

Расширим круг сопоставления и привлечем наряду со сборными сериями эпохи бронзы с территории Урало-Поволжья другие выборки эпохи бронзы с территории Северной Евразии. Как видно на графиках (рис. 7а, б), серия из Неплюевского могильника уже не занимает столь удаленного положения от остальных, сближаясь с сериями из погребений, относящихся к культуре крашеной керамики с территории Туркмении и трипольской культуре, представленной материалами могильника Маяк. В пространстве 1 и 3 измерений стабильно близкой остается серия трипольской культуры и приближается серия из могильника Кривое озеро. Причиной такой близости групп послужило реальное типологическое сходство морфологических комплексов упомянутых групп: для них всех характерно отсутствие лопатообразности, высокие частоты встречаемости бугорка Карабелли, грацильный тип М₁ (у носителей трипольской культуры и в Неплюевском могильнике), высокие частоты четырехбугорковых М₂, повышенные в европеоидном масштабе частоты коленчатой складки метаконида и отсутствие дистального гребня тригонида. Можно полагать, что на статистическом уровне погребенные в неплюевских курганах оказались бы еще ближе к представителям трипольской культуры, если бы в анализ был включен бугорок *tami* на М₁, который не учитывался, так как не во всех сериях, привлекаемых для сравнения, он определялся авторами. Частоты его повышены (13,7 % в неплюевских и 6,7 % в трипольских погребениях) на фоне редкой встречаемости этого бугорка в выборках с территории Северной Евразии.

Серийный одонтологический материал, анализ которого реализуется в рамках популяционного подхода, как правило, не дает возможности переходить на уровень индивидуального анализа. Такие попытки чаще всего оказываются малоинформативными и сомнительными. Однако в редких случаях, описывая морфологию зубов, можно обнаружить, что тот или иной индивид в значительной степени отличается от всех остальных в анализируемой серии. В случае с материалами могильника Неплюевский это девушка-подросток из к. 1, погр. 26. Она выделяется на фоне других нарушениями в развитии зубного ряда: гиподонтия МЗ (кроме верхнего с левой стороны) сопровождается гиподонтией второго нижнего левого резца и второго нижнего премоляра; персистенция (задержка в челюсти молочных зубов дольше положенного срока) обоих нижних и верхнего правого вторых молочных моляров и гиподонтия вторых нижних премоляров,

которые должны были прийти им на смену³. У нее выявлен и редкий для этой серии вариант однокорневого M_2 (восточный фен). И в целом по морфологии зубов она отличается от остальных большей выраженностью черт восточного одонтологического комплекса: это единственный индивид с выраженной лопатообразностью (балл 2) резцов (правда, только латеральных); наблюдается тенденция к редукции латерального резца, возможно — коленчатая складка на M_1 . Первые и вторые нижние моляры нередуцированные (пятибугорковые формы).

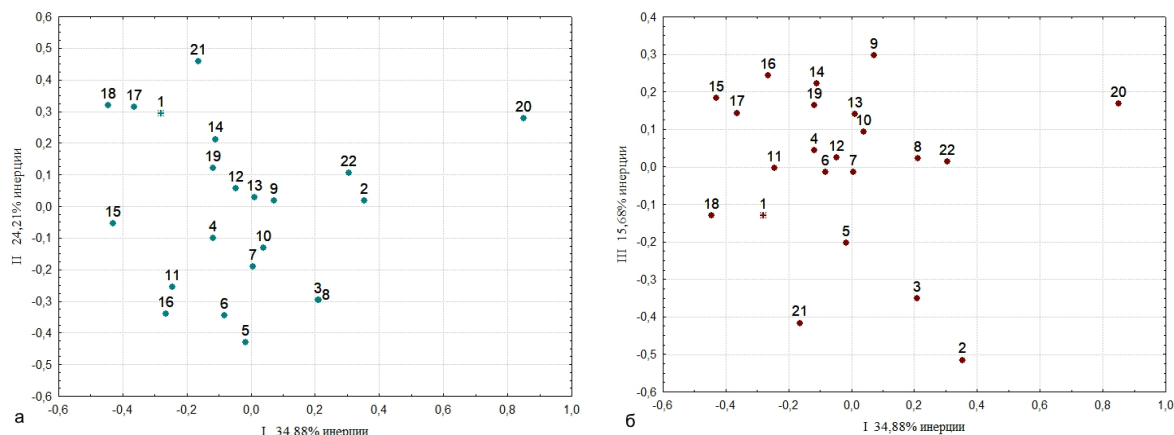

Рис. 7. Положение серии из Неплюевского могильника на фоне серий эпохи энеолита — бронзы

Северной Евразии (анализ соответствий) в пространстве измерений 1–2 (а) и 1–3 (б):

- 1 — Неплюевский могильник; 2 — синташтинский тип памятников Зауралья; 3 — синташтинский тип памятников Приуралья; 4 — потаповский тип памятников; 5 — петровская культура; 6 — покровский тип памятников; 7 — памятники срубно-алакульского типа; 8 — алакульская культура (степной полосы); 9 — срубная культура; 10 — срубная культура Башкирии; 11 — Кривое озеро; 12 — Гонур-депе; 13 — Алтын-депе; 14 — Кивуткалнс; 15 — фатьяновская культура; 16 — балановская культура; 17 — культура крашеной керамики Туркмении; 18 — трипольская культура; 19 — ямная культура Украины; 20 — окуневская культура; 21 — андроновская культура; 22 — карасукская культура. Источники данных: 1 — Н.А. Лейбова, наст. публ.; 2–9 — [Китов, 2011]; 10 — В.В. Куфтерин, неопубл. данные; 11 — Г.В. Рыкушина, неопубл. данные; 12 — [Рыкушина и др., 2003]; 13 — [Бабаков и др., 2001]; 14–16 — [Гравере, 1985, 1987]; 17 — [Гравере, 2002]; 18, 19 — [Гравере, 2002: данные С.П. Сегады]; 20, 21 — [Рыкушина, 1977]; 22 — [Рыкушина, 2007].

Fig. 7. Position of the Nepljuevskii sample against Eneolithic — Bronze Age samples from Northern Eurasia (correspondence analysis) in spaces 1–2 (a) and 1–3 (b) dimensions:

- 1 — Nepljuevskii burial ground; 2 — Syntashta type (Trans-Urals); 3 — Syntashta type (Urals); 4 — Potapovka type; 5 — Petrovka culture; 6 — Pokrovka type; 7 — Srubnaya-Alakul type; 8 — Alakul culture (steppe zone); 9 — Srubnaya culture; 10 — Srubnaya culture (Bashkiria); 11 — Krivoye Ozero bur. ground; 12 — Gonur-depe; 13 — Altyn-depe; 14 — Kivutkulns bur. ground; 15 — Fatyanovo culture; 16 — Balanovo culture; 17 — culture of painted ceramics of Turkmenistan; 18 — Tripolye culture; 19 — Yamnaya culture (Ukraine); 20 — Okunev culture; 21 — Andronovo culture; 22 — Karasuk Culture. Data sources: 1 — Leybova, this study; 2–9 — [Kitov, 2011]; 10 — Kufterin (unpublished); 11 — Rykushina, unpublished; 12 — [Rykushina et al., 2003]; 13 — [Babakov et al., 2001]; 14–16 — [Gravere, 1985, 1987]; 17 — [Gravere, 2002]; 18, 19 — [Gravere, 2002: data by Segeda]; 20, 21 — [Rykushina, 1977, 2007].

Еще одной яркой (пожалуй, даже уникальной) особенностью данной серии является эктопия эмали вторых верхних моляров. «Эмалевая жемчужина (зерно)» на дистальной поверхности корня зафиксирована у 5 индивидов из 12 (у остальных наблюдение невозможно). Обнаружена эктопия эмали у индивидов в кургане 1: погр. 1 (ск. 2); погр. 2Б; погр. 28 (ск. 1); п. 30; п. 32 (ск. 2). Этот признак относится к числу редких, в большинстве популяций не встречается вовсе, а если и фиксируется, то с частотой не более нескольких процентов и рассматривается как маркер близкого родства. Попытка определения биологического «родства» у захороненных в могильнике индивидов, основанная на анализе дискретных признаков черепа, была предпринята В.В. Куфтериним [2020]. По результатам анализа особенностей распределения дискретных признаков именно индивиды из погр. 2Б–30 и 28(ск. 1)–32(ск. 2) с эктопией эмали, наряду с еще двумя парами, могут являться наиболее вероятными биологическими «родственниками». Такие высокие показатели эктопии эмали в изучаемой серии указывают на необходимость обратить более пристальное внимание на ее фиксацию в палеоодонтологических материалах.

³ Отсутствие закладок перечисленных постоянных зубов подтверждено рентгенографическим исследованием в НИИ и Музее антропологии МГУ на аппарате «ПРДУ-02».

Обсуждение

В целом изученная краниологическая выборка относительно однородна по таким признакам, как узкий, резко выступающий нос с высоким переносьем и резкая горизонтальная профилировка, при некотором своеобразии отдельных черепов по ряду признаков. В группе преобладают индивиды относительно (и абсолютно) высоколицые, узко- и высоконосые со средним или небольшим по ширине лицом, долихокраниые, тяготеющие к выраженно европеоидным формам, описанным для синхронных могильников срубно-алакульского типа и алакульской культуры Южного Зауралья.

Присутствие черепов с подобным комплексом в сериях поздней бронзы Южного Урала и прилегающих территорий отмечалось неоднократно. В частности, они находят аналогии в срубных материалах юга и юго-запада Башкирии [Юсупов, 1989] по таким признакам, как относительная высоколицесть, узкие и высокие носовые кости, резко профилированное лицо и небольшие размеры поперечного диаметра черепной коробки. Присутствие подобного морфологического типа в указанных выборках Р.М. Юсупов связывал с вариантом древней средиземноморской расы [1989]. А.А. Хохловым зафиксировано присутствие лептоморфных относительно высоколицых черепов с узкой и длинной черепной коробкой в срубной серии из Боголюбовского могильника Оренбургской области, которую автор связывает с лептоморфным вариантом южноевропеоидного типа. Он отмечает, что «такой комплекс признаков напоминает известный в литературе «восточносредиземноморский», характерный для ряда серий Средней и Передней Азии, Кавказа» [Хохлов, 2014, с. 121]. Присутствие черепов гипоморфного южноевропеоидного типа отмечается и в отдельных срубно-алакульских и алакульских памятниках Южного Зауралья [Китов, 2011], в том числе в могильнике у с. Хабарное в Оренбургской области, изученном В.П. Алексеевым (см.: [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 94]). В особенности это характерно для южной части указанной территории, в то время как на севере наблюдается максимальная концентрация уралоидного компонента, а в средней ее части преобладают черепа гиперморфного облика [Китов, 2011, с. 144]. Разные варианты «южноевропеоидного» комплекса, в том числе высоколицые с хорошо профилированным лицом и высоким носом, прослеживаются и в выборках петровской культуры Южного Урала [Китов, 2011, с. 87] и в алакульских сериях Казахстана [Гинзбург, 1962; Алексеев, 1967]. В частности, В.В. Гинзбург отмечает наличие черепов «средиземноморского» типа в могильнике Тасты-Бутак I Актюбинской области, однако обращает внимание на малую высоту лица в мужской части этой серии (в отличие от женской). Автор предполагает, что данная особенность может отражать смешение с более низколицым европеоидным населением, широко представленным в эпоху бронзы на территории Казахстана и Южной Сибири [Гинзбург, 1962, с. 196].

Вместе с тем вопрос о наличии южного вектора связей у населения алакульской культуры является дискуссионным. Так, по мнению А.Г. Козинцева, истоки антропологического типа населения западного варианта алакульской культуры находятся на территории зарубежной Европы, на что указывает близкое сходство, обнаруживающееся между этими группами и более древними сериями Украины и Европы [2017]. К сожалению, немногочисленность неплюевских черепов хорошей сохранности, а также тот факт, что все они происходят из одного кургана и могли принадлежать родственникам, не позволяют нам на данном этапе провести полноценный межгрупповой анализ и определить положение этой выборки на фоне других серий. Надеемся, что эта возможность представится в будущем, если раскопки могильника будут продолжены.

Анализ особенностей морфологии зубной системы позволил отнести погребенных в Неплюевском могильнике к представителям грацильного одонтологического типа. Межгрупповой анализ выявил сходство изучаемой серии с населением с территории Восточной Европы, в частности с представителями трипольской культуры, погребенными в могильнике Маяк. Это население рассматривается как самые древние носители грацильного типа, определенного в свое время как южный, на территории Восточной Европы. Интересно, что, по наблюдениям Т.С. Кондукторовой [1973], в конце неолита и энеолита в южном поясе неолитических культур Восточной Европы выявляется средиземноморский компонент в серии черепов из памятников культуры крашеной керамики Туркмении и главным образом наличие этого типа почти во всех краниологических сериях трипольской культуры. Таким образом, морфологическая близость рассматриваемых материалов с носителями трипольской культуры и культуры крашеной керамики Туркмении выглядит хоть и неожиданно, но не является случайной и указывает на широкое распространение древнего грацильного варианта и сохранение его черт у населения Южного Зауралья в эпоху бронзы.

Заключение

Изученные скелетные останки по комплексу краниологических и одонтологических характеристик представляют европеоидную группу населения. Неплюевские черепа демонстрируют сходство с отдельными черепами из срубно-алакульских и алакульских памятников и находят аналогии среди высоколицых грацилизированных форм, относимых рядом исследователей к южноевропеоидному типу. На принадлежность неплюевской серии к кругу грацильных форм указывают результаты одонтологического анализа, выявившего близость группы к серии трипольской культуры.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Г.В. Рыкушиной и В.В. Куфтерину за предоставление неопубликованных одонтологических данных и А.И. Нечвалода — краниометрических данных.

Финансирование. Работа выполнена по гранту РФФИ № 16-18-10332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)» (рук. Л.Н. Корякова). Инфраструктура исследования (хранение и доступ к антропологической коллекции) поддержана на средства госзадания № АААА-А16-116040110036-1 «Древние и средневековые культуры Урала: глобальные особенности в региональном контексте».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита — бронзы: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2013. 34 с.

Литература

- Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // В.И. Сарияниди. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. С. 105–132.
Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // В.С. Сорокин. Могильник Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 186–198.
Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.
Гравере Р.У. Характеристика зубной системы кивуткальской краниологической серии // Кивуткальский могильник эпохи бронзы. Рига: Зинанте, 1985. С. 73–102.
Гравере Р.У. Этническая одонтология латышей. Рига: Зинанте, 1987. 238 с.
Гравере Р.У. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Науч. мир, 2002. С. 205–218.
Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 202 с.
Зубов А.А., Халдеева Н.И. Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. 255 с.
Карапетян М.К., Шарапова С.В., Якимов А.С. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // УИВ. 2019. № 1 (62). С. 28–37. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-28-37.
Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии: Одонтологическое исследование. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 312 с.
Козинцев А.Г. Происхождение западных алакульцев по данным краниометрии: (Об одной затянувшейся дискуссии) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб: МАЭ РАН, 2017. С. 277–287.
Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
Куфтерин В.В. Краниологический материал из Березовского V и Селивановского II могильников // Я.В. Рафикова, В.К. Федоров. Курганы Южного Зауралья. Уфа: Китап, 2017. Кн. 1. С. 210–215.
Куфтерин В.В. Дискретные признаки на черепах из кургана 1 Неплюевского могильника и некоторые проблемы внутригруппового анализа фенетических данных // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2020. № 1. В печати.
Нечвалода А.И. К антропологии населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья: Черепа курганного могильника Лаимберды // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: Современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Уфа: Диалог, 2016. С. 174–189.
Нечвалода А.И. Кранио-одонтологическое исследование черепа и пластическая реконструкция внешнего облика женщины из погребения 10 кургана 1 Селивановского II могильника // Я.В. Рафикова, В.К. Федоров. Курганы Южного Зауралья. Уфа: Китап, 2017. Кн. 1. С. 216–224.
Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии. Вып. 57. 1977. С. 143–154.

Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский

- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый сад, 2007. 198 с.
- Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе // Наука о человеке и общество: Итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 130–140.
- Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 113–131.
- Хохлов А.А. Результаты антропологических исследований // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 120–130.
- Шарапова С.В., Луайе Ж. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // УИВ. 2017. № 1 (54). С. 103–113.
- Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 127–138.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. № 55 (4). P. 1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.

M.K. Karapetian ^a, N.A. Leybova ^b, S.V. Sharapova ^c

^a Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation
^b Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninski prosp., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation
^c Institute of History and Archaeology of Urals Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: marishkakar@hotmail.com;
nsuovorova@mail.ru;
svetlanasharapova01@mail.ru

Late Bronze Age anthropological materials from the Nepljuevski kurgan cemetery

The body of works on craniological and paleodontological analyses of the materials from the Bronze Age sites of the Southern Trans-Urals still has not clarified the question of the genesis of the people who lived in this area. This is partly due to fragmentary state of the available materials, so that publication of new data appears highly relevant. This paper deals with the results of craniological and dental analyses of an osteological sample from two kurgans of the Nepljuevski burial ground, excavated between 2015 and 2017 by a Russian-German archaeological expedition. The burial ground is located 300 km south-west of Chelyabinsk city, in Kartalinsky district in the steppes of the Southern Trans-Urals. The recovered materials are dated to the Late Bronze Age and attributed to the Srubnaya-Alakul Culture variant. Materials and methods. Metric description of 5 male and 6 female crania is given. The dental sample comprised remains of 14 children and adolescents and 12 adults. Standard craniometric and paleodontological protocols were used. Statistical procedures included principal component analysis (PCA) for craniometric traits and correspondence analysis for odontological traits. Results. Generally, the crania show morphology characteristic for the European (Caucasian) groups. The male crania are homogenous in such traits as narrow, vividly protruding nose and a pronounced horizontal profiling. The sample is dominated by individuals with a high facial height. Females and males generally show morphological similarities, but females, on average, have a relatively higher braincase, wider and lower orbits, a relatively wider nose, and slightly less pronounced horizontal profiling. The odontological analysis is in line with the craniometric data indicating European ancestry. One of the distinct characteristics of this sample is the presence of «enamel pearls» — a usually rare trait — in 5 out of 12 individuals, which may indicate an increased percentage of biological relatives in it. Conclusion. Overall, the crania from kurgan 1 find analogies among gracilized high-faced forms widespread in Southern Urals and Kazakhstan during the Bronze Age, often linked to the southern ancestry. The attribution of the Nepljuevski sample to the circle of gracile forms is indicated by the results of odontological analysis, which revealed its proximity to the Tripolye culture sample.

Key words: Southern Ural, Late Bronze Age, Srubnaya-Alakul cultural type, craniometry, paleodontology.

Acknowledgements. The authors express gratitude to G.V. Rykushina and V.V. Kufferin for providing unpublished odontological and to A.I. Nechvoloda for craniometric data.

Funding. The study was financed by the Russian Science Foundation, grant № 16-18-10332. The research infrastructure (storage and access to the anthropological collection) was provided by the state project № AAAA-A16-116040110036-1 «Ancient and medieval cultures of the Urals: global characteristics in regional context».

REFERENCES

- Alexeev V.P. (1967). Anthropology of the Andronovo culture. *Sovetskaia arkheologiya*, (1), 22–26. (Rus.).
- Alexeev V.P., Debets G.F. (1964). *Cranionetry: Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

- Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vasil'ev S.V., Pestriakov A.P., Khodzhaiov T.K. (2001). Anthropological characterisation of population buried in the Gonur-Depe necropolis. In: V.I. Sarianidi. *Nekropol' Gonura i iranskoe iazychestvo*. Moscow: Mir-media, 105–132. (Rus.).
- Gravere R.U. (1985). Characterizing the dentition of kivutkalnskoi craniological series. In: *Kivutkalnskii mogil'nik epokhi bronzы*. Riga: Zinante, 73–102. (Rus.).
- Gravere R.U. (1987). *Ethnic odontology of Latvians*. Riga: Zinante. (Rus.).
- Gravere R.U. (2002). Odontological aspect of ethnogenesis and ethnic history of the East Slavic peoples. In: T.I. Alexeeva. (Ed.). *Vostochnye slaviane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya. 2nd ed.* Moscow: Nauchnyi mir, 205–218. (Rus.).
- Ginzburg V.V. (1960). Materials on the anthropology of Western Kazakhstan Bronze Age population. In: V.S. Sorokin. *Mogil'nik Tasty-Butak 1 v Zapadnom Kazakhstane*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 186–198. (Rus.).
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A. (1972). *Paleoanthropology of Central Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Karapetian M.K., Sharapova S.V., Yakimov A.S. (2019). New data on lifestyle of the population during the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (1), 28–37. (Rus.).
- Kashibadze V.F. (2006). *The Caucasus in the anthropohistorical space of Eurasia: Odontological study*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo IuNTs RAN. (Rus.).
- Khokhlov A.A. (2014). Results of anthropological research. In: N.L. Morgunova. (Ed.). *Bogoliubovskii kurgannyi mogil'nik srubnoi kul'tury v Orenburgskoi oblasti*. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 120–130. (Rus.).
- Konduktorova T.S. (1973). *Anthropology of the population of Ukraine Mesolithic, Neolithic and Bronze Age*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kozintsev A.G. (2016). Origin of Western Alakul people based on craniometric data: (On one ongoing discussion). In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2016 g.* St. Petersburg: MAE RAN, 277–287. (Rus.).
- Kufterin V.V. (2017). Craniological materials from Berezonki V and Selivanovski II burial ground. In: Y.V. Rafikova, V.K. Fedorov. *Kurgany luzhnogo Zaural'ia. Kn. 1*. Ufa: Kitap, 210–215. (Rus.).
- Kufterin V.V. (2020). Non-metric traits in cranial sample from Nepluyevsky cemetery (kurgan 1) and some aspects of intra-group analysis of phenetic data. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, (1). In press. (Rus.).
- Nechvaloda A.I. (2016). To the anthropology of the population of the Late Bronze Age Bashkir Trans-Urals region: Skull with Laimberdy barrow burial. In: *Istoriko-kul'turnye protsessy na luzhnom Urale v epokhu pozdnei bronzы: Sovremennye problemy izucheniia i sokhraneniia kul'turnogo nasledii*. Ufa: Dialog, 174–189. (Rus.).
- Nechvaloda A.I. (2017). Cranio-odontological study and plastic reconstruction based on a skull from burial 10 of Selivanovski II burial ground. In: Y.V. Rafikova, V.K. Fedorov. *Kurgany luzhnogo Zaural'ia. Kn. 1*. Ufa: Kitap, 216–224. (Rus.).
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A. (2013). IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887.
- Rykushina G.V. (1977). Odontological characteristics of the Karasuk culture population. *Voprosy antropologii*, (57), 143–154. (Rus.).
- Rykushina G.V. (2007). *Paleoanthropology of the Karasuk culture*. Moscow: Staryi sad. (Rus.).
- Rykushina G.V., Dubova N.A., Suvorova N.A. (2003). Odontological characteristics of the ancient Turkmenistan population (based on materials from the Bronze Age burial ground Gonur-Depe). In: *Nauka o cheloveke i obshchestvo: Itogi, problemy, perspektivy*. Moscow: IEA RAN, 130–140. (Rus.).
- Sharapova S.V., Loyer J. (2017). Paleopathological study of the Bronze Age children's burials (the Nepluyevsky cemetery case study). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 54(1), 103–113. (Rus.).
- Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. (2013). Bronze Age craniological materials from Kazakhstan. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 113–131. (Rus.).
- Yusupov R.M. (1989). Anthropology of the Srubnaya culture population in Southern Cisurals. In: *Materialy po epokhe bronzы i rannego zheleza luzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ia*. Ufa: BNTs UrO SSSR, 127–138. (Rus.).
- Zubov A.A. (1968). *Odontology: Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov A.A. (1973). *Ethnic Odontology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. (1979). *Ethnic odontology of the USSR*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Карапетян М.К., <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

Лейбова Н.А., <https://orcid.org/0000-0003-0635-0725>

Шарапова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-12>

С.Н. Корусенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. К. Маркса, 15, Омск, 644024
E-mail: tomil65@rambler.ru

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ КНЯЗЕВЫ: ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

На основе анализа архивных материалов исследована социальная трансформация семейно-родственного клана Князевых на протяжении XVIII–XX вв. В результате изучения истории поселения сибирских татар и реконструкции генеалогий его жителей доказано происхождение Князевых от князца аялынцева — одной из групп татар Западной Сибири. Высокий социальный статус Князевы поддерживали путем заключения браков с представителями элитных бухарских родов Айтыкиных и Шиховых.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, сибирские татары, Князевы, социальный статус, генеалогии.*

Проблемы этнической истории татар Западной Сибири начинают разрабатываться с 1950-х гг. В рамках данного направления в начале 1970-х гг. впервые был осуществлен сбор родословных среди тюркоязычного населения данного региона под руководством Н.А. Томилова [1974, с. 154]. За основу была взята методика генеалогических описаний, разработанная московскими сибиреведами-этнографами Г.М. Афанасьевой и Ю.Б. Симченко [1992] на материалах народов Севера Сибири. Этногенеалогические исследования на юге Западной Сибири первоначально были направлены на выявление различных этнических компонентов в составе современных татар Сибири, которые сформировались путем конгломерации местных тюркоязычных групп и пришлого населения — выходцев из регионов Средней Азии, Поволжья и Приуралья [Томилов, 1993]. Сопоставление современных родословных с данными других источников, например переписей населения XVIII–XIX вв., позволяет реконструировать генеалогические связи жителей в более ранние исторические периоды, в результате чего раскрываются многие страницы этнической истории народов.

В ходе многолетних этнографических экспедиций омских этнографов собрано свыше 3000 родословных татар Западной Сибири. При соотнесении архивных источников и современных родословных реконструировано более 300 генеалогических схем. Данные материалы, помимо изучения этнической и социальной структуры населения, позволяют также выделить места образования тех или иных фамилий и проанализировать расселение представителей семейных кланов, их брачные связи. До 1930-х гг. у большинства коренного населения Сибири фамилий не было, а в документах российской администрации в качестве фамилии фиксировалось имя отца с добавлением притяжательного суффикса (-ов, -ев, -ин), в результате чего со сменой поколения менялась и так называемая фамилия. Однако ряд элитных родов тюркоязычного населения уже в конце XVIII — XIX в. имели закрепленные фамилии, например сибирские бухарцы Шиховы [Bustanov, Korusenko, 2014], Имяминовы [Bustanov, Korusenko, 2010], Айтыкины [Валеев, 1991], дворянский род служилых татар Кульмаметьевых [Бакиева, 2015; Тычинских, 2007]. Большинство татарских фамилий образовано от арабских имен, частично антропонимикон составляли имена тюркского и персидского происхождения. Поэтому татары с необычной фамилией Князевы из д. Берняжка Большереченского района Омской области, где в 1994 г. работала этнографическая экспедиция под руководством автора, стали объектом особого внимания, тем более что они подчеркивали свое сибирское происхождение, а историю предков связывали с историей данного населенного пункта. Цель исследования — реконструировать генеалогию сибирских татар Князевых, выявить причины появления именно такой фамилии и проанализировать влияние социально-политических и социально-экономических процессов, происходивших в России на протяжении XVIII–XX вв., на социальную трансформацию рода.

Источниками послужили материалы Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., ревизских сказок с 1782 по 1858 г. и первичные листы Всероссийской переписи населения 1897 г., по которым стало возможным проследить род Князевых в генеалогической преемственности, выявить социальное положение его представителей. В качестве источников, собранных в этнографической экспедиции 1994 г., выступают родословные и исторические предания татар д. Берняжка. В работе также используются различные делопроизводственные материалы XVIII — начала XX в., в которых имеются сведения о данном населенном пункте и представителях рода Князевых.

История Берняжки

История рода Князевых неразрывно связана с историей современной д. Берняжка — одного из ранних поселений аялинцев (группа сибирских татар) на территории Тарского Прииртышья. В документах XVII–XIX вв. она называлась по-разному: Тарта(о)мак / Тар-Тамак (*Тара* — название реки, *тамак* — устье), юрты Бернагуловы, юрты Усть-Тарские, Берняжка. Существует также народное название этой деревни — Уба. Сведения об указанном поселении встречаются во многих опубликованных работах. С.В. Бахрушин, изучая первоначальный период колонизации Сибири, рассматривал процесс захвата русскими поселенцами земель аборигенов. В частности, он, ссылаясь на Дозорную книгу Тарского уезда 1701 г., приводил в пример аялынского князя Иткучука Буканова (в самой дозорной книге — Бучкаков, С.В. Бахрушин неправильно прочитал фамилию. — С. К.), который в результате споров согласился на поселение русских служилых людей в деревне Тар-Тамак [1955, с. 169]. Данный спор, его основания и результаты стали отдельным объектом изучения [Бережнова, Корусенко, 2006].

Численность и этнический состав населения Усть-Тарской (Бернагуль) по материалам 4-й (1782 г.) и 5-й (1795 г.) ревизий населения приведены Н.А. Томиловым при анализе группы тарских татар [1981, с. 150–154]. Им же опубликованы народные предания о переселении жителей деревни на другой берег Иртыша [Томилов, 1996, с. 190–191].

Используя метод картографирования, С.С. Тихонов локализовал на современной карте поселения татар первой трети XVIII в., основываясь на описаниях Г.Ф. Миллера. В числе этих поселений — Тар-Тамак аул, расположенный на месте современной русской деревни Усть-Тары [Тихонов, 2004, с. 212, 230]. В работе И.А. Селезневой рассмотрен сюжет о перенесении д. Берняжка (бывших юрт Усть-Тарских) на другой берег Иртыша [2000].

Казалось бы, данный населенный пункт сибирских татар не обойден вниманием исследователей. Однако так и остались до конца не решенными проблемы его локализации в разные хронологические периоды, а также неясны причины и последствия «переселения» деревни. В исторических преданиях татар д. Берняжка имеются сведения о двух переселениях ее жителей. В результате первого они переехали примерно на 2 км вверх по течению р. Тары от предыдущего места, которое находилось на месте современной русской деревни Усть-Тара — на правом берегу Иртыша и правом берегу Тары недалеко от ее устья. Новое место не устроило татар, так как оно постоянно затопливалось, и через несколько лет татары этой деревни облюбовали возвышенный участок на левом берегу Иртыша, где и находится сейчас Берняжка. Поэтому деревню жители также называют Уба, что значит «возвышенное место» [Лосева, Томилов, 1980, с. 29].

В Дозорной ясачной книге Тарского уезда 1625 г. в д. Тартамак перечислено 14 плательщиков ясака [РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 11, ч. 3, л. 254об.–255], среди которых указан Бернагул Айбахтыев, от имени которого, возможно, образовано одно из названий деревни. Данное имя упоминается в рассказах информатора А.С. Князева 1913 г.р., который указал, что Бернагул был товарищем Бучкакова [Архив МАЭ, л. 133], а его имя трансформировалось затем в современное название деревни. В материалах Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. [РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1182, л. 365–369] в деревне Усть-Тарской (второе название — Тартамак) переписано 23 ясачных татарина — глав семей, а также указан князец Иткучук Бучкаков, с которого и начинается перепись населения деревни. Здесь же описаны земли, находившиеся во владении жителей деревни Усть-Тарской. Так как русские поселились без разрешения «на их, ясачных татар, земле и построились дворами без указа Великого Государя и без челобитья, сами собой» [Там же, л. 368 об.], татары решили официально закрепить за собой свои земли, обратившись к переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову, после чего получили от него официальные документы на владение землей — выпись.

В 1854 г. составлено описание земель инородцев Тарского округа [ГИАОО. Ф. 183, оп. 3, д. 562]. Из данного документа становится очевидным, что деревня расположена уже на левобе-

режье Иртыша на месте современной деревни Берняжка. В документе приведено старое и новое название деревни одновременно — Усть-Тарская Берняжка. Именно в ней находилось правление Аялынской волости, т.е. статус деревни в связи с ее перенесением к дороге, соединяющей юг и север округа, становится совершенно иной. Уточнить время переноса деревни на новое место стало возможным при изучении делопроизводственных документов, связанных с созданием фонда казенных земель во второй половине XIX в. Бывшие ясачные, а ныне инородцы отстаивали свои права на землю, подтверждая их выписями из дозорных книг конца XVII — первой трети XVIII в. В решении Тарского окружного суда по делу, веденному в 1877 и 1878 гг., записано, что «владеемую татарами юрт Усть-Тарских (Берняжки то ж) землю оспариваемую Тарским окружным стряпчим оставить во владении их, а г-ну стряпчему в ходатайстве об отчуждении этой земли в казну отказать...». Из материалов этого дела становится известным, что в 1842 г. жителям деревни разрешили переселиться на другой (левый) берег Иртыша, а земли, которые «исстари» принадлежали жителям деревни как на правом, так и на левом берегу Иртыша, по-прежнему находились в их распоряжении [Там же, оп. 1, д. 134].

В работе И.А. Селезневой [2000] анализируется факт переселения данной деревни с левого на правый берег Иртыша на основании прошения ее жителей, датированного 1889 г. Автор делает однозначный вывод, что переселение произошло в конце XIX в. При более внимательном прочтении документа [ГУТО ГАТ. Ф. 152, оп. 40, д. 61] и сравнении его с другими источниками выясняется следующая история переселения деревни. В 1889 г. татары просили разрешить им переселиться обратно (т.е. на правый берег Иртыша), так как земли вокруг деревни (на левом берегу Иртыша) принадлежали крестьянам деревни Секменовой и села Усть-Тарского (русского. — С. К.), а земли татар находятся на противоположном, правом, берегу Иртыша «при реке Таре и озере Тептерь» [Там же, л. 1а]. К прошению прилагался приговор Усть-Тарского сельского общества, в котором за всех неграмотных расписался по-татарски Ахмет Абдул-Ганеевич Князев. В списках населенных мест по волостям Тарского уезда за 1900 г. [Там же. Ф. 417, оп. 1, д. 409, л. 52] к Усть-Тарскому сельскому обществу Аялынской волости приписан выселок Тартамакский. При изучении этносоциального и количественного состава населения д. Усть-Тарской (Берняжки) по материалам переписей населения конца XVIII — XIX в. первоначально не ясно, почему к концу XIX в. существенно сократилось количество жителей и связано ли это с изменением места расположения деревни. Прояснить это обстоятельство удалось, исследовав первичные материалы переписи населения 1897 г. по д. Ново-Мурлинской [Там же, оп. 2, д. 2167]. В 1897 г. в д. Ново-Мурлинской переписано 26 семей, 11 из которых — бывшие жители д. Усть-Тарской, в том числе 3 семьи Князевых. Очевидно, переселение в 1842 г. с правого на левый берег Иртыша устроило не всех, поэтому часть населения образовала заимку, а часть — новую деревню в 1862 г., названную от урочища Мурлы Ново-Мурлинской (южнее на левобережье Иртыша уже была татарская деревня Мурлинская). В результате переселения 1842 г. изменился тип деревни Усть-Тарской — из приречной она стала притрактовой, что способствовало развитию поселения и выбору ее в качестве центра Аялынской волости. Это привело к усилению социальной значимости и имущественному обогащению потомков князя Иткучука Бучакова. Аялынская волость просуществовала до 1924 г. и после административных преобразований вошла в состав Евгашинской укрупненной волости.

Реконструкция рода Князевых

Род Князевых достоверно можно вести от князя Иткучука Бучакова, сведения о котором имеются в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1182, л. 365–369]. Он был князем на протяжении длительного времени, об этом свидетельствует указ Тарской воеводской канцелярии на владение дворовыми местами, выданный князю Иткучуку Бучанову в 1737 г. [Материалы..., с. 94]. Г.Т. Бакиева приводила примеры о сроке службы старшин у татар и писала, что князец Аялынской волости (без указания фамилии) находился в должности 42 года [2003, с. 68]. На основе косвенных данных можно предположить, что речь идет именно об Иткучуке.

В материалах 4-й ревизии (1782 г.) князем Аялынской волости, ответственным за подачу сведений об ясачных татарах нескольких деревень, указан Кулуш Ешев. Перепись же населения д. Усть-Тарской начинается с сына «умершего князя Ташбулата Ирышева» Иткучука, которому 16 с половиной лет (примерно 1766 г.р.) и который проживает со своей матерью вдовой Атицей Алимовой 49 лет (т.е. 1733 г.р.) [ГУТО ГАТ. Ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 1106]. Здесь же зафиксирована семья Баки Аешеве (Ешев), чей брат Кулуш Ешев и указан в тот период князем Аялынской волости. В

последующих ревизиях описание населения деревни начинается с потомков Ташбулата, вслед за которыми указывались потомки Кулуша. Вероятно, что эти две линии идут от одного предка. Возможно, возраст в данный период не позволял Иткучуку Ташбулатову заниматься сбором ясака. Но уже в 1788 г. в окладной книге по сбору ясака с ясачных татар Аялынской волости он значится как князец [ГИАОО. Ф. 408, оп. 1, д. 78, л. 18]. Рассматривая эти источники, необходимо обратить внимание на имя и отчество матери Иткучука Ташбулатова. Имя Атица, скорее всего, неправильно записанная огласовка имени жены Мухаммеда Хадиджы, которое бытовало среди бухарцев, а позднее татар как Хадица (Хадича). Отчество в форме фамилии Алимова происходит от имени Алим, которое в XVIII в. в данном регионе можно соотнести только с Алимом Шиховым — известным представителем бухарского рода Шиховых. Фактически сразу после переселения в Сибирь бухарцы стремились породниться с социально значимыми семействами местных тюркоязычных групп, в данном случае с семьей князца. В исторических преданиях о переселении деревни Берняжка (Усть-Тарской), собранных у Абдрахима Сагитовича Князева (1913 г.р.), произошло совмещение имен — в его предании главным действующим лицом становится Алимших Бучаков, который поехал к царю и получил много земли. В реальности поездка Алима Шихова преследовала другие цели — подачу челобитной в Сенат о насильственном крещении митрополитом Сильвестром татар и бухарцев [Корусенко, 2013]. Факт породнения Князевых с Шиховыми станет причиной совместных действий их потомков с бухарцами в 1920-е гг., о чем речь пойдет далее.

Материалы 5-й, наиболее информативной, ревизии (1795 г.) по Аялынской волости не сохранились, а именно в них указывалась этносоциальная принадлежность жены и за кого выдана замуж дочь. Материалы 6-й ревизии (1812 г.) также сохранились частично, при ее проведении учитывалось только мужское население. В материалах 7-й ревизии (1816 г.) среди ясачных татар указан Иткучук Ташбулатов 49 лет с семьей [ГУТО ГАТ. Ф. 154, оп. 8, д. 354, л. 798–799]. Его семью можно отнести к трехпоколенной, когда старшие дети с семьями проживают вместе с родителями. Совместно с Ташбулатом и его женой Бахты записаны четыре сына, двое из которых уже имели свои семьи. Старшим сыном указан Аvas 29 лет с женой Шербаны 16 лет и сыном от первой жены Аптрахимом 3 лет. Судя по всему, первая жена Аваса умерла. Второй сын Маметей 20 лет записан с женой Бабиной 18 лет и четырехмесячной дочкой. Остальные два сына еще не были женаты по причине возраста — это Ташбулат 16 лет (названный в честь деда) и Абит 7 лет.

В материалах 9-й ревизии (1850 г.) зафиксирована семья старшего сына Иткучука Ташбулатова Аваса Иткучукова [Там же, д. 653, л. 52–53] в составе 37 человек, из которых 5 умерли к моменту проведения ревизии. По существующим типологиям ее можно отнести к трехпоколенной братской семье, где старший брат отвечал также за жен и детей своих умерших братьев. Если рассмотреть типологию семей татар Сибири на протяжении XVIII в. (например, по материалам дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и далее ревизий населения), то в основном это были двух-, реже — трехпоколенные семьи. Процесс «разрастания» семей фиксируется в материалах ревизий первой половины, особенно второй четверти, XIX в. во многих татарских поселениях. Дело в том, что в 1822 г. с принятием Устава «Об управлении инородцев» оседлых инородцев (к которым отнесли ясачных татар Сибири) фактически приравнивали к государственным крестьянам, особенно в области землепользования. До начала действия Устава ясачным татарам на основе «права старины» принадлежали значительные земельные пространства. Постепенно государство в связи с организацией процесса межевания с 1830-х гг., проведением активной переселенческой политики (начиная с реформ Киселева 1840-х гг.) стало изымать излишки земель бывших ясачных татар. Поэтому в материалах 8–10-й ревизий населения фактически переписана была не семья, а семейный клан, включающий порой свыше 50 человек, по причине сохранения за собой родовых земельных владений.

Материалы данной ревизии демонстрируют также неопределенность этносоциальной терминологии в этот период. Так, бывших ясачных татар Аялынской волости отнесли к категории инородных крестьян, которой на самом деле не существовало, так как основное податное население в Сибири составляли инородцы и государственные крестьяне. Поскольку оседлых инородцев, в состав которых входили и бывшие ясачные татары, фактически приравнивали к государственным крестьянам, то такие смешанные терминологические понятия, как «ясачные крестьяне», «ясачные инородцы», «инородные крестьяне», встречаются в материалах 8-й (1834 г.) и 9-й ревизий. Основная причина смешения кроется в не очень четких терминологических представлениях самих переписчиков. Возможно, такое терминологическое разнообразие определялось теми податями, которые платили бывшие ясачные татары, так как часть их была прирав-

нена в податях к государственным крестьянам, а часть платила меньше, в зависимости от хозяйственного уклада и географических условий расселения.

В материалах 10-й ревизии (1858 г.) жители д. Усть-Тарской Аялынской волости в большинстве своем отнесены к категории оседлых инородцев. Фиксация населения деревни начинается с потомков Ташбулата и его сына Иткучука [Там же, д. 891, л. 58–59]. Главой семьи по-прежнему являлся Авас Иткучуков 70 лет. Всего в семейном клане перечислены 35 человек, теперь это уже четырехпоколенная семья, поскольку у Аваса родился в 1858 г. правнук Гаптрахман — внук его старшего сына Аптрахима.

Впервые фамилия Князевых зафиксирована в материалах переписи 1897 г. в Усть-Тарской и Ново-Мурлинской деревнях [Там же. Ф. 417, оп. 2, д. 2167, 2176]. Все упомянутые Князевы являлись потомками Иткучука Ташбулатова 1766 г.р. и его предка Иткучука Бучкакова. В конце XIX в., после изъятия части земель у инородцев в фонд казны, а также окончательного приравнивания инородцев в правовом отношении к государственным крестьянам, не было необходимости фиксировать в официальных переписных документах большесемейный клан. Большинство семей в материалах этой переписи двухпоколенные, отчасти трехпоколенные. Значительный хронологический отрезок между ревизией 1858 г. и переписью 1897 г. не позволил выявить все семьи, которые могли бы принадлежать к клану Князевых, так как процесс смены фамилии в следующем поколении продолжался и не всегда возможно отнесение глав семей, которым меньше 39 лет (а это разница между материалами), к роду Князевых. Из большой семьи Аваса Иткучукова, зафиксированной в материалах ревизии 1858 г., удалось выявить семь семей в материалах 1897 г. — четыре семьи в д. Усть-Тарской (главы — Апсатар Аптрахманов, Абшакир Абдул Катыров, Абдул Аптрахман Катыров и Ташбулат Назыр Князев) и три семьи в д. Ново-Мурлинской (Мухаметкалы Абукабир Князев, Абдулгаллям Абдулганеев Князев, Мухаметди Князев).

Материалы переписи, помимо семейного состава, позволяют выявить имущественное положение, хозяйственные занятия («занятие, ремесло, промысел или служба: главное (которое составляет главные средства к существованию), побочное или вспомогательное»), грамотность членов семьи, наличие работников. Так, Апсатар Аптрахманов обучался в г. Таре в медресе (*читает по-магометански*), а в качестве основного его занятия указано земледелие. Его семья состояла из жены, трех дочерей и двух сыновей, один из которых также *читает по-магометански*. Проживали они в собственном трехэтажном доме, про который написано, что это *пятистенник, построен из дерева и крыт деревом*. Абдул Аптрахман Катыров также *читает по-магометански* и является земледельцем, у него грамотная жена, которая обучалась в д. Тусказань, сын и дочь, с ними же живет его вдовая мать. У них одно собственное строение из дерева, крыто деревом, т.е. обычный дом (тип дома не указан). Абшакир Абдул Катыров (в деле о переселении на другой берег Иртыша 1890 г. он указан как Абшакир Абдулкатыров Князев) проживал с женой и пятью детьми (две дочери, три сына) в двухэтажном доме (связное жилище) из дерева, крытом деревом. Основное его занятие указано как «земледелец», дополнительное — «мельник». Потомки Катырова в XX в. закрепили за собой фамилию Князевых. Особо в имущественном и социальном плане выделялась семья Ташбулата Назырова Князева, который умел читать и по-русски, и *по-магометански*, а основным его занятием указана коммерция. Выделяется его семья и тем, что он был женат на бухарке, его мать, проживающая в его семье, также записана бухаркой, обе они родились в г. Таре и обе умеют читать *по-магометански*. В состав семьи входили также три малолетних сына. Занятия коммерцией позволили главе семьи иметь наемных работников, так как в переписном листе этой семьи указаны дворник, помощник дворника, нянька, горничная, временный работник и временная работница. Таким образом, с одной стороны, происхождение от князца аялынских татар, с другой — длительные брачные связи с представителями элитных родов бухарцев способствовали сохранению и поддержанию высокого социального статуса представителей семейства Князевых на протяжении двух столетий. В то же время сохранению их статуса способствовало притрактовое расположение деревни и то, что она являлась центром Аялынской волости.

По словам информатора Абдрахима Сагитовича Князева (потомок по линии Катырова Абдулы Аптрахманова), «до революции в Берняжке было 70–80 дворов. В деревне стояла мечеть, которая была построена больше 100 лет назад самими жителями деревни. Каждому жителю деревни староста давал задание принести по несколько бревен из леса для строительства мечети. Улицы назывались по тугумам: Князевская, Цыцкановская, Новоселовская — последняя названа потому, что в Берняжку приезжали новоселы и селились на отдельной улице. Тугум

Князевых до революции был самый богатый. Например, в Берняжке жил один богатый человек Князев Вали. Он имел свой маслозавод в Берняжке, и к нему возили сливки жители восьми окрестных сел — Секменово, Чеплярово, Старологиново, Федотово, Черняево, Усть-Тарской, Молодцово. В 1938 г. Князев Вали (Гали. — С. К.) был раскулачен и расстрелян. Другой Князев по имени Ташбулат держал магазины в Омске, Павлодаре, Семипалатинске, Тобольске. Сам жил в Берняжке. Имел двухэтажный дом в Павлодаре, который стоял на берегу Иртыша. Туда по Иртышу доставлялись товары на пароходах и развозились по разным пунктам торговли. Ташбулат имел большие доходы от этой торговли. Раньше многие Князевы жили в больших деревянных домах, жители других тугумов жили в простых домах. Князевых не любили окрестные жители, за то, что они такие богатые, но Князевы работали сами, как и все, и нанимали наемную рабочую силу, т.е. батраков, но нанимали не только Князевы, но и представители других тугумов» [Архив МАЭ ОмГУ, к. 132–134].

После установления советской власти в 1919 г. был образован исполком Аялынской волости совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, он выполнял функции советской власти на территории волости, в состав которой входили шесть сельских советов, в том числе Берняжский сельсовет, включавший с. Берняжка и д. Ново-Мурлы с общим количеством жителей 423 человек. В 1924 г. Аялынская волость вошла в состав Евгашинской укрупненной волости (позднее — Евгашинского района). По-прежнему продолжались землеустроительные работы. Несмотря на то что данные работы проводились со второй половины XIX в., земли инородцев, хотя и были переданы казне, в большинстве своем оставлены им в пользование. Часть земель Берняжского общества находилась на правом берегу Иртыша и сдавалась в аренду русским. В свою очередь, татары арендовали сенокосные угодья возле своей деревни на левом берегу у русских. Жители д. Ново-Мурлинской, среди которых были не только потомки местных татар, но и переселенцы из Европейской России, также претендовали на земли на правобережье Иртыша у озера Тептерь. Мухамет-Вали Князев был представителем д. Берняжка в комиссии по обследованию земель и выяснению излишков сенокосных угодий в деревне для дальнейшего их распределения населению Логиновской волости (расположенные рядом деревни Логиново, Старо-Логиново, Секменево) [ГИАОО (Тарский филиал). Ф. 105, оп. 1, д. 5, л. 4]. Мухамет-Вали Князеву, по материалам переписи населения 1897 г., было 23 года, он являлся троюродным братом Мухамет-Калы Абукабира Князева и был зафиксирован в его семье в д. Ново-Мурлинской. Здесь же сделана отметка о его отсутствии по причине обучения в Семипалатинске грамоте *по-магомедански и по-русски*. В приговоре Берняжского сельского совета о равном распределении принадлежащих обществу сенокосных и пахотных земель присутствуют подписи еще трех Князевых (с инициалом) на русском языке, остальные подписи сделаны арабской графикой, что говорит о владении Князевыми письменностью не только на татарском (арабской графикой), но и на русском языке.

В 1920-е гг. один из Князевых возглавил процесс переселения бухарцев в Турцию. Еще в первое десятилетие XX в. туда эмигрировало около 150 семей из ряда бухарских поселений современного Большереченского района Омской области, где они основали с. Богруделик в вилайате Конья. В 1920-е гг. было организовано движение оставшихся жителей бухарских поселений к родственникам в Турцию. Данный эпизод сохранился в коллективной памяти потомков: «Последняя группа должна была уехать уже в советское время. Но готовые к переезду люди не смогли уехать. Если в 1907 г., потом в 1910–1911 гг. уехали богатые, то в 1924 г. должны были уехать уже совершенно обедневшие люди. Ахунов Абкарим из Тусказани и Князев Абназир из д. Уба (Берняжка, она же Усть-Тарская. — С. К.) были на приеме у Калинина Михаила Ивановича — Всесоюзного старосты. Но он не дал разрешения уехать в Турцию. Князев Абназир за счет собранного с людей Аубаткана, Яланкуля и Кумуслов Яланкульского сельсовета, Каракуля, Черналов, Уленкуля, Тусказани и др. деревень бывшего Евгашинского-Ежовского, Дзержинского (теперь Большереченского района) трех бочек топленого масла тайком уехал с семьей в Среднюю Азию, а оттуда в Турцию» [Шихова, 2018, с. 30–31]. Н.Н. Аблажей [2009] рассматривает коллективное заявление бухарцев за подписью Абасыр Князева председателю ЦИК СССР, откуда поступило распоряжение разобраться в ситуации местным властям. Переписка и решение данной проблемы происходили в 1924–1926 гг. Окончательный отказ в эмиграции в Турцию татарам-бухарцам был принят постановлением от 1 марта 1926 г. ЦИК РСФСР [Там же, с. 173]. В двух работах указаны разные имена Князева — Абназир и Абасыр. В реальности речь идет о сыне Ташбулата Князева Абдул-Назире 1893 г.р. Этот сюжет доказывает

близкое родство сибирских татар Князевых с бухарцами, эта связь зародилась еще в XVIII в., когда дочь Алима Шихова стала женой князца ясачных татар Аялынской волости Ташбулата Ирышева и матерью Иткучука Ташбулатова, от которого по материалам ревизий населения реконструирована генеалогическая линия Князевых.

В материалах переписи 1897 г. также зафиксированы брачные связи Князевых с бухарками. Столь тесное и давнее родство, а также длительное совместное проживание с бухарцами, часть из которых принадлежали к роду Шиховых, и послужили причиной того, что Князев стал одним из основных (наравне с Ибрагимовым из рода Шиховых и одним из Шиховых) организаторов эмиграции в Турцию, которая так и не состоялась для большинства бухарцев. Однако Абдрашит Ибрагимов, а затем и Абдул-Назир Князев уехали в Турцию. Данный факт подтверждают документы уголовного дела архива ФСБ Омской области о деятельности контрреволюционной повстанческой националистической организации «Милли-Шуро», датированного 1937 г. В числе обвиняемых — Мухтар Ташбулатович Князев, брат Абдул-Назира, про которого также имеются сведения в этом деле. Так, в протоколе допроса Тауфика Назыровича Айтыкина зафиксировано о нем следующее: «Дальний родственник по матери (это уже конкретный факт родства с бухарцами, так как Айтыкины — это старинный элитный бухарский род в Тарском Прииртышье. — С. К.) Абнасыр Ташбулатович Князев, житель д. Берняжки, в 1923–24 гг. уехал жить в Турцию, где сейчас и живет, он имеет брата Князева Мухтара Ташбулатовича, который живет в Ново-Логиновой, в прошлом чем занимался, не знаю. Мухтар имел в Таре двухэтажный связной дом, который затем продал Яхееву Каюму» [Архив УФСБ, л. 184]. В протоколах повторного допроса Айтыкин назвал Князева бывшим помещиком деревни Берняжка и рассказал, как Князев вместе с А. Ибрагимовым развернул активную агитацию за эмиграцию в Турцию и действительно ездил за разрешением на выезд в Москву. Другой обвиняемый, Гарон Мухометович Магомедов, рассказал о Князеве следующее: «Князев Абнасыр — был князь или княжеский потомок, почему и получил русскую фамилию Князев, жил в д. Берняжке с братом Мухтаром, где имел крупное кулацкое помещичье хозяйство и конный завод» [Там же, л. 314]. Эти характеристики еще раз подтверждают факт происхождения фамилии Князевых от аялынского князца. Брачные связи представителей рода Князевых с женщинами элитных бухарских родов Шиховых и Айтыкиных (Айтыкины — потомки Дин-Али ходжи, зятя Кучума [Bustanov, Korusenko, 2010]) обосновывают статусность рода Князевых.

С введением в 1932 г. единой паспортной системы потомки аялынского князца Иткучука Ташбулатова вне зависимости от того, какая в это время у них была фамилия по имени отца, записались Князевыми. Под каток репрессий попал, помимо Мухтара Князева, еще один Князев, о котором в Книге Памяти Омской области имеется следующая запись: «Князев Алей Ганеевич. Родился в 1876 г. Уроженец и житель д. Берняжка Ежовского р-на Омской обл. Татарин, малограмотный, колхозник. Арестован 22 октября 1937 г. Приговорен 4 ноября 1937 г. тройкой при УНКВД по Омской обл. по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 10 ноября 1937 г. в Таре. Реабилитирован 10 апреля 1989 г. прокуратурой Омской обл. на основании Указа ПВС СССР. (П-9001)» [Омская губерния]. Вероятно, речь идет о брате Абдул-Гаяма Абдулганеевича Князева — Мухамет-Галее Абдулганеевиче: от имени и отчества осталась вторая часть Галей (Алей) Ганеевич. В Книге Памяти Омской области есть сведения и об участниках Великой Отечественной войны. Из жителей Большереченского района зафиксировано 23 представителя рода Князевых, 7 из них погибли [Там же]. Они относились к разным генеалогическим линиям Князевых, но хотелось бы отметить линию Абшакир-Абдула Катырова (1897 г.) и его сына Накея, 7 сыновей которого сражались за Родину и 2 из которых погибли. И пусть никто из Князевых не имел командирского звания, именно благодаря прежде всего таким простым солдатам была достигнута Победа. Когда-то их предки были князцами, принявшими подданство Русского государства, и они честно заслужили право быть вписанными в историю Сибири и России.

Заключение

Тар-Тамак, она же Усть-Тарская, она же Берняжка, она же Уба — четыре названия у этой деревни, которая стала местом обитания Князевых на протяжении как минимум трех с лишним столетий. Некогда небольшое поселение, состоящее из 23 плательщиков ясака в самом начале XVIII в. (фактически это количество дворов), развивалось, принимало бухарцев, ссыльных татар, а также татар — государственных крестьян из различных губерний Европейской России. Во второй половине XIX в. часть его жителей образовали д. Ново-Мурлинскую, куда переехал и

ряд семей Князевых. По переписи 1897 г., в Усть-Тарской (Берняжке) было 56 дворов. Такое же количество дворов зафиксировано и в материалах переписи населения 1926 г. [Список..., с. 8]. Ново-Мурлинская, ставшая в советский период д. Малые Мурлы, исчезла в 1970-х гг. Берняжка существует и в настоящее время. По переписи 2010 г. в ней зафиксировано всего 98 жителей (около 30 домов). Как большинство современных деревень, оказавшихся после развала колхозно-совхозной системы в 1990-е гг. предоставленными самим себе, Берняжка уменьшается по численности населения, так как жители не видят перспективы развития своей деревни. Сегодня в данном населенном пункте не осталось ни одного потомка Князевых, они разъехались по другим деревням Омской области, часть живет в Омске, а также в других городах России и Казахстана.

Предками Князевых были аялыньские князцы, которые сохраняли свой статус вплоть до 1820-х гг., когда после проведения реформ в сфере управления Сибирью и населяющими ее народами, они утратили звание князцов. В то же время их социальный статус до установления советской власти был довольно высоким благодаря их имущественному положению и брачным связям с бухарцами. Способствовали этому и смена местоположения их, фактически родовой, деревни, а также ее статус в качестве центра Аялыньской волости. В годы советской власти часть Князевых вписалась в социальную структуру нового общества, а часть — эмигрировала в Турцию или подверглась репрессиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 90-4.
 Архив УФСБ России по Омской области. Д. П-5206.
 ГИАОО (Тарский филиал). Ф. 105. Оп. 1. Д. 5.
 ГИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 134; Оп. 3. Д. 562. Ф. 408. Оп. 1. Д. 78.
 ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 61; Ф. 154. Оп. 8. Д. 31, 354, 653, 891. Ф. 417. Оп. 1. Д. 409; Оп. 2. Д. 2167, 2176.
Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: Исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И.А. Андроникова. При участии чинов Тобольской переселенческой организации В.М. Егорова, К.К. Иванова, М.К. Колпакова, Ф.К. Лискина и А.Р. Шнейдера; Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление Тобольского района. Тобольск: Губ. тип., 1911. X, 395, CLXXII с.
Омская губерния: Электронная версия Книги Памяти // Омская губерния. Портал Правительства Омской области. URL: <http://omskportal.ru/ru/government/pobeda70/bookremember> (дата обращения: 04.06.2018).
 РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Ч. 3; Кн. 1182.
Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. 831 с.
Шихова М.Х. Село Яланкуль и его жители — потомки Авасбақы-шейха. Шаджара. Омск: Наука, 2018. 122 с.

Литература

- Аблажей Н.Н. Эмиграционное движение бухарцев Тарского округа в Турцию в середине 1920-х гг. // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 169–173.*
Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXI: Методика этнологических и антропологических исследований. Кн. 1. М.: ИЭА РАН, 1992. 43 с.
Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 258 с.
Бакиева Г.Т. «Быть в Тобольске в татарских головах...»: (Из истории рода служилых татар Кульмаметьевых) // Сибирские исторические исследования. 2015. № 4. С. 10–29.
Бахрушин С.В. Служилые татары в XVII в. // Науч. труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 153–175.
Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Прииртышье по документам и устным свидетельствам // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (Приложение 1). С. 108–116.
Валеев Ф.Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмПИ, 1991. С. 98–104.
Корусенко С.Н. Мифотворчество сибирских татар: О поездке Алимшиха к царю // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: Наука, 2013. С. 81–88.
Лосева З.К., Томилов Н.А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 18–32.

Сибирские татары Князевы: историко-генеалогический очерк

Селезнева И.А. История переселения деревни Берняжка Большереченского района Омской области // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2000. С. 133–134.

Тихонов С.С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2004. Т. 8. С. 200–233.

Томилов Н.А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1974. № 3. С. 154.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 222 с.

Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С. 188–197.

Тычинских З.А. Татарские казахи головы Кульмаметьевы (XVII–XIX века) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 6. Вып. 1: История. 2007. С. 135–140.

Bustanov A.K., Korusenko S.N. Genealogy of the Siberian Bukharians: the Imyaminov clan // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2010. No. 2 (38). P. 97–105.

Bustanov A.K., Korusenko S.N. Genealogy of the Siberian Bukharians: The Shikhovs // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2014. № 4 (42). P. 136–145.

S.N. Korusenko

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: tomil65@rambler.ru

Siberian Tatars of Knyazevs: historical and genealogical essay

This paper aims at reconstructing the genealogy of Siberian Tatars of Knyazevs (Western Siberia), identifying the origins of their surname, which is not characteristic of the Tatars, and at analysis of the influence of socio-political and socio-economical processes in Russia in the 18th through 20th centuries on the social transformation of the family. The sources were represented by the materials of the Inventory Revision Book of Tarsky District of 1701 and census surveys of the end of 18th through 19th centuries, which allowed tracing the Knyazev family through the genealogical succession and identifying social status of its members. In this work, recordkeeping materials of the 18th–20th centuries and contemporary genealogical and historical traditions of the Tatars have been utilized. In the research, the method of genealogical reconstructions by archival materials and their correlation with genealogies of modern population has been used. The history of the Knyazev family is inextricably linked to the history of modern village of Bernyazhka — one of the earliest settlements of the Ayalinty (a group of the Siberian Tatars) in the territory of the Tarsky Irtysh land which became the home to the Knyazevs for more than three centuries. The 1701 Inventory Revision Book cites Itkuchuk Buchkakov as a local power broker of the Ayalynsky Tatars in the village. During the 18th century, this position was inherited by his descendants who eventually lost this status in the beginning of the 19th century in the course of the managerial reforms by the Russian government. Nevertheless, the social status of the members of the gens remained high. In the mid. 19th century, the village moved — the villagers resettled from the right bank of the River Irtysh onto the left one. As the result, the village was situated nearby the main road connecting the cities of Omsk and Tara. At the same time, the village became the center of the Ayalynskaya region. That led to the strengthening of the social status and property enrichment of the descendants of Itkuchuk Buchkakov. The Knyzevs' surname first appeared in the materials of the First All-Russia Census Survey of 1897. Some of the descendants signed up under this surname later in the Soviet period. During the Soviet years, members of the Knyzev's gens had different destinies: some worked in the local government, whereas the others were subjected to political repressions and executed. Knyazevs took part in the Great Patriotic War and seven of them perished. Presently there are no descendants of the Knyazevs in Bernyazhka as they spread over the villages of the Omskaya Region, some living in Omsk and other towns of Russia and abroad.

Key words: Western Siberia, Siberian Tatars, Knyazevs, social status, genealogies.

REFERENCES

Ablazhey N.N. (2009). Emigration movement of Tarsky district Bokharan to Turkey in the mid-1920s. In: *Verkhnee Priirtysh'e v XVII–XXI vv.* Novosibirsk: Parallel', 169–173. (Rus.).

Afanaseva G.M., Simchenko Yu.B. (1992). Genealogical description methodology and its usage in data compilation about kinship list of terms and matrimonial regulations. In: *Materials to collection «Peoples and cultures»*. Issue XXI: Ethnological and anthropological researches. Vol. 1. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).

- Bakhrushin S.V. (1955). Service class Tatars in the XVII centuries. In: *Nauchnye trudy. T. 3: Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Ch. 2: Istoriia narodov Sibiri v XVI–XVII vv.* Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 153–175. (Rus.).
- Bakieva G.T. (2003). *Tobol-Irtysh Tatar rural community (XVIII — beginning of the XX centuries)*. Tiumen'. (Rus.).
- Bakieva G.T. (2015). «Be In Tobolsk in Tatar minds...»: (Excerpts on the history of Tatar service class men Kul'mametev family). *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (4), 10–29. (Rus.). DOI: 10.17223/2312461X/10/2.
- Berezhnova M.L., Korusenko S.N. (2006). Enmity and amity military watch or Tatars and Russians relationships in Nizhnee Pritayye according to documents and records. *Vestnik NGU. Ser. Istoriia, filologiya*. 5(3): Arkheologiya i etnografiia (Prilozhenie 1), 108–116. (Rus.).
- Bustanov A.K., Korusenko S.N. (2010). Genealogy of the Siberian Bukharians: The Imyaminov clan. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (2), 97–105. (Eng.).
- Bustanov A.K., Korusenko S.N. (2014). Genealogy of the Siberian Bukharians: the Shikhovs. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 136–145.
- Korusenko S.N. (2013). Siberian Tatars mythpoetry about Alimshikh's trip to the tsar. In: *Tvorchestvo v arkheologicheskoi i etnograficheskoi izmerenii*. Omsk: Izdat. dom «Nauka», 81–88. (Rus.).
- Loseva Z.K., Tomilov N.A. (1980). Legends and historical fables of Irtysh Tatars. In: *Dukhovnaia kul'tura narodov Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 18–32. (Rus.).
- Selezneva I.A. (2000). The history of the village Bernyazhka Bol'sherech'ye district Omsk region rehousing. In: *Sibirskaia derevnia: Istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia*. Omsk: Izd-vo OmGAU, 133–134. (Rus.).
- Tikhonov S.S. (2004). Siberian Tatars and Russians resettlement in the Middle Irtysh in the first third of the XVIII century (adapted from G.F. Miller). In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma. T. 8*. Omsk: Izd. dom «Nauka», 200–233. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1974). Briefly about expeditions. *Sovetskaia etnografiia*, (3). (Rus.).
- Tomilov N.A. (1981). *Turkic population of the West Siberian Plato at the end of the XVI — the first quarter of the XIX centuries*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1993). *Ethnic history issues (a case study of the West Siberian Plato)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1996). Tarsky Tatars settlements in the Tara basin. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma. T. 1*. Novosibirsk: Nauka, 188–197. (Rus.).
- Tychinskikh Z.A. (2007). Tartarian Cossack clonels Kul'mametev (XVII–XIX centuries). *Vestnik NGU. Ser. Istoriia, filologiya*. 6(1): Istoriia, 135–140. (Rus.).
- Valeev F.T. (1991). Siberian Tatars genealogy (shezhere) as historical-ethnographical source. In: *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Zapadnoi Sibiri*. Omsk: Izd-vo OmPI, 98–104. (Rus.).

Корусенко С.Н., <https://orcid.org/0000-0002-9369-5272>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630091
E-mail: mf11@mail.ru

«ЧАЙ ПИЛИ, В ЛОЖКИ БИЛИ...»: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРАКТИКАХ ЧАЕПИТИЯ РУССКИХ СИБИРЯКОВ XIX — НАЧАЛА XX в.

На основе оригинальных полевых материалов раскрыты идентификационные функции такого актуального для жителей Северной Евразии компонента питания, как горячие напитки (заварки на основе местных трав, китайские чаи), в среде этнокультурных групп Сибири. Исследование практик сибирского чаепития осуществлено через призму этнокультурной идентичности в структуре повседневности. Распространение чаепития с китайским листом совпало с формированием местного старожильского населения в XVII–XVIII вв., сложившиеся при этом традиции являются следствием интеграционных процессов у славянских народов.

Ключевые слова: *практики чаепития, русские сибиряки, этнокультурные различия, этнокультурная идентичность, Сибирь XIX — начала XX в.*

Введение

В структуре этнокультурной идентичности можно выделить множество взаимосвязанных компонентов, таких как язык, этносимволы, психический склад народа, ценности материальной и духовной культуры и пр., что находит отражение в повседневных практиках этнической общности [Особенности социальной идентичности..., 2014, с. 42; Какадий, 2016, с. 185]. Можно утверждать, что именно повседневные практики, выполняя репрезентативную и объединяющую функции в культуре, конструируют и воспроизводят этнокультурную идентичность. Актуальность исследования связана с «остротой масштаба переживания по поводу самотождественности, самоидентичности русского народа» — проблемы, обсуждаемой в России уже в течение нескольких столетий [Каргин, Костина, 2011, с. 35].

В одной из своих работ мы писали о необходимости развития научных этнографических теорий на основе расширения фактологической базы и ее пополнения, по выражению В.В. Пименова, новыми «фактами-реальности», которые впоследствии бы обратились в познавательный образ — «факты-знания» [1990, с. 43; Fursova, 2017, с. 116]. Именно фактов-реальности не хватает сегодня при анализе функций культуры, прежде всего репрезентативных, которые способствуют одинаковому пониманию символов, а следовательно, адекватному взаимодействию в обществе.

Под категорией «этнокультурная идентичность» автор понимает самоотождествление человека с конкретным этносом или этнокультурной (диалектной), конфессиональной, локальной группой, восприятие ее мировоззрения и образа жизни, стереотипов поведения, представлений о роли и месте в этом мире. Существование своеобразного комплекса черт, характеристик, функций культуры определяет этнокультурную специфичность личности. В работе поставлена цель выявить идентификационные функции культуры питания, в частности такого актуального для жителей Северной Евразии компонента, как горячие напитки (чаи), в разных этнокультурных группах Сибири: потомков старожилов и поздних российских переселенцев, старообрядцев и сторонников официальной церкви. Зададимся вопросом, насколько самобытно русское чаепитие в сибирском варианте и каковы его истоки? Как эта традиция включена в этнокультурную или региональную идентичность сибиряков?

Работы, в которых чаепитие рассматривается как символ гостеприимства, показатель имущественного и социального положения людей, носят в основном дескриптивный характер и не могут претендовать на полноценное описание этого компонента русской культуры. Идентификационные функции традиций чаепития в лучшем случае фрагментарно раскрыты в диссертациях и монографиях, по материалам как Европейской России, так и Сибири [Воронина, 1997; Гавриленко, 2012; Чудова, 2009]. Нельзя не отметить крен в сторону популярных изданий (об-

зоры, музейная продукция, брошюры) (см.: [Свидетельство старого самовара, 2001; Тара на Великом чайном пути..., 2009; Федоров, Мошков, 2017; и пр.].

В качестве источников привлечены полевые этнографические материалы автора 1970–2010-х гг, данные письменных источников. Специфически этнографический метод включенного наблюдения позволяет конкретизировать реальное существование тех или иных групп населения, мотивов поведения, оценок поступков и действий, не фиксируемое по данным других источников. Полевые исследования осуществлялись Восточнославянским этнографическим отрядом (рук. автор), организовывавшимся Институтом археологии и этнографии СО РАН, в южных районах Западной Сибири (Омской, Новосибирской, Томской и других областях). Динамика процессов прослежена на материалах этнокультурных групп старожилов и переселенцев Сибири, в их числе «закорененных чалдонов», «бухтарминских» и прочих старообрядцев, переселенцев из Европейской России, которые могли носить разнообразные коллективные названия.

Употребление горячих напитков из сибирских трав

Отсутствие этнографического подхода в исследованиях чаепития без учета специфики бытового уклада и верований этнокультурных групп русских привело к неточному выводу, что в России в XIX — начале XX в. черный или зеленый чай стал восприниматься как исконно русский напиток. Из этого следует, что китайский чай настолько «оброс» нашими обычаями, что возникло большое желание считать этот напиток русским по происхождению. Однако исконно русскими напитками, по мнению большинства исследователей, являются *мед ставленный*, *березовица*, квас, *сикера*, пиво, кисели, сбитни, морсы, рассолы [История культуры..., 1948, с. 270; Похлебкин, 1997, с.10] и, как будет показано в работе, прямые предшественники чая — травяные *заварки* (отвары).

До знакомства с китайским чаем в России для самых различных целей широко употреблялись травяные заварки (настои), которые одновременно служили бодрящими и расслабляющими напитками после напряженной работы, компенсировали неблагоприятное воздействие континентального климата — согревали в морозы и охлаждали в жару. Полевые этнографические материалы показывают, что заварки делали из разных растений, произрастающих в данной местности (иван-чай, листья смородины, клубники, малины, душицы, чага и т.д.). Эти заварки наши информанты нередко так и называли — по используемой траве: *смородишник*, *малинник*, *голубничник*, *морковный* и пр. Например, в Иткульской волости Каинского уезда Томской губернии¹ запаривали «голубничник» и черные вкрапления в виде пятен на березах, о чем пожилые люди вспоминают и сегодня: *Вот чай! Березой пахнет! Вкусный!* Как лечебное средство и как аналог чая заготавливали старые листья бадана, особенно пользовавшиеся популярностью на Алтае. В богатых чалдонских семьях было принято покупать в местных продуктовых лавках так называемый *фруктовый чай* из прессованных ягод малины, яблок и прочих сладостей. При заваривании такой напиток приобретал не только соответствующий запах, но и сладкий вкус. В Восточной Сибири русские крестьяне издавна, со времен своего поселения здесь, заваривали корневище мыкеры (гречи-ха-горлец. — Е. Ф.), которое применялось и как лекарственное средство [Гурулев, 1996, с. 22]. В Енисейской губернии собирали кору лиственницы, сушили, крошили и заваривали, получался темно-красный напиток с приятным, немного вяжущим вкусом [Кивокурцева, 1996, с. 13].

Травы заваривали в чугунах или котлах, но с середины 1780-х гг., когда уже почти повсеместно в России пили китайский чай, стали применять самовары. В это время постепенно название «чай» (от северокитайского, означающего чайный лист; [Похлебкин, 1997, с. 10]) перешло на горячие травяные напитки, которые до этого, как уже отмечалось, назывались заваркой. По этой причине в представлениях пожилых людей, живущих в сельской местности, до сих пор слово «чай» многозначно. Директор музея Галина Михайловна Гут из с. Евгашино Омской области вспоминала: *Морковь сушили, ягоды: малину, чернику, землянику — и пили такой чай. Варенья не было. Это назывался чай, даже если траву заваривали. Морковный чай и т.д. Раньше всю ягоду сушили — сахару не было, купить не на что было. Я помню русские печки, и вот на этих русских печках вся эта ягода сушилась* (ПМА, 2007).

Любители смешанных чаев соединяли китайский чай и традиционные для конкретной местности травы. Ветеран Великой Отечественной войны Александр Георгиевич Полуянов (1926 г.р.) из с. Тевриз Омской области делился воспоминаниями детства: *Для чая заваривали травы. Медовый, с запахом — лабазник. Ну, это называли чай: «Мама, налей чаю». Да и все. А ходили мы, вот и я ходил несколько раз, помоложе был, ходил в лес. Но мы его смешивали. Вот не-*

¹ Сейчас Чулымский район Новосибирской области.

множко кирпичного чая туда, кирпичный чай вы же знаете, который черный. Кирпичного по-крошишь туда и потом еще травки, и очень вкусно (ПМА, 2007).

Этнографические факты дают возможность говорить о распространенности традиций горячих напитков с молоком, что по-иному называлось «забелить чай». В одном из самых старых сел юга Западной Сибири современные потомки чалдонов² до сих пор не используют другого напитка. Приведем рассказ местной старожилки Щербаковой Марии Ивановны: *Как чалдон чай пьет? Ну, траву заваривали. Нет, не китайский, щас иван-чай, да и все. Сушили, а как же? В заварничек положишь, заварится такой красивый чай, аромат... И душица, и иван-чай все это у нас. И мама, и я только с молоком. Вот у меня сейчас доятся козочки, я только с молоком пью. И щас чалдоны любят пить чай с молоком. Сахар редко у кого был, и то комковой, головы большие. Мама все рассказывала... Были раньше у всех самовары* (ПМА, 2019).

В Западной Сибири пили чай из самоваров не только в домах, но и во время сенокосов, полевых работ. Летом во время сезонных работ старожилы сибирских деревень и сел отправлялись на поле с горячим самоваром. При отсутствии лошадей семья распределяла ношу между собой, договариваясь, чтобы кто-то нес самовар, кто-то чашки, кто-то булки или калачи и пр. Сибирские ямщики, отправляясь в дорогу, брали с собой помимо хлеба и пельменей также местные травы или китайский чай.

Горячие напитки входили в состав угощения во время разных календарных праздников, когда под *угощением чаем* понимался как горячий напиток на основе местных трав, так и китайский. Во многих старожильческих селах христославов не только одаривали на Рождество и Святки творожными *сырчиками*, семечками, шаньгами, пирогами, но и подавали взрослым стопку водки или чай. После вечерней рождественской службы практиковался как вариант постной еды *хлеб с чаем*. Из рассказов старожилов Верхнего Приобья следует, что чай был обязательным угощением во время зимних супрядок, а также, наряду с горячительными напитками, во время коллективных трапез святочных ряженных-*шуликанов*, *шулюкенов* и пр.

В 1980-х гг. коллективное чаепитие с самоваром наблюдалось нами в приобских деревнях во время святочных гаданий. Так, в п. Маслянино Новосибирской области сельчане разных поколений собирались на подблюдные гадания и пения с рефреном «Илия» вокруг стола за чашкой чая. Чай пили с прихваченным из дома нехитрым угощением: вареньем, медом, булочками и пр. Из мякиша здесь же нарезанного хлеба делали шарики, которые присутствующие при желании могли положить под подушку в надежде увидеть *вещий сон* (ПМА, 1989).

На памяти местного населения бывшего г. Каинска Каинского уезда Томской губернии развлечения девушек на Масленицу включали не только катания *на парах коней* в субботу накануне Прощеного дня, но и поочередные гостевания друг у друга. Семья, принимавшая у себя масленичных гостей, по традиции угощала их чаем.

Во время престольных праздников семейные трапезы на природе сопровождались употреблением многочисленных стаканов чая. Приведем рассказ А.Г. Полуянова: *В Полуяновке был престольный праздник Михайлов день, а почему, я не знаю. А у Паневок — Рождество, в Ширяевке был престольный Иванов день. Мы в Тевриз ходили в церковь... А в гости всегда в Михайлов день вся Полуяновка гуляла в Черноярке, потому что они были все родня. Где родня, оттуда и приезжали. Ну, обычно говорили: «У кого загостил, того и пригласил». Мы нажарим сала с картошкой, мы чай поставим, сахарницу с сахаром и будем все время угощать: «Пей, кумушка, пей, сватьюшка, пей, доченька»* (ПМА, 2007).

Употребление напитков на основе местных трав было особенно востребовано во время православных постов, на которые приходилась почти половина календарного года. Несколько стаканов/чашек в день с постными пирожками или блинами смягчали строгость Великого поста.

Если в обрядах жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронно-поминальные) значение и символическое содержание горячих напитков не фиксируется [Фурсова, 2014], то в системе строительных жертв при вхождении в новый дом чаепитие было известно. *Ну, новый дом построили и «влазины» устраивали. Всей деревней собирались, несли кто че мог: кто сковородку, кто чугунок. Приносили и просто дарили: «Это хозяину дома от нас, добрых жителей вот этого села». Это называлось «влазины». Ну, а потом чай пили. Ну, кто-то там первое (блюдо), кто-то второе. Меню такое скромное* (ПМА, 2007, Полуянов А.Г.).

² Чалдоны — этнокультурная группа старожилов Западной Сибири, считающая себя потомками первопроходцев казаков, выходцев с рек Чала и Дона, откуда будто бы пошло и их коллективное название. В Восточной Сибири так могут называть потомков метисов (русских с сибирским коренным населением).

Традиции китайского чаепития по письменным источникам

Среди исследователей существует мнение, что чаепитие распространилось в первой половине XIX в. в среде сибирского купечества, которое отличалось этим модным обычаем от простых горожан и крестьян [Бойко, 1996, с. 197; Гончаров, 1999, с. 156]. В культурно-бытовом отношении сибирские крестьяне-старожилы незначительно разнились с богатыми горожанами и купцами и тоже могли позволить себе употребление чая. На юге Западной Сибири, в большом старожиловском с. Крутиха Бурлинской волости, алтайский крестьянин П. Шолдин еще в середине XIX в. утверждал, что местное население живет в довольстве и даже роскоши, что выражается в хорошей одежде и пище, а также использовании в быту самоваров, «каковых по волости находится более ста» [1863, с. 50].

В Сибири распространение чаепития с китайским листом и формирование местного старожиловского населения в XVII–XVIII вв. происходило практически одновременно, поэтому для местных потомков служилых людей и казачества этот напиток можно считать традиционным. Значительная часть Сибирского тракта проходила по левой ветви знаменитого Великого чайного пути, обеспечивая занятость населения как гоньбой лошадей, так и содержанием постоянных дворов, лавочек [Ермачкова, 2014, с. 21]. Здесь, где чаепитие распространилось ранее Европейской России, даже «обедать» или «общаться» обозначалось как *чаевать* или *чаевничать*, а звать «на чай», «на чаек» значило приглашать в гости. Предлагать любому вошедшему в дом, даже совершенно незнакомым людям, чай — характерная черта сибирского гостеприимства, известная еще в XIX в. Обычай требовал выражения согласия на предложение хозяев. Поэтому, повествуя о нравах высших слоев сибирского общества, чиновничества, купечества начала XIX в., И.Т. Калашников подчеркивал такую «замечательную особенность» жителей Сибири, как хлебосольное угощение чаем: *В какой час дня ни зашли бы вы в гости, утром ли, в полдень ли, вечером ли, ночью ли, — вы не избегнете, чтобы вас не угостили чаем* [1957, с. 37]. По его мнению, к этому времени уже сложился определенный этикет: *Пить чай досыта почиталось невежеством. Старые люди говорили, что гости должны пить одну чашку чая, три чашки пьют родственники или близкие знакомые, а две — лакеи* [Там же]. Кроме того, чай должен был подаваться горячим, предлагать прохладный чай означало проявлять неуважение к гостям. Традиция включала как коллективные чаепития, включавшие неторопливые беседы, так и индивидуальные.

Любовь к горячим напиткам порой вытесняла традиционную кухню, как известно, включавшую первые и вторые блюда, закуски. По этой причине, описывая добротные постройки сибирских крестьян, один из составителей книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» Ф.Н. Белявский замечал, что пища здесь, наоборот, составляет невыгодный контраст: *Кирпичный чай «с прикусой», состоящей из разных пирогов, у них играет едва ли главную роль в еде. Пьют чай, в особенности в свободное время, до пяти раз в день и каждое чаепитие занимает очень много времени* [1907, с. 238]. Приведем также ироничное замечание известного российского этнографа-беллетриста С.В. Максимова: *А без кирпичного чаю — как известно — сибиряк, простой человек, и лба не крестит* [1864, с. 533].

О пристрастии сибиряков к чаям писали главным образом приезжие или путешественники. Мимо внимания А.П. Чехова, путешествовавшего по Сибири в 1890 г., не прошел обычай чаепития жителей г. Колывань Томской губернии, что нашло отражение в произведении «Из Сибири» [1978, с. 5–38]. В этом рассказе обращает на себя внимание приглашение местного лодочника *чайку покушать*. Выражение точно отражало обычай не только пить чай, но в буквальном смысле трапезничать, так как подавали *блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей*.

Бросался в глаза этот обычай и ссыльным в Сибирь польским «повстанцам». Например, участник восстания 1863 г. Игнатий Дрыгас, проживавший в Западной Сибири (д. Юнино), в своих «Воспоминаниях» отмечал: *Чай есть напиток, без которого любой сибиряк не обходится; в Сибири он дешевый и хороший, ибо через Сибирь чай проходит в Европу из Китая, где его производят* [Drygas, 1913]. Замечание о качестве сибирского чая справедливо: через Кяхту доставляли преимущественно дорогие чаи, так как дешевые выгоднее было везти морем, в Москве эти чаи развешивали и посылали в Санкт-Петербург и другие города [Субботин, 2017, с. 437]. Поляк повествует о трех способах чаепития: *с наливайкой*, когда заливают сахар и пьют сладкий чай; *с прикусой* — пьют, откусывая маленькими кусочками сахар и запивая из стаканов; наконец, третий способ требовал менее всего сахара — *с думкой* о сахаре [Drygas, 1913, р. 67]. «С думкой» приходилось пить чай вынужденно, поскольку пуд сахара стоил довольно дорого в сравнении с

ценами на прочие продукты потребления — 8 руб. 80 коп. (ср.: пуд ржи 40 коп., ячменя — 35 коп., рыбы красной — 5 руб. и т.д.) [Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь..., 1893, с. 119]. Став популярным напитком в среде горожан и богатых крестьян на юге Сибири, чай позднее распространился в северных районах и постепенно вошел в празднично-бытовую культуру различных слоев сибирского населения, потеснив традиционные травяные заварки.

В конце XIX в. употребление покупного чая считалось престижным, расценивалось как признак цивилизованности и высокого имущественного положения, чем стремились выделиться первопоселенцы Сибири казаки. Историк сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев писал о прииртышских казаках Семипалатинского уезда: *Чай — это предмет первой необходимости... дороже чая только пшеничный калач и булка; все остальное менее необходимо* [1893, с. 19]. В этом сибирские казаки не очень отличались от донских, особенно верховых, культура питания которых включала употребление чая и кофе, завезенного из Турции [Донские казаки..., 1998, с. 373].

Чаепитие по данным полевых этнографических материалов

В отношении потребления китайского чая русским старожильским населением Сибири в сельской местности можно говорить о двух традициях: первой — представленной сибиряками-старожилами, особенно чалдонами, которыми чай употреблялся в большом количестве и часто; второй — категорического отрицания чаепития в среде старообрядцев.

В последние годы в трудах антропологов и философов предлагается различать идентичность как внутреннее чувство (осознание себя, Self) в сравнении с внешней информацией о себе, т.е. со стороны [Sökefeld, 1999, с. 417]. Так, пристрастие к чаю чалдонов было настолько велико, что даже название этой старожильской группы населения Западной Сибири интерпретировалось поздними российскими переселенцами как «чайдоны», в том смысле, что «чай дают» [Фурсова, 2002, с. 39]. Подобная интерпретация составляет основу мифа, созданного нечалдонами, которые старались таким образом подчеркнуть характерную черту традиционного быта соседей. Уважительное отношение к чаю и его поклонникам выразилось в несколько искаженном произношении народного прозвища старожилов, смысл которого был хорошо понятен местному населению. На приезжих производило сильное впечатление, что за одно чаепитие с ведерным самоваром чалдоны выпивали пять-шесть и более стаканов [Фурсова, 2008, с. 50].

Если обратиться к полевым материалам этнографических экспедиций автора³, то информанты старшего поколения еще в 1970–1980-х гг. хорошо помнили китайский чай в жестяных банках, называвшийся «фамильным»⁴. Существовало несколько видов чаев, которые использовались в зависимости от ситуации: гостям готовили черный, продававшийся в виде «кирпичей», чай. Для чаепития в кругу семьи готовили фруктовый или морковный напиток из долек сушеной моркови, которую запаривали в печи (ПМА, 2001, Изосимова К.А.).

Приведем выдержки из отдельных интервью, свидетельствующих об этнокультурных практиках чае хлеба-сибиряков. Типичными можно считать факты, изложенные ветераном Великой Отечественной войны Александром Георгиевичем Полуяновым (1926 г.р.) о деталях группового времяпрепровождения за чашкой чая с самоваром: *В д. Черноярке Тевризского района Омской области нас звали чалдонами, с Чала и Дона якобы, оттуда появились эти люди когда-то, то есть потомки казаков, да, да. С Чала и Дона, вот чалдонами и звали... Старушки по десять чашек выпивали чая. Соберутся, не моя мама, а бабушка, сидят у самовара, сахару глызку. Глызка — так называли сахар (кусочек). Глызку сахара, кусочек маленький в блюдечко, и пили чай из блюдечка, а не из чашки.* О типичной трапезе чалдонов можно услышать от многих членов деревенского социума. Приведем высказывание группы пожилых женщин из с. Большеречье Омской области: *Пили чай из блюдечка. Ставили самовар, наливали в чашку, потом в блюдечко. Это чалдоны. Сахар большими головками. Пили вприкуску* (беседа с бабушками из фольклорного коллектива в Доме культуры с. Большеречье Омской обл.).

Как о повседневном явлении рассказывали о традиции чаепития сами чалдоны, которые не видели в этом ничего заслуживавшего внимания: *Чем чалдоны отличались от других, я даже*

³ Восточнославянский этнографический отряд в 1970-х — 2019 г. организовывался Институтом археологии и этнографии СО РАН.

⁴ В 1880–1890-х гг. в «Сибирских торгово-промышленных и справочных календарях» давалась рекламная информация о купцах, торговавших таким чаем в гг. Томске, Иркутске, Енисейске, Барнауле, Кунгуре, Троицко-Савске, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках: К.А. Андреев, П.В. Болотове, М.А. Перевалове и пр. [Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь..., 1893. Приложение]. Здесь же сообщалось, что чай развесистый стоил на ярмарках от 1 руб. 10 коп. до 2 руб. за фунт; ящичный от 3 до 10 фунтов был ценою от 6 до 22 руб.

не скажу, не знаю. Ну, чай — это мы любим. И бабушка любила чай, заваривала только чай. Ну, раньше кирпичный пили всегда. Щас вот «фамили». Но щас разве это чай? Не чай. Какой это щас чай? Ну, раньше, конечно, всегда пили кирпичный. Самовары были, специальные самовары. Пили с сахаром. Ну, какой лимон? Чай пили с самовара и всегда свежий заваривали. На трубе, ну у меня самовар такой есть, старинный, ранишний, не электрический. На дворе он, за ним надо лезть» (ПМА, 2007, Короткова А.Н.).

Сообщения о выдающемся гостеприимстве чалдонов в изложении информантов выглядят довольно стереотипно. А.А. Богачева рассказывала: *В Агафонихе немного было чалдонов. Чалдоны без чая человека не отпустят.* Информант передавала запоминающуюся речь чалдонов: *Девонька, чай пить пойдем! Девонька с капустой (соленой. — Е. Ф.), блинчиками, шанюшками. Сахар рядом лежит, чай попьют — сахар обратно положат. Дети на полатах сидели, не смели к столу подойти. Им еще пальцем погрозят: «Тише»* (ПМА, 1989). Или: *У меня сосед вот тут жил, Левин Петр Николаевич, помер. Он и родители его, звали их чалдоны, они чай любили. Когда к ним приходили, они всегда чай предлагали. Не из самовара, из чайника. А завар они уже брали, была и душичка. Вот косишь на покосе, нарвешь ее, высушишь, зимой завариваешь чай, приятно, конечно* (ПМА, 2011, Гришин В.А.).

Чай стал настолько значимым компонентом питания и праздничного времяпрепровождения в культуре чалдонов, что его почитатели становились даже зависимыми, а отсутствие такового вызывало болезненное состояние. *А когда появился чай кирпичный, вот такой, кирпичиком (показывает руками), и вот они, особенно чалдоны. Вот у меня свекровь, она у меня тоже чалдонка. Я приезжаю к ней, она, если только чаю нет, они ждут, что привезут — на тряпки (в обмен). Они сдавали тряпки на чай. Или вот так платочком голову завяжут — мол, голова болит. Чаю нет — голова болит, если долго нет чая. Кроме чая еще чалдоны пили квас...* (ПМА, 2007, Гут Г.М.).

Старообрядческие традиции чаепития

Старообрядцы, несмотря на бытовавшую в XIX — начале XX в. моду, игнорировали покупной китайский чай, что нашло отражение в народных поговорках, например: «Чай проклят на трех соборах, а кофе на семи», «Кто пьет чай, тот спасения не чай» и пр. С.В. Максимов, совершавший путешествие по Сибири и Дальнему Востоку, высказал свои соображения по поводу принятия этого новшества в России следующим образом: *В конце XVIII столетия, когда русское образованное общество носило не только иноземный вид снаружи, но и думало по-иноземному и даже выработало новые вкусы, взамен тех, которые прежде почитало запретным и греховным... В это время и «китайская стрела (здесь: чай. — Е. Ф.), которая в Россию вошла и в чувствительные сердца — сгубила всех до конца», тогда и чай не полагался уже бытием проклятым, а зауряд с другими шел как лакомый, здоровый и крепкий напиток* [1864, с. 564]. В отличие от старообрядцев Центральной России и Поволжья, примирившихся с чаепитием, многие сибирские сторонники староверия не употребляют чай и в начале XXI в. (ПМА, 1996, 2019).

В разного рода духовных поучениях, «Цветниках» интерпретируются запреты, принятые в старообрядческой среде. В главе о запрете на употребление табака, чая и кофе, взятых из книги Федора Вальсамона, архиепископа Антиохийского, сказано: *Аще кто дерзнет пити чаю той отчается самого Господа Бога, да будет предан тремя анафема...* Как следует из текста, в основе убеждений лежит простое фонетическое созвучие, что придает словам большую значимость: *от чая — отчается* [Цветник, 1813, л. 1–3].

Как уже отмечалось, в начале XX в. старообрядцы следовали старым русским традициям и употребляли травяные отвары или заварки в виде смородишника, малинника, иван-чая, из сборов калинового, черемухового цветов и пр. Например, имеются сообщения информантов, что старообрядцы Малышевской волости Барнаульского уезда Томской губернии⁵ ежедневно употребляли чай из сбора в равных частях шиповника и брусничника (Н.Н. Ключихина, Сузунский р-н Новосибирской обл.). У васюганских старообрядцев было принято делать на десерт густую как каша кулагу⁶ с добавлением сушеной малины, сахара и запивать травяным чаем [Фурсова и др., 2003, с. 89].

Бухтарминские старообрядцы Южного Алтая (часовенного согласия) отказывались пить чай, потому что *чай делает поганый* (здесь: язычник. — Е. Ф.) *китаец, поклоняющийся драко-*

⁵ Сейчас Сузунский район Новосибирской области.

⁶ Кулага — сладкий густой напиток на основе ржаной муки и солода.

ну. Кроме того, при кипении воды самовар издавал специфические звуки, которые также будто бы расценивались как неприятные, неприличные для христианина. Согласно полевым данным, наиболее распространенным у старообрядцев Западной Сибири, объяснением *нечистоты* чая является то, что самовар блестит *как змеиное пузо*.

Восприятие чаепития российскими переселенцами

Прибывшие мощным потоком в Сибирь в конце XIX — начале XX в. южнорусские, украинские и белорусские переселенцы не принесли собственной традиции чаепития. Объясняется это тем, что чай, широко распространившийся в России, не проник на украинские и белорусские земли ни в XVIII, ни в XIX в., поэтому уже в начале XIX в. чай стал считаться народным великорусским напитком [Похлебкин, 1995, с. 20]. Не случайно, подчеркнув подверженность трансформациям культуры питания белорусских переселенцев начала XX в., исследователи не упоминают у них чаепития [Федоров, Аболина, 2018, с. 153].

Наши полевые наблюдения свидетельствуют, что российские переселенцы, заимствуя у старожилов обычай частого чаепития с самоваром, случалось, относились к новинке с настороженностью. По заверению многих потомков переселенцев, увидев обычай чаепития с самоваром в Сибири, их деды стремились зарабатывать деньги на покупку этого прибора. Однако, когда молодые члены семьи белгородских переселенцев Трофимовых захотели купить самовар, обосновывая это местным обычаем распивать чай на поле, то начинание не нашло поддержки у старших — родителей и дедов. Белгородские бабушки объясняли свое нежелание пользоваться самоваром его греховностью: *Ой, дети грешно, грешно! Самовар, он же нечищенный, грязный, с него нельзя пить* (ПМА, 2001, Трофимова Е.П.). В данном случае интересна интерпретация греховности чая будто бы из-за изначальной бытовой «нечистоты» самовара.

Непонимание сибирских традиций питания поздними российскими переселенцами нашло отражение в периодике того времени. Мария Костюрина в статье «Деревенские письма», опубликованной в газете «Сибирский листок» 5 августа 1912 г., передала мнение российской переселенки — «пострадки», т.е. наемной работницы на период страды. *Несколько лет тому назад жила у моих хозяев летом пострадка-хохлушка; была она веселая, добрая баба, умевшая прекрасно ладить со всеми в доме, она постоянно возмущалась горячо, искренне, с экспансивностью южанки, всем укладом деревенской сибирской жизни. К сожалению, не могу передать ее прекрасной образной хохлацкой речи:*

— *И что за люди тут? Ну как они живут не пойму! У нас так паны живут, ей Богу же, правда, — дома пятистенные, и всякая мебель и цветы на окнах, и в шкафу всякая посуда, и в сундуках всякая тебе одежда, а едят хуже, чем у нас последний батрак!*

— *Чем же у вас лучше?*

— *Ах, Боже ж мой, да здесь усе чай да чай! Верите ли, мне все кишки промыло ихним чаем — у нас фрукты всякие, у нас зелень в огородах, чего только нет: и помидоры, и баклажаны, а обедать сядут — чего только не наставят, а здесь ничего не умеют сделать.*

Все чай пьют, а она не хочет [Костюрина, 1912].

Нами записано немало интересных рассказов, свидетельствующих о том, как незнание культурных особенностей, традиционного этикета чаепития, мешало взаимопониманию чалдонов и российских крестьян. Колыванская жительница А.С. Овчинникова вспоминала, как ее отцу, выходцу из Симбирской губернии, было отказано при сватовстве по причине его «крайнего простодушия». Он пришел в чалдонскую семью сватать мать информанта и, как показалось родителям будущей невесты, чересчур активно угощался предложенными яствами — конфетами, пряниками и пр. Именно это не понравилось родителям: в чалдонском застолье по заведенному правилу, если брали сахар к чаю, то, выпив чашку, клали его остатки обратно в сахарницу; примерно то же и с другими сладостями. Жениху было невдомек, почему, приняв его столь радушно, чалдоны отказали в руке дочери (ПМА, 1988).

Тем не менее чаепитие с самоваром поздними российскими переселенцами рассматривалось как весьма престижное занятие, как символ достатка и высокого социального положения. По этому поводу можно привести рассказ, достаточно наглядно иллюстрирующий систему ценностей и взаимоотношений в сибирской деревне начала XX в. В одной семье парень, приехавший из другой деревни к родственникам, пошел на игрища и познакомился с местной девушкой из переселенческой семьи. Она ему понравилась, и он решил похитить ее и увезти домой. Сделав вид, что собирается уехать, он попросил ее посветить фонарем у коня и, когда она вышла, прихватил ее полой тулупа и увез. Когда родственникам девушки сообщили о случившемся, они

кинулись ночью в погоню за вором в соседнюю деревню. Однако, ворвавшись в избу обидчика, чтобы отбить дочь, они неожиданно умерили свой гнев. Причиной было присутствие на столе начищенного самовара, т.е. признака семьи с хорошим достатком. Выяснив, что дочь сама не против такого развития событий, стали договариваться о свадьбе.

Традиции сибирского чаепития как показатель этнокультурной идентичности. Заключение

Чаепитие с китайским чайным листом, ставшее в начале XX в. русской национальной чертой культуры питания, досуга, общения, тем не менее, в отличие от повального увлечения у англичан [Фокс, 2013, с. 378–379], не воспринималось однозначно положительно всеми группами сибирского населения. Чаепитие входило в структуры идентификационных характеристик чалдонов, что даже позволяло интерпретировать их народное коллективное прозвище в соответствующем ключе («чайдоны», т.е. чай дающие). Исследование традиций чаепития показывает, что именно на основе этнокультурных повседневных практик происходит идентификация индивида. Очевидно, что культура сибирского чаепития начала формироваться вдоль Великого чайного пути и Сибирского тракта среди групп старожильского населения, сложившиеся при этом традиции являются следствием интеграционных процессов, протекавших в среде славянских народов.

Китайское чаепитие с самоваром не поддерживалось старообрядцами и частью российских переселенцев (южнорусскими, украинскими, белорусскими): первые объясняли это подозрительным поблескиванием его «змеиною пуза», вторые — бытовой нечистой самовара. Фактический материал («факты-реальности») о традициях сибирского чаепития дает основание поставить вопрос о существовании доминирующей идентичности в сибирском сообществе XIX — начала XX в. в лице старожилов-чалдонов — пионеров в освоении сибирского края и носителей специфических региональных традиций. Таким образом, традиции сибирского чаепития старожилов (не-старообрядцев) оказали значительное влияние на формирование региональной и этнокультурной идентичности сибиряков в широком понимании этого слова как жителей Сибири.

Традиции питья чая подтверждают мысль о том, что процесс дифференциации (оценочного сравнения) сопровождался другим процессом — культурной интерференции и неразрывно связан с когнитивным процессом — групповой идентификацией, не позволяющей некритично усваивать «не-свои» традиции. Показателем относительной новационности такого элемента в культуре славянского населения Сибири, как китайский чай, несмотря на его популярность в конце XIX — начале XX в., является то, что он, в отличие от всевозможных взваров, киселей, не входил в обрядовые комплексы (например, в свадебный, поминальный и пр.). В календарных обрядах чай был включен в качестве угощения во время развлекательных моментов праздников.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники. Список информантов

- Богачева (дев. Пискунова) А.А., 1910 г.р., родилась в д. Агафониха Тогучинского р-на Новосибирской обл. Запись в д. Дергоусово Тогучинского р-на Новосибирской обл.
 Гришин В.А., 1928 г.р., д. Карымка Манского р-на Красноярского края.
 Гут (дев.) Г.М., директор Дома культуры, с. Евгачино Омской области.
 Изосимова (дев. Никитина) К.А., 1915 г.р., д. Иткуль Чулымского р-на Новосибирской обл.
Костюрина М. Деревенские письма // Сибирский листок. 5 авг., 1912.
 Клочихина Н.Н., 1920 г.р., д. Мереть Сузунского р-на Новосибирской обл.
 Короткова А.Н., 1941 г.р., с. Евгачино Омской обл.
 Овчинникова А.С., 1902 г.р., с. Малый Оеш Колыванского р-на Новосибирской обл.
 Полуянов А.Г., 1926 г.р., с. Тевриз Омской обл.
Свидетельство старого самовара. Омск: ООММИ им. М.А. Врубеля, 2001. 24 с.
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год. Томск: Изд. Ф.П. Романова, 1893. С. 119–120.
 Тара на Великом чайном пути. Эрудит-экспедиция / Сост. В.Н. Носкова. Тара: ТЦБС, 2009. 28 с.
 Трофимова (по мужу Шатович) Е.П., 1915 г.р., д. Бажинск Маслянинского р-на Новосибирской обл.
 Щербакова (дев. Кузьмина) М.И., 1934, д. Кругликово Болотнинского р-на Новосибирской обл.
Цветник Карпа Зотиевича Меновщикова. Хранится в общине старообрядцев-поморцев. Рукопись. 1813. Л. 1–3.
 Чехов А.П. Из Сибири // А.П. Чехов. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1978. С. 5–38.

Литература

Беляевский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. XVI: Западная Сибирь. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1907. С. 214–282.

Бойко В.П. Томское купечество в конце XVII — XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.

Воронина Т.А. Утварь (XII–XX века) // Русские. М.: Наука, 1997. С. 397–415.

Гавриленко М.В. Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в конце XIX — XX в.: Локальные варианты и их трансформация. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 136 с.

Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. М., 1999. 240 с.

Гурулев С.А. Чай из мыкера // Чай в Сибири. Иркутск: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 1996. С. 20–27.

Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ГинГо, 1998. 504 с.

Ермачкова Е.П. Зарождение и распространение культуры сибирского чаепития // Вестник КемГУ. 2014. № 4 (60). Т. 3. С. 20–24.

История культуры Древней Руси: Домонгольский период. 1. Материальная культура / Под общ. ред. Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. М.; Л., 1948. 483 с.

Какадий Д.В. Теоретические аспекты изучения этнокультурных практик // Наука сегодня: Вызовы и решения: Материалы междунар. научно-практ. конф. Науч. центр «Диспут». Краснодар: Маркер, 2016. С. 184–185.

Калашников И.Т. Из «Записок иркутского жителя» // Славное море. Иркутск: Полиграфиздат, 1957. С. 31–39.

Каргин А.С., Костина А.В. Этнокультура как фактор национальной идентичности // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 34–46.

Катанев Г. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке // Записки ЗСОРГО. 1893. Вып. 2. Кн. 15. С. 1–20.

Кивокорцева М.В. Чай в Сибири // Чай в Сибири. Иркутск: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 1996. С. 1–14.

Максимов С.В. На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная Польза», 1864. 588 с.

Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России / Н.Л. Балич [и др.]; Краснодар: КубГТУ, 2014. 156 с.

Пименов В.В. Этнографический факт // СЭ. 1990. № 3. С. 43–52.

Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во: Новосиб. кн. изд-во, 1995. 464 с.

Похлебкин В.В. Чай. М.: Центрполиграф, 1997. 378 с.

Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб.: Тип. Северного Телеграфного Агентства. 1892. Репринтное изд. М.: Хобби Пресс, 2017. 578 с.

Федоров В., Мошков Н. Сказ о Самовар Самоварыче, или путешествие к чайным истокам. Н. Новгород: Литера, 2017. 131 с.

Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: Маркеры идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 147–155.

Фокс К. Наблюдая за англичанами: Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2013. 512 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.

Фурсова Е.Ф. Традиции сибирского чаепития в конце XIX — начале XX века // Хмельное и иное: Напитки народов мира. М.: Наука, 2008. С. 45–57.

Фурсова Е.Ф. Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев-переселенцев из Белоруссии как этнографический источник (по материалам XX — начала XXI в.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. С. 284–297.

Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: Опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. 275 с.

Чудова Т.И. Культура питания коми (зырян). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. 204 с.

Школдин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства. 1863. Кн. 1. С. 35–50.

Drygas I. Wspomnienia chłopca — powstańca z 1863 r. // Do druku przyg. J.S. Krakow, 1913. S. 67–68.

Fursova E.F. Traditional Tailoring Technology as an Ethnographic Source: (The Case of Eastern Slavic Clothing in Southern Siberia) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2017. № 45 (3). P. 11–125. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.115-125.

Sökefeld M. Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment // Current Anthropology. 1999. Vol. 40. № 4. August — October. P. 417–447.

«They drank tea, they struck spoons...»: ethnocultural identity in the tea drinking practices of Russian Siberians in the 19th — early 20th century

On the basis of original field materials, the author set a goal to reveal the identifying functions of the food culture, particularly, of such a characteristic component of the Northern Eurasian population as hot drinks (teas), in different ethnocultural groups of Siberia: descendants of the old settlers and later Russian migrants, old-believers and followers of the official church. The practices of Siberian tea-drinking have been studied from the perspective of ethnocultural identity within the framework of the mundanity theory. It is the folk customs and beliefs related to the consumption of decoctions of local herbs and later of Chinese leaves (tea) that provide opportunity to infer the place of hot drinks in people's culture. The author reports interesting facts about the traditions of Siberian tea-drinking and table etiquette in the countryside. Chinese tea-drinking from samovars (table boiling tanks) was not embraced by the old-believers and by some Russian migrants in the late 19th — early 20th c. (South-Russians, Ukrainians and Belarusians), where the former refrain due to "suspicious glare" of the surface resembling snake-skin, while the latter by the slimy samovars. In Siberia, the spread of the tea-drinking with Chinese leaf coincided with formation of local old-settler population in the 17th–18th centuries and therefore it can be regarded as an old custom for the service-class people and Cossacks. The fact that the Chinese tea was relatively a novation in the culture of the Siberian population is evidence by that it was not part of the ceremonial practices (e.g., family), in contrast to various herbal brews and kisels (jellies). Siberian tea-drinking traditions of the old-settlers (apart from the old-believers) had strong influence on formation of the regional and ethnocultural identity of the Siberians, in the wide sense of the term as Siberia locals. The established traditions can be considered as a consequence of integration processes amongst the Slavic people in Siberia. The tea-drinking traditions support the conjecture that the differentiation process (comparative evaluation) was accompanied by another process — cultural interference and is inextricably linked to the cognitive process — collective identification, which inhibits non-critical adoption of 'extraneous' traditions.

Key words: tea drinking practices, Russian Siberians, ethnocultural differences, ethnocultural identity, Siberia of the 19th — early 20th century.

Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00028.

REFERENCES

- Balich N.L. (Ed.). (2014). *Features of social identity in the context of modern integration processes in the union of Belarus and Russia*. Krasnodar: Izdatel'stvo KubGTU. (Rus.).
- Belavskii F.N. (1907). Distribution of the population of Western Siberia by territory, its ethnographic composition, life and culture. In: *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naiia i dorozhnaia kniga*. T. XVI: *Zapadnaia Sibir*. St. Petersburg: Izd. A.F. Devriena, 214–282. (Rus.).
- Boiko V.P. (1996). *Tomsk merchants at the end of the XVII–XX centuries: From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie*. Tomsk: Vodolei. (Rus.).
- Chekhov A.P. (1978). From Siberia. In: A.P. Chekhov. *Sochineniya: V 18 t. T. 14–15*. Moscow: Nauka, 5–38. (Rus.).
- Chudova T.I. (2009). Komi food culture (Zyryan). Syktyvkar: Izdatel'stvo SyktGU. (Rus.).
- Volkov Ju.G. (Ed.). (1998). *Don Cossacks in the past and present*. Rostov-na-Donu: GinGo. (Rus.).
- Drygas I. (1913). Memories of a peasant — insurgent from 1863. In: *Do druku przyg*. Krakow, 67–68.
- Ermachkova E.P. (2014). The origin and spread of the culture of Siberian tea drinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 3. 60(4), 20–24. (Rus.).
- Fedorov V., Moshkov N. (2017). *The Tale of the Samovar Samovarich, or a journey to the tea sources*. Nizhny Novgorod: Litera. (Rus.).
- Fedorov R.Yu., Abolina L.A. (2018). Some features of the material culture of Belarusian immigrants in the Bratsk region of the Irkutsk region: Identity markers. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 147–155. (Rus.).
- Foks K. (2013). *Watching the English: Hidden rules of conduct behavior*. Moscow: RIPOL klassik. (Rus.).
- Fursova E.F. (2002). *Calendar customs and rites of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region. Ch. 1: Customs and rites of the winter-spring period*. Novosibirsk: Agro. (Rus.).
- Fursova E.F. (2008). Traditions of Siberian tea drinking at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. In: *Hmel'noe i inoe: Napitki narodov mira*. Moscow: Nauka, 45–57. (Rus.).
- Fursova E.F. (2014). Funeral and funeral rites of the Old Believers-immigrants from Belarus as an ethnographic source (based on materials of the twentieth — beginning of the twenty-first century). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 13(5), 284–297. (Rus.).

- Fursova E.F. (2017). Traditional Tailoring Technology as an Ethnographic Source: (the Case of Eastern Slavic Clothing in Southern Siberia). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 45(3), 115–125. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.115-125.
- Fursova E.F., Golomyanov A.I., Fursova M.V. (2003). *Old Believers of Vasyugania: Experience in the study of intercultural interactions of a confessional-ethnographic group*. Novosibirsk: AGRO-SIBIR. (Rus.).
- Gavrilenko M.V. (2012). *The food culture of Russians in the Upper Ob and Sayano-Altai at the end of the 19th–20th centuries: Local variants and their transformation*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Goncharov Iu.M. (1999). *Merchant family of the second half of the 19 — beginning of the 20 century*. Moscow. (Rus.).
- Gurulev S.A. (1996). Myker tea. In: *Chai v Sibiri*. Irkutsk: Arkhitekturno-etnograficheskii muzei «Tal'tsy», 20–27. (Rus.).
- Kakadii D.V. (2016). Theoretical aspects of the study of ethnocultural practices. In: *Nauka segodnia: Vyzovy i resheniia: Materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii. Nauchnyi tsentr «Disput»*. Krasnodar: Marker, 184–185. (Rus.).
- Kalashnikov I.T. (1957). From «Notes of the Irkutsk inhabitants». In: *Slavnoe more*. Irkutsk: Poligrafizdat, 31–39. (Rus.).
- Kargin A.S., Kostina A.V. (2011). Ethnic Culture as a Factor of National Identity. *Traditsionnaia kul'tura*. 2011, (1), 34–46. (Rus.).
- Katanaev G. (1893). Irtysh Kazakhs and Kyrgyzs of the Semipalatinsk district in their home and household environment. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo etnograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Kn. 15*, 1–20. (Rus.).
- Kivokurtseva M.V. (1996). Tea in Siberia. In: *Chai v Sibiri*. Irkutsk: Arkhitekturno-etnograficheskii muzei «Tal'tsy», 1–14. (Rus.).
- Maksimov S.V. (1864). *In the East: A trip to the Amur (in 1860–1861)*. St. Petersburg: Tipografia Tovari-shchestva «Obshchestvennaia Pol'za». (Rus.).
- Pimenov V.V. (1990). Ethnographic fact. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 43–52. (Rus.).
- Pohlebkin V.V. (1995). *Tea and vodka in the history of Russia*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Pohlebkin V.V. (1997). *Tea*. Moscow: Centrpoligraf. (Rus.).
- Shkoldin P. (1863). Economic and statistical description of Burlinsky volost. *Zhurnal zasedaniy Moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyajstva*, (1), 35–50. (Rus.).
- Subbotin A.P. (2017). *Tea and tea trade in Russia and other countries*. St. Petersburg: Tipografiya Severnogo Telegrafnogo Agentstva. 1892. Reprintnoe izdanie. Moscow: Hobbi Press. (Rus.).
- SÖkefeld M. (1999). Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment. *Current Anthro-pology*, 40(4), August — October, 417–447.
- Voronina T.A. (1997). Utensils (XII–XX centuries). In: *Russkie*. Moscow: Nauka, 397–415. (Rus.).

Фурсова Е.Ф., <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Е.П. Батьянова

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский просп., 32-А, Москва, 119991
E-mail: elena-batyanova@yandex.ru

ТЕЛЕУТЫ: ПУТЬ ОТ ИНОРОДЦЕВ ДО КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Исследуется специфика самосознания и самоопределения одного из коренных малочисленных народов Сибири — телеутов на разных этапах его этнической истории — с середины XVIII в. до настоящего времени. Рассматриваются различные формы идентичности: сословная, этническая, родовая, локальная. Анализируются ситуации использования телеутами различных этнонимов, родовых имен, сословных знаков. Многовариантность самоопределения рассматривается как один из механизмов самосохранения и адаптации малочисленного народа к условиям постоянного ассимилятивного давления иноэтнического большинства. Статья основана на архивных источниках и полевых материалах автора, собранных в экспедициях к телеутам в 1976–2014 гг.

Ключевые слова: телеуты, этнонимы, сословие, идентичность, инородцы, белые калмыки, Томская губерния, нацмены, малые народы, коренные малочисленные народы Севера, КМНС.

Введение

В данной статье представлен анализ форм идентичности одного из коренных малочисленных народов Севера — телеутов¹. Рассматриваются варианты самоопределения, указывающие на сословную, этническую, родовую принадлежность телеутов. Развитие форм самоопределения прослеживается со времени окончательного вхождения телеутов в состав Российского государства в середине XVIII в. до современности. Анализируются особенности самоопределения телеутов в разных политических и социальных ситуациях. Исследуется роль множественности форм идентичности в самосохранении малочисленного народа в условиях жесткого ассимилятивного воздействия иноэтнического большинства. Представлены конкретные случаи использования телеутами этнонимов, генонимов (родовых имен), сословных знаков во внутриэтнической и межэтнической коммуникациях, в фольклоре, в официальных документах и пр.

Инородцы, выездные белые калмыки...

В документах Сибирского приказа — государственного учреждения России, ведавшего в XVII–XVIII вв. «сибирскими делами», телеуты, или «белые калмыки», упоминаются постоянно. В этот период они представляли крупное улусное объединение кочевников Верхнего Приобья, игравшее на политической арене региона заметную роль (см.: [Уманский, 1980; Шерстова, 1999]). К середине XVIII в. по ряду внешних и внутренних причин кочевое объединение телеутов окончательно распалось и значительная их часть вошла в состав Российского государства на правах служилого или ясачного сословия (процесс, начавшийся еще в XVII в.). В дальнейшем, перейдя на оседлость, телеуты образовали несколько самостоятельных волостей (инородных управ) в Кузнецком и Томском уездах Томской губернии [РГИА. Ф. 1264, 1265, 1290 и др.].

В XIX в. в этнографическом отношении телеуты не представляли единства и различались по этнотерриториальным группам, из которых наиболее значительными были бачатская, томская, чумышская и алтайская. Телеуты разных территориальных подразделений идентифицировали себя по-разному. Так, бачатские телеуты, представлявшие наиболее крупную и компактную общность, на своем языке называли себя *теленгет* или *паят* (от названия рек Большой и Малый Бачат, в бассейне которых располагались их селения). Томские телеуты называли себя *калмак*. Как отмечал в XVIII в. историк и путешественник академик Г.Ф. Миллер, «татары... себя выездными белыми калмыками называют, потому что их деды и прадеды из калмыцкой земли на имя Государево в Россию выехали» [РГАДА. Ф. 199, п. 580, д. 8, л. 1]. Чумышские

¹ Телеуты — тюркоязычный народ Сибири, близкий по происхождению и культуре к алтайцам. По данным переписи 2010 г. насчитывают 2643 чел. Проживают преимущественно в Кемеровской области, а также в Республике Алтай и Алтайском крае.

телеуты называли себя по местам локального расселения, по наименованию волостей, родов (сеоков): *ютты*, *чинзан*, *ашкыштым*, *тонгул* и пр. [Батьянова, 1994а].

Структура самоопределения телеутов в составе Российского государства отличалась иерархичностью. Высшую ступень этой иерархии определял статус телеутов в составе Российского государства, связанный с их принадлежностью к инородческому сословию. Эта принадлежность обеспечивала телеутам ряд прав и привилегий, связанных с землепользованием, налогами, освобождением от службы в армии. Своей государственной и сословной принадлежностью телеуты весьма гордились: «Мы... происходим от так называемых белых калмыков и всегда были верными подданными Великого Русского государства. Управлялись по особому положению и составляли особое инородческое сословие» [ГАТО. Ф. 3, оп. 19, д. 867, л. 395]. В государственных документах телеуты обычно фигурировали под именем инородцев или телеутских инородцев. Надо отметить, что в XVIII–XIX вв. телеуты были одним из немногих народов Южной Сибири, обнаруживавших национальное самосознание. На это обратил внимание побывавший у них в 1861 г. В.В. Радлов, который писал, что все народы Алтая, «кроме телеутов, не имеют своего собственного названия и совершенно утратили национальное самосознание» и что «только у телеутов и алтайских горных калмыков можно найти следы такого национального сознания» [1989, с. 122]. Прошлый статус «знатнейшего народа Сибири» предоставлял телеутам после вхождения их в состав Российского государства привилегированные возможности этнического самосохранения.

Набор самоназваний, встречающихся в XIX — начале XX в. в официальных документах (жалобах, прошениях), направлявшихся телеутами в различные учреждения, включал как сословные определители («инородцы», «кочевые инородцы», «оседлые инородцы»), так и официальные этнические имена: «телеуты», «белые калмыки», «телеутские татары», т.е. экзотонимы. При этом телеуты в официальных документах достаточно свободно относились к выбору тех или иных сословных и официальных этнических имен в целях получения больших правовых льгот и материальных выгод. Так, телеуты селения Улус-Черга, находившегося в Горном Алтае, стремясь доказать свое единство с кочевым населением алтайских дючин для получения определенных хозяйственных привилегий, называли себя алтайскими горными калмыками: «Нижеподписавшихся жителей улуса Чергинского... **алтайских калмыков**... заявление... По происхождению своему, по роду нашей жизни, религии и своему занятию мы есть кочевые инородцы, ничего общего не имеющие с инородцами оседлыми» [ГААК. Ф. 29, оп. 1, д. 1554, л. 51].

В прошениях и жалобах, как и в фольклоре, устных рассказах, телеуты в одном ряду использовали и сословные определители, и экзотонимы. Эта традиция дошла до нашего времени: «Верные подданцы, белые калмыки княжеской природы нас звали, потом инородцами стали звать, теперь телеутами зовут» [ПМА, 1977б]. Эндоэтонимы, употребляемые обычно на родном языке (*теленэт*, *паят*), в официальных документах не использовались, но именно они являлись гарантами устойчивости этнической идентичности телеутов.

В процессе адаптации телеутов в XIX в. к новой социальной и культурной среде в составе Российского государства менялись и корректировались их представления о других народах. В памятниках телеутского фольклора, зафиксированных в начале XX в., рассказывается о происхождении «тунгусов», «остяков» и других народов [Архив МАЭ. Ф. 1, л. 71–72]. В легендах и преданиях телеутов постоянно упоминаются монголы-ойраты, джунгары, китайцы, русские. Последние определяются как «грамотеи», «чиновники», «ученая нация»: «Когда бог создавал разные народы, то специально кидал жребий, кому что достанется. Он созвал всех, разложил разные предметы и сказал: «Выбирайте». Русские люди сразу за бумагу схватились, а наши за чалу (бубен. — Е. Б.). Поэтому русские все учатся, а мы все камлаем» [ПМА, 1977а].

Для идентичности телеутов начала XX в. характерна трансформация форм локального самосознания и самоопределения. Имена, обозначающие небольшие локальные общности, нередко приобретали пренебрежительный оттенок, переходили из эндо- в экзогруппу. Так, низкий социальный статус приобрели этнические названия «ашкыштым» и «тюлебер»: «Они телеуты, но их в неуважительном смысле тюлебером называли» [ПМА, 1977в]. Нас называли «кестым», «кештым», «кештыминка» — это не русский, не татарин значит. Сами себя мы так не называем. Это как бы обозвать» [ПМА, 1978].

Нацмены, татары...

В советский период, в ходе национально-государственного строительства 1920–1930-х гг., телеуты не получили статуса самостоятельного народа и не вошли в группу «малых народов», которую в лице Комитета Севера опекало государство. Тем не менее они были отнесены к

группе национальных меньшинств — нацменов. И это название стало основным знаком их официальной идентичности. Понятие «нацмен» толковалось весьма неопределенно. Так, на территории Кузнецкого округа в 1925 г., по данным окружного исполкома, проживало более 62 600 нацменов, среди которых значились шорцы, украинцы, мордва, чуваша, татары, белорусы латыши, литовцы, эстонцы, немцы, зыряне, цыгане, черемисы, киргизы, чехи, мадьяры, башкиры и «прочие национальности» [ГАКО. Ф. Р-22, оп. 1, д. 227, л. 54]. Телеуты, по-видимому, значились среди «прочих».

Специфика коллективизации у телеутов определялась во многом их принадлежностью к нацменам, предполагавшей особый, более либеральный, к ним подход со стороны государства. Руководителей, подходивших с общими мерками к «нацменовским» колхозам, обвиняли в великорусском шовинизме или в разжигании национальной розни. Два телеутских колхоза носили официальное название «Нацмен». Но это имя (идеологема), широко использовавшееся в разных регионах страны, постепенно приобрело уничижительный оттенок, утратило прежний статус и почти вышло из употребления. Традиционные этнические и бывшие сословные имена сохранялись у телеутов на протяжении всего советского периода. Еще до советского времени у телеутов был достаточно высок уровень правовой культуры. Среди правозащитных мер в XIX — начале XX в. они часто использовали обращения к представителям государственной власти с письмами-жалобами. В них нередко для достижения желаемых результатов происходило манипулирование сословными и этническими именами [Батьянова, 1994b]. Эта традиция продолжилась и в первые десятилетия советского периода. Обращает на себя внимание, как жалобщики-телеуты, подыгрывая власти, подчеркивали в прошениях свою прошлую принадлежность к «угнетенному классу инородцев», «к малочисленному татарскому племени — телеутам, которые раньше при царском режиме именовались сибирскими инородцами и носили общую кличку ясачных татар... Нас по-прежнему продолжают рассматривать как татар-инородцев, с которыми считаться нечего» [ГАКО. Ф. Р-63, оп. 1, д. 73].

Ассимиляционные процессы у телеутов в советское время активизировались. Исследования, проведенные мной в 1970–1980-е гг., показали, что в этот период наиболее распространенными этнонимами, используемыми телеутами для самоопределения, были «татары» и «телеуты». Бытовали эндоэтнонимы — теленгет, татарлар, паят, которыми пользовались при общении на родном языке. Имя «телеут» использовалось преимущественно при общении с русскими. Мнения о «правильности» применения тех или иных этнических имен у людей расходились. В одних случаях: «Наш народ — телеуты. Теленэт есть где-то, но это в Монголии». В других: «По-правильному нас не телеут зовут, а теленэт. Это русские нас телеутами прозвали». «Вы телеут?» — «Я такой народности не знаю. Татарин я» [ПМА, 1976б]. Незнание этнонима «телеут» обнаруживали и некоторые русские соседи телеутов: «А кто такие телеуты? Это татары, что ли?» [Там же]. Этническое имя «телеут» использовалось реже, чем имя «татарин», несмотря на то что повсеместно фигурировало в этнографической литературе. Для части населения название «телеут» стало не этническим, а скорее топонимическим понятием, так как в г. Белово, например, есть улицы Телеут-1, Телеут-2, Телеут-3. Под Новокузнецком есть старинный поселок Телеуты и пр. Название «инородцы» употреблялось телеутами в течение всего советского периода, но главным образом в фольклоре и семейных преданиях, в которых о нем вспоминали как о прошлом имени своего народа: «Раньше мы были инородцы, потом стали телеуты» [ПМА, 1976а].

Коренные малочисленные народы Севера, телеуты

В 1989 г. телеуты были признаны самостоятельным народом и впоследствии включены в перечень коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Этноним «телеут» приобрел официальный статус, что повлияло на этническое самосознание его носителей. Для постсоветского времени характерны новые формы конструирования и укрепления этнической идентичности телеутов [Функ, 1999]. Этому способствовали: продуктивная работа Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат», издание книг и статей, посвященных этнической культуре телеутов, активная деятельность по распространению знаний об этнической культуре телеутов Историко-этнографического музея «Чолкой», созданного в селении Беково (Беловский р-н). Среди телеутского населения возрос интерес к своей истории, культуре, языку. Это получило отражение в том числе в народной письменной культуре. Приведу стихотворение из дневника 85-летней телеутки Анны Сидоровны Тарасовой, которое передает настроения, овладевшие многими телеутами в этот период:

Родной наш телеутский язык,
Откуда и когда ты возник?

Телеуты: путь от инородцев до коренных малочисленных народов Севера

Малый наш телеутский язык,
Чтоб ты никогда не поник.
А кто же нам скажет,
Почему нас телеутами называют?
Где же наш корень?
Откуда телеуты приплыли?
Просторные сибирские степи [ПМА, 2014].

Лозунг «Вперед к родовому строю», провозглашенный на 1-м съезде коренных народов Севера, способствовал популяризации среди малочисленных народов таких понятий, как «племя» и «род». Это было характерно не только для телеутов, но и для большинства КМНС. Во время экспедиции на Камчатку в 1995 г. я стала свидетельницей, как при закрытии Международного схода коренных национальностей все его участники подписывали Воззвание. Причем каждый перед своей фамилией должен был указать, из какого он племени. Возник спор по поводу «племени коряк»: «Нет такого племени “коряки”, это русские придумали такое слово!» Представитель администрации из Петропавловска-Камчатского подписался «С...нов из племени русских» [ПМА, 1995].

У телеутов понятие «племя» фигурировало преимущественно в семейных преданиях и в фольклоре: «Вернулся Шуню к белому царю, говорит: “Вот я тебе свое племя в подарок оставляю — инородцев”» [ПМА, 1976а]. Для постсоветского времени характерен всплеск родового самосознания сибирских народов. У телеутов род (сеок) и в советское время сохранял свои основные признаки (имя, унилинейность, экзогамию, традиционную структуру с патронимическими подразделениями — *кезек*, *юрт* и пр.) [Батьянова, 2007]. Родовое самосознание телеутов постоянно подпитывалось их традициями и фольклором, а также культурными связями с Горным Алтаем. С 1990-х гг. у телеутов, как и у коренных жителей Горного Алтая, наблюдаются новые, нетрадиционные формы укрепления родовой идентичности: организация родовых общин, фондов, советов, использование родовых имен в названиях частных предприятий, магазинов, проведение родовых съездов, праздников. Так, в 2010 г. в Беловском районе Кемеровской области состоялся съезд-праздник телеутского сеока меркит. В нем участвовали гости из Республики Алтай. На съезде фигурировали новые символы родовой идентичности: родовой флаг и пр. [Батьянова, 2011]. Сеок сохраняет традиционную функцию воспроизводства этнической культуры.

Включение телеутов в группу КМНС, наряду с положительными результатами, привело к напряженности во взаимоотношениях между телеутами и местными чиновниками. Это было связано как с несовершенством правил предоставления льгот КМНС, так и с некомпетентностью в этом представителей местной власти. При отсутствии у телеутов статуса самостоятельного народа на протяжении многих десятилетий в их свидетельствах о рождении нередко указывалось: татарин, русский и пр. Кроме того, телеуты, предки которых приобщились к православию еще в прошлые века, в подавляющем большинстве имеют русские имена и фамилии, что весьма настораживает чиновников, оформляющих им льготы: «У кого в паспорте написано “телеут”, у тех проблем нет, а у кого — “татарин”, тем приходится через суд доказывать» [ПМА, 2014].

Обязательные условия проживания в сельской местности и занятия традиционными промыслами для получения пенсионных и прочих льгот стали препятствием для пользования этим правом многими телеутами, так как в большинстве своем они проживают в густонаселенном промышленном районе Кузбасса, где нередко границы между городом и деревней стерты. Правовые разграничения между «городскими» и «сельскими» телеутами выглядят нелепо и вызывают негативную реакцию населения: «В деревне Черта наши тоже получают телеутскую пенсию, но для этого они должны прописаться в другом месте. В Новокузнецке тоже получают пенсию, но для этого нужны какие-то уловки... Прописка нужна деревенская. Не дай бог человек живет в городе, он уже не телеут» [ПМА, 2011]. Для того чтобы получить «телеутскую пенсию», людям приходится проходить унижительные процедуры: «Наша Ира в этом году оформляла телеутскую пенсию. Чего только они (чиновники) не придумывали на заседании суда?! Спрашивали: “Почему у Вас фамилия Тарасова? Эта фамилия русская”. Ира вообще в шоке была. Она растерялась даже. “Как Вы докажете, что Вы телеутка? Каким промыслом своим Вы занимаетесь? Носите ли Вы телеутскую одежду?” Издевательство это, прямо смеются над нами» [ПМА, 2011]. «Я знаю свою национальность, и я не буду по судам ходить, еще кому-то доказывать, что я телеут... Зачем... унижаться?» [ПМА, 2014]. Правила предоставления льгот коренным народам явно требуют корректировки.

Заключение

Как показывают результаты исследования, специфика идентичности телеутов за более чем 200-летний период пребывания их в составе Российского государства проявлялась во множественности ее форм. Сословная, этническая, родовая, локальные формы идентичности переплетались и влияли друг на друга. Принадлежность телеутов к инородческому сословию, предоставлявшая им льготы и привилегии, в значительной степени обеспечивала возможности их этнического самосохранения. Утрата телеутами в советский период статуса самостоятельного народа активизировала ассимилятивные процессы в их среде. Родовое самосознание способствовало в этот период поддержанию этнических традиций и телеутской этнической культуры в целом. Множественность знаков самоопределения расширяла возможности адаптации телеутов к условиям социальных потрясений и постоянного ассимилятивного воздействия иноэтнического большинства. Получение телеутами статуса самостоятельного народа и включение их в группу КМНС укрепили этническую идентичность телеутов, подняли престиж их национальной культуры. Эти обстоятельства вселяют уверенность в том, что этническая культура телеутов продолжит успешно развиваться.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Батьянова Е.П. Ашкыштымы // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий М., 1994а. С. 14–27.
- Батьянова Е.П. Из адаптационного опыта телеутов // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994b. С. 176–203.
- Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX — начале XXI века. М.: Наука, 2007. 395 с.
- Батьянова Е.П. Национальные праздники у телеутов // ЭО. 2011. № 6. С. 16–25.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989.
- Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 294 с.
- Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-х — первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 109–128.
- Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 1999. 432 с.

Источники

- Архив МАЭ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 26.
- ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1554; Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 73.
- ГАКО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 227.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867.
- ПМА, 1976а — Кемеровская обл., Беловский р-он, дер Верховская (информанты: А.Н Каргина, 1901 г.р., Н.П. Каргин, 1913 г.р.).
- ПМА, 1976б — Кемеровская обл., Беловский и Гурьевский р-ны.
- ПМА, 1977а — Кемеровская обл., Гурьевский р-он, д. Шанда (информант А.С. Тарасова, 1925 г.р.).
- ПМА, 1977б — Алтайский край, Кытмановский р-он, п. Октябрьский (Информант: Н.К. Арлинекова, 1907 г.р.).
- ПМА, 1977в — Кемеровская обл., Беловский р-н, д. Челухоево (информант Челухоев Н.С., 1904 г.р.).
- ПМА, 1978 — Кемеровская обл., Юргинский р-н, д. Шалай (информант А.И. Суркова, 1914 г.р.).
- ПМА, 1995 — Камчатский край.
- ПМА, 2011 — Кемеровская обл., Гурьевский р-н, д. Шанда.
- ПМА, 2014 — Кемеровская обл., Гурьевский р-н, д. Шанда.
- ПМА, 2014 — Кемеровская обл., Гурьевский р-н, д. Шанда (тетрадь А.С. Тарасовой, 1925 г.р., запись 21.11.2011).
- РГАДА. Ф. 199. Портфель 580. Д. 8.
- РГИА. Ф. 1264, 1265, 1290.

The Teleuts: from non-Russians to Indigenous Minority of the North'

This paper concerns the study of the specifics of self-consciousness and self-identity of one of the indigenous minorities of Siberia — the Teleuts, in different periods of their ethnic history from the mid. 18th century until the present time. Main forms of Teleuts' identity are considered: national; class; ethnic; ancestral and local. The instances of using various ethnonyms, genonymums and class attributes by Teleuts are analyzed. Identity multi-variance is considered as a mechanism of minority self-preservation and adaptation to the continuous assimilative influence of the nonethnic majority. The paper is based on the archival sources and field materials of the author collected during the expeditions to Teleuts in 1978–2014. The field materials include samples of the folklore, written folk literature, records of biographies, family chronicles and narratives about other societies recorded by the author. It has been shown how Teleuts ideas about other societies adjusted in the course of their adaptation to the new social and cultural environment within the Russian state. The attention has been drawn to how the ethnic consolidation of the Teleuts in the 19th–20th cc. transformed the local self-consciousness and self-identity. The names associated with small territorial communities often acquired derogatory sense and transferred from endo- to exo-type. It has been deduced how the legal status of the ethnic group within the state influences development of their ethnic culture. Notably, the non-Russians status of the Teleuts brought to them some rights and privileges in terms of the land tenure, taxes and exemption from the compulsory military service. On one hand, this has been helping to strengthen the national identity of the Teleuts, but on the other hand, it facilitates their ethnic self-affirmation. Teleuts have always been proud with their non-Russians status within the Russian state. The ethnic status of the Teleuts in the post-Soviet period is protected by their official recognition in 1989 as a separate ethnic group and subsequent affiliation with the indigenous minorities of the North.

Key words: Teleuts, ethnonyms, estate, identity, aliens, white Kalmyks, Tomsk province, national minorities, small peoples, Indigenous Numerically Small People of the North.

Funding. The article was supported by the RFBR grant for the project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks».

REFERENCES

- Batyanova E.P. (1994a). Ashkyshtymy. In: *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skih narodov Yuzhnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Moscow, 14–27. (Rus.)
- Batyanova E.P. (1994b). From the adaptation experience of Teleuts. In: *Narody Severa i Sibiri v usloviyakh ekonomicheskikh reform i demokraticheskikh preobrazovaniy*. Moscow, 176–203. (Rus.).
- Batyanova E.P. (2007). *The clan and community of the Teleuts in the 19th and early 21st centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Batyanova E.P. (2011). National holidays at the Teleuts. *Etnograficheskoye obozreniye*, (6), 16–25. (Rus.).
- Radlov V.V. (1989). *From Siberia: Diary pages*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Umansky A.P. (1980). *Teleuts and Russians in the XVII–XVIII centuries*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Funk D.A. (1999). The formation of new ethnic identities among the Turks in the south of Western Siberia in the 1980s and the first half of the 1990s (by the example of the Bachat Teleuts). *Etnograficheskoye obozreniye*, (5), 109–128. (Rus.).
- Sherstova L.I. (1999). *Ethnopolitical history of the Turks of South Siberia in the XVII–XIX centuries*. Tomsk. (Rus.).

Батьянова Е.П., <https://orcid.org/0000-0002-9624-061X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Е.П. Мартынова

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
просп. Ленина, 125, Тула, 300026
E-mail: ep_martynova@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ

Рассматриваются изменения этничности обских угров в исторической динамике: с XIX в. до настоящего времени. До 1930-х гг. среди них доминировала микроэтничность. В годы социалистического строительства этнические сообщества обских угров оформились в два народа — хантов и манси. В постсоветское время на волне этнического возрождения появилась надэтничность — «коренные народы» или «аборигены».

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ, обские угры (ханты и манси), этничность, этнонимы, коммуникации, политика государства, социалистические преобразования, этническая мобилизация.

Введение

В 1990-е гг. в отечественной этнологии произошел разворот от исследования этносов к изучению этничности и этнической идентичности. На теоретическом уровне развернулись баталии между сторонниками примордиалистского и конструктивистского их понимания, которые в условиях методологического плюрализма сегодня все еще далеки от консенсуса. В то же время «все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими» [Тишков, 2001, с. 233]. При анализе многогранного феномена этничности примордиализм и конструктивизм могут быть взаимодополняющими концепциями. Как заметил А.В. Головнев: «Этничность — не косная традиция, а постоянно генерируемое явление... В зависимости от состояния элитных групп и внешних контактов этничность может нагнетаться, унифицироваться, рассеиваться, дробиться» [2012, с. 11]. Этническая идентичность формируется социальной средой и меняется в зависимости от внешних факторов. Современный подход к изучению этничности предполагает изучение ее изменчивости (дрейфа, сдвигов, процессуальности). Цель данной статьи — проанализировать проявления этничности у обских угров в разные исторические эпохи (традиционное общество, советская модернизация, постсоветский период демократизации). Автор уделяет внимание объяснению доминирования того или иного проявления этничности. В основу работы положены наблюдения автора во время экспедиций в Ханты-Мансийский автономный округ (1980–2000-е гг.) и сведения других исследователей, почерпнутые из публикаций.

«Люди одной реки» vs инородцы

Специалисты, занимающиеся изучением обско-угорских народов, всегда признавали вариативность их языков, хозяйства и культуры. Даже в работах, посвященных этнологическим исследованиям двух народов в целом, выделяется специфика отдельных групп. В многочисленных этнографических трудах (с конца XVIII в. и до современности) описаны, хотя и с разной степенью подробности, различия в хозяйстве, типах жилищ, одежде, пище, пантеоне, ритуалах и т.п. Е.А. Пивнева посвятила специальную работу анализу классификаций и идентичностей у этих народов [2011]. Учитывая такое разнообразие, видимо, правильнее говорить о нескольких этнокультурных обско-угорских общностях, расселенных по многочисленным обским и иртышским притокам.

Наряду с этнологами, языковеды отмечают значительные расхождения между диалектами хантыйского и мансийского языков. По их сведениям, в составе первого насчитывается свыше трех десятков отдельных диалектов, говоров или наречий (эти термины употребляются не дифференцированно), имеющих специфику в области фонетики, морфологии и лексики, которые объединяются в три большие группы диалектов [Хайду, 1985, с. 45]. В мансийском языке выделяются четыре диалектные группы, внутри которых — более десяти диалектов и говоров [Ромбандеева, 1989, с. 34]. Лингвисты отмечали, что расхождение внутри хантыйского и мансийского языков «настолько велико, что препятствует взаимопониманию представителей раз-

ных диалектов» [Народы Сибири, 1956, с. 571]. В силу этих обстоятельств не удалось разработать единые письменные нормы и сформировать единые литературные языки манси и хантов. Такие попытки предпринимались миссионерами конца XIX в. и советскими учеными 1930-х годов. В итоге была создана письменность для двух диалектов мансийского языка (северного и восточного), а учебная литература для хантов в разное время издавалась на шести диалектах [Напольских, 1997, с. 74, 80].

Для настоящей работы значение имеет то, как осознавали свою этничность люди, говорившие на разных диалектах и имевшие самобытные черты в хозяйстве и культуре? Специалисты знают, что в прошлом ханты и манси называли себя по рекам, в бассейне которых жили. В их идентификации главную роль играла принадлежность к людям определенной реки: казымский народ (*касум ёх*), юганский народ (*яун ях*), ляпинский народ (*сакхам махум*), сосьвинский народ (*тагт махум*) и т.д. [Мартынова, 1998, с. 208; Соколова, 2009 с. 26, 27]. Полевые материалы автора (и ряда других исследователей), собиравшиеся в конце XX в., свидетельствуют, что в прошлом единого самосознания ни у хантов, ни у манси не было. Так, юганские ханты не осознавали своего единства с войкарскими, а ляпинские манси — с кондинскими. Приведу типичное высказывание информантов. Например, сынские ханты говорили: «Аганские ханты — другой народ. Мы их не понимаем, т.к. язык другой. У них одежда отличается, орнамент другой». Среди разных форм самоопределения у обских угров на первом месте стояла локальная этничность (микроэтничность, по А.В. Головневу). Она основывалась «на родстве (в значении философии и технологии близости, а не факта крови), распространяемом на обитаемое пространство в понятиях “родная земля”, “родина»» [Головнев, 2009, с. 48].

Чем же можно объяснить доминирование локальной этничности среди обско-угорского населения? С одной стороны, этничность является формой социальной организации культурных различий, что предполагает существование культурно отличительных групп и форм идентичности [Этнические группы и социальные границы, 2006, с. 15–16; Тишков, 2003, с. 60, 61]. Она основывается на групповых взаимоотношениях, т.е. на самоидентификации и идентификации других [Hutchinson, Smith, 1996, p. 4; Tonkin et al., 1996, p. 21–23]. Например, осознание себя как «казымцев» (*касум ёх*) у населения бассейна р. Казым происходило через сопоставление с другими группами хантов, по-иному разговаривающих, носивших отличающуюся одежду и т.п.

С другой стороны, этнические границы определяются интенсивностью связей внутри группы. А.В. Головнев заметил, что объем устойчивых (бытовых) взаимосвязей обуславливается особенностями хозяйственного цикла и совпадает с границами распространения диалектов в обско-угорской среде [1995, с. 78]. По мнению Е.В. Переваловой, насыщенность разного рода общения (хозяйственно-бытового, торгово-обменного, культово-ритуального и т.д.) служила основой формирования локальных групп у хантов [2004, с. 211]. Традиционные способы жизнеобеспечения обских угров (рыболовство, охота, оленеводство) предполагали интенсивное общение в пределах бассейна реки (обского или иртышского притока). В хозяйственно-экономической сфере контакты сводились к совместному использованию рыболовных угодий в русле Оби жителями притока и торгово-обменным связям между оленными и рыболовецкими семьями, часто родственными. Добавим к сказанному, что в территориально-поселенческом отношении размещение обско-угорского населения было дисперсным, что не могло не сказаться на плотности контактов и неразвитости «дальних» связей.

«Люди одной реки» имели определенную генеалогическую структуру, которая включала несколько родовых подразделений, географически привязанных к определенным селениям. Локальная этническая самоидентификация усиливалась представлениями об общности происхождения. Важным представляется и ее религиозное оформление. У каждой локальной группы был дух-покровитель, который считался хозяином реки и «отвечал» за благополучие людей, проживающих в ее бассейне. К нему регулярно обращались за помощью, устраивая церемонии жертвоприношения, которые собирали вместе мужчин из разных селений. Поклонение одному божеству не только способствовало поддержанию чувства единства между членами группы, но и формированию представлений о «родстве» по духу-покровителю¹.

Если «внутри» обско-угорского общности определяющим было локальное проявление этничности («люди одной реки»), то «извне» фиксировались иные обозначения. В официальной лексике XIX в. (после принятия Устава 1822 г.) чаще всего использовался термин «инородцы».

¹ Подробнее о родстве по духу-покровителю см.: [Перевалова, 2004, с. 240–242].

Наряду с ним в документах, публицистике и научной литературе употреблялись этнонимы «остяки» и «вогулы». О том, как российские власти различали подданных, можно судить по материалам учета населения Российской империи, т.е. по ревизским переписям, которые велись по волосьям — низшим административным единицам. Обско-угорское население в разные годы именовалось «крещенные остяки/вогулы», «ясашные остяки/вогулы», «бродячие остяки», «ясашные инородцы», «инородцы». Очевидно, что власти не интересовались точной этнической дифференциацией плательщиков ясака, во внимание принимались не столько культурно-языковые характеристики, сколько социальный статус — ясашные, инородцы. Соотнесение с этнической общностью остяков или вогулов было вторичным. В материалах переписи населения 1897 г. жители Северного Приобья были учтены как инородцы с отнесением к остякам или вогулам. Можно утверждать, что в официальном дискурсе определяющей была социально-статусная идентичность.

Обско-угорское общество, оставаясь традиционным, изменялось под воздействием внешних факторов (или магистральной культуры, по А.В. Головневу). Промысловое хозяйство в значительной степени было товарным уже в XIX в., поскольку рыба и пушнина являлись важнейшими статьями в сибирской торговле. Торговые связи обско-угорского населения ориентировались вовне, т.е. на русских перекупщиков и купцов. Авторы рубежа XIX–XX в. констатировали весьма заметные перемены в инородческом быту под влиянием торговых контактов с русскими: многие традиционные вещи вышли из употребления, на смену им пришли покупные одежда, обувь, утварь. В процессе начавшейся во второй половине XIX в. модернизации наметилось постепенное стирание культурных барьеров между разными этническими группами за счет бытовых изменений «на русский лад» и усвоения новых стандартов поведения. Можно предположить, что в случаях контактов с русскими (внешними по отношению к обским уграм), остяки и вогулы редко заявляли о своей локальной этничности. При подобном общении они, скорее всего, обходились более общей констатацией — остяк/вогул. В свою очередь, для русских они также были либо остяками, либо вогулами².

Нивелирование этничности

Революция 1917 г. и последовавшие за ней социалистические преобразования привели к существенным изменениям во всех сферах жизни страны и коренного населения в частности. Административно-правовые изменения на Тобольском Севере начались с формирования в 1926–1927 гг. родовых и туземных советов. Они создавались по принципу «матрешки»: низовые юртовые, родовые и ватажные объединялись в районные туземные со своими исполкомами, а последние подчинялись одному из районных. В Тобольском округе были сформированы восемь райтузсоветов: Казымский, Сосьвинский, Карымский, Сынский, Шурышкарский, Угот-Юганский, Тром-Юганский, Балыко-Пимский [Судьбы народов..., 1994, с. 158]. Новое административное размежевание соответствовало локальным этническим группам обских угров. Возможно, такое совпадение объяснялось тем, что районирование проходило после проведения Приполярной переписи 1926–1927 гг., которую этнографы считают фундаментально подготовленной и детальной (дошедшей до каждого хозяйства) [Карлов, 2010, с. 405]. Таким образом, в первое десятилетие советской власти локальная этничность сибирских угров получила официальное признание на уровне районных туземных советов. Многие историки и этнографы положительно оценивают их создание и деятельность, поскольку в глазах аборигенов они были преемниками прежней системы управления через инородческие управы, но без старшин и «князцов». Вместе с тем нужно отметить, что в создании тузсоветов усматривается важная черта национальной политики большевиков — стремление создать этнически очерченные территории (территориализация этничности). Среди населения по-прежнему оставалась актуальной локальная этничность. В качестве подтверждения сошлемся на заявление жителей юрт Мозянских и Рыбачких Березовского района в Комитет Севера от 18 июня 1928 г.: жалоба на местную власть была подана от имени «казымского народа» [Судьбы народов..., 1994, с. 154].

По образному выражению Е.В. Переваловой, «ползущая» советизация 1920-х гг. сменилась в 1930-е «галопирующей» [2019, с. 155]. В 1931 г. был создан Остяко-Вогульский округ (в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийский), а в 1932 г. построенные по этническому принципу туземные советы и районы были заменены территориальными. Новые 49 советов, хотя и назывались «национальными», были созданы для всего населения, а не для «народностей» Севера, что озна-

² В.А. Тишков обратил внимание на то, что «внешние представления о группе имеют тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при характеристике групп» [2001, с. 230].

чало полный разрыв с институтами инородческого управления досоветской эпохи. С 1932 г. в официальных документах наряду с распространенными прежде терминами «туземцы», «туземные племена», «малые народности Севера» начали употребляться этнонимы «ханты» и «манси».

Кардинальные изменения происходили в экономике округа. Создавалась промышленность: строились кирпичные заводы, лесопильные предприятия, рыбоконсервные комбинаты; в сельском хозяйстве организовывались животноводческие колхозы и совхозы, молочные фермы. Конечно, они не сразу затронули коренное население. Но менялась жизнь территории, новшества коснулись и аборигенов. Началось трудоустройство их представителей на советских предприятиях, хотя до конца 1950-х гг. большая часть хантов и манси оставалась занятой в секторе традиционных отраслей хозяйства.

Вскоре начался идеологический натиск на народы Севера, ярко проявившийся в кампаниях по борьбе с шаманизмом и в культурной революции [Перевалова, 2019, с. 155]. Развернулась работа по созданию письменности на родных языках. В округе появилась целая сеть школ: первой ступени, семилеток, лесопромышленных, промысловой молодежи; открылись педагогический, медицинский, оленеводческий, рыболовный техникумы, организовывались различные хозяйственные курсы. Во все учебные заведения активно привлекалась туземная молодежь. Для повышения идеологического уровня и коммунистического воспитания коренных народов проводились курсы туземного актива, открывались «красные уголки», избы-читальни. Особенно большие надежды возлагались на культбазы (Сосьвинскую и Казымскую), которые являлись комплексными медицинскими, образовательными и культурно-просветительскими учреждениями по обслуживанию северных народов и распространению среди них советских черт быта. Широкомасштабная культурная революция должна была «заменить все устаревшие традиции, верования и обычаи цивилизованными нормами поведения и новой научной идеологией» [Слезкин, 2008, с. 255]. Все перечисленные выше действия и меры наглядно демонстрировали ассимиляторскую стратегию советской власти по отношению к народам Севера.

В 1950-х — начале 1980-х гг. государственная политика по отношению к коренным народам Севера была направлена на их интеграцию в единую советскую семью народов. В хозяйственной сфере это проявлялось в кампании по переводу на оседлость (началась в конце 1930-х гг.), переходе к сельскохозяйственным работам в поле или на ферме вместо традиционных рыболовства, охоты, оленеводства. Так называемое укрупнение вызвало значительные перемещения населения внутри территории расселения обских угров и привело к появлению больших по численности поселков (Шеркалы, Сосьва, Лямино, Угут, Варьеган и т.д.). Это нарушило традиционную систему расселения хантов и манси по локальным и генеалогическим группам. Разительные перемены происходили в быту: переезд во вновь построенные типовые дома, ношение покупной одежды, покупка населением бытовой техники, телевизоров, холодильников и т.п. Самобытная материальная культура повсеместно вытеснялась промышленно произведенными советскими товарами.

Начался отток коренного населения в быстро растущие города округа, появившиеся на волне нефтегазового освоения. В свою очередь, в крупные поселки увеличился приток мигрантов, они стали многонациональными. В результате значительно увеличилось число межэтнических браков. Смешанные браки нередко приводили к смене этничности, так как потомки от таких браков предпочитали выбирать русскую национальность. Среди поселковых и городских групп хантов и манси происходили существенные сдвиги в системе коммуникаций, ментальных ориентирах и поведенческих стратегиях, особенно среди молодежи. По мере утверждения общесоветских стандартов жизни и приближения к социальной (в том числе этнокультурной) однородности этничность все больше и больше нивелировалась. Она стала ассоциироваться лишь с записью в паспорте. Традиционная локальная этничность стала забываться. Многие представители молодого и среднего поколения хантов и манси не проявляли интереса к собственной этноистории, генеалогии, дистанцировались от самобытной культуры и обычаев. Все это воспринималось как устаревшее и ненужное в современной жизни.

Одновременно менялось языковое сознание обских угров. Советская языковая политика предполагала переход на русский язык как язык межнационального общения. В результате школьной реформы 1958 г. в смешанных по национальному составу селениях округа билингвизм стал заменяться русскоязычием. Информанты вспоминали, что в 1960–1970-е гг. незнание русского языка становилось поводом для насмешек. Тот, кто говорил по-русски не очень хорошо, считался необразованным. Характерной чертой поведения было то, что в присутствии

русских неприлично говорить на родном языке, дескать «могут говорить непристойности о нем, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт долго сохранялся в сознании. Происходила стигматизация малочисленных народов. В годы победившего социализма русская доминирующая культура воспринималась как передовая, а традиционная культура северян — как отсталая. Нередко можно было наблюдать высокомерно-пренебрежительное отношение к хантам и манси со стороны русскоязычных односельчан.

На фоне таких существенных перемен проходила интеграция обско-угорского населения в советское общество и одновременно — консолидация разных локальных этнических групп обских угров в два народа — ханты и манси. Мысль о том, что их окончательное оформление произошло лишь в XX в., уже высказывалась угроведами [Федорова, 1999, с. 63, 64]. Название округа «Ханты-Мансийский» сыграло немаловажную роль в закреплении в сознании населения хантыйской или мансийской этничности. Е.А. Пивнева совершенно справедливо поставила вопрос: «И кто знает, какая этническая идентичность была бы у современных хантов и манси, если бы созданный в 1930 г. национальный округ назвали, например, «Югорским»? [2011, с. 59]. Нужно иметь в виду, что в СССР этничности придавалась официальное значение, ее регистрировали в паспортах. Да и во многих других документах обязательно требовалось указание национальности. Такой юридическо-психологический момент, безусловно, оказывал существенное влияние на этническое самоопределение населения страны. Запись в паспорте («хант» или «манси») оказалась важным фактором сдвига этничности от локальной к официальной. Определенную роль в закреплении такой этничности сыграли представители интеллигенции, получившие образование в Ленинграде в Институте народов Севера, где они считались представителями либо хантов, либо манси.

КМНС/коренные/аборигены

С началом перестройки дискурс о коренных народах резко изменился. Общественность узнала о «больших проблемах малых народов»: развале традиционных отраслей хозяйства, упадке колхозов и совхозов, экологических проблемах в местах их проживания, ухудшении благосостояния и люмпенизации жителей поселков. В ходе обсуждения этих актуальных проблем активно проявили себя лидеры из коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа. Они оказались в первых рядах борцов за демократию, права народов, а вскоре смогли продемонстрировать восприимчивость к западным ценностям и высокую адаптивность к рыночным отношениям [Перевалова, 2019, с. 241]. В какой-то степени этнолидеры находились в оппозиции государству, что отвечало целям осознания общности интересов коренными народами и мобилизации этничности, в ряде случаев выходящей за пределы региона и страны [Duck, 1985, p. 57; Pain, 1985, p. 1–18].

В постсоветский период этничность хантов и манси, «уснувшая» в советские годы, внезапно и громко «пробудилась», превратившись в мощный созидательный фактор. Обско-угорская этническая мобилизация развернулась в разных направлениях: решение вопросов землепользования и экологической безопасности в условиях интенсивного нефтегазового освоения, развитие оленеводства, создание родовых общин как особых органов хозяйствования и самоуправления, поддержка родных языков, возрождение традиционной культуры [Мартынова, 2019]. Мощное этнокультурное движение, развернувшееся в округе, изучено Е.А. Пивневой [2016]. Благодаря этой активной этновосстановительной и этнопросветительской деятельности изменился статус традиционных культур коренных народов Югры: если в советские времена они соотносились с определениями «отсталые», «периферийные», то в 1990-е гг. их начали называть «уникальными», «самобытными».

С конца 1980-х гг. в округе широкое распространение получил термин КМНС (коренные малочисленные народы Севера). Прилагательное «коренные» подчеркивало привязанность к земле и соответствовало идее этнолидеров о защите прав на территории от экспансии промышленных компаний для развития традиционных отраслей хозяйства. Помимо этого, он предполагал ряд преимуществ, гарантированных законом (льготы при получении жилья, в образовании, денежные компенсации). Принадлежать к КМНС стало настолько привлекательным, что это привело к росту численности. Приведу показательный пример. В 2002 г., при работе в архиве Березовского района ХМАО со статистическими показателями, выяснилось, что с 1988 по 1993 г. численность КМНС района варьировалась в пределах 2900–3200 чел. В 1994 г. их насчитывалось уже 6100, а в последующие годы — около 6100–6300 чел. Такой рост числа абори-

генов (в два раза!) значительно выше возможностей естественного воспроизводства населения. Новые манси и ханты появились за счет того, что потомки от смешанных браков сделали выбор в пользу аборигенной национальности. Кроме этого часть взрослого населения прошла через процедуру изменения записи в «пятой графе» паспорта.

В итоге процессов этнического и религиозного возрождения 1990-х гг. в современной Югре сформировались разные уровни идентичности коренных народов, которые манифестируются при определенных обстоятельствах. Первый уровень — это надэтничность «коренные» или «аборигены». Она появилась на волне общественного подъема, когда феномен «коренных народов» стал важным инструментом в политике округа (и других регионов страны, где они проживали). Термины «КМНС», «аборигены», «коренные» прозвучали (и продолжают звучать) в общественных дискуссиях и науке. Распространению надэтнической идентичности в немалой степени способствовали международные связи (общественно-политические и научные), установленные общественными активистами, деятелями науки и культуры с представителями родственных финно-угорских народов (Венгрия, Финляндия, Эстония) и индейцами (США, Канада). Для людей такая надэтничность важна, когда они сталкиваются с необходимостью защитить свои права. Например, при получении квартиры или распределении рыболовных квот. Второй уровень — официально принятая этническая идентичность, которая отражается в этнонимах «ханты», «манси» или «ненцы». Ее репрезентации уделяется большое внимание в этнокультурной политике округа (проведение праздников, фестивалей, деятельность фольклорных коллективов и т.д.). Наконец, третий уровень — традиционная локальная этничность. Она не востребована официально, но остается актуальной для многих представителей хантов и манси, когда они обсуждают свои родословные, шьют традиционную одежду, участвуют в ритуалах.

Обско-угорская этничность менялась во времени. Порожденная конкретными природно-географическими условиями локальная микроэтничность длительное время уживалась с официальной сословной. В советские времена локальные идентичности постепенно вытеснялись общепринятыми названиями «ханты» и «манси». Постсоветская дестигматизация коренных народов Севера привела к множественности форм их самоопределения.

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сборник документов. Тюмень: ГАТО, 1994. 319 с.

Литература

- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Головнев А.В. Дрейф этничности // УИВ. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
- Головнев А.В. Этничность: Устойчивость и изменчивость: (Опыт Севера) // ЭО. 2012. № 2. С. 3–12.
- Карлов В.В. Народы Северо-Восточной Евразии в XIX и XX вв. М.: КДУ, 2010. 476 с.
- Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 235 с.
- Мартынова Е.П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 268 с.
- Народы Сибири / Ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УРО РАН, 2004. 414 с.
- Перевалова Е.В. Обские уры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
- Пивнева Е.А. «Мы одни, но все мы разные»: Об обских уграх, классификациях и этничностях // УИВ. 2011. № 2 (31). С. 57–62.
- Пивнева Е.А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 8–89.
- Ромбандеева Е.И. Мансийский язык. Л.: Просвещение, 1989. 240 с.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Тишков В.А. Этнология и политика: Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Федорова Е.Г. Обские угры: Вехи этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского: (Очерки этнической истории). СПб.: Европейский дом, 1999. С. 5–68.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культур: Сб. статей / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. М.: Нов. изд-во, 2006. 200 с.

Dyck N. Aboriginal Peoples and Nation-States: An Introduction to the Analytical Issues // Indigenous Peoples and the Nation-State: «Fourth World» Politics in Canada, Australia and Norway. Newfoundland: Institute of Social and Economic Research Memorial University of Newfoundland, 1985. P. 5–26.

Hutchinson J., Smith A.D. Introduction // Ethnicity. N. Y.: Oxford University Press, 1996. P. 3–14.

Paine R. The claim of the Fourth World // Native Power. Oslo, 1985. P. 53–69.

Tonkin E., McDonald M., Chapman M. History and Ethnicity // Ethnicity. N. Y.: Oxford University Press, 1996. P. 24–28.

E.P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
prosp. Lenina, 125, Tula, 300026, Russian Federation
E-mail: ep_martynova@mail.ru

Metamorphoses of the Ob-Ugric ethnicity

Modern approach to the study of ethnicity implies examination of its variability (drift, shifts and procedurality). This paper aims at the analysis of manifestations of ethnicity amongst the Ob-Ugrians in different historical periods (traditional society, Soviet modernization and post-Soviet democracy). The author draws attention to explaining dominant role of one or another manifestation of ethnicity. The work is based on author's observations made during the expeditions in the Khanty-Mansiysk Okrug (1980s-2000s) and publications by other researchers. Prior to the 1930s, the Ob-Ugric population was represented by a family of related languages and local ethnic groups with close cultures. The main factor of their self-identity was local ethnicity – names by a river. 'People of the same river' were bound by commercial, exchange and cultural-ritual bonds. In the official records, the Russian government registered, in the first place, social status of the indigenous population, calling its people 'inorodtsy' ('non-Russians') and 'yasashnye' ('tributary'). Socialist transformations in the socio-economical, cultural and ideological spheres marked the beginning of the assimilation policy with respect to the peoples of the North. As the all-Soviet standards of living were adopted, and social (including ethnocultural) uniformity achieved, ethnicity of the Ob-Ugrians continuously leveled out. At the same time, their ethnic identity was largely influenced by recording their nationality in the passports – Khanty and Mansy, coincident with the name of the okrug. In the post-Soviet period, ethnicity of the Khanty and Mansy, 'hibernated' during the Soviet time, 'woke up' suddenly and loudly turning into a powerful creational factor. The ethnic mobilization unwrapped by the initiative of ethnic leaders significantly raised the status of the ethnic culture and people themselves. As a result, three levels of identity emerged. The first level is trans-ethnicity of 'natives' or 'aborigines', which is an important political instrument. The second level is official ethnic identity, which is reflected in the ethnonyms 'Khanty', 'Mansy' and 'Nentsy'. Its representation in the ethnocultural politics of the okrug (organizing celebrations and festivals, folk group activities etc.) is given a high attention. Lastly, the third level is the traditional local ethnicity.

Key words: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), ethnicity, ethnonyms, communications, state policy, socialist transformations, ethnic mobilization.

Funding. The article was supported by the RFBR for the project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks».

REFERENCES

Barth F. (Ed.) (2006). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Translation from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (Rus.).

Dyck N. (1985). Aboriginal Peoples and Nation-States: An Introduction to the Analytical Issues. In: *Indigenous Peoples and Nation-State: «Fourth World Politics in Canada, Australia and Norway»*. Newfoundland: Memorial University of Newfoundland, 45–52.

Fedorova E.G. (1999). Ob Ugrians: Milestones in Ethnic History. In: *Narody Sibiri v sostave Gosudarstva Rossiiskogo: (Ocherki etnicheskoi istorii)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 5–68. (Rus.).

Golovnev A.V. (1995). *Talking Cultures: Samoed and Ugrian Traditions*. Ekaterinburg: Uralskoe otdelenie RAS. (Rus.).

Golovnev A.V. (2009). Ethnicity Drift. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 25(4), 46–55. (Rus.).

Метаморфозы этничности обских угров

- Golovnev A.V. (2012). Ethnicity: Sustainability and Changeability: (the Case of the North). *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 3–12. (Rus.).
- Hutchinson J., Smith A.D. (1996). Introduction. In: *Ethnicity*. New York: Oxford University Press, 3–14.
- Karlov V.V. (2010). *Peoples of North-Eastern Eurasia in the XIX and XX centuries*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Khaidu P. (1985). *Ural Languages and People*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Levin M.G., Potapov L.P. (Ed.) (1956). *People of Siberia*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Martynova E.P. (1998). *Essays on the History and Culture of the Khanty*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).
- Martynova E.P. (2019). Ob-Ugric Ethnic Mobilization. *Vestnik ugrovedeniya*, 9(2), 363–372. (Rus.).
- Napol'skikh V.V. (1997). *Introduction to Historical Uralistics*. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN. (Rus.).
- Paine R. (1985). The claim of the Fourth World. In: *Native Power*. Oslo, 53–69.
- Perevalova E.V. (2004). *Nothern Khanty: Ethnic History*. Ekaterinburg: Uralskoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Perevalova E.V. (2019). *Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Authority*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2011). «It's the Same us, but we are all Different»: About the Ob Ugrians, Classifications and Identities. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 31(2), 57–62. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2016). Institutions and Practices of Ethno Recovery among the Peoples of Western Siberia (based on the Ob-Ugric Materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 43(5), 85–89. (Rus.).
- Rombandeeva E.I. (1989). *Mansi Language*. Leningrad: Prosveshchenie. (Rus.).
- Slezkine Yu. (2008). *Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A View from the XXI Century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2001). *Ethnology and politics: Scientific journalism*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2003). *Requiem for Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tonkin E., McDonald M., Chapman M. (1996). History and Ethnicity. In: *Ethnicity*. New York: Oxford University Press, 24–28.

Мартынова Е.П., <https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

Е.А. Пивнева

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский просп., 32А, Москва, 119991
E-mail: pivnel@mail.ru

«ПУТЬ К СЕБЕ»: ЭТНОНАУКА КАК НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ

Статья основана на полевых материалах автора, собранных в разные годы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ее цель — выявление роли науки в стратегиях идентичности обских угров (ханты и манси). Эта тема раскрывается через концепты множественной идентичности и культурной травмы. Делается вывод о сопряженности научной и этнической идентичности у исследователей из числа обских угров. Для отражения этой специфики предлагается использовать термин «этнонаука».

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, обские угры (ханты и манси), этнонаука, научная и этническая идентичность, культурная травма, этническое возрождение.

Введение

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в среде коренных малочисленных народов ХМАО — Югры актуализировалась потребность в поиске новых основ своей идентичности, что было связано с общественно-политической ситуацией в стране. «Научить хантов и манси быть самими собой — так бы я сформулировала основную задачу общественной организации “Спасение Югры”, — вспоминает ее первый президент Т.С. Гоголева. — И с первых шагов практической деятельности организации — забота о том, как пробудить интерес и приобщить семью к восстановлению традиционных ценностей, как укрепить уважение к самим себе, приобщить к своей культуре детей и юношество» [2007]. В новых стратегиях идентичности важная роль отводилась этноориентированным научным организациям, которые должны были «способствовать привлечению национального (= этнического) потенциала к изучению культурного наследия, более активному пробуждению этнического самосознания, сохранению языка и культуры своих народов» [Лукина, 2002, с. 121]. В числе таких учреждений был Научно-исследовательский институт социально-экономического и национального культурного возрождения обско-угорских народов, созданный решением исполнительного комитета Ханты-Мансийского автономного округа № 208 от 28 ноября 1991 г. (в настоящее время — Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, далее — ОУИПИИР, Обско-угорский институт).

В 2002 г. вышла в свет книга Н.В. Лукиной «Наука как форма общественного развития северных этносов», которая отразила формирующуюся в среде северной этнической интеллигенции тенденцию к использованию науки как формы защиты групповых интересов и стимула их социально-экономического развития (подробнее см.: [Пивнева, 2002]). Автор справедливо отметила тот факт, что потребность и готовность этнической интеллигенции заниматься научными исследованиями среди собственного народа отражали общие умонастроения в регионе, связанные с повышением «чувства национального (= этнического) самосознания», практической необходимости изучения народных традиций во имя спасения самого народа и его культуры, поднятия их престижа [Лукина, 2002, с. 13].

После выхода монографии Н.В. Лукиной прошло почти 20 лет. За эти годы появились новые интересные исследования, освещающие постсоветский период истории обских угров (работы И.В. Абрамова, В.А. Адаева, А.В. Бауло, А.В. Головнева, Е.М. Главацкой, Е.П. Мартыновой, Н.И. Новиковой, Е.В. Переваловой, О.М. Рындиной, З.П. Соколовой, В.И. Сподиной, Е.Г. Федоровой и др.). Настоящий прорыв в угроведении произошел благодаря стремительному вхождению в науку самих ханты и манси (Р.К. Бардина, Т.В. Волдина, В.С. Иванова, М.А. Лапина, Т.А. Молданова и Т.А. Молданов, С.А. Попова, Р.Г. Решетникова и др.). Накоплен значительный объем публикаций, посвященный истории ОУИПИИР и научной деятельности отдельных исследователей [Ученые..., 2001; Волдина, 2005, 2006; Берендеева, Герасимова, 2012; Волдина, 2016; Волдина, Ершов, 2017; Сподина, 2017; и др.], однако роль науки в дискурсе этнической идентичности ос-

мыслена пока недостаточно. В настоящей статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Автор обращается к теме через концепт множественной социальной идентичности [Семениченко, Морозова, 2017; и др.]. Сложная система самоидентификации индивида предполагает наличие разных ее форм, в том числе — профессиональной и этнической. Такой подход приводит к заключению о совмещении в научной деятельности обских угров социальных ролей ученого и представителя своего народа. Чтобы подчеркнуть эту сопряженность (научной и этнической идентичности) я буду использовать термин «этнонаука». В чем заключается специфика этнонауки? Каковы ее социальные функции и приоритеты, преимущества и ограничения? Что является причиной расхождения между «своими» и «чужими» исследователями? Поиску ответов на эти вопросы посвящено основное содержание данной статьи.

В качестве точки анализа выбран Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, где в 2018 г. был проведен опрос научной интеллигенции из числа обских угров. Кроме полевых материалов автора (далее — ПМА) обобщена информация, содержащаяся в отчетах ОУИПИИР, использованы также биобиблиографические издания и справочники, посвященные ученым из числа обских угров.

Обско-угорский институт как фактор этноконсолидации

В числе созданных на волне «этнического возрождения» институций (подробнее см.: [Пивнева, 2016]) ОУИПИИР принадлежит особая роль как фактору консолидации коренных малочисленных народов Югры и роста их этнического самосознания. По оценке Т.С. Гоголевой, «наличие таких учреждений, где работают состоявшиеся люди из среды наших народов, несомненно, оказывает влияние на то, что число всевозможных инициатив в городе растет. Все это формы поддержания нашего единения» [ПМА, 2010].

Этноконсолидирующая роль института особенно ярко проявилась в конце 1990-х — начале 2000-х гг.¹ В тот период большое внимание уделялось подготовке «своих» научных кадров. Первые организаторы этнонауки² концентрировали вокруг новой структуры представителей этнической интеллигенции, владеющих языком, знающих обычаи и традиции, «чтобы собирать, изучать и публиковать произведения устного народного творчества, восстанавливать утраченные праздники, обряды, художественные промыслы» [Сподина, 2017, с. 6]. Институт становился «местом единения» этнической интеллигенции обско-угорских народов во время проведения конференций и других мероприятий, где обсуждались насущные проблемы сохранения и развития коренных народов Югры. Молодой научный центр поддерживался окружными властями, общественной организацией «Спасение Югры», а также известными учеными (Ю.В. Андуганов, Н.В. Лукина, М.И. Черемисина и др.), взявшими на себя подготовку специалистов. Становление фольклористического направления на территории округа в этот период связано с именем известной венгерской исследовательницы Е.А. Шмидт [Волдина, 2016, с. 154].

Как показывают полевые материалы, Обско-угорский институт и сегодня находится в числе основных этноориентированных учреждений округа. Отличительная черта его сотрудников-северян выражается в желании посредством своей деятельности сохранить для потомков «уходящую» в силу разных причин культуру своего народа [Волдина, 2005, с. 385]. Через «возрождение», «реставрацию», «возвращение» ведется поиск «опорных точек» этнической культуры, а также своих персональных «корней» в этой культуре. Как пишет Т.В. Волдина: «Посредством собирательской, аналитической и просветительской деятельности представителей обских угров языки и этническая культура начинают возвращаться к своим носителям... исследовательская деятельность представителей народов Севера становится одним из важнейших факторов самовоспроизводства национальных культур, формирования этнического самосознания современного поколения» [Волдина, 2007, с. 150].

«Свои» — «Чужие»

Специфика созданных на волне «этнического возрождения» научных центров состояла в том, что их коллективы были сформированы в основном из представителей народов Севера и

¹ Как «этноконсолидирующий» этап в истории становления ОУИПИИР Т.В. Волдина выделяет 1997–2004 гг. [2016, с. 150–155].

² Первым директором института стала Евдокия Андреевна Немысова (1991–1998). В различные годы институт возглавляли: Маина Афанасьева Лапина (1998–2001); Татьяна Владимировна Волдина (2002–2004); Светлана Алексеевна Попова (2005–2006); Виктория Ивановна Сподина (с 2010).

находились непосредственно на территории их проживания, имели статус окружных учреждений, ставили перед собой не только научные, но и практические социальные задачи. Была еще одна особенность — субъективного плана. Большинство ставших на путь науки северян являлись одновременно «носителями» и исследователями этнических языков и культур своих народов. То обстоятельство, что многие из них были выходцами из семей рыбаков, охотников, оленеводов и в определенной мере сами относились к тому традиционному обществу, которое изучали, накладывало отпечаток на выбор научных тем (влияние традиционных сакральных запретов) и источниковую базу этнографических исследований (формировалась в основном из собственных, усвоенных с детства, знаний) [Лукина, 2002].

Характеризуя становление научных коллективов в Западной Сибири, Н.В. Лукина подчеркивает, что «научные сотрудники, обладающие не только народным, но и научным знанием своей традиционной культуры, *в наибольшей степени способны выразить суть, основные достижения и своеобразие своей этнической культуры* (курсив мой.— Е. П.). Тот факт, что исследования выполнены самими носителями этой культуры, показывает их высокий потенциал, возможности включения в современную цивилизацию» [Лукина, 2002, с. 23]. Эти высказывания были (и во многом остаются) созвучны саморефлексиям представителей научной интеллигенции из числа обских угров, которые, по их мнению, «внутренне ориентированы не на западный логический путь познания, а на восточный интуитивный, не отделимый от собственного индивидуально-чувственного опыта» (Т.А. Молданова; цит. по: [Волдина, 2016, с. 153]); «неразрывная связь исследователя и культуры, которую он изучает, наносит определенный отпечаток и на характер его исследований, и на те выводы, которые он делает, придает особый колорит его научной деятельности в целом. Те, кто вырос в традиционной среде, обладают общим пониманием, скорее даже, чувствованием родной культуры, родных языков» [Волдина, 2006, с. 27].

Следует отметить, что подчеркивание уникальности научных сотрудников-северян как носителей родного языка и культуры и отстаивание независимости созданных в Западной Сибири научных центров (в основном на стадии их становления) были эмоционально актуализированы. Об этом можно судить, например, по таким высказываниям: «Сама жизнь поставила нас перед необходимостью привлечь науку, которую представляли бы сами малочисленные народы Севера... Само время и сами события ориентировали нас на подготовку кадров из представителей малочисленных народов Севера. До сих пор было принято, что люди откуда-то приезжали, и получались как бы лабораторные выводы, оторванные от жизни»; «Для самооценки, для самосознания это играет большую роль. Мы доказываем и себе, и окружающим, что мы тоже можем заниматься наукой о самих себе»; «Очень важно сейчас приучить человека к тому, что он не должен надеяться ни на кого, а нужно самому иметь чувство хозяина» [Лукина, 2002, с. 122, 123, 143].

Такие умонастроения в среде исследователей из числа народов Севера (противопоставление «своих» — «чужим») вызвали на определенном этапе некоторую напряженность во взаимоотношениях угроведов. Актуальность этой проблемы была подчеркнута, например, на конференции «Сакральное и традиционное в культуре» (Москва — Республика Алтай, 6–15 июля 2003 г.) в выступлении З.П. Соколовой [2004].

На слабости подобного рода исследований в теоретико-методологическом плане обратил внимание на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.) акад. В.А. Тишков. Приведу некоторые выдержки из его доклада: «Еще один вызов обозначился в попытках узурпировать концепт культуры аборигенными сообществами — носителями якобы неких архетипов, исключительных собственников индигенных культурных брендов с получением свидетельств-патентов на статус “живого культурного наследия”... Несомненно, аборигенная антропология продемонстрировала некоторые преимущества по части знания миноритарных культурных практик и языков, но тем не менее... представители этого направления не смогли анализировать собственное общество столь же глубоко, как это делали “профессиональные чужаки”, т.е. они не смогли отстраниться и занять критическую позицию, что является условием научного проникновения... мотивы или воспевания-прославления, или несправедливых страданий от чужаков в отношении представителей их собственной культуры и народа, но никак ничего от противного. Вот эта “симпатизирующая этнография”... с исключительным вниманием только к собственной культуре, что почти наверняка ведет к утрате стремления и возможности установить истину» [Тишков, 2019, с. 504–505]. Впрочем, он отметил также, что слабости «домашней антропологии» свойственны и представителям доминирующего большинства и выразил уверенность, что со временем эта ограниченность уйдет в прошлое.

В 2018 г. у меня состоялась беседа с первым директором Обско-угорского института Е.А. Немысовой, которая поделилась своими размышлениями о трудностях этнонауки и необходимости ее выхода «за рамки» своей культуры: «Нам же трудно почему? Потому, что мы свои традиции должны усвоить, российскую традицию, мировую традицию. А мы сильны только своей традицией, а в другом — не очень... Мне чем нравится Доменик, французский исследователь, Тулуз, Цимбалистенко. Они берут [рассматривают] мировую культуру, российскую культуру в сравнении с нашей, обско-угорской, культурой. А нам вот так размышлять еще трудно, пока размышляют на уровне только своей культуры: Я, говорит, сама все знаю. Вот это нас убивает... Нам пока трудно совмещать все эти составляющие, потому, что мы до определенного времени знали только свой родной язык. Надо время для этого...» [ГМА, 2018].

Наука как стратегия «совладания»

Что касается мотивов «воспевания-прославления, или несправедливых страданий от чужаков», мне представляется, что логику такой стратегии можно объяснить в рамках теории культурной травмы [Штомпка, 2001; Caruth, 1995; Alexander, 2004; Eyerman, 2013 и др.]. А именно — как своего рода протестные действия, призванные компенсировать действительные и мнимые обиды; чувство «второсортности», утвердившееся у северных народов в силу известных политических, социальных и исторических причин.

Речь идет о характерной в целом для советского периода политике государственной опеки (патернализма), которая при всех ее положительных моментах и достижениях фактически осуществлялась на основе отрицания ценностей северных народов. Такой подход, как справедливо считает В.А. Кряжков, «нельзя считать дискриминационным, ибо он носил всеохватывающий характер, отражал свойства тоталитарного режима, хотя применительно к малочисленным этническим обществам его результативность оказалась в чем-то наиболее разрушающей» [2004, с. 128]. В результате в различных сферах жизнедеятельности народов Севера оказался ряд моментов, которые по своим последствиям (в более широком или узком смысле) можно отнести к состояниям, схожим с культурной травмой.

Об этом свидетельствуют эмоционально окрашенные высказывания представителей обско-угорской интеллигенции, содержащиеся в той же книге Н.В. Лукиной: «По научным работам видно, что наша культура — ценная, она имеет такую же ценность в ряду подобных себе культур. А на бытовом уровне мы всегда сталкивались с пренебрежительным отношением к нам»; «Нужно было доказать, что у малочисленных народов Севера есть своя культура. А то приезжие или в администрации всегда говорят, что это отсталые народы, нецивилизованные, на какой-то стадии. Для нас это очень тяжело и больно, это была как бы наша боль» [Лукина, 2002, с. 213]. В связи с этим важно подчеркнуть именно субъективный аспект данного феномена. «Травма там, где несоответствия, напряжения и столкновения *восприняты и переживаются* (курсив мой. — Е. П.) как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления. Тогда культурная травма проявляется в интеллектуальной, моральной и художественной мобилизации общества» [Штомпка, 2001, с. 13].

Стратегии «совладания» с культурной травмой (coping strategy) могут быть различны и выражать активную и пассивную адаптационную позицию индивидов и обществ. Среди факторов, благодаря которым социальные группы по-разному воспринимают травмы, осознают их и активно противодействуют, особая роль отводится образованию — образованные группы обычно обладают лучшими навыками активного преодоления культурных травм [Там же, с. 14]. Именно в таком контексте научная деятельность северян приобретает этнополитическое звучание восстановления достоинства и равенства и, надо заметить, уже принесла ощутимые результаты. Об этом свидетельствуют следующие суждения информантов: «Возникло понимание, что значение народа приумножается тем, что создается прослойка интеллигенции, именно ученой интеллигенции. Они создают культурный фонд, поднимают значение народа... И люди другими глазами начинают смотреть на хантов и манси. Раньше их считали примитивными народами, анекдоты сочиняли. Сейчас тоже анекдоты есть, но уже совершенно другие — *какой-то хант хитрый, мудрый становится*. Раньше он был — простачок, которого обманывали все время, подсмеивались (в народном фольклоре, в анекдотах, которые придумывали вахтовики и прочие). Сегодня совсем в другом образе предстает. Он тоже ЧЕЛОВЕК!» [ГМА, 2010].

Изменение общественного мнения по отношению к коренным народам Югры в положительную сторону показали и исследования, проведенные Т.А. Молдановой среди казымских ханты: ««Думаю, что все, что произошло с округом в последнее время, произвело переворот в сознании не только

аборигенов, но и рядовых жителей. Я не скажу, что нефтяники очень полюбили хантов и манси, но они, по крайней мере, знают, что этот народ имеет своих защитников... Я думаю, что в последние годы «ханты» — звучит гордо» (жен., 41 год)... Эта деятельность дает результаты, о чем свидетельствуют анкеты детей, 50 % которых никогда не слышали оскорбительных слов в отношении хантов. 85 % детей ответили, что слышали о хантах положительные отзывы» [Молданова, 2012, с. 157–158].

Заключение

В контексте концепции культурной травмы активную научную деятельность северян в рамках своей культуры можно расценить как своеобразную стратегию сопротивления, направленную на спасение своего народа и его культуры и поднятие их престижа. В качестве оборотной стороны такой стратегии проявляются некоторые слабые стороны («симпатизирующая этнография»), которые постепенно преодолеваются по мере интеграции северной этнонауки в более широкий научный контекст.

В настоящее время обско-угорские ученые стремительно шагают в мир «большой» науки, расширяя тематические и географические рамки своих исследований. Родившись на политической волне 1990-х гг. как разновидность общественной деятельности, направленной главным образом на защиту гражданских прав своего народа, в процессе дальнейшего развития наука приобретает самостоятельную ценность и в значительной степени направлена на возвращение «утраченного» знания и его использование в современном контексте. В 2020 г. на мой вопрос: «Почему Вы предпочли науку политике?» — Т.А. Молданова ответила: «Все очень просто. Для меня наука — это единственный способ *понять свою культуру*. Наука помогает выявить те составляющие традиционной культуры, которые и в современной жизни продолжают довлеть над личностью. Понимание, в свою очередь, дает возможность, используя резервы традиции, *помочь другим адаптироваться в изменившемся мире*» [ПМА, 2020].

Через «возрождение» и «реставрацию» ведется поиск «опорных точек» культуры, этнической самоидентификации. Людями, родившимися в городе и/или оказавшимися по той или иной причине «оторванными» от традиционных форм и проявлений культуры, сфера науки зачастую воспринимается как путь к себе, к истокам своей культуры: «Я-то, получается, в этой сфере с самого начала и до конца уж. Раз этнография — это же специальность, направление научное, которое обязывает уже в этом быть, вариться». [ПМА, 2018]. Этнонаука, способствующая выявлению и распространению знаний об этнической культуре обских угров, остается актуальной формой укрепления этнического самосознания этих народов. По сути, речь идет о новых механизмах (вос)производства этничности.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берендеева С.П., Герасимова С.А. Обзор изданий Обско-угорского института прикладных исследований и разработок за 1991–2001 гг. // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанционной науч.-практ. конф. X Югорские чтения (20 дек. 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2012. С. 263–275.
- Волдина Т.В. Этнографическое направление в исследованиях научно-исследовательского института угроведения // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2005. С. 384–386.
- Волдина Т.В. Этнокультурные и исторические предпосылки развития финно-угроведения в Ханты-Мансийском автономном округе // Вестник Югорского государственного университета. 2006. № 2. С. 24–30.
- Волдина Т.В. Влияние научной деятельности представителей коренных малочисленных народов Севера на современное этнокультурное развитие ХМАО-Югры // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 150.
- Волдина Т.В. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок: История становления (1991–2009) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 144–160.
- Волдина Т.В., Ершов М.Ф. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок в 2010–2016 годах: Направления и результаты деятельности // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 148–159.
- Гоголева Т.С. О ценностях коренной Югры: Статьи, исследования, размышления: Сборник материалов по вопросам коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 26 с.

Кряжков В.А. Правовые основы развития народов Севера и Сибири // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. М.; Новосибирск, 2004. С. 124–132.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 348 с.

Молданова Т.А. Этническая идентичность современных хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанционной науч.-практ. конф. X Югорские чтения (20 дек. 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2012. С. 146–159.

Пивнева Е.А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 85–89.

Пивнева Е.А. Рец. Н.В. Лукина. Наука как форма общественного развития северных этносов // ЭО. 2004. № 6. С. 153–156.

Семененко И.С., Морозова Е.В. Идентичность в меняющемся мире: Ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика. Энцикл. изд. М.: Весь мир, 2017. С. 77–87.

Соколова З.П. «Нашу культуру мы изучим сами»: Проблемы контактов и научной работы с иноэтничными коллегами // Сакральное в традиционной культуре: Методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Материалы Междунар. интердисциплинар. науч.-практ. семинара-конф. (Москва — Республика Алтай, 6–15 июля 2003 г.). М., 2004. С. 50–61.

Слодина В.И. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок: 25 лет служения ХМАО — Югре // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Сборник статей по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (25 ноября 2016 г., Ханты-Мансийск). Ч. 1: Филологические исследования. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 5–13.

Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. Москва; Казань, 2019. С. 498–506.

Ученые обско-угорских народов: Библиогр. справ. / Отв. ред. Т.В. Волдина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. 294 с.

Штомка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Alexander J. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkley: University of California Press, 2004. 304 p.

Caruth C. Trauma and experience: An introduction // Trauma: Explorations in memory. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1995. P. 3–12.

Eyerman R. Social theory and trauma. Acta Sociologica. 2013. Vol. 56. № 1. P. 41–53.

E.A. Pivneva

Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: pivnel@mail.ru

«The way toward oneself»: ethnoscience as a new identity strategy for the Ob Ugrians

This paper investigates the role of science in the identity strategies of the Ob-Ugrians (Khanty and Mansi). The main source for the study comprised author's field reports collected over the years in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. As the reference point of the analysis we chose the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, where a polling of Ob-Ugric science professionals was held in 2018. The author suggests exploring the research topic through the concept of multifaceted identity. A complex system of individual self-identification implies the presence of its different forms, including professional and ethnic, amongst others. This approach leads to the conclusion on superimposing roles of a scientist and a member of the ethnic group (professional and ethnic identities) in the scientific activities of the Ob-Ugrians. To indicate this specificity, we suggest using the term 'ethnoscience'. The latter is defined in this context as an entity emerged in a specific way, spatially localized and aimed at studying the autochthonous foundations of knowledge within its ethnic community. As a methodological approach, the concept of 'cultural trauma' has been employed. Within this theory, scientific activities of the northerners are considered as a manifestation of 'coping' with the trauma. The example of Ob-Ugrians shows that ethnic science professionals are often driven by the perception of practical relevancy of such activities 'for the sake of saving the nationality and its culture and raising its prestige'. These phenomena can be regarded as a kind of protest action aimed to compensate real and perceived slights. Nowadays, research activities of the Ob-Ugrians are focused on recovery of the 'lost knowledge' and its application in the modern context. The search for the 'roots' and ethnic self-identification is carried out through 'revival' and 'restoration'. As a drawback of this strategy, some weak points evince ('sympathetic ethnography') which steadily diminish as the northern ethnosscience continues to integrate in a wider science context.

Key words: Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), ethnoscience, scientific and ethnic identity, cultural trauma, ethnic revival.

Funding. The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks»).

REFERENCES

- Alexander J. et al. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkley: University of California Press.
- Berendeeva S.P., Gerasimova S.A. (2012). Review of publications of the Augric-Ugric Institute for Applied Research and Development 1991–2001. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii X Iugorskie chteniia*. Khanty-Mansiisk: Informatsionno-izdatel'skii tsentr, 263–275. (Rus.).
- Caruth C. (1995). Trauma and experience: An introduction. In: C. Caruth (Ed.). *Trauma: Explorations in memory*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 3–12.
- Eyerman R. (2013). Social theory and trauma. *Acta Sociologica*, 56(1), 41–53.
- Gogoleva T.S. (2007). About the values of the indigenous Ugra: Articles, studies, reflections: Compilation of materials on the issues of the small indigenous peoples of the North. Khanty-Mansiisk: Poligrafist. (Rus.).
- Kriazhkov V.A. (2004). Legal basis for the development of the peoples of the North and Siberia. In: V.A. Tishkov (Ed.). *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiia malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Nezavisimyi ekspertnyi doklad*. Moscow; Novosibirsk, 124–132. (Rus.).
- Lukina N.V. (2002). *Science as a form of social development of northern ethnic groups*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Moldanova T.A. (2012). The ethnic identity of modern Hants. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii X Iugorskie chteniia*. Khanty-Mansiisk: Informatsionno-izdatel'skii tsentr, 146–159. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2004) Rec. N.V. Lukina. Science as a form of social development of northern ethnic groups. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 153–156. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2016). Institutions and practices of «ethnic recovery» in the peoples of Western Siberia (according to Ob-Ugric materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (43), 85–89. (Rus.).
- Semenenko I.S., Morozova E.V. (2017). Identity in a changing world: Landmarks, meanings, trajectory of dynamics. In: I.S. Semenenko (Ed.). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika*. Entsiklopedicheskoe izdanie. Moscow: Ves' mir, 77–87. (Rus.).
- Shtomka P. (2001). Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), 6–16. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2004). «Our culture we will study ourselves»: Problems of contacts and scientific work with foreign colleagues. In: *Sakral'noe v traditsionnoi kul'ture: Metodologiya issledovaniia, metody fiksatsii i obrabotki polevykh, laboratornykh, eksperimental'nykh materialov: Materialy Mezhdunarodnogo interdistitsiplinarnogo nauchno-prakticheskogo seminara-konferentsii*. Moscow, 50–61. (Rus.).
- Spodina V.I. (2017). Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development: 25 years of service of KhMAO-Ugra. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa: Sbornik staei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 25-letiiu Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovani i razrabotok. Ch. 1: Filologicheskie issledovaniia*. Tiumen': FORMAT, 5–13. (Rus.).
- Tishkova V.A. (2019). May my prayer change: 30 years later. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: Sb. materialov. Kazan', 2–6 iuliia 2019 g.* Moscow; Kazan'. 498–506. (Rus.).
- Voldina T.V., Ershov M.F. (2017). Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development in 2010–2016: Directions and results of activities. *Vestnik ugrovedeniia*, 28(1), 148–159. (Rus.).
- Voldina T.V. (2005). Ethnographic direction in research of the research institute of ugrovedeniia. In: *Istorii, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia iazykov i kul'tur finno-ugorskikh narodov: Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov*. Syktyvkar: Komi respublikanskaia tipografiia, 384–386. (Rus.).
- Voldina T.V. (2006). Ethnocultural and historical prerequisites for development of finno-ugrovedeniye in Khanty-Mansi Autonomous District. *Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 24–30. (Rus.).
- Voldina T.V. (2007). Influence of scientific activity of representatives of small indigenous peoples of the North on the modern ethnocultural development of KhMAO–Ugra. In: *VII Kongress etnografov i antropologov Rossii: Doklady i vystupleniia*. Saransk. (Rus.).
- Voldina T.V. (2016). Ob-Ugric Institute for Applied Research and Development (1991–2009). *Vestnik ugrovedeniia*, 27(4), 144–160. (Rus.).
- Voldina T.V. (Ed.) (2001). *Scientists of the Ob-Ugric peoples: Bibliogr. ref.* Khanty-Mansiisk: Poligrafist. (Rus.).

Пивнева Е.А., <https://orcid.org/0000-0001-8582-417X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

А.В. Бурцева^a, Е.Н. Шарова^a, С. Оман^b

^a Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, Мурманск, 183038

^b Центр европейско-евразийских исследований
65 rue des Grands Moulins, Paris, 75013, France

E-mail: alexandraburtseva@yandex.ru;

kateshar1@yandex.ru;

so_hohmann@hotmail.com

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ГОРОДОВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ, ВРЕМЕННОМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Обосновывается применение пространственных, временных и антропологических индикаторов жизнестойкости города. Анализируется отношение населения к городскому хронотопу, выделяются модели ментального поведения горожан, подрывающие жизнестойкость городов (изоляция вахтовика, отсроченная жизнь временщика) и способствующие ее укреплению (трансформация инноватора, освоение хозяина, осмысление исследователя и художника, традиционная номадность рыбака и моряка и новая номадность северного мигранта).

Ключевые слова: хронотоп, топофилия, топофобия, топос, хронос и антропос, социальное пространство региона, жизнестойкость.

Введение и постановка проблемы

Феномен северных городов все чаще обращает на себя внимание исследователей [Говорова, 2018; Иванова, Ключкина, 2017; Корчак, 2019; Недосека, Карбаинов, 2019], что обусловлено значимостью арктической тематики как в современном научном дискурсе, так и в политико-экономическом контексте. Одно из ключевых противоречий современной ситуации связано с приоритетностью освоения Арктики — что предполагает наличие обжитого пространства и развитой инфраструктуры — и одновременно миграционным оттоком из северных городов [Zamyatina, Goncharov, 2018; Шарова, Бурцева, 2020; Говорова, 2018]. Данное противоречие ставит на первый план проблему жизнестойкости арктических городов, их социально-культурной подсистемы, особенно с учетом того, что большая часть жителей Арктики живет именно в городах.

При несомненной значимости объективных факторов жизнестойкости, к которым относят «гибкость связей между отдельными подсистемами, возможность гибкой перенастройки режима “за-воз/самообеспечение” в системе внешних связей и возможность инновационного развития как отдельных компонентов, так и системы в целом» [Замятина и др., 2020], нельзя игнорировать субъективный, а именно отношение к городу, во многом определяющее стойкость населения, готовность жителей к преодолению трудностей. Выявление жизнестойкости Кольского Севера как самого урбанизированного северного региона, и прежде всего Мурманска, как самого крупного города за Полярным кругом, является целью данного исследования, а задачами — обоснование подхода к изучению жизнестойкости социально-культурной подсистемы города; отбор индикаторов, определяющих отношение жителей к городу в градации от топофилии до топофобии; описание моделей ментального поведения городских жителей Кольского Севера в контексте его жизнестойкости. В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой топофилия свойственна населению городов с более высокой жизнестойкостью, а топофобия — с ослабленной.

Методология

Методологической основой исследования являются трактовки феномена жизнестойкости в психологии [Тиллих, 1995; Митрофанова, 2018], согласно которым жизнестойкость, понимаемая как обретение смысла через принятие решений в пользу будущего, складывается из таких компонентов, как вовлеченность в происходящее, контроль, трактуемый как возможность влиять на ход событий, и вызов — стремление к приобретению опыта. Любовь населения к городу — своего рода фундамент его жизнестойкости. В свою очередь, концепция М.М. Бахтина [1975] позволяет трактовать хронотоп как инструмент для измерения жизнестойкости. Определяя понятие хронотопа как

«существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», М.М. Бахтин рассматривает две составляющие: время и пространство. Следование феноменологическому подходу позволяет трактовать хронотоп не как два, но как три измерения: не только пространственное и временное, но и антропологическое, иными словами, топос, хронос и антропос.

Материалом для статьи послужили исследования, проведенные авторами в ноябре 2018 г. (опрос) в городах Мурманской области и феврале — марте 2020 г. (интервьюирование) в Мурманске. Статья строится на анализе данных, полученных в результате опроса 444 жителей региона в 2018 г. Использовалась стратифицированная по месту жительства модель выборки, совмещенная с квотами по полу и возрасту (ошибка репрезентативности не превышает 4 %). В структуре выборочной совокупности опрошено 40 % жителей г. Мурманска, 28 % — муниципальных районов (Кольский, Печенгский, Ковдорский, Кандалакшский, Ловозерский), 19 % — закрытых административно-территориальных образований (далее — ЗАТО), 12 % — городских округов (Кировск, Апатиты, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори). В выборке представлены следующие социально-демографические группы: уроженцы региона (67 %); мужчины (49 %); респонденты с высшим образованием (41 %), со средним профессиональным (37,4 %); молодежь от 16 до 29 лет (22 %), лица старше 50 лет (34 %); респонденты, состоящие в браке с детьми (53,4 %), не состоящие в браке без детей (25,3 %). По характеристикам занятости опрошены работающие, в том числе самозанятые (69 %), неработающие пенсионеры (11 %), учащиеся (10 %), военнослужащие (5 %), безработные и занятые в домашнем хозяйстве (4 %).

Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования и включал в себя как закрытые, так и открытые вопросы, ответы на последние и стали материалом анализа. 674 ответа на вопрос «Что привлекает Вас в городе, где Вы проживаете?» и 709 ответов на вопрос «Что отталкивает?» были распределены в группы пространственных, временных и антропологических составляющих хронотопа. К пространственным кроме географически обусловленных климата, природы, геополитического положения были отнесены эстетика и инфраструктура города, работа/карьера, образование, уровень жизни, уровень развития культуры и досуга, характеризующие условия проживания в городе, т.е. социальное пространство, этос, по Д'Эпинау [D'Épinau, 1986]. К временным — развитость и перспективность города, стиль и ритм жизни, история региона, личные планы на будущее, сезонность. Антропологические включили в себя социальное окружение, социальные типы и поведенческие модели населения городов. Перечисленные составляющие хронотопа были использованы как индикаторы жизнестойкости арктических городов.

Отбор интервьюируемых осуществлялся по принципам восьмьюконной выборки, предполагающей учет степени экспертности/типичности информантов [Штейнберг, 2014]. Всего проведено 23 интервью. Возраст информантов — от 25 до 75 лет. Экспертами выступили журналисты, писатели, краеведы, педагоги, социологи, представители силовых структур и рыбной отрасли. Типичные информанты — жители Мурманска и области с разной степенью укорененности.

Объектом исследования являются ценностные характеристики хронотопа жителей городов Кольского Севера; предметом — их жизнестойкость.

Результаты исследования и их обсуждение

Уровень жизнестойкости региона прочно связан с отношением к нему населения, и равнодушие к городу, а тем более ненависть, наносит ощутимый удар по жизнестойкости городов арктической зоны РФ, формируя условия для ослабления связей человека с поселением, ухудшая социальный климат. Мнения респондентов обрисовывают симптомы топофобии, поражающей население городов Кольского Севера: *Опустылел это серый, мрачный и депрессивный город с такими же людьми и таким же правительством; Этот город умирает, я не хочу умирать вместе с ним.*

Конкретизация отношения населения к городу определялась путем анализа топоса, хроноса и антропоса городов, состояние которых либо отталкивает, ослабляя жизнестойкость, либо привлекает, способствуя ей (рис.).

Топос как индикатор отношения к городу

Климатические факторы, обусловленные географическим положением, включая среднегодовую температуру и солнечную радиацию, в том числе полярный день и полярную ночь, — самая многочисленная группа ответов. Значительное число респондентов, рассматривающих климат как отталкивающий фактор, было ожидаемо: такое мнение высказал 181 чел. (42 % всех опрошенных). Показательно, что климатические условия мурманчане чаще всего называют как причину планируемого переезда в другой регион (подробнее об этом в: [Шарова, Бурцева,

2020]): И для меня лично, и то, что я вижу в миграционных стратегиях моих друзей и знакомых,— первый порыв сугубо климатический. Мы едем к солнцу.

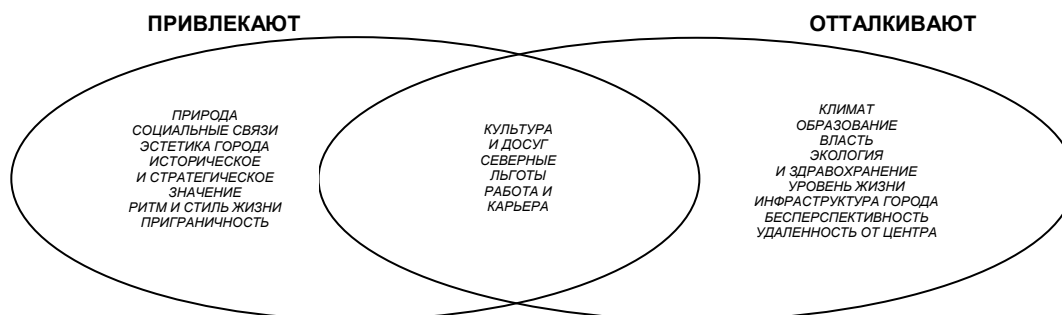

Рис. Элементы хронотопа городов Мурманской области.

Fig. The Murmansk region cities' chronotope elements.

Респонденты обозначили те болезненные для северян стороны климата, мириться с которыми особенно трудно: холод, полярная ночь (*зимой хочется постоянно спать, да и вообще без солнца тяжело*), *отсутствие нормального лета, долгая зима* и пагубное влияние Севера на здоровье (*в средней полосе и по климату, и по квартплате можно жить, а не выживать, как у нас; в мои 32 года куча заболеваний*). Подавляющее большинство интервьюируемых обозначило, что климат не способствует здоровью: *Мы устаем от наших погодных условий, это повседневная история, повсеместная. Мне с каждым годом все сложнее зимовать, для меня это страдание — переживать зиму, я ее все меньше и меньше люблю, потому что физически сложно перенести 40 дней полярной ночи. В такие моменты задумываешься о том, что люди здесь жить не должны, что это вредно для здоровья.*

Климатический элемент хронотопа северных городов особенно интересен в аспекте жизнестойкости, так как усиливает осознание исключительности у населения. Тема постоянной борьбы человека с погодными условиями успешно эксплуатируется северянами, отстаивающими право на льготы: *климат очень неоднозначно воспринимается. Для кого-то это благо, для кого-то это страдания, грубо говоря. Считают, что мы здесь живем, что-то терпим. У меня есть такое ощущение, что это некая претензия. Климат помогает формулировать претензию к органам власти на то, что мы здесь терпим что-то.*

Ландшафт, гористость территории, с одной стороны, усложняет передвижение, затрудняет обслуживание дорог, с другой — создает узнаваемый облик городов Кольского Севера. Рельеф, именуемый населением «сопками», — то, к чему привязываются горожане, о чем скучают, переехав в другие регионы. Аналогичные чувства вызывают городские водоемы, большие расстояния между поселениями, наличие дикого природного пространства в черте города. Все это в совокупности — область топофилии, ценностный ряд для горожан Кольского Севера. 150 респондентов (33 %) считают природу преимуществом городов Севера (*Банальная любовь к этой природе и родным местам города. У города и местности есть шарм. Настоящая зима, красивая природа, северное сияние, зимние развлечения*), акцентируют внимание на исключительности северной природы (*Приятно осознавать, что живешь в уникальном регионе и для тебя привычны такие явления, как северное сияние, что для других в диковинку*). Даже на первый взгляд приземленные высказывания: *Нет такого обилия жутких насекомых; Отсутствие растений-аллергенов (лично у меня); Нет змей, клещей и прочей нечисти* — отражают идею чистоты севера, близкую образу, созданному В.С. Высоцким в песне «Белое безмолвие», ставшей своего рода гимном севера России: «Воронье нам не выклевает глаз из глазниц — Потому что не водится здесь воронья» [1972]. Природное в арктическом городе любимо, оно цепляет, вызывает широкий спектр положительных чувств от умиления до гордости, потребность защищать и необходимость позиционировать и продавать как уникальный продукт региона: *Север — настоящий подарок для любителя путешествовать — у нас потрясающая природа, интересные населенные пункты, горные и водные маршруты, полярные сияния, за которыми едут со всего света.*

Показательно малое число отзывов об эстетике городской среды (20/5 %), судя по всему не столь значимой для северян. Наблюдается субъективность оценок: для кого-то «серость» городов Арктики — мрачна, депрессивна и не эстетична, а кто-то в серых домах на серых скалах

видит гармонию и суровую, брутальную красоту. Возможно, что красота вне функциональности северян не привлекает, так как наличие инфраструктуры и качество дорог волнует значительно большее число опрошенных, причем воспринимаются подавляющим большинством информантов негативно: так считают 94 респондента (21,5 %). Жителей городов Мурманской области отталкивают *убитые дороги, убогие магазины, ужасное состояние дворовых территорий*, нерегулярная и некачественная очистка снега, то, что *«город не строится»*.

Аспект благоустройства был отмечен и в экспертных интервью: акцентируется, что инфраструктура северных городов должна быть гибче: при сокращении населения часть районов должна трансформироваться, например, в рекреационные зоны во избежание «эффекта разбитых окон». Законсервированные разрушающиеся здания стали привычным элементом городского пейзажа в ЗАТО региона, создавая ощущение умирающих поселений. Кроме того, необходимо адаптировать дизайн под климатические условия: *Должны быть места какие-то с навесами от дождя и снега, карманы, защищающие от ветра, чтобы можно было отгородиться от ветра и сидеть в этой штучке, например. У нас темно, но нужны не просто фонари понатыканные: подсветка должна быть рассчитана на то, что люди там что-то делают. Должны быть какие-то крытые зоны, в которых дети зимой могли бы поиграть, необязательно отапливаемые, но защищенные от метели, чтобы там было светло, чтобы нормально люди проводили время, а не просто вышли, проскочили и побежали.*

На наш взгляд, значимым с точки зрения жизнестойкости городов Мурманской области является уровень жизни северян, снижение которого исследователи связывают с причиной оттока населения в регионе [Корчак, 2019, с. 11]. Однако только 39 респондентов (9 %) упомянули уровень жизни как привлекательный фактор жизни на Севере. Этот же фактор, но уже как причину непривлекательности региона назвали 142 чел. (32 %). В ответах заметны противоречивые суждения о благополучии/неблагополучии северян: с одной стороны, отмечается более высокий доход по сравнению со средней полосой, с другой — указывается на маленькие зарплаты при высоких ценах и завышенных, с точки зрения горожан, тарифах ЖКХ, ценах на квартиры и даже проезд в общественном транспорте. Респонденты негативно характеризуют образование в регионе. Особенно тревожно сокращение числа студентов. Если в 2005–2006 гг. на 10 тыс. чел. в Мурманской области приходился 461 студент, то в 2018–2019 — только 106, что подтверждает алармистские прогнозы: в регионе действительно происходит «вымывание» интеллектуального потенциала. По мнению экспертов, миграционные установки абитуриентов определяются семейным и школьным социумом: *и родителя, и учителя настраивают детей на отъезд из региона, на получение образования за его пределами (Ж., 50 л.)*, и в результате обучение в вузах столиц стало стандартным сценарием: *отучился в школе, уехал поступать.*

Культурно-досуговая сфера устраивает и не устраивает примерно одинаковое число опрошенных (21 (5 %) против 19 (4 %)). Респонденты, настроенные критически, жалуются на нехватку культуры, засилье торговых центров: *Мы все в детстве помним книжные магазины на Пяти углах — они все замещены магазинами. Очень мало осталось культурных точек. Торговые центры, они, в том числе и символически,— просто съедают город.*

Уровень экологического благополучия городов чаще рассматривается как низкий: отмечается и загрязненность Мурманска угольной пылью, и наличие «вредных» предприятий, и повышенный уровень радиации, что в совокупности с характеризующим респондентами как плачевное состоянием системы здравоохранения ведет к росту заболеваний. Эксперты в интервью отмечают, что в регионе *высокий процент онкологических заболеваний. Заболевания суставов достаточно распространены, то, что связано с нехваткой витамина Д и отсутствием солнца.* В вопросе северных льгот наблюдается амбивалентность. С одной стороны, северяне дорожат льготами, считают их значимой привилегией. С другой стороны, респонденты отмечают формальный характер полярного коэффициента и надбавки к зарплате: северная зарплата от среднеполосной существенно не отличается, поэтому тема надбавок вызывает у северян раздражение.

Работа и карьера — тоже неоднозначный параметр измерения региона. Фраза *«из-за отсутствия перспектив для молодежи большинство моих друзей уехали из области»* отражает стереотип, согласно которому перспективную, хорошо оплачиваемую работу ни в Мурманске, ни в других городах области молодежи не найти. Работающее население региона, напротив, высоко ценит и само наличие работы, и *возможность заниматься любимым делом.*

Последний в списке индикатор пространства — геополитическое положение региона, причем приграничность рассматривается как привлекательная черта жизни в городах Арктики (*близко живем*

от Москвы, Норвегии, Европы; В регионе и ближайшей Скандинавии проходит множество международных культурных мероприятий, в которых всегда интересно принять участие), а удаленность от центра России — как негативная характеристика, особенно из-за стоимости проезда.

Хронос как индикатор отношения к региону

Число реакций, позволяющих оценить временные параметры жизни северных городов, немногочисленно — всего 27 позитивных и 36 негативных. Спокойствие и наличие свободного времени на Севере — особая ценность, обусловленная стремлением к уюту, теплу, дому в зимнее время и природе в летнее. Успеть «поймать погоду», «захватить солнце/лето» — специфика отношения северян ко времени: *Анекдотичная фраза — «Как ты провел лето? — «Прошло мимо меня, я в этот день работал», это же классика жанра для всех северян. В Мурманске к ней относятся как к серьезному моменту, что упустил сегодня, не факт, что будет завтра.*

Если восприятие полярного дня может быть положительным, то полярной ночи — почти никогда: *После того, как заканчивается полярная ночь, после того, как проходит знаменитый «Праздник солнца» в последнее воскресенье января, возникает некое ощущение — всё, завтра уже весна, надежда на лучшее, на новое. Это мы пережили.*

Более значима для жителей севера линейная составляющая времени, причем обращенность в будущее эмоционально важнее осознания прошлого: 48 — характеризуют будущее и только 2 — прошлое Кольского Севера, причем если прошлое характеризуется как «славное», то будущее видится неоднозначным. Горожане не видят перспектив, считая это основным фактором, способствующим оттоку населения: *В городе ничего не развивается кроме супермаркетов и торговых центров. Скоро станет городом-призраком.* Наиболее пронзительная характеристика дана в развернутой метафоре болезни города: *Мне кажется, что Север сейчас болеет. Дай бог, чтобы это было не онкологическое заболевание или не его последняя стадия. Очень хочется, чтобы Север когда-нибудь начал выздоравливать, но сейчас я не вижу здесь перспектив и для населения в целом, и, к сожалению, для себя лично.*

Столь безотрадное видение будущего Севера и Мурманска во многом обусловлено положением дел в рыбной отрасли, с конца 90-х находящейся в кризисном состоянии. Продажа судов, упадок рыбного порта, цены на рыбу — все это в совокупности воспринимается как трагедия. Рыбная сфера составляла особую гордость для жителей края, была своего рода миссией региона, формировавшей понятные всем образы и ценности. Утрата понятной роли (*мы же рыбой всю страну кормили!*) достаточно больно ударила по региону, а особенно по Мурманску. Оставшиеся компоненты стратегического назначения, такие как горнодобывающая отрасль и флот, с Мурманском напрямую не связаны, туризм пока тоже не воспринимается большинством как то, чем город может жить.

Антропос: модели поведения населения

Значимость социального окружения как фактор привлекательности жизни в арктических городах обозначена 118 респондентами, что составляет 27 % опрошенных: респонденты отметили важность дружеских и семейных связей, открытость земляков, их особый «северный характер»: *Люди хорошие, не прогневившие еще; Отличные люди; Северяне менее зашоренные, открытые новому.*

В интервью 2020 г. был сделан акцент на выявление отличительных черт северянина и причин, сформировавших поведенческие нормы. Обозначим те свойства характера жителей севера, которые способствуют жизнестойкости. Одним из свойств, значимым для северян, респонденты считают готовность к трудностям: *Есть какой-то предмет гордости, когда говорят «мы — северяне», это некий вызов, противопоставление жителям средней полосы, он присутствует до сих пор,* свойственная жителям северных городов определенная бравада в отношении превратностей погоды, судьбы. Эта готовность обеспечивается высокой степенью адаптивности северян, климатом, спецификой труда в море, шахте, где зачастую от скорости реакции зависит жизнь. Север предъявляет требования равным образом и к мужчинам, и к женщинам, так как довольно распространенная поведенческая модель жены рыбака и моряка — не только ожидание мужа, но и роль главы семьи в долгий период рыбацких рейсов или морских походов. Готовность к трудностям связана с высокой креативностью населения, так как инновационный путь решения проблемы в силу сложных климатических условий зачастую единственный возможный на севере. Социальный тип инноватора значим для жизнестойкости городов Арктики, так как формирует новые модели ее освоения.

В советский период практически любой житель арктического города воспринимался средней полосой и югом как богатый, к тому же моряки и рыбаки имели доступ к бонам, магазинам «Березка», «Альбатрос»: *Северяне воспринимались, как дающие, потому что брать нам было нечего. Да, мы чуть-чуть получше живем, чем остальные регионы, или существенно получше, но при всем при том в нас это и эксплуатировалось. Мне кажется, что эта открытость, в принципе, сохранилась. Все-таки на Севере я в меньшей степени встречаю этот меркантильный тип и стремление на ком-то заработать, чтобы обеспечить себе проживание на тот или иной хронологический период. А на юге все-таки это закреплено.* Привычка легко отдавать и делиться, безусловно, представляет ресурс для выживания, обеспечивает взаимопомощь: в интервью были озвучены истории из 90-х, когда, например, семьи военных делились пайком с гражданскими соседями, знакомые и соседи присматривали за детьми друг друга и т.п.

С точки зрения интервьюируемых, северянам свойственны спокойствие, открытость, что обусловлено спецификой заселения региона. Краеведы отмечают, что русские, осваивая Север, столкнулись с саамской, карело-финской и норвежской культурами, и стратегия сотрудничества была принципиально важной для выживания формирующегося населения [Ушаков, 1972, с. 312–313]. Сотрудничество же, наряду с романтизмом первооткрывателей и строителей, было доминантной тенденцией и в советский период, когда на Кольский Север прибыло значительное число представителей разных национальностей, культур и социальных слоев: *Мы же все приезжие, мы все навезли сюда совершенно разных культур и образовали какой-то синтез.*

Открытость, ориентация на сотрудничество, по мнению наших респондентов, свойственны северянину и сейчас. Они наиболее ярко проявляются в ментальном поведении нового «северного кочевника» [Федоров, 2019, с. 42] или, по А.В. Головневу, «неономада» [2018, с. 7] — человека, который ориентирован на коммуникации, освоение нового, движение для него — своеобразный способ противостоять реальности, а преодоление расстояний и границ, как внешних, так и внутренних, — ключевая потребность [Bachelard, 2007]. *Для меня идея отсутствия «железного занавеса» очень важна. Я человек свободный, и в силу того, что я перемещаюсь очень часто, и в силу того, что для меня это очень важные вещи — возможности коммуникации с представителями другой культуры, — я, наверное, человек мира. Я уверена, что адаптировалась бы в любой точке; Есть люди, которые работают на два города, в том числе люди, которые живут в Питере и работают в Мурманске.*

Данный тип весьма распространен среди второго поколения переселенцев региона, утративших связи с родиной родителей, но не в полной мере ощущающих себя дома и на Севере (подробнее об этом в: [Hohmann, Burtseva, 2017]), что А. Sayad [1999] назвал двойным отсутствием.

Мурманская область интерпретируется как регион с высокой долей укорененного населения [Иванова, Клюкина, 2017, с. 193], но данное утверждение спорно, так как миграционная активность — важнейшая черта северных городов [Степуть, Симакова, 2018, с. 1872]. Является ли это скрытым потенциалом жизнестойкости или наносит ей ущерб — вопрос неоднозначный. С одной стороны, текучесть населения не дает сформироваться не только «корням», но даже «почве» для их закрепления, с другой — постоянное обновление населения и информационный обмен делают регион динамичным и способным к развитию.

Но важнее для жизнестойкости городов ментальная модель не «номада», а «хозяина». Хозяину свойственно не только использование территории, но и ответственное отношение к ней. Вне зависимости от социального статуса, хозяйственное отношение может быть присуще как наемному работнику, так и работодателю или самозанятому, и живущему в регионе, и даже сделавшему карьеру в столице, но поддерживающему связи с городом. Примером последнего является телеведущий Андрей Малахов, в период пандемии коронавируса закупивший для больницы Апатитов средства защиты и медицинское оборудование [Викторова, 2020]. Болезненная нехватка хозяйственного, ответственного отношения к северу отражена в следующем нарративе: *когда электричество выключилось, на «Адмирала Кузнецова» кран упал и пробил его насквозь. В другой раз плавучий док утонул, единственный в своем роде на флоте. Страшновато, и это не военная, а какая-то раздолбайская угроза, потому что это все работает ненадлежащим образом и за этим плохо следят. Не хочется стать жертвой глупой аварии.*

Среди традиционных образов человека, обладающих связующей, интегрирующей функцией, в речи информантов отметим рыбака и моряка, формирующих романтику «морских» северных городов. Эти типы несколько по-своему, но все же транслируют традиционные северные практики движения, обеспечивая своеобразное продолжение поморских традиций. Разделяя

точку зрения А.В. Головнева, согласно которой «мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Арктики» [2018, с. 38], полагаем, что выстраивание моделей взаимодействия с природой, формирование умения подстраиваться под сезоны, погоду и местный менталитет здесь первично. Более того, для северян миграция стала естественной моделью жизни, а закреплённость имеет весьма относительную ценность, что наиболее точно и ярко сформулировано А.А. Хлевым: «сколько бы ни был обжит твой персональный угол, он может быть покинут, и покинут относительно безболезненно» [2002, с. 305–306].

Одобряемые и не одобряемые поведенческие модели достаточно показательны: Советский период в жизни северян был связан с моделью *жить одним днем*, не загадывая на будущее и не откладывая денег: *Если сравнить Краснодарский край и Кольский Север — это люди с разных планет. Мы такие раздолбай в финансовых вопросах. Казалось бы, всегда были выше зарплаты в советское время, всегда были выше доходы, полярки, но, чтобы у многих были накопления — нет. Жизнь одним днем. Планирование жизни — последние лет 5–7, а до этого — живем здесь и сейчас, красиво одеться, хорошо есть, выехать отдохнуть*. С одной стороны, подобная модель плохо связана с жизнестойкостью, так как не предполагает финансового запаса живучести, но она же делает северянина более легким на подъем.

Северу присуща патерналистская модель: в силу искусственности большинства городов области, образованных решением свыше, устойчивого представления о том, что город и регион в целом выполняют государственно важную задачу, культивируемой темы особо трудных условий и как следствие — права на привилегии, жителям арктических городов все еще свойственно ждать, что государство о них позаботится. Ожидание благ и легкомысленное отношение к тратам — две стороны одной медали, обусловленные советскими привычками, культом «бесребреничества» в Советском Союзе. Сложившееся представление о «богатстве северян» в какой-то мере вынуждало соответствовать образу. Сейчас местные понимают, что заработать на севере ничуть не проще, чем на юге, а «длинный рубль» сместился в столицы.

Более или менее соответствует описанному стереотипу модель вахтовиков и временщиков. Удобный для большого бизнеса вахтовик, не имеющий в городе социальных связей кроме трудовых, все же оказывает воздействие на его жизнь, причем, как правило, негативное, ослабляющее жизнестойкость. Временщик, как и вахтовик, приезжает на Север с целью получения дохода: он какое-то время находится в регионе вынужденно, так же не склонен вживаться и обживаться, строить, вкладывать во что-либо энергию и средства, так как «жить» планирует в ином месте. Он может приносить пользу региону исключительно на службе или работе, но на социальную жизнь города оказывает большее и чаще негативное влияние, используя город как ресурс. Это своего рода модель «отложенной жизни», когда заработанные средства практически не расходуются в регионе и либо аккумулируются, либо вкладываются во что-либо вне Севера. Жизнестойкость северных городов как вахтовику, так и временщику малоинтересна: они пользуются городской инфраструктурой, но каковы будут последствия их деятельности — как для городских сообществ, так и для природы, — им совершенно не важно. Понятно, что расширение вахтовых методов освоения северных ресурсов тревожит постоянное население, во-первых, потому что нанимать вахтовиков работодателям выгоднее: не надо платить полярные надбавки, предоставлять большой отпуск. Вахтовый метод воспринимается как скрытая угроза подрыва ментальности, повышения криминогенности, ухудшения эпидемиологической обстановки, что подтвердилось в ситуации с коронавирусом [Молодцова, 2020].

Еще одна поведенческая модель выросла из типичных для Кольского Севера практик, связанных с вариациями «походов на природу». Сформировались группы фотографов, гидов, археологов, представляющих собой *конгломерат совершенно разных людей по вкусам, интересам и реализующих новую модель освоения региона, его художественное, творческое осмысление*. Такое «народное», по словам одного из экспертов, краеведение — очередная попытка освоения Севера. В совокупности с исследователями и художниками, романтики-энтузиасты участвуют в производстве новых смыслов, необходимых для жизнестойкости молодых городов региона.

Заключение

В статье обосновывается применение тройственной системы индикаторов жизнестойкости города: не только топоса и хроноса, но и антропоса, поскольку и человек определяет их жизнестойкость привязанностью и ослабляет — равнодушием и негативом. Проведенная диагностика «социального самочувствия» городского населения [Недосека, Карбаинов, 2019] показала, что жители урбанизированной части Кольского Севера как наиболее болезненные составляющие

города трактуют климат и полярную ночь, экологическую обстановку, уровень жизни, состояние системы образования и инфраструктуры. Природа, социальные связи, эстетичность города, его ритм и стиль жизни, приграничное положение, историческая роль и стратегическое значение — сильные стороны городов Мурманской области. Будущее городов региона — та сфера, которая особенно тревожит: жители не видят перспектив развития региона, не понимают или не разделяют той роли, которую регион играет сейчас, что особенно наглядно в Мурманске. В сознании его населения значим образ города-порта, кормившего страну, что диссонирует с реальным положением дел в рыбной отрасли. На смену этому образу пока не пришло что-то равнозначное: то, что горожане трактовали как миссию, вытесняется ощущением, что север используют, не давая ничего взамен. Тем не менее город все-таки обращен в будущее, что представляется важным в контексте его жизнестойкости. Исследование временной составляющей жизни города может рассматриваться как перспективное направление научного поиска.

Социальное измерение хронотопа в ответах респондентов представлено чаще в положительном свете: свойства, присущие северянам, включают в себя открытость, гибкость, креативность, готовность к трудностям, что является потенциалом жизнестойкости арктических городов. Выявленные модели ментального поведения не столь однозначны: изолированный вахтовик оптимален с точки зрения обеспечения гибкости той или иной отрасли, однако ситуация с распространением коронавируса в Мурманской области демонстрирует уязвимость как самих вахтовиков, так и города. Вахтовики оказались легко подвержены заражению, а выезжая в город, подвергли опасности его жителей. Модель отсроченной жизни временщика трактуется как негативно влияющая на жизнь города, как в материальном аспекте, так и в социальном, поскольку временщик не только использует территорию, не думая о последствиях, но, транслируя индивидуализм, нивелирует ценности городского сообщества. Не выраженная на севере традиционная модель привязки к земле, свойственная крестьянину, выражается здесь привязкой к морю, тундре, за которыми стоит движение, мобильность, противоположные оседлости. Эта традиционная номадность дает региону и смыслы, и романтику. Близкая предыдущей миграционная модель предельно открытого миру человека делает регион динамичной, контактной средой, что скорее способствует жизнестойкости. Инноватор, обладающий свойством трансформировать привычные схемы в новые, является бонусом в контексте жизнестойкости, но только если не склонен к разрушению. Модель освоения, присущая хозяину, достаточна редка на севере в ее классическом варианте предпринимателя, но явлена в специалистах, профессионалах. Для городов Кольского Севера, в силу молодости региона, важна модель осмысления, свойственная исследователю и художнику. Данная категория сейчас активно пополняется энтузиастами, взявшими на себя функцию первопроходцев в сфере туризма. Новые смыслы, в ряде случаев граничащие с мифотворчеством, могут стать и новой идеей городов, способствуя их жизнестойкости.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта (18-05-60088) «Устойчивость развития Арктических городов в условиях природно-климатических изменений и социально-экономических трансформаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
- Говорова Н.В.* Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 52–61. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52.
- Головнев А.В.* Кочевники Арктики: Искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45.
- Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А.* Жизнестойкость арктических городов: Анализ подходов // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2020. (В печати).
- Иванова М.В., Клюкина Э.С.* Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 180–198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.
- Корчак Е.А.* Роль трудового потенциала в устойчивом развитии арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 5–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5.
- Митрофанова Е.Н.* «Два мужества»: К концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник ПГГПУ. Сер. № 1, Психологические и педагогические науки. 2018. № 1. С. 17–26.

Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. Социальное самочувствие жителей постсоветского моногорода (на примере г. Сокола) // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28390>. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.2.

Степуть И.С., Симакова А.В. Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: Количественный и качественный аспекты // Региональная экономика: Теория и практика. 2018. Т. 16. № 10. С. 1872–1887. DOI: 10.24891/re.16.10.1872.

Тиллих П. Мужество быть // П. Тиллих. Избранное. М.: Юрист, 1995. С. 7–13. URL: <http://psylib.org.ua/books/tilip01/index.htm> (дата обращения: 16.04.2020).

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.

Федоров П.В. Между Белым и Баренцевым: Путеводитель по культурному пространству новых кочевников эпохи урбанизации. СПб.: МБИ, 2018. 181 с.

Хлезов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа в I–VIII вв. СПб. Евразия, 2002. 336 с.

Шарова Е.Н., Бурцева А.В. Современная демографическая ситуация на Кольском Севере: К вопросу о присутствии человека в Арктике // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1. С. 68–73. DOI: 10.24158/TIPOR.2020.1.9/.

Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «Восьмиугольная» модель // Социология: Методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 38. С. 38–71.

Bachelard G. L'air et les songes. Essai sur l'imagination du mouvement. P.: Le livre de Poche, 2007. P. 5–26.

D'Epinay L. Time space and socio-cultural identity: The ethos of proletariat small owners a peasantry in an aged population // Intern. social science journal. 1986. № 1 (38). P. 89–103.

Hohmann S., Burtseva A. Murmansk on the Move: Trajectories and Representations from the South Caucasus in a Polar City // Urban Sustainability in the Arctic. Visions, contexts, and challenges. Washington DC: GWU, 2017. P. 469–479.

Sayad A. La double absence: Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré. P.; Seuil: Liber, 1999. 438 p.

Zamyatina N., Goncharov R. Arctic urbanization: Resilience in a condition of permanent instability. The case of Russian Arctic cities // Resilience and Urban Disasters Surviving Cities. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. P. 136–154.

Источники

Викторова И. Малахов купил маски, жених Бузовой раздал гречку, Седокова перевела деньги старикам: Как звезды помогают людям на карантине // Комсомольская правда. 2020, 4 апр. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27113/4191334/> (дата обращения: 16.04.2020).

Высоцкий В.В. Белое безмолвие, песня из кинофильма «72 градуса ниже нуля» // Владимир Высоцкий. Произведения. URL: <http://www.wysotsky.com/1049.htm?253> (дата обращения: 16.04.2020).

Молодцова Е. Статистика заражения коронавирусом в Мурманске на 15 апреля 2020 года: Больше 77 % заболевших — это рабочие со стройки в Белокаменке // Комсомольская правда. 2020, 15 апр. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/3837723/> (дата обращения: 16.04.2020).

Перечень важнейших показателей социально-экономического развития Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/region/ser_mo/ (дата обращения: 16.04.2020).

A.V. Burtseva^a, E.N. Sharova^a, S. Hohmann^b

^a Murmansk Arctic State University
Captain Egorov st., 15, Murmansk, 183038, Russian Federation
^b INALCO Centre de Recherche Europes-Eurasie
65 rue des Grands Moulins, Paris, 75013, France
E-mail: alexandraburtseva@yandex.ru;
kateshar1@yandex.ru;
so_hohmann@hotmail.com

Resilience of the Kola North cities in spatial, temporal and anthropological dimensions

This paper reports the results of field studies carried out in November 2018 in the towns of Murmansk Oblast and in February — March 2020 in the city of Murmansk. The research was aimed to evaluate resilience of the Kola North as the most extensively urbanized northern region and of Murmansk as the largest city above the Arctic Circle. The material for the paper is based on the poll data of 444 residents of Murmansk Oblast and interviews of 23 residents of Murmansk. A residence-stratified sampling model combined with sex and age quotas has been employed. On the basis of research on resilience in psychology and theory of time-space of Mikhail Bakhtin, the authors conduct analysis of the perception of the population towards the elements of urban chronotopos: time (chronos), space (topos), and human (anthropos), which either repel the population, thus weakening the resilience, or attract it, hence strengthening the resilience. The level of resilience of a region is firmly bound to the population attitude towards it, and apathy towards the city, let alone hatred, take a heavy toll on the resilience of the cities in the Arctic Zone of the Russian Federation, instilling conditions for weakening bonds between people and the dwelling and causing decay of the social climate. In this paper, we identify problematic urban areas inducing negative emotions of the population (climate, ecology, standard of living, state of the education and infrastruc-

ture, a lack of ideas and perspectives of development which are clear to the urban residents) and strong points enhancing the resilience (natural environment, social links, pace of living, frontier location, understanding of historical role and strategic importance). Models of mental behavior which have effect on the urban resilience have been identified. It is argued that temporary and shift workers have negative effect on the urban resilience, whereas positive influence comes from traditional and new nomads, innovators, proprietors and amateur researchers. Traditional nomads of the Kola North — fishermen and seamen — create the image and mission of the cities understandable to their residents. The model of a new nomad brings dynamics and hospitability to the region. The innovator creates new models of development of the territory, while the proprietor explores the North and looks after it. The model of special importance for the cities of the Kola North is that of exploration, characteristic of researchers and artists, since new values may become new ideas of the cities supporting their resilience.

Key words: *chronotope, topophilia, topophobia, topos, chronos and anthropos, region's social space, migration, settledness, resilience.*

REFERENCES

- Bachelard G. (2007). *L'air et les songes. Essai sur l'imagination du mouvement*. Paris: Le livre de Poche.
- Bakhtin M.M. (1975). *Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes towards a Historical Poetic*. Moscow: Khudozh. lit. (Rus.).
- D'Epinay L. (1986). Time space and socio-cultural identity: The ethos of proletariat small owners a peasantry in an aged population. *International social science journal*, 38(1), 89–103.
- Golovnev A.V. (2018). Arctic Nomads: The Art of Movement. *Etnografiya*, (2), 6–45. (Rus.). DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45.
- Govorova N.V. (2018). Human capital — a key factor of the Arctic economic development. *Arktika i Sever*, (31), 52–61. (Rus.). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52.
- Hohmann S., Burtseva A. (2017). Murmansk on the Move: Trajectories and Representations from the South Caucasus in a Polar City. In: M. Laruelle, R. Orttung (Eds.). *Urban Sustainability in the Arctic. Visions, contexts, and challenges*. Washington DC: GWU, 469–479.
- Ivanova M.V., Kliukina E.S. (2017). Contemporary preconditions for the future of the arctic labor resources. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (6), 180–198. (Rus.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.
- Khlevov A.A. (2002). *Harbinger of the Vikings: Northern Europe in the I–VIII centuries*. St. Petersburg: Evraziya. (Rus.).
- Korchak E.A. (2019). The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever*, (36), 5–23. (Rus.). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5.
- Mitrofanova E.N. (2018). «Two courage»: To the concept of resilience S. Muddy. *Vestnik PGGPU. Psichologicheskie i pedagogicheskie nauki*, (1), 17–26. (Rus.).
- Nedoseka E.V., Kurbainov N.I. (2019). Social Well-Being of Residents of the Post-Soviet Monotown: (Case Study of the Town of Sokol). *Social area*, 22(5). (Rus.). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.2.
- Sayad A. (1999). *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris; Seuil: Liber.
- Sharova E., Burtseva A. (2020). The current demographic situation in the Kola North: Concerning human presence in the Arctic. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (1), 68–73. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.1.9>.
- Shteinberg I.Ia. (2014). A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An «8-Window Sample Model». *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. (4M)*, (38), 38–71. (Rus.).
- Stepus' I.S., Simakova A.V. (2018). Migration flows of higher-ed graduates to work in the Arctic Zone of Russia: Quantitative and qualitative aspects. *Regional'naya ekonomika: Teoriya i praktika*, 457(10), 1872–1887. (Rus.). Retrieved from: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>.
- Tillich P. (1995). The courage to be. N.Y., 1952. In: P. Tillich. *Favourits*. Moscow: Iurist, 7–13. (Rus.). Retrieved from: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm>.
- Ushakov I.F. (1972). *Kola land*. Murmansk: Kn. izd-vo. (Rus.).
- Zamiatina N.Iu., Medvedkov A.A., Poliachenko A.E., Shamalo I.A. (2020). The resilience of Arctic cities: An analysis of approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. (In print). (Rus.).
- Zamyatina N., Goncharov R. (2018). Arctic urbanization: Resilience in a condition of permanent instability. The case of Russian Arctic cities. In: K. Borsekova, P. Nijkamp (Eds.). *Resilience and Urban Disasters Surviving Cities*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 136–153.

Бурцева А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

Шарова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

Оман С., <https://orcid.org/0000-0001-6430-4191>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подписанными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подписанных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Key words;

— Figure captions (подписанные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. DOI: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
БНЦ УрО АН СССР — Башкирский научный центр УрО АН СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
ГУТО ГАТ — Государственный архив в г. Тобольске
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН
ИПОС ТюмНЦ СО РАН — Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН
ИЭА АН СССР (РАН) — Институт этнологии и антропологии АН СССР (РАН)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПМА — полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
УИВ — Уральский исторический вестник
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
УФСБ по Омской области — Управление федеральной службы безопасности по Омской области
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (50)

2020

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
С.В. Святко

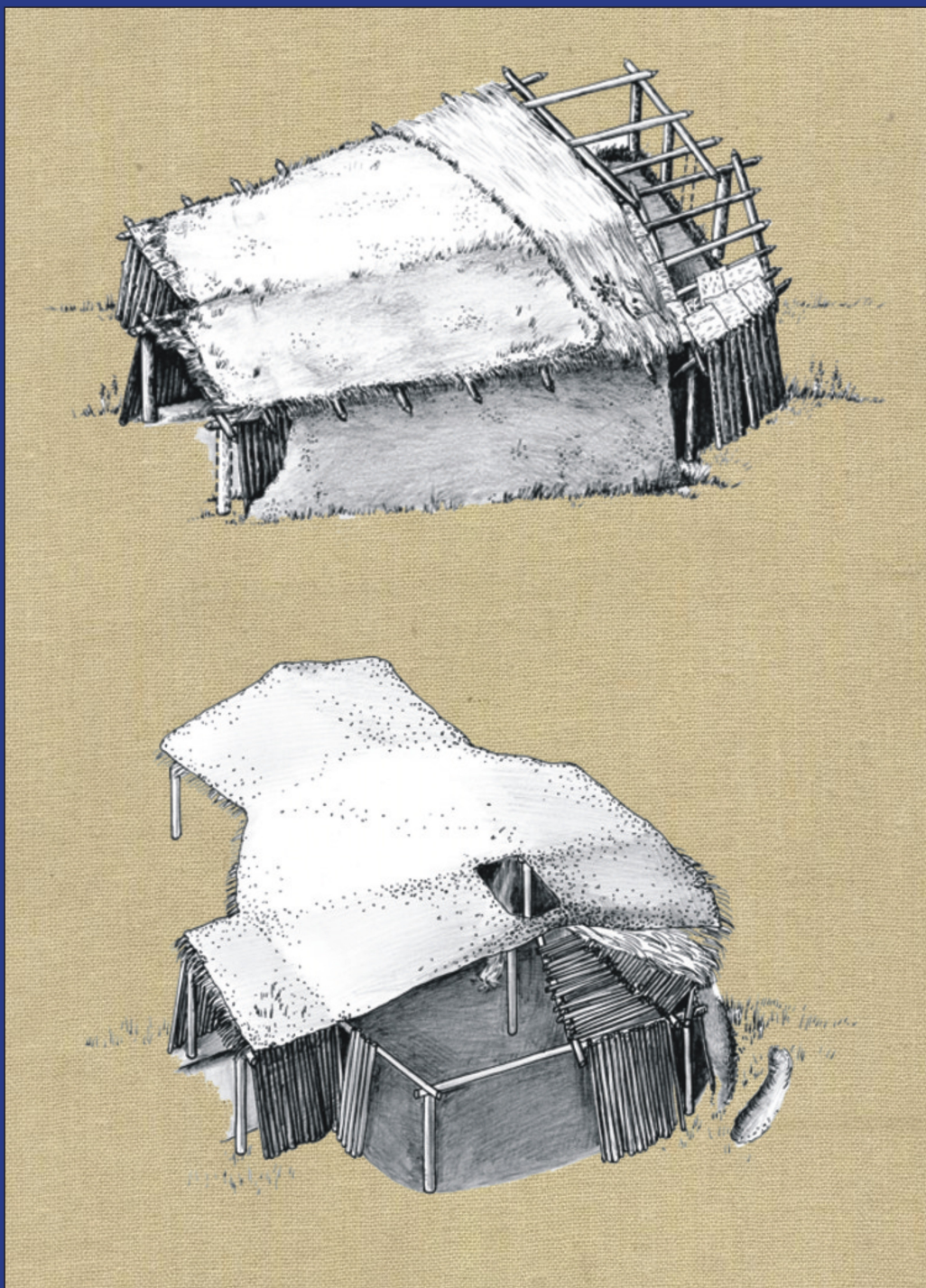
*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 28.08.2020. Уч.-изд. л. 22,8. Объем 55 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

Реконструкция жилищ карагай-аульского этапа
восточного варианта итульской культуры

Тюменский научный центр СО РАН
Подписной индекс 80385
Каталог Агентства Роспечать «Журналы России»